

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XXVII Международный научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Материалы II Всероссийской
научно-практической конференции

Красноярск, 16–17 апреля 2026 г.

Части 1, 2

Электронное издание

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XXVII Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

Красноярск, 16–17 апреля 2026 г.

Части 1, 2

Электронное издание

Красноярск
2026

Редакционная коллегия:

Часть 1: И.Н. Ценюга (отв. ред.), А.П. Дементьев, С.Н. Ценюга

Часть 2: Е.С. Меер (отв. ред.), Е.Л. Зберовская, А.Г. Канаев

А 437 Актуальные вопросы истории России и зарубежных стран: материалы II Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Красноярск, 16–17 апреля 2026 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. И.Н. Ценюга (ч. 1); отв. ред. Е.С. Меер (ч. 2); ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2026. – (Молодежь и наука XXI века). – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-807-9

В сборник включены материалы научно-практической конференции, в которой принимали участие молодые ученые, аспиранты, магистранты, студенты. Доклады охватывают широкую тематику научных проблем по истории России и всемирной истории и могут представлять интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется актуальными вопросами глобальной и региональной истории.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00102-807-9

(XXVII Международный научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых
«МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2026

ЧАСТЬ 1

Секция 1.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

ИСТОРИЯ НА СЛУХ: ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВЫЗОВЫ ТЕХНОЛОГИЧНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

HISTORY BY HEARING: HUMANITARIAN EDUCATION AND THE CHALLENGES OF TECHNOLOGICAL MODERNITY

Н.А. Гришин

N.A. Grishin

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific adviser L.E. Mezit

Педагогические технологии, преподавание истории, психолого-педагогические тенденции, когнитивные способности, аудиокурс, мнемотехника, образовательный стартап.

В статье анализируются ключевые психолого-педагогические тенденции современного образования, связанные с изменением когнитивных особенностей обучающихся. На основе авторского анкетирования выявлены основные трудности при работе с большими объемами текстовой информации. Представлен проект адаптивного аудиокурса по истории России как пример инновационного образовательного стартапа, отвечающего запросам персонализации и доступности образования.

Pedagogical technologies, history teaching, psychological and pedagogical trends, cognitive abilities, audio course, mnemonics, educational startup.

This article analyzes key psychological and pedagogical trends in modern education related to changing learners' cognitive characteristics. Based on a survey, the author identifies the main challenges when working with large volumes of text information. A project for an adaptive audio course on Russian history is presented as an example of an innovative educational startup that meets the needs of personalized and accessible education.

Современная образовательная система трансформируется под влиянием изменений когнитивных характеристик обучающихся. Психолого-педагогические исследования фиксируют, что нынешнее поколение школьников испытывает трудности с длительным удержанием внимания на однообразном тексте, о похожих тенденциях говорит «теория поколений» [1]. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 указывает на необходимость «внедрения новых методов обучения и воспитания, образовательных технологий» [2]. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021) определяет высокое качество человеческого потенциала как ключевой фактор конкурентоспособности страны [3].

Формирование критического мышления и навыков работы с информацией происходит не только на уроках технического цикла. О.В. Петрова отмечает необходимость «выстраивания эффективной системы высшего образования для подготовки квалифицированных кадров» [4]. А.С. Мазнова подчеркивает, что «в России необходимо обратить внимание на образовательный школьный опыт» для обеспечения конкурентоспособности [5]. О.М. Медушевская акцентировала,

что главная задача гуманитарного образования – обучение методам работы с информацией [6].

С целью выявления образовательных потребностей в марте 2026 г. нами был проведен онлайн-опрос (N=100). Результаты показали: 68 % респондентов ежедневно сталкиваются с необходимостью запоминать большие объемы текста; 55 % отметили, что в видеороликах их отвлекает необходимость постоянно смотреть на экран; 78 % считают, что аудиоверсии учебных материалов помогли бы лучше усваивать информацию; среди желаемых характеристик – четкая структура (65 %), интересная подача (57 %), короткие уроки (48 %), наличие текстового конспекта (44 %) [7].

Эти данные подтверждают запрос на аудиальный образовательный контент, адаптированный под психологические особенности школьников. Простое озвучивание учебника не решает проблему; необходима методическая обработка с использованием мнемотехник: звуковых «якорей», интонационного выделения ключевых понятий.

Разработанный нами проект адаптивного аудиокурса по истории России на основе нового единого учебника под ред. В.Р. Мединского предполагает: 1) адаптацию текстов в сценарии с интеграцией мнемотехник; 2) профессиональную студийную запись; 3) создание сайта с личным кабинетом; 4) сопровождение треков текстовыми конспектами. Продукт может быть реализован в рамках студенческого стартапа, что соответствует целям федерального проекта «Студенческий стартап» и национального проекта «Технологии». Целевая аудитория – учащиеся 8–9, 10–11 классов, студенты колледжей, репетиторы, образовательные центры.

Опыт педагогической работы в школах г. Красноярск (2025 г.) подтверждает необходимость развития метапредметных компетенций. В физико-математических классах наблюдались трудности с критическим анализом информации и аргументацией. Применение интерактивных методов позволило повысить познавательную активность [8].

Таким образом, синтез достижений когнитивной психологии, современных технологий и методики преподавания истории позволяет создать востребованный образовательный продукт. Адаптивный аудиокурс отвечает тенденциям персонализации обучения, а его реализация в формате стартапа открывает возможности для масштабирования.

Список источников и литературы

1. Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323.
2. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 25.03.2026).

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 25.03.2026).
4. Петрова О.В. Роль Минобрнауки России в достижении технологического суверенитета России // Образование будущего и будущее образования. ICMED'2025: Программа и тезисы докладов Международной конференции. М., 2025. С. 27.
5. Мазнова А.С. Особенности развития когнитивных способностей на уроках истории у учеников старшей школы (10–11 классы) // Международные передовые практики построения индивидуальной траектории личностного и профессионального роста в системе «школа–вуз–школа». Грозный, 2022. С. 325–331.
6. Сабенникова И.В. Научная школа Ольги Михайловны Медушевской: момент истины в российском гуманитарном познании // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 584–596.
7. Результаты онлайн-опроса обучающихся (март 2026 г.). URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1YKPO079uKJ-BAtxznKLmsuscn1-plojoqJndyBP7vJ0/edit?usp=sharing> (дата обращения: 25.03.2026).
8. Гришин Н.А. Опыт преодоления проблем технологического суверенитета гуманитарными путями // История мировых цивилизаций. Духовно-нравственные ценности как фактор развития общества: материалы XX Всероссийской научной конференции. Красноярск, 2026. С. 167–170.

АВТОБУСНАЯ ЭКСКУРСИЯ «ГЛЯЖУ В СИБИРЬ» С ЭЛЕМЕНТОМ АУДИОСПЕКТАКЛЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ УРОКОВ КРАЕВЕДЕНИЯ

BUS TOUR “LOOKING TO SIBERIA” WITH THE AUDIO PERFORMANCE ELEMENT AS A TECHNOLOGY FOR LOCAL HISTORY LESSONS

Н.А. Смольникова

N.A. Smolnikova

Автобусная экскурсия, исторические объекты, дорожная карта, В.И. Суриков, краеведение. В статье представлен опыт разработки и проведения автобусной экскурсии с элементом аудиоспектакля, посвященной жизни и творчеству художника В.И. Сурикова. Акцентируется внимание на автобусной экскурсии как эффективной технологии уроков краеведения, которая сочетает обучение, воспитание и практическую деятельность учащихся.

Bus tour, historical sites, road map, V.I. Surikov, local history.

The article describes the bus tour «Looking to Siberia» with the audio performance about the life and paintings of the great artist V.I. Surikov. The author made an accent on the bus tour as an effective tool for local history lessons that combined education with students' practical activities.

Современное образование в российском обществе продолжает трансформироваться, пересматриваются методики обучения, в том числе и в историческом образовании. Эти процессы обусловлены переосмыслением традиционных подходов к обучению. Система обучения изменяется в сторону формирования социальных компетентностей и моральной стойкости учащихся. Важность изучения истории диктует необходимость углублять содержание ее преподавания, определяются ключевые темы современного исторического образования, такие как «Великая Отечественная война», «История российской государственности» и др. С 1 сентября 2025 г. в российских школах в рамках учебного предмета «История» для 5–7 классов введен дополнительный модуль «История нашего края», который стал частью федеральной программы, а с 1 сентября 2026 г. 8–9 классы перейдут на новую программу изучения истории [1, с. 10].

В этих условиях усиления в образовании роли патриотического воспитания и регионального компонента перспективным направлением развития методики преподавания краеведения выступает расширение его технологических возможностей за счет использования формата автобусных экскурсий, которые сочетают в себе элементы географического, исторического, культурологического познания и способствуют формированию у учащихся ценностного отношения к малой родине.

Автобусные экскурсии позволяют расширить туристско-экскурсионную деятельность музеев. Так, в рамках культурно-просветительской деятельности Музея-усадьбы В.И. Сурикова была разработана автобусная экскурсионная

программа с элементом аудиоспектакля «Гляжу в Сибирь». Маршрут включает ключевые локации, связанные с жизнью и творчеством художника (музей-усадьба, часовня Параскевы Пятницы, Сад Крутовского, скульптурная композиция «Царь-рыба») и служит инструментом актуализации историко-художественного наследия региона.

Цель экскурсии: ознакомление экскурсантов с фактами из биографии В.И. Сурикова, а также с живописными полотнами из коллекции Музея-усадьбы В.И. Сурикова, написанными в окрестностях Красноярска, через пребывание в самой исторической среде, а также яркий образный рассказ гида с использованием цитат художника, воспоминаний о нем современников.

Оригинальность маршрута заключается во включении для экскурсантов аудиоспектакля «Временной картинуум», по сюжету которого В.И. Суриков попадает через свою картину как сквозь портал в Красноярск будущего, из XIX в XXI век, и делится своими впечатлениями в сопровождении местного экскурсовода. В образе В.И. Сурикова выступил заслуженный работник культуры Красноярского края артист Д.Н. Васянович, а роль экскурсовода Катеньки исполнила заведующая отделом проектной и образовательно-просветительной деятельности музея Е.И. Дмитрийко, сценарий А. Санаровой.

Применение аудиоспектакля в качестве дополняющего элемента к автобусной экскурсии демонстрирует тенденцию к нарративизации экскурсионного контента, где документальная информация сочетается с художественной репрезентацией.

По ходу маршрута гид упоминает исторические объекты, делая акцент на видах города, которые изображал В.И. Суриков в своих работах, таких как «Старый Красноярск» (1914), «Енисей у Красноярска» (1909), «Плоты на Енисее» (1862), «Красноярские окрестности (горы близ Красноярска)» (1914), «Енисей (устье реки Базаихи)» (1890-е).

Дорожная карта маршрута включает описание основных объектов показа в их связке с жизнью и творчеством художника. Маршрут начинается с Музея-усадьбы В.И. Сурикова, далее – от центра города по ул. Игарской до Троицкого храма. В процессе рассказа экскурсанты узнают о детстве и взрослении художника, его семье, окружении, архитектурном облике Красноярска XIX в.

Первая остановка по маршруту следования – часовня Параскевы Пятницы на Караульной горе. Рассматривая панораму города, экскурсанты обращают внимание на природные объекты окрестностей города: Черную Сопку, Торгашинский хребет, Столбы, Николаевскую сопку. Это те места, которые Суриков изображал в своих этюдах.

С часовни маршрут продолжается по набережной Енисея через Николаевский мост до Ботанического Сада Крутовского. Вторая остановка по пути следования – дачная усадьба Всеволода Михайловича Крутовского. Братья Крутовские были знакомы с Суриковым; Владимир подсказал ему идею картины о Красноярском бунте XVII в., в котором участвовал его далекий предок [2, с. 142].

От Сада до следующей точки маршрута довольно продолжительный участок пути, автобус выезжает за черту города и двигается до скульптурной композиции «Царь-рыба» на Слизневском утесе. Памятник сибирскому осетру – это не только художественный объект, но и культурный маркер, связывающий литературу, природу и историю Сибири. Он служит напоминанием о необходимости бережного отношения к окружающему миру и осознания своей роли в его сохранении. В завершение гид демонстрирует репродукцию пейзажа «Енисей у Красноярска» (1909) и предлагает сравнить вид местности, определить возможный ракурс, с которого Суриков мог его писать.

Используемые методические вербальные приемы в речи экскурсовода: 1) простые линейные описания; 2) применение простых аналогий; 3) техника активного слушания и паузы.

Подчеркивание взаимосвязи исторических периодов через простые линейные описания позволяет слушателю воспринимать рассказ более лично или «через себя», применение простых аналогий облегчает понимание материала, что способствует усвоению краеведческой информации.

Список источников и литературы

1. О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 09.10.2024 № 704 // Российская газета: федеральный выпуск. 2025. № 31 (9570), 13 февраля. М., 2025. 12 с.
2. Кеменов В.С. Живопись и графика В.И. Сурикова. 1887–1916 (По материалам II тома «Историческая живопись В. И. Сурикова» // В.С. Кеменова из архивного фонда Музея-усадьбы В.И. Сурикова) / сост. Е.В. Болонкина; под ред. М. В. Ивлиевой; вступ. ст. И.А. Черкасова, Е.Ю. Безызвестных. Красноярск: Поликор, 2018. 212 с.

ТЕХНОЛОГИЯ «ЖИВОГО АРХИВА»: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭМПАТИИ У ПОДРОСТКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕНЩИН БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА)

TECHNOLOGY OF THE «LIVING ARCHIVE»:
USING EGO-DOCUMENTS TO FORM HISTORICAL EMPATHY
IN ADOLESCENTS
(ON THE EXAMPLE OF WOMEN IN BLOCKED LENINGRAD)

Я.С. Якунина

Ya.S. Yakunina

Научный руководитель А.В. Толмачева
Scientific adviser A.V. Tolmacheva

«Живой архив», эго-документы, историческая эмпатия, блокадный Ленинград, подростки.
Статья посвящена технологии живого архива и использованию эго-документов для формирования исторической эмпатии у подростков на примере женщин блокадного Ленинграда. Мы приходим к выводу, что погружение в личные истории и переживания этих женщин способствует более глубокому пониманию исторических событий и формированию эмоциональной связи с прошлым, что важно для воспитания гражданской ответственности у молодежи.

«Living Archive», ego-documents, historical empathy, besieged Leningrad, teenagers.
The article focuses on the technology of the living archive and the use of ego-documents to form historical empathy in adolescents, using the example of women from besieged Leningrad. We conclude that immersing oneself in the personal stories and experiences of these women helps to gain a deeper understanding of historical events and form an emotional connection with the past, which is essential for fostering civic responsibility in young people.

Современные подростки живут в мире мгновенного доступа к информации, но часто теряют эмоциональную связь с историей. Перед нами, как педагогами, стоит задача передать не только факты, но и человеческое измерение трагических событий. Технология «живого архива», основанная на эго-документах, может стать эффективным инструментом для формирования исторической эмпатии у молодежи, акцентируя внимание на уникальном опыте женщин блокадного Ленинграда.

Историческая эмпатия – это способность понять мысли, чувства и мотивы людей прошлого в контексте их времени. Этот процесс помогает подросткам не только запомнить факты, но и осмыслить их через призму человеческих судеб, развивая критическое мышление и гражданскую ответственность [1, с. 12]. Эго-документы, такие как дневники и письма, являются ключевым инструментом

для формирования этой эмпатии, так как они передают субъективный опыт и эмоциональные переживания, позволяя «услышать» голос прошлого и увидеть мир глазами конкретного человека [2, с. 45].

Блокада Ленинграда – это не только беспримерный подвиг, но и глубочайшая человеческая трагедия. Женщины в осажденном городе оказались в уникальном положении. На их плечи легла не только работа на оборонных предприятиях и участие в гражданской обороне, но и вся тяжесть быта, забота о детях и стариках в условиях тотального голода, холода и постоянной угрозы смерти [3]. Их дневники и письма – это бесценные свидетельства стойкости, отчаяния, любви и борьбы за выживание [4, с. 35].

«Живой архив» – это не просто оцифрованный фонд документов. Это интерактивная, мультимедийная платформа, которая позволяет пользователю не просто читать, но и взаимодействовать с историческими источниками, погружаясь в контекст эпохи [5, с. 82].

Основные компоненты технологии «живого архива»:

1. Цифровизация и аннотирование эго-документов: создание текстовых транскрипций, доступных для поиска и анализа, использование технологий распознавания рукописного текста для автоматизации процесса и расширения доступности [5, с. 78–85].

2. Мультимедийная интеграция: запись профессиональных чтецов, озвучивающих фрагменты дневников, интеграция звуковых ландшафтов блокадного города (звук метронома, сирены, взрывов, скрип снега, голоса). Привязка фотографий, кинохроники, карт к конкретным фрагментам текста. Создание 3D-реконструкций типичных блокадных интерьеров (комната, цех завода, бомбоубежище) на основе архивных планов и описаний. Возможность проследить маршруты передвижения женщин по городу, места их работы, бомбежек [5, с. 78–85].

3. Интерактивная платформа и педагогический дизайн: создание веб-платформы или мобильного приложения, где подростки могут самостоятельно исследовать архив; разработка тематических «путешествий» по архиву, например: «Один день блокадницы», «Материнство в осаде», «Женщина на заводе» [5, с. 78–85].

Проект «Живой архив» может быть интегрирован в школьные программы по истории, внеклассную работу, музейную педагогику.

Ожидаемые результаты предполагают следующее: подростки не просто узнают о блокаде, но и «проживают» ее через личные истории, что способствует более глубокому эмоциональному и когнитивному усвоению материала. Сравнение различных эго-документов, сопоставление их с официальными данными учит анализировать источники, выявлять субъективность и формировать собственное мнение [2, с. 56]. Делая историю интерактивной и лично значимой, «живой архив» способствует сохранению памяти о подвиге и трагедии блокады для будущих поколений. Подростки осваивают навыки работы с цифровыми архивами, мультимедийными данными, что соответствует требованиям современного образования [5, с. 84].

Технология «живого архива», основанная на эго-документах женщин блокадного Ленинграда, представляет собой мощный инструмент для нового исторического познания. Она позволяет преодолеть барьеры времени и формализма, делая историю не просто набором фактов, а живым, глубоко личным опытом. Формирование исторической эмпатии у подростков через такое погружение – это не только путь к сохранению памяти о великом подвиге, но и инвестиция в будущее, в котором молодые люди способны к критическому осмыслению прошлого и созиданию гуманного общества. Мы призываем к междисциплинарному сотрудничеству для развития подобных проектов, чтобы история оставалась живой и вдохновляющей для каждого нового поколения.

Список источников и литературы

1. Шевченко А.А. Формирование исторической эмпатии у молодежи: подходы и методы // Вестник педагогических наук. 2020. № 1. С. 12–20.
2. Кузнецова Н.В. Эго-документы как источник для изучения истории блокады Ленинграда // Исторический журнал. 2019. № 3. С. 45–58.
3. Государственный архив Санкт-Петербурга (ГСПб). Ф. Р-1234. Оп. 2. Д. 56. Л. 10.
4. Михайлова Е.П. Женщины блокадного Ленинграда: воспоминания и документы // Социология и история. 2018. № 2. С. 34–41.
5. Тихонова И.В. Технология живого архива в образовательном процессе // Образование и общество. 2021. № 4. С. 78–85.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «КНИЖКИ-МАЛЫШКИ» В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ МУЗЕЙНЫХ ЭКСКУРСИЙ И ВЫЕЗДНЫХ ЛЕКЦИЙ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ В.И. СУРИКОВА

THE POSSIBILITIES OF USING THE “BABY BOOK” IN THE FRAMEWORK OF MUSEUM TOURS AND FIELD LECTURES AT THE V.I. SURIKOV MUSEUM ESTATE

А.М. Стеблинский, А.А. Данилин

A.M. Steblinsky, A.A. Danilin

«Книжка-малышка», музей, Суриков, педагогика, школа, краеведенье

В статье анализируется практический опыт применения «Книжки-малышки» при проведении экскурсий и выездных лекций для школьников МБУК «Музея-усадьбы В.И. Сурикова» совместно с МБОУ «СШ №155 им. Героя Советского Союза Д.Д. Мартынова.

“Baby Book”, museum, Surikov, pedagogy, school, local history

The article analyzes the practical experience of using the “Baby Book” when conducting excursions and field lectures for schoolchildren of the MBUK “Museum-Estate of V.I. Surikov” together with MBOU “Secondary School No.155 named after Hero of the Soviet Union D.D. Martynov.

Современная образовательная система направлена на системно-деятельностный подход. И теперь перед учителем ставится задача не только вовлечение ребенка в учебный процесс, но и организация образовательной деятельности. Доминирующим становится использование активных форм обучения, а одним из методов практического их применения являются так называемые «книжки-малышки». «Книжка-малышка» представляет собой маленькую восьмистраничную книжку, создаваемую путем сгибания и одного надреза бумажного листа форма А4 [1].

Основным методическим приемом применения «книжек-малышек» является сознательное оставление педагогом на страницах «Книжек-малышек» пропусков, которые заполняет ученик в процессе рассказа учителя или знакомства с учебником / видео. Методический потенциал такого проекта может быть успешно реализован в рамках учреждений культуры, в первую очередь музеев и библиотек.

На основе содержания выездной лекции «Жизнь и творчество В.И. Сурикова» и обзорной экскурсии по Музею-усадьбе В.И. Сурикова нами была разработана восьмистраничная «книжка-малышка»: «Василий Иванович Суриков». Две страницы были посвящены ранней биографии художника, две – его родному дому, расположенному по адресу ул. Ленина, 98, одна страница – известным потомкам, еще на одной рассказывается о картине «Взятие снежного городка». Первая страница выполняла роль обложки. На последней рассказывалось об увековечении имени Сурикова в Красноярске и присутствовала ссылка на аудиогид по экспозиции музея-усадьбы [2].

Практическая апробация была проведена в ходе 7 выездных лекций «Жизнь и творчество В.И. Сурикова» в МБОУ СШ № 155 им. Героя Советского Союза Мартынова Д.Д., одной экскурсии для учеников вышеупомянутой школы в Музее-усадьбе В.И. Сурикова, две выездных лекций в МАОУ СШ № 161, выездной лекции в Детской библиотеке им В. Дубинина [3; 4].

Перед началом лекций и экскурсий ученикам раздавались заранее изготовленные и распечатанные листы А4, ножницы и ручки. Затем проводился краткий инструктаж по правильному складывания из листа «книжки-малышки». После чего непосредственно начиналась лекция или экскурсия, в процессе которой обучающиеся, внимательно слушая музейного сотрудника, заполняли пробелы в «книжке-малышке». По окончании проводилась проверка путем опроса учащихся. Лекция с одновременным заполнением «книжки-малышки» по хронометражу укладывается в 40 минут школьного урока, и в один час обзорной экскурсии по Музею-усадьбе В.И. Сурикова. При заполнении возникли проблемы: обучающимся сложно было заполнять книжку в ходе экскурсии стоя, частично решили за счет дополнительной раздачи планшетов. Вторая проблема – мотивирование обучающихся. В данном случае мотивацией служило несложное задание в оформлении текста, результат которого, с подачи музейного сотрудника, трансформировался в положительную оценку от учителя по предмету.

Таким образом, на основании вышесказанного мы можем сделать следующие выводы: «книжки-малышки» как метод активных форм обучения имеют методический потенциал не только в рамках школьных уроков, но и для мероприятий учреждений культуры с образовательной направленностью. Технические и финансовые затраты на изготовление и применение «книжек-малышек» минимальны, но при этом обеспечивают лучшее усвоение материала обучающимися.

Список литературы и источников

1. Попова Д.М. Детская книжка-игрушка как развивающая дизайн-форма: дис. ... кандидат искусствоведения: 17.00.06 – Техническая эстетика и дизайн. Москва. 2013. 162 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/detskaya-knizhka-igrushka-kak-razvivayushchaya-dizain-forma> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Погружение в мир Василия Сурикова вместе с музеем-усадьбой URL: https://vk.com/wall-227466275_1070 (дата обращения: 02.04.2026).
3. Классные часы «Жизнь и творчество Сурикова» в рамках предметной недели / МБОУ СШ № 155 Красноярск. URL: https://vk.com/wall-212755015_2204 (дата обращения: 02.04.2026).
4. Лекция «Жизнь и творчество Василия Сурикова. Сибирские красавицы в картинах». Музей-усадьба В.И. Сурикова. Красноярск. URL: https://vk.com/wall-91648973_9334 (дата обращения: 02.04.2026).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF HISTORICAL EDUCATION IN THE DIGITAL AGE

Д.В. Попельшко

D.V. Popelyshko

Научный руководитель А.П. Дементьев
Scientific adviser A.P. Dementev

Историческое просвещение, цифровая среда, методика, современная педагогика, цифровая история.

В статье рассматриваются методические, содержательные и когнитивные проблемы исторического просвещения в цифровой образовательной среде, а также образовательные, технологические, методические перспективы реализации исторического просвещения в современном цифровом образовательном пространстве. Авторы приходят к выводу, что для решения определенных трудностей, связанных с историческим просвещением, нужно использовать метод фильтрации медиаисточников (из-за их популярности).

Historical enlightenment, digital environment, methodology, modern pedagogy, digital history.

The article examines the methodological, substantive and cognitive problems of historical enlightenment in the digital educational environment, as well as educational, technological, methodological prospects for the implementation of historical enlightenment in the modern digital educational space. The authors conclude that to solve certain difficulties associated with historical enlightenment, it is necessary to use the method of filtering media sources (due to their popularity).

Актуальность изучения различных аспектов исторического просвещения в цифровую эпоху заключается в поиске практических решений и теоретическом обосновании использования современных технологий в образовательном процессе.

Исследования реализации исторического просвещения в цифровой образовательной среде разнообразны и освещают методические, когнитивные, психологические и содержательные аспекты. Направление когнитивно-цифровой компетентности преподавателя, проблемы критического анализа, готовность к учебно-познавательной деятельности, проблема верификации источников освещены в трудах Е.В. Яковлевой [1, с. 50]. Механизмы «ментальной обороны» в современных условиях анализирует М.А. Савушкина [2, с. 42, 43]. Автор показывает, что защита исторической правды – это способ сохранения ментальной безопасности российского общества в рамках реализации программы исторического просвещения. Однако в литературе еще недостаточно освещены результаты эмпирических исследований, включая эффективность контроля усвоения знаний и механизмы повышения квалификации педагога в этом направлении.

Цель исследования – выявить, систематизировать и проанализировать основные проблемы и перспективы реализации исторического просвещения в цифровой среде, а также определить механизмы решения эффективности оценки ресурсов исторического просвещения.

В Указах Президента РФ от 08.05.2024 № 314 и от 09.11.2022 № 809 определены цели, принципы и механизмы реализации государственной политики в сфере исторического просвещения, в том числе через использование цифровых технологий, развитие краеведения, поддержку исторических проектов и сбор статистических данных. В Федеральном перечне электронных образовательных ресурсов (приказ Минпросвещения от 23.07.2025 № 551) находится список рекомендованных цифровых платформ по реализации образовательных программ, но отдельного сегмента материалов по историческому просвещению перечень не содержит [4].

Методика оценки цифрового ресурса, представленная в работах С.М. Авдеевой, К.В. Тарасовой, учитывает как техническую составляющую конструкта, так и его когнитивные аспекты [3, с. 6].

Социологический опрос студентов исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева показал, что платформы исторического просвещения и механизмы его реализации шире, чем указано в нормативно-правовой базе. Из опроса видно, что 80 % респондентов используют цифровые источники исторического просвещения, 53 % из них – регулярно. Самыми популярными ресурсами являются видеолекции (YouTube, Rutube, VK-Видео), 33 % студентов отмечают, что будут использовать данные платформы исторического просвещения в своей педагогической практике: 33 % с целью развития дискуссии на уроке, 23 % с целью выполнения домашнего задания и подготовки к уроку и 16 % для организации проектной деятельности.

Нами выявлены основные проблемы исторического просвещения в цифровой образовательной среде: появление новых цифровых ресурсов, новых моделей обучения, борьба с фальсификацией истории, обеспечение информационной безопасности и когнитивные искажения учащихся. Кроме этого, продолжается процесс формирования нормативно-правовой базы.

В то же время историческое просвещение в цифровой образовательной среде имеет следующие перспективы. Работая с новыми ресурсами, педагоги повышают свою квалификацию и медиаграмотность. Создание студентами блогов, подкастов, каналов может развить навыки работы с актуальными технологиями. Преподавание истории через элементы геймификации и использование новых форматов демонстрации истории – цифровое повествование, публичная история. Это побуждает у учащихся интерес к истории и мотивирует на самостоятельные исследования, проектную работу и формирует медиаграмотность.

Важным элементом является выбор источника исторического просвещения. В первую очередь перед использованием ресурса учителю / студенту нужно комплексно оценить качество и методический потенциал данного компилятивного источника [3, с. 18]. Для этого мы предлагаем использовать

чек-лист оценки платформ исторического просвещения, который включает в себя 5 блоков (научная достоверность, мультимедийная производительность, педагогический потенциал, технические фильтры, пользовательский потенциал). В каждом блоке находится 10 критериев оценки качества ресурса (критерии могут подбираться педагогом самостоятельно), каждый критерий оценивается баллами, от 1 до 5 [3, с. 18]. В результате складывания оценок по всем блокам получается комплексная оценка ресурса. Если общая оценка от баллов составляет 80–100 % – ресурс рекомендуется к использованию, 60–79 % – рекомендуется, но с ограничением, 40–59 % – требует доработки или дополнительной фильтрации, если ниже 40 % – не рекомендуется.

Историческое просвещение в цифровой эпохе – это более широкий и сложный процесс с постоянными технологическими инновациями. Оно, с одной стороны, имеет огромный образовательный и методический потенциал, а с другой – несет в себе серьезные проблемы, которые нужно изучать и решать комплексно, в чем состоит задача современного педагога.

Список источников и литературы

1. Яковлева Е.В. Цифровая компетентность будущего педагога: компонентный состав // Концепт. 2021. № 4. С. 46–57.
2. Савушкина М.А. Историческое просвещение как форма ментальной обороны в мировой гибридной войне // Знание. Понимание. Умение. 2024. № 4. С. 39–47.
3. Авдеева С.М., Тарасова К.В. Об оценке цифровой грамотности: методология, концептуальная модель и инструмент измерения // Вопросы образования. 2023. № 2. С. 8–32.
4. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 23.07.2025 № 551 «Об утверждении федерального перечня электронных образовательных ресурсов, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2026).

АНАЛИЗ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

COMPARATIVE ANALYSIS OF LEISURE PRACTICES IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS: COMMON AND PECULIAR

Э.Б. Матвеева

E.B. Matveeva

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific adviser L.E. Mezit

Досуг, досуговая деятельность, СССР, цифровизация, школьник, семья.

В статье, которая основывается на анализе анкетирования, рассматривается сравнение двух досуговых практик в 70-е годы и наши дни. Автор, выделяя общее и особенное, делает вывод о том, что, несмотря на трансформацию форм досуга, современная ситуация требует поиска новых подходов, которые будут учитывать цифровые реалии с использованием опыта досуга советских времен.

Leisure, leisure activities, USSR, digitalization, schoolchildren, family.

The article, which is based on the analysis of questionnaires, compares two leisure practices from the 1970s and today. The author highlights the similarities and differences and concludes that despite the transformation of leisure forms, the current situation requires new approaches that take into account digital realities and the experience of leisure in Soviet times.

Свободное время ребенка – это особое пространство, где личность формируется исподволь, часто вопреки, а не благодаря целенаправленным педагогическим усилиям. Именно здесь происходит самое важное: человек учится быть собой, выбирать, творить, общаться без оглядки на оценки и школьные рамки. Цель статьи – сравнение двух досуговых практик советского и постсоветского периода, выявить общее и особенное по результатам проведенного анкетирования.

При написании статьи были использованы полученные материалы из разработанных мною двух анкет: «Досуг советских школьников» и «Досуг школьников в XXI в.».

Наиболее фундаментальное различие между двумя периодами заключается в степени и характере государственного участия в организации детского досуга. Государство задавало тренды на формы досуговой активности, обеспечивая их доступность и бесплатность. Досуг рассматривался как продолжение воспитательного процесса школы, инструмент формирования личности.

В постсоветский период на смену государственному патронажу пришла рыночная модель, где досуговые услуги стали товаром, а ребенок – потребителем

и целевой аудиторией. Как показывают данные анкетирования, современные школьники посещают кружки и секции, но это уже не «внешкольное воспитание», а скорее «образовательные и досуговые услуги», часто платные и требующие значительных затрат времени со стороны ученика.

Общим остается признание значимости организованных форм досуга для развития личности. И в советский, и в постсоветский период дети, вовлеченные в кружки и секции, демонстрируют более высокий уровень самоорганизации, имеют выраженные хобби и интересы. Однако мотивация и ценностная нагрузка изменилась: советские кружки воспитывали «гармонично развитую личность» в коллективе и для общества, современные же – ориентированы на индивидуальные достижения ребенка и конкретные преимущества для его будущего.

В 1970-е гг. существовал относительный баланс между организованными формами досуга и неформальным досугом. При этом неформальная сфера была высоко структурирована самой детской субкультурой – дворовые игры имели устойчивые правила, иерархию, традиции. Современная ситуация характеризуется, с одной стороны, гиперорганизованностью, с другой – его стихийностью и цифровизацией. Многие школьники, не занятые в системе дополнительного образования, проводят свободное время исключительно в виртуальном пространстве. При этом традиционная детская субкультура с ее дворовыми играми и правилами практически исчезла, уступив место сетевым сообществам. Многие респонденты указывают, что играли в игры раньше, а в подростковом возрасте им это уже не интересно.

Причины угасания дворовой игровой культуры можно назвать совершенно разные: трансформация дворового игрового пространства с закрытыми территориями, парковками и недостатком оборудованных для игры мест; цифровизацию досуга; изменение формата общения; гиперопеку со стороны родителей, ограничивающих самостоятельные прогулки детей, по свидетельствам одного респондента.

Важно отметить и изменение роли школы в организации досуга. В советский период школа была одним из центров внешкольной работы: кружки, секции, мероприятия, экскурсии. Сегодня, как отмечают респонденты, школьные мероприятия либо редки, либо воспринимаются как «обязаловка».

И в советский, и в постсоветский период семейный досуг занимает важное, но не доминирующее место в жизни подростка. В советский период популярными формами были выезды на природу, совместный труд, настольные игры, чтение книг, посещение кинотеатров. Это были «живые» формы, требовавшие непосредственного взаимодействия и совместной деятельности. У современных детей лидируют «экранные формы» – совместный просмотр фильмов и сериалов, а также путешествия. Общей ценностью остается совместное времяпровождение для укрепления семейных связей.

Говоря о факторе времени, с одной стороны, у советских школьников, судя по воспоминаниям, было значительно больше свободного, нерегламентированного времени. При этом оно было структурировано самой детской субкультурой.

Современные школьники часто перегружены учебной и дополнительными занятиями. При этом оставшееся время они проводят преимущественно в цифровой сфере, что дает отдых после тяжелого дня.

Подводя итоги, можно выделить черты, характеризующие как общее, так и особенное в эволюции досуговых практик школьников за 50 лет. К общему, в частности, относится: потребность в общении со сверстниками; значимость организованных форм для развития специальных навыков и личных интересов; ценность семейного досуга, несмотря на трансформацию его форм.

К особенностям, характеризующим современную ситуацию, относятся: цифровизация досуга; утрата дворовой игровой культуры; гиперорганизованность и стихийность; коммерциализация досуга; ослабление роли школы и общественных организаций в оформлении досуга.

Сравнительный анализ показывает, что при сохранении базовых психологических потребностей подросткового возраста досуговые практики претерпели фундаментальные изменения, связанные с технологической, социальной и культурной трансформацией общества. Современная ситуация требует поиска новых подходов, учитывающих цифровые реалии, но опирающихся на проверенные временем принципы: создание условий для живого общения, поддержка детской инициативы, обеспечение доступности развивающих досуговых форм для всех подростков.

Список источников и литературы

1. Латак А.И. Социальное развитие школьников в городском спортивном пространстве // Природное наследие и разнообразие Москвы как часть историко-культурного и урбанистического потенциала мегаполиса: материалы II открытой городской научно-практической конференции. Москва, 04–05 апреля 2024 года. М.: Лика, 2024. С. 172–176.
2. Полукаров В.В. Теория и практика клубной деятельности как основа организации досуга современных школьников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион // Гуманитарные науки. 2012. № 4 (24). С. 134–138.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ «TOTAL WAR: ROME II»)

COMPUTER GAMES AS A MEANS OF TEACHING HISTORY (USING THE EXAMPLE OF «TOTAL WAR: ROME II»)

Р.А. Озеров, К.Д. Пугачев,
А.П. Потылицин

R.A. Ozerov, K.D. Pugachev,
A.P. Potylitsyn

Научный руководитель Н.В. Ворошилова
Scientific adviser N.V. Voroshilova

Компьютерно-игровые технологии, проектные технологии, внеурочное занятие, Древний Рим, военная история.

В работе рассматривается применение компьютерно-игровых технологий в обучении истории. Представлены методические рекомендации для внеурочного занятия по всеобщей истории для 5 класса по теме «Битва при Каннах».

Computer gaming technologies, design technologies, extracurricular activities, Ancient Rome, military history.

The paper discusses the use of computer and gaming technologies. Methodological recommendations for an extracurricular lesson on general history for grade 5 on the topic «Battle of Cannae» are presented.

Одной из особенностей познавательной деятельности обучающихся 5 класса является превалирование образного мышления, однако используемые учебники истории учитывают это недостаточно, предлагаемые приемы обучения не всегда мотивируют учеников к изучению материала. В связи с этим перед педагогом встает задача привлечения дополнительных педагогических ресурсов как на уроке, так и во внеурочной работе.

Актуальной остается проблема трансформации школьного образования в условиях цифровизации обучения. Современные дети, выросшие в мире цифровых технологий, обладают специфическим мышлением и восприятием информации, что требует новых подходов к обучению. Изучению этой проблемы посвящено немало исследований. В работе Д.В. Морозовой анализируется потенциал и проблемы применения компьютерных игр в историческом обучении [1]. В педагогической практике все чаще поднимается вопрос о применении коммерческих видеоигр на уроках истории. Так, Е.Л. Героева отмечает исчерпанность мотивационного потенциала традиционных презентаций и предлагает внедрять в учебный процесс элементы глобальных компьютерных стратегий. Автор предлагает работы по взаимодействию с заранее записанными короткими видеофрагментами геймплея и скриншотами [2]. Потенциал использования компьютерных игр в обучении истории рассматривает А.Г. Иванов, раскрывает их достоинства

и недостатки как средства обучения, формулирует некоторые принципы и приемы их применения: основным приемом он считает научную критику содержащегося в играх исторического контента; подчеркивает активную организационную роль учителя во время игровых сессий [3].

Используя возможности и ресурсы игры, мы можем провести продуктивное занятие по истории, сделав его более запоминающимся и интересным, чем обычная работа с теорией на классическом уроке, целиком погрузив учащихся в контекст эпохи, повысив таким образом мотивацию ученика к углубленному изучению предмета.

Нами были разработаны методические рекомендации для применения компьютерно-игровых технологий с целью повышения мотивации к обучению на примере игры «Total War: ROME II – Emperor Edition» [4]. Движок данной игры позволяет нам с высокой точностью моделировать отдельные исторические события истории Античности (с ранней Республики до кризиса III века). Кроме того, игра имеет свой внутренний справочник, в котором описаны войска, сооружения и технологии, а также хорошую графическую составляющую, благодаря которой происходящие на экране события воспринимаются лучше. Все это делает данную игру подходящей для образовательных целей.

В соответствии с рекомендациями в начале занятия педагог актуализирует знания обучающихся: на доске должна быть выделена тема урока, а сама Битва при Каннах обозначена на ленте времени, с помощью ментальной карты ученики освежают знания. Перед основным этапом работы с компьютером проводится зарядка для глаз как реализация принципа здоровьесбережения. Далее учащиеся изучают адаптированные исторические источники и на основании информации, полученной из них, а также изученного ранее материала, заполняют часть сводной таблицы «реальность», в которой отражаются достоверные исторические данные: численность противоборствующих сторон, географический план местности, воинские формирования, потери армий. Затем преподаватель при помощи компьютера и интерактивной доски проводит моделирование исторического события, показывая процесс ученикам, акцентируя внимание на отличии модели от реальной истории (заполняется колонка: «модель»). По окончании данного этапа учащиеся создают обобщенный продукт: сравнительную таблицу «Битва при Каннах – реальность и модель». После основного этапа проводится рефлексия и подведение итогов занятия. На заключительный этап отводится 5 минут. Важно, что оценивание в классическом школьном формате должно отсутствовать, т.к. цель занятия – заинтересовать учащихся, повысить их мотивацию к изучению темы.

Подобную методику возможно применять также и к другим темам в рамках курса истории во время внеурочных занятий. Использование для демонстрации исторических событий других частей серии игр «Total War» открывает неисчерпаемый источник для дальнейших исследований в области применения компьютерно-игровых технологий в обучении [4]. Однако надо учесть, что в применении

компьютерно-игровых технологий в обучении истории есть свои риски, которые можно минимизировать при условии высокого уровня владения компьютерно-игровыми технологиями и предметным содержанием со стороны педагога.

Список источников и литературы

1. Морозов Д.В. Потенциал использования цифровых игр в историческом и обществоведческом образовании // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 899–902. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31380/> (дата обращения: 07.03.2026).
2. Героева Е.Л. Компьютерная игра на уроке истории. URL: <https://kiro-karelia.ru/activity/journal/nomera/kompyuternaya-igra-na-uroke-istorii> (дата обращения: 07.03.2026.)
3. Иванов А.Г. Компьютерные игры в обучении истории // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3. С. 134–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-v-obuchenii-istorii> (дата обращения: 07.03.2026).
4. Total War Rome II. URL: <https://www.totalwar.com/games/total-war-rome-ii> (дата обращения: 07.03.2026).

ИНТЕРАКТИВНАЯ РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ В 5-х КЛАССАХ

INTERACTIVE WORKBOOK ON THE HISTORY OF KRASNOYARSK KRAI AS A MEANS OF TEACHING IN 5TH GRADE

Я.П. Асанакунова

Y.P. Asanakunova

Научный руководитель И.Н. Ценюга
Scientific Supervisor I.N. Tsenyuga

Интерактивное обучение, интерактивная рабочая тетрадь, индивидуальный образовательный маршрут, Красноярский край.

Интерактивная рабочая тетрадь по истории Красноярского края как целостная педагогическая технология, способная провести ученика по маршруту исторического исследования от начала до конца.

Interactive learning, interactive workbook, individual educational route, Krasnoyarsk Region.

An interactive workbook on the history of the Krasnoyarsk Region as a holistic pedagogical technology that can guide students through the historical research process from start to finish.

Интерактивное обучение требует не просто эпизодического включения отдельных приемов, а системной перестройки всего учебного процесса. Учителю необходим инструмент, который позволил бы не только органично вписать интерактивное взаимодействие в логику урока, но и обеспечить самостоятельную познавательную активность каждого ученика, сделать ее видимой, управляемой и, что немаловажно, интересной для самого школьника. Именно таким инструментом, по мнению многих современных исследователей, становится интерактивная рабочая тетрадь (ИРТ). Сама по себе рабочая тетрадь не является изобретением цифровой эпохи. Это учебное пособие – «имеющее особый дидактический аппарат, способствующий самостоятельной работе учащегося над освоением учебного предмета», – пишет О.А. Войнова [1], успешно применялось в школе и до массовой информатизации. Методические задачи, которые призваны решать интерактивная рабочая тетрадь в обучении, вытекают из требований федеральных государственных образовательных стандартов. Как подчеркивает Н.С. Орехова, ИРТ способствует «развитию исторического мышления обучающихся, обеспечивает более прочное усвоение содержания исторического знания и приобретение практических умений и навыков решения развивающих и творческих задач, а также обеспечивает контроль за ходом процесса обучения и формированием предметных и метапредметных умений» [2]. Эти задачи в полной

мере относятся и к обучению истории, где важно не только знание фактов, но и умение работать с источниками, анализировать, сопоставлять и делать выводы.

Одним из главных методических преимуществ интерактивной рабочей тетради является ее способность реализовывать индивидуальный и дифференцированный подход в условиях массового обучения. Эта возможность напрямую связана со следующим преимуществом – повышением мотивации и вовлеченности учащихся. Современные школьники стремятся к актуальным знаниям и практическим навыкам, а пассивное слушание их уже не мотивирует. Не менее важным достоинством является, что интерактивную тетрадь можно использовать на любом из этапов урока.

Интерактивные тетради позволяют компактно организовать и хранить информацию по изученной теме. Сложная информация преподносится в структурированной форме, а теоретический материал визуально отображен в тетрадях. Информация логически и последовательно структурирована, в результате материал многократно повторяется и закрепляется с учетом различных способов восприятия информации детьми, происходит развитие познавательного интереса и творческого мышления. Таким образом, можно сказать, что интерактивная тетрадь – это современный плакат, книга и раздаточный материал, который направлен на развитие у учащегося творческого потенциала. Это процесс трудоемкий, но он учит детей мыслить и действовать креативно в рамках заданной темы. Расширяется кругозор, развиваются умения, необходимые для преодоления трудностей и решения поставленной проблемы на уроке. «Разработка интерактивной рабочей тетради ... требует колоссального количества времени на разработку сценария занятия, подбор иллюстративного материала, отбор языкового материала, создание уникальных текстов», – признают разработчики одного из курсов [3]. К этому добавляется необходимость владения специальными цифровыми инструментами, что требует от педагога дополнительных компетенций и временных затрат на освоение новых сервисов. Существуют и технические ограничения: не все платформы одинаково хорошо работают на мобильных устройствах, которыми преимущественно пользуются школьники, а качественная реализация некоторых типов заданий требует стабильного интернет-соединения.

Любая педагогическая технология обретает реальную ценность лишь тогда, когда она наполняется конкретным содержанием, адаптированным под возрастные особенности учащихся и специфику предмета. В рамках заявленной темы нами был разработан такой инструмент – интерактивная рабочая тетрадь по истории Красноярского края для учащихся 5 класса, названная «Тайны истории моего края». Прежде всего, необходимо обосновать выбор целевой аудитории. Пятый класс представляет собой особый этап школьного обучения. Это период адаптации к новым условиям средней школы, когда познавательная активность ребенка еще во многом опирается на наглядно-образное мышление и игровую деятельность, но уже начинает требовать более сложных, аналитических форм работы [4]. Именно в 5 классе, согласно рабочей программе

по истории, учащиеся приступают к систематическому изучению курса «История Древнего мира». Параллельное введение краеведческого компонента, выстроенного в логике исторического исследования, способствует формированию представления о том, что история – это не застывший набор дат и имен, а живой, увлекательный процесс познания, который может быть спроецирован и на родной для ребенка край.

С этим напрямую связан главный методический замысел тетради – ее построение в форме исторического расследования. Весь материал тетради структурирован в виде 27 «дел», каждое из которых посвящено определенной теме или комплексу вопросов, связанных с историей, географией и культурой Красноярского края. При этом логика расположения дел выстроена не по формально-хронологическому принципу, а по логике самого исследования: от знакомства с «местом действия» (географическое положение и природные богатства – Дело № 1) и «ключевыми инструментами» исследователя (понятия топонимики, работа со специалистами-историками – Дела № 2, 6, 7) ученик переходит к изучению материальных и духовных следов прошлого (Дела № 8–17), а затем – к воссозданию исторического процесса: освоения Сибири русскими первопроходцами, строительства острогов, жизни сибирских городов и социальных конфликтов (Дела № 18–26). Завершается тетрадь «Заключительным делом», в котором ученику предлагается отразить пройденный путь и создать «капсулу времени» – задание, направленное на осознание собственной связи с историей и ее непрерывности.

Важнейшим элементом методического аппарата тетради является вводный раздел «Перед стартом расследования: как мыслит историк-детектив». В нем в сжатой и доступной для пятиклассника форме сформулированы ключевые принципы исторического познания: «один факт еще не доказывает событие»; «разные источники могут дополнять или уточнять друг друга»; «каждое событие имеет причины и последствия»; «вывод должен опираться на доказательства». Такой инструктивный блок, предваряющий работу, выполняет функцию «ориентировочной основы действия», помогая школьнику не просто механически выполнять задания, а осознанно подходить к процессу исследования. Это прямо соотносится с концепцией метапредметных умений, где рефлексия и понимание способов деятельности ценятся не меньше, чем знание конкретных фактов.

Нельзя не отметить и заложенный в тетради потенциал для дифференциации обучения. Задания в каждом деле варьируются по уровню сложности: от простого выбора ответа или заполнения пропуска до развернутых письменных рассуждений и творческих проектов (например, создание рекламы собственного музея в Деле № 10 или написание синквейна о первопроходце в Деле № 19). Это позволяет учителю гибко использовать тетрадь как на уроке под своим руководством, так и в качестве домашнего задания, а также выстраивать индивидуальные образовательные маршруты для учеников с разным уровнем подготовки [5].

Формат «исторического расследования» в нашей тетради не является внешним декоративным элементом, а органично пронизывает всю структуру тетради, определяя логику подачи материала и характер заданий. Содержательное разнообразие, сочетание аналитических, игровых и творческих форм работы, опора на возрастные особенности пятиклассников и заложенная вариативность заданий делают эту тетрадь не просто набором упражнений, а средством организации самостоятельной познавательной деятельности ученика, способным значительно повысить его интерес к изучению истории родного края.

Список источников и литературы

1. Войнова О.А. Рабочая тетрадь и интерактивный рабочий лист как цифровые средства организации учебной деятельности // Наука. Медицина. Транспорт. Инновации: сохраняя прошлое – создаем будущее: материалы III Международной молодежной научно-практической конференции, Оренбург, 07–08 февраля 2024 года. Оренбург: Самарский государственный университет путей сообщения, 2024. С. 24–27.
2. Орехова Н.С. Интерактивная рабочая тетрадь как дидактическое средство обучения истории // Научные Записки ОрелГИЭТ. 2020. № 2 (34). С. 47–50.
3. Нефедов И.В., Пантелеев А.Ф., Попова К.А. Сетевая интерактивная рабочая тетрадь как виртуальное средство технологии «перевернутый класс»: интенсификация процесса обучения РКИ на начальном этапе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 158–173.
4. Буклова Н.Е. Совершенствование речевой деятельности учащихся 5-7 классов с учетом их психолого-педагогических особенностей // Синергия наук. 2020. № 1. С. 1–6.
5. Бойко В.А. Интерактивные рабочие тетради как средство индивидуализации обучения: анализ возможностей программ // Современные парадигмы в области социально-гуманитарных исследований: сборник научных статей. Ульяновск, 2025. С.42–46.

ТАЙМ-ЛЕНТА СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

TIMELINE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR EVENTS AS A VISUAL SOURCE FOR THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF MODERN ADOLESCENTS

Е.В. Косьяненко

E.V. Kosianenko

Научный руководитель А.В. Касович
Scientific supervisor A.V. Kasovich

Историческая память, Великая Отечественная война, тайм-лента, визуализация, клиповое мышление, интерактивные методы.

В статье рассматривается образовательный и воспитательный потенциал использования хронологических лент (тайм-лент) как визуальных источников информации о Великой Отечественной войне. Анализируется специфика восприятия клипового мышления современных подростков и обосновывается эффективность визуализации хронологии для формирования устойчивой исторической памяти. Предложены методические приемы работы с интерактивной тайм-лентой на уроках истории и во внеурочной деятельности.

Historical memory, Great Patriotic War, timeline, visualization, clip thinking, interactive methods.

The article examines the educational potential of using timelines as visual sources of information about the Great Patriotic War. It analyzes the specifics of the clip thinking perception of modern adolescents and substantiates the effectiveness of visualizing chronology for the formation of sustainable historical memory. Methodological techniques for working with interactive timelines in history lessons and extracurricular activities are proposed.

В современном мире, перенасыщенном информацией, перед педагогами стоит сложная задача: не просто ретранслировать знания о прошлом, но и сформировать устойчивую историческую память, особенно о событиях Великой Отечественной войны. Ведь они предоставляют уникальную возможность для глубокого анализа и осмысления героического прошлого нашего народа, укрепившего свою государственность и национальную идентичность.

Подростки, чье мышление характеризуется клиповостью, фрагментарностью и ориентацией на визуальные образы, с трудом воспринимают линейные тексты и абстрактные даты. В этой связи особую актуальность приобретает поиск новых форм визуализации исторического материала.

Одной из эффективных форм визуализации информации является тайм-лента (хронологическая лента событий). Традиционно хронологические таблицы использовались в обучении всегда, но современные цифровые инструменты позволяют превратить их в интерактивный визуальный источник нового поколения.

Историческая память – это не просто знание дат и фактов, а эмоционально окрашенное отношение к прошлому, которое становится частью идентичности [1, с. 45]. Для подростка, живущего в эпоху цифровых технологий, информация, не подкрепленная ярким визуальным рядом и возможностью интерактивного взаимодействия, часто остается абстракцией. Тайм-лента позволяет решить эту проблему, соединяя хронологическую последовательность с мультимедийным контентом.

В отличие от статичного списка дат в учебнике, интерактивная тайм-лента Великой Отечественной войны может включать в себя:

1. Мультимедийность. Каждая ключевая дата (22 июня 1941 г., битва под Москвой, освобождение Минска, водружение знамени над Рейхстагом) сопровождается не только текстом, но и фотографиями, фрагментами документальной хроники, аудиозаписями сводок Совинформбюро, песнями военных лет.

2. Интерактивность. Возможность «проживания» истории. Подросток может самостоятельно «кликнуть» на событие, развернуть его, увидеть карту боевых действий, прочитать воспоминания ветерана, относящиеся именно к этому периоду.

3. Пространственно-временную связь. Грамотно составленная тайм-лента позволяет увидеть не только последовательность, но и взаимосвязь событий на разных фронтах. Например, увидеть, как наступление под Москвой было связано с обороной Ленинграда.

Современные цифровые платформы (например, Timeline JS, Tiki-Toki или специализированные образовательные ресурсы) позволяют создавать такие ленты с возможностью масштабирования. Это отвечает запросу подростков на наглядность и сжатость информации при сохранении глубины [2, с. 112].

Методика работы с тайм-лентой может быть различной в зависимости от педагогических задач:

1. Мотивационный этап. В начале изучения темы «Великая Отечественная война» демонстрация общей ленты с ключевыми точками позволяет создать у учащихся целостную картину масштаба трагедии и подвига, задавая эмоциональный тон всему последующему изучению.

2. Изучение нового материала. Учитель может использовать тайм-ленту как интерактивную доску, «путешествуя» по датам вместе с классом, акцентируя внимание на переломных моментах.

3. Проектная деятельность. Наиболее эффективным является метод «перевернутого класса», когда учащиеся сами создают фрагменты тайм-ленты. Разделившись на группы (например, «Битва за Москву», «Партизанское движение в Беларуси», «Операция «Багратион»»), ученики ищут информацию, отбирают главное, подбирают визуальный ряд. Это развивает критическое мышление и навыки работы с информацией. Защита проекта превращается в коллективное написание общей ленты событий.

4. Закрепление и рефлексия. Тайм-лента может служить опорным конспектом для повторения материала. Визуальный образ даты (например, фотография разрушенного Минска 1941 года и фото Парада Победителей) закрепляется в памяти гораздо лучше, чем просто номер страницы учебника.

Важно отметить роль тайм-ленты в формировании регионального компонента исторической памяти. Для белорусских учащихся особенно ценным является включение в общую канву войны локальных событий: оборона Брестской крепости, трагедия Хатыни, операция «Багратион» [3]. Это позволяет подростку осознать связь истории своей малой родины с историей всей страны.

Особую значимость использование тайм-ленты приобретает в контексте подготовки к празднованию 81-й годовщины Великой Победы и 85-летия начала Великой Отечественной войны. Эти памятные даты создают уникальный воспитательный контекст, позволяющий актуализировать интерес учащихся к военной истории. Интерактивная тайм-лента может стать основой для реализации масштабных проектов, таких как «Хроника освобождения Беларуси», «Беларусь помнит: история моей семьи в истории войны», «Дорогами Победы». Участие в таких проектах способствует не только углублению знаний, но и формированию чувства сопричастности к героическому прошлому своего народа.

В Государственном учреждении образования «Гимназия № 42 г. Минска имени Ж.И. Алферова» ведется планомерная работа по созданию и апробации интерактивной тайм-ленты, посвященной ключевым событиям Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Предварительные результаты исследования свидетельствуют о повышении познавательного интереса учащихся, более глубоком осмыслении ими хронологии и взаимосвязи событий, а также о росте мотивации к изучению истории. Анкетирование, проведенное среди учащихся 8–10 классов, показало, что 76 % респондентов считают использование интерактивной тайм-ленты эффективным средством изучения истории, а 82% отметили, что такой формат работы вызывает у них повышенный интерес по сравнению с традиционными методами.

Таким образом, интерактивная тайм-лента событий Великой Отечественной войны выступает не просто как вспомогательное техническое средство, а как полноценный визуальный источник, трансформирующий абстрактную хронологию в эмоционально переживаемый образ прошлого. Используя привычные для современных подростков форматы подачи информации (клиповость, визуальность, интерактивность), тайм-лента способствует не механическому заучиванию дат и событий, а формированию глубокого уважения к подвигу предков, осознанию величия Победы и личной ответственности за сохранение исторической памяти. Это делает ее действенным инструментом патриотического воспитания подрастающего поколения в условиях цифровой трансформации образования.

Список источников и литературы

1. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42–56.
2. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. 256 с.
3. Коваленя А.А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны). Минск: Изд. центр БГУ, 2020. 231 с.

Секция 2.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ
ДО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

ИННОВАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

INNOVATIONS AND PROBLEMS OF SCHOOL HISTORICAL EDUCATION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

В.А. Гилькова

V.A. Gilkova

Научный руководитель В.И. Федорова
Scientific adviser V.I. Fedorova

Школьное историческое образование, Российская империя, учебники истории, образовательные программы, методика.

Статья анализирует содержание школьного исторического образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Автор выявляет противоречие между официальной политикой (воспитание верноподданных, зубрежка, исключение «неудобных» фактов) и передовой наукой, требовавшей научности и причинно-следственного анализа. Альтернативные учебники Соловьева, Ключевского, Ефименко и Платонова заложили основы научного подхода, тогда как программы 1902 и 1913 гг. сохранили охранительный характер, а концентрическая система усугубила кризис, предопределивший ломку образования после 1917 г.

School historical education, the Russian Empire, history textbooks, educational programs, methodology.

The article analyzes the content of school historical education in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. The author reveals the contradiction between official policy (education of loyal subjects, cramming, exclusion of “inconvenient” facts) and advanced science, which required scientific approach and causal analysis. The alternative textbooks of Solovyov, Klyuchevsky, Efimenko and Platonov laid the foundations of a scientific approach, while the programs of 1902 and 1913 retained a protective character, and the concentric system aggravated the crisis that predetermined the breakdown of education after 1917.

Актуальность исследования заключается в том, что в современной России историческое образование остается в центре общественно-политической дискуссии. Обращение к опыту Российской империи, где во второй половине XIX – начале XX в. закладывались основы отечественной методики, позволяет понять корни современных споров о целях и содержании школьной истории [18, с. 88].

Говоря о степени изученности, стоит сказать, что в дореволюционной историографии (К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев)? как правило, рассматривалась роль государства в формировании школьных программ, анализировались наиболее известные учебники, однако исследование ограничивалось рамками официальной

педагогики. Советские историки (А.В. Предтеченский, М.В. Нечкина) уделяли основное внимание классовой сущности царской образовательной политики, критике консервативных учебников и программ. В постсоветской отечественной историографии (М.В. Богуславский, А.Н. Фукс, И.М. Осмоловский, Е.А. Пономарев, В.В. Носков) появились комплексные работы по истории исторического образования, исследующие не только государственную политику, но и эволюцию методической мысли, региональные особенности, роль учительских съездов и земств. Активно изучается педагогическое наследие выдающихся историков (Т.Н. Грановский, В.О. Ключевский, Н.И. Кареев, С.М. Соловьев). Однако большинство работ посвящено либо отдельным этапам (чаще всего второй половине XIX – началу XX в.), либо отдельным типам учебных заведений.

Поэтому целью данной работы является выявление основных инноваций и нерешенных проблем в содержании школьного исторического образования в России во второй половине XIX – начале XX в. Источниковую базу составляют законодательные акты (Устав гимназий 1871 г. [2], циркуляр МНП 1913 г. [4]), учебные программы 1902 и 1913 гг. [5], учебники (Н.Г. Устрялова [6], С.М. Соловьева [7], В.О. Ключевского [8], А.Я. Ефименко [9–10], С.Ф. Платонова [11]), педагогическая литература и периодика [14–15].

Революционные демократы (Белинский, Чернышевский, Добролюбов) требовали, чтобы школьная история раскрывала закономерности процесса, а не сводилась к перечню войн и монархов [14, с. 359–360]. С.М. Соловьев в «Учебной книге русской истории» (1859–1860) предложил иной подход: объяснять внутренние причины событий, анализировать быт, экономику, культуру. Н.А. Добролюбов отметил, что автор «заставляет ученика останавливаться над событиями и соображать их причины и последствия» [14, с. 375]. Книга выдержала 14 изданий, создав альтернативу официальной модели [7]. Однако уже программа 1902 г., основанная на теории официальной народности, исключала «неудобные» факты (дворцовые перевороты, опричнину) и не давала пищи для размышлений. Программа 1913 г. (министр Л.А. Кассо) ввела концентрическую структуру, но сохранила охранительный характер: из нее убрали острые противоречия, революционные выступления, доминировал биографизм [5, с. 23–24]. Циркуляр от 13 июля 1913 г. прямо назвал программу «броней против изменений» [4]. Педагоги (Н.И. Кареев, С.Ф. Платонов) требовали раскрывать эволюционный процесс, но циркуляры запрещали научное изложение [15]. Система концентров при недостатке часов убивала интерес к предмету [16, с. 100–101]. Тенденция к устранению государственно непригодных учебников привела к недовольству и появлению еще большего числа вариативных учебников. В.О. Ключевский в «Кратком пособии по русской истории» (1903) отказался от изложения по царствованиям, сосредоточившись на быте, экономике, внутренней политике [8]. А.Я. Ефименко в учебниках показала народ как «активный элемент», уделила внимание революционным движениям [9–10]. С.Ф. Платонов разделил материал на периоды, выделив разрушительный (народные движения) и созидательный аспекты [11]. К.А. Иванов связал русскую историю с европейской, М.Н. Коваленский поло-

жил в основу периодизации развитие хозяйства [12–13]. Однако Ученый комитет допускал учебники долго, рецензии содержали общие замечания «книга содержит много лишнего». Авторов вынуждали насыщать текст датами и именами царей, исключая обобщения. Н.И. Торнау писал: «Ученый комитет допускает издания, искажающие действительность» [15, с. 23]. Учебники ученых были сложны для усвоения; П.Ф. Каптерев требовал образности и доступности [20, с. 700]. К 1917 г. система оказалась в кризисе: передовая наука была изолирована от консервативной массовой школы, где история служила лишь «воспитанию лояльности» [18, с. 199].

Таким образом, возникло глубокое противоречие между государственной политикой (воспитание верноподданных, зубрежка, исключение «неудобных» фактов) и университетской наукой, требовавшей научности и причинно-следственного анализа. Альтернативные учебники Соловьева, Ключевского, Ефименко, Платонова заложили основы научного подхода – принцип историзма, внимание к экономике, культуре и социальной структуре, однако программы дальнейших лет (1902 и 1913) и критика со стороны Ученого совета привели к 1917 г. систему массового школьного образования к кризису.

Список источников и литературы

1. Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий (1864) // Сборник постановлений по МНП. Т. 3. Спб., 1865.
2. Высочайше утвержденный Устав гимназий (1871) // Сборник постановлений по МНП. Т. 5. Спб., 1875.
3. Положение о реальных училищах (1872) // Там же.
4. Циркуляр МНП от 13 июля 1913 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2187. Л. 19.
5. Программа и объяснительные записки по русской и всеобщей истории в мужских гимназиях... Спб., 1913.
6. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. Спб., 1855.
7. Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. М., 1859–1860.
8. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1903.
9. Ефименко А.Я. Элементарный учебник русской истории. Спб., 1911.
10. Ефименко А.Я. Учебник русской истории. Спб., 1909.
11. Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. Пг., 1917.
12. Иванов К.А. Учебник русской истории. Спб., 1908.
13. Коваленский М.Н. Учебник русской истории для старших классов. М., 1912.
14. Добролюбов Н.А. Собр. соч. Т. 5. М.; Л., 1962.
15. Торнау Н.И. Как пишутся у нас учебники... М., 1912.
16. Белофост М.Г. Проблемы школьного исторического образования... Тамбов, 1998.
17. Ищенко Т.А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX века. М., 2009.
18. Топчиева В.И. Эволюция школьного исторического образования в России. Краснодар, 2004.
19. Змеев В.А. История зарождения и формирования образовательной системы России // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 4.
20. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Пг., 1915.
21. Фарфоровский С.В. О лабораторном преподавании истории... Казань, 1915.

НЕОНАРОДНИЧЕСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРОГРАММНО-ТАКТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

NEO-POPULARISM AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: EVOLUTION OF THEORETICAL AND PROGRAM-TACTICAL SETTINGS

И.Г. Метлюкова

I.G. Metlyukova

Научный руководитель В.И. Федорова
Scientific adviser V.I. Fedorova

Классическое народничество, неонародничество, идеологическая эволюция, тактические изменения, партийные программы.

В статье рассматривается процесс эволюции неонароднической идеологии в России начала XX века. Анализируются ключевые изменения в теоретических основаниях, программных требованиях и тактических установках неонароднических партий.

Classical populism, neo-populism, ideological evolution, tactical changes, party programs.

The article examines the process of evolution of neo-national ideology in Russia at the beginning of the 20th century. The key changes in the theoretical foundations, programmatic requirements and tactical attitudes of the neo-national parties are analyzed.

Начало XX в. стало периодом кризиса самодержавия и поиска альтернативных путей общественного развития. В этих условиях народническая традиция, сложившаяся во второй половине XIX в., трансформировалась в неонародничество, стремившееся адаптировать свои идеи к новым социально-экономическим и политическим реалиям. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления идейных истоков и эволюции политических программ и их влияния на ход революционных событий и формирование массовых партий в России. Неонародничество представляло собой сложный и неоднородный феномен, сочетавший элементы утопического социализма, демократизма, революционного радикализма и прагматической политической борьбы, что сохраняет научную значимость и сегодня. Целью статьи является анализ эволюции теоретических и программно-тактических установок неонародничества в начале XX в.

Данный вопрос в отечественной исторической науке достаточно подробно разработан. Книги и научные статьи таких исследователей, как Г.Н. Мокшин, В.В. Назаров, О.Н. Квасов, О.Л. Протасова, А.Ю. Суслов, О.В. Коновалова, а также ряда других отечественных историков и политологов, посвященные проблемам народничества и неонародничества. Их труды позволяют проследить эволюцию народнической идеологии от второй половины XIX в. к началу XX столетия, выявить механизмы адаптации традиционных народнических идей к условиям

политической модернизации и формирования массовых партий. Источниковую базу исследования составляют программы народнических организаций (Земля и воля 1876 г., Народная воля) программы партий социалистов-революционеров 1906 г. и народных социалистов 1906 г. В ходе исследования был использован историко-сравнительный метод.

Неонародничество представляет собой комплекс политических, социологических и мировоззренческих представлений интеллигенции рубежа XIX–XX вв., сформировавшийся на основе идей А.И. Герцена, Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова. Оно возникло в условиях кризиса классического народничества и оформилось в программы ряда партий, прежде всего эсеров и энесов. Несмотря на общие народнические истоки и ориентацию на демократический социализм [1, с. 124–125], эсеры и энесы различались по численности и активности: эсеры были массовой партией, когда как энесы оставались малочисленными. Энесы выступали за сильное государство, вовремя чутко реагирующее на происходящее в нем, на перемены настроений и требований населения.

Важным шагом идеологической эволюции стало осознание необходимости демократического государства. В отличие от народников XIX в., для которых государство часто было враждебным, неонародники видели в демократическом государстве платформу для преобразования общества и защиты прав личности. В экономической сфере неонародники признавали реальное существование капитализма и его влияние на социальную структуру, но рассматривали его как зависимый и деформированный процесс, не исключающий возможности социалистических преобразований на основе аграрных и кооперативных форм. Народничество формировалось в аграрном обществе и опиралось на общину [2, с. 3], тогда как неонародничество возникло в эпоху индустриализации, роста рабочего движения и появления элементов парламентской системы. Это привело к трансформации народничества из интеллигентского течения в массовые политические партии с четкими программами. Программа эсеров, разработанная В.М. Черновым, рассматривала трудовое крестьянство, пролетариат и трудовую интеллигенцию как основу социалистического общества. Энесы провозглашали лозунг «все для народа и все через народ»: будущий социализм в форме именно государственного общежития, снабженного правовыми гарантиями, преследующего прогрессивные, гуманные цели. Только в государственно-правовой сфере они видели единственно реальную область возможных свершений и преобразований [3, с. 12].

Общие требования включали свержение самодержавия и введение гражданских свобод. Центральным элементом оставался аграрный вопрос. Эволюция программных установок заключалась в конкретизации его механизмов: социализация земли у эсеров [4, с. 98] и национализация у энесов [5, с. 69]. Также произошло расширение понятия «народ»: у классиков – это преимущественно крестьянство, у эсеров – это единый рабочий класс, включающий трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию.

Тактическая эволюция выражалась в переходе от заговорщической практики к сочетанию массовой политики, институциональных форм борьбы и правовых механизмов. Эсеры сначала сохраняли индивидуальный террор как вынужденную меру, но в дальнейшем заявляли, что террористическая тактика должна быть прекращена при созыве Учредительного собрания, что в свободной стране подобными методами политическую борьбу вести нельзя [6, с. 39–40].

Таким образом, неонародничество стало новым этапом развития народнической традиции, адаптированной к условиям модернизации. Внутри него выделялись два направления: революционное (эсеры), допускавшее террор как временную меру, и эволюционное (энесы), ориентированное на правовые и демократические способы преобразования общества.

Список источников и литературы

1. Протасова О.Л. Революционные и эволюционные методы политической борьбы в оценке российского неонародничества начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики, 2017. № 10 (84). Ч. 2. С. 124–128.
2. Сборник программ и программных статей партии «Народной воли» // Женева: Г.А. Ку克林, 1903. 52 с.
3. Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М.: МГУ, 1979. 192 с.
4. Программа партии социалистов-революционеров. 1906 г. // Сборник программ политических партий в России / под ред. В. Водовозова. Вып. 3. Спб., 1906. С. 14–27.
5. Программа Трудовой народно-социалистической партии // Народно-социалистическое обозрение, 1906. Вып. 1. С. 3–14.
6. Морозов К.Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. М. и С. Сабашниковых, 2014. С. 37–55.

ДОБРОВОЛЬНАЯ ПОЖАРНАЯ ОХРАНА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

VOLUNTARY FIRE BRIGADE OF THE YENISEI GOVERNORATE AS A FORM OF STATE – PUBLIC PARTNERSHIP IN THE SPHERE OF SECURITY (THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

А.Ю. Перелыгин

A.U. Perehygin

Добровольная пожарная охрана, Енисейская губерния, история пожарной охраны.

На примере Енисейской губернии анализируется трансформация общественной инициативы в области пожаротушения под воздействием социально-политических катаклизмов начала XX века. Цель статьи – на основе архивных документов реконструировать процесс возникновения, развития и огосударствления добровольной пожарной охраны в 1879–1923 гг. и показать его значение для становления гражданской защиты в регионе.

Voluntary fire service, Yenisei Governorate, history of fire service.

Using the example of the Yenisei Province, the article analyzes the transformation of public initiative in the field of firefighting under the influence of socio-political cataclysms of the early 20th century. The purpose of the article is to reconstruct, on the basis of archival documents, the process of the emergence, development and state appropriation of the voluntary fire service in 1879–1923 and to show its significance for the formation of civil protection in the region.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта трансформации общественных инициатив в сфере пожарной охраны в государственно-общественный институт в условиях модернизации и революционных потрясений, что позволяет выявить закономерности и риски этатизации гражданской защиты, сохраняющие значение для современной России.

Источниковую базу исследования составили неопубликованные материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК), в частности фонды Р-601 (ДПО Красноярского горисполкома) и Р-132 (Отдел коммунального хозяйства Енгубисполкома), а также фонд 31 (Статистические обзоры Енисейской губернии) [3–34]. Ключевыми опубликованными источниками выступили уставы добровольных пожарных обществ 1879, 1891, 1895 и 1923 гг. [1–4]. Методологическую основу составили принципы историзма и объективизма, а также историко-системный и историко-генетический методы, позволившие проследить эволюцию института.

Возникновение добровольной пожарной охраны в Енисейской губернии стало ответом на вызовы урбанизации и неэффективность профессиональных команд. Как и в других регионах империи, включая степные области, деревянная застройка, скученность и отсутствие водопроводов создавали высокую пожарную опасность. Крупнейший пожар в Красноярске в 1881 г., уничтоживший 390 домов, наглядно продемонстрировал эту угрозу [5].

Первая общественная организация – Енисейское Вольно-пожарное общество в г. Красноярске – была создана в 1879 г. по инициативе городского головы П.Я. Прейна [7]. Его устав предусматривал членство независимо от сословий, выборность руководства (старосты и совета) и формирование капитала за счет взносов и пожертвований [1; 5]. Общество не только тушило пожары, но и занималось профилактикой, следя за состоянием сеновалов и печей [1, л. 4 об.]. Однако после разрушительного пожара 1881 г., подорвавшего экономическую базу, общество прекратило существование в 1883 г. [5, с. 298].

Возрождение добровольчества произошло в 1890-е гг. на новой организационной основе. Устав Енисейского добровольного пожарного общества 1891 г. и особенно Устав Красноярского добровольного пожарного общества (КДПО) 1895 г. закрепили более строгую дисциплину, разделение на отряды (охотников) и право на самостоятельную хозяйственную деятельность (организацию концертов, гуляний) для пополнения капитала [3; 4]. КДПО быстро превратилось в мощный институт, инициировав в 1903 г. создание Общества взаимного страхования от огня [2; 36], а в 1909 г. – трубочистой артели и службы разъездного агента-монтера для обслуживания уездов [4; 7]. К 1913 г. при участии общества в Красноярске был построен хозяйственно-противопожарный водопровод [4; 7]. Статистика пожаров показывает, что рост числа добровольцев коррелировал с замедлением роста ущерба, хотя абсолютное число пожаров из-за урбанизации продолжало расти [3-34; 5, с. 301].

Революционные события 1917 г. и Гражданская война стали переломным моментом для добровольной пожарной охраны Енисейской губернии. Февральская революция привела к управленческому вакууму, который Красноярское добровольное пожарное общество (КДПО), насчитывавшее 1801 члена, временно заполняло, сохраняя стабильность [1, л. 27; 7, с. 73]. В условиях кадрового голода 1919 г. общество привлекало даже военнопленных Чехословацкого корпуса [9, л. 3, 6, 14]. Однако новая власть большевиков взяла курс на централизацию. Декрет СНК «Об организации государственных мер борьбы с огнем» (апрель 1918 г.) и постановление о передаче пожарного дела в НКВД (июль 1920 г.) создали правовую основу для ликвидации автономии общественных структур [14; 15]. В Енисейской губернии этот процесс завершился в 1923 г. В январе 1920 г. КДПО было реорганизовано в Красноярскую вольно-пожарную дружину (КВПД) во главе с большевиком Д.А. Сидельниковым [7, с. 109]. 3 февраля 1923 г. произошло слияние губпожара и исполкома КВПД, а затем был утвержден новый Устав [11, л. 23-24; 4].

Устав 1923 г. принципиально изменил природу организации: членами могли быть только «трудящиеся», имеющие право избираться в Советы, дружина

подчинялась НКВД, а ее деятельность встраивалась в общегосударственную вертикаль, благодаря чему добровольная охрана из общественной инициативы превратилась в государственно-общественный инструмент [4; 17]. История добровольной пожарной охраны Енисейской губернии (1879–1923) демонстрирует классический путь институциональной трансформации в условиях модернизации и революционного кризиса: возникнув как низовая общественная инициатива, доказавшая свою высокую эффективность, она была сначала использована, а затем полностью поглощена формирующейся советской государственной системой. Опыт Енисейской губернии является яркой иллюстрацией общероссийского процесса этатизации всех сфер общественной жизни, важного для истории гражданской защиты как пример перехода от добровольческих, общественных форм борьбы с бедствиями к профессиональным, централизованным государственным структурам, что имело место и в других регионах бывшей империи, включая казахские степи, где схожие процессы протекали с учетом местной специфики.

Список источников и литературы

1. Устав Енисейского Вольно-пожарного общества в г. Красноярске (1879 г.). Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1879.
2. Устав Енисейского добровольного пожарного общества (1891 г.). Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1891.
3. Устав Красноярского добровольного пожарного общества (1895 г.). Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1895.
4. Устав Красноярской вольно-пожарной дружины (1923 г.). Красноярск, 1923. (Хранится в КККМ).
5. Перелыгин А.Ю., Номоева В.В. Становление и развитие института добровольной пожарной охраны в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (с 1879 по 1917 г.) // Власть. 2023. Т. 31, № 6. С. 297–302. DOI: 10.31171/vlast.v31i6.9918.
6. Шишкин В.И. Революция и Гражданская война в Сибири: общее и особенное // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2019. Т. 7. С. 321–353.
7. Якимов А.Н. История пожарной охраны Красноярского края с 1917 по 1991 год. Красноярск, 2021. 128 с. (рукопись).
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-601. Оп. 1. Д. 1. Доклады вольно-пожарного общества о состоянии пожарного дела в селениях Енисейской губернии.
9. ГАКК. Ф. Р-601. Оп. 1. Д. 8. Отношения заведующему военнопленными Красноярского военного городка о выдаче удостоверений военнопленным и о разрешении им работать в Красноярском вольно-пожарном обществе.
10. ГАКК. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 136. Документы о ремонте помещений, занимаемых военным комиссариатом.
11. ГАКК. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 176. Постановление 1-ой Всероссийской пожарной конференции по тезисам доклада заведующего пожарным отделом.
12. Декрет СНК РСФСР «Об организации государственных мер борьбы с огнем» от 17 апреля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 38. – Ст. 499.
13. Постановление СНК РСФСР «О сосредоточении пожарного дела в НКВД» от 12 июля 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 65. Ст. 290.
14. Долидович О.М. Красноярское общество взаимного страхования от огня (1904–1917) // Genesis: исторические исследования. 2024. № 1. С. 134–147.
15. Статистические обзоры Енисейской губернии за 1879–1915 гг. // ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9А, 13, 18, 41, 50, 57, 61, 73, 114, 120, 208, 209, 215, 221, 222, 225, 248, 245, 265, 266, 267, 268, 269.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧАСТНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ г. КРАСНОЯРСКА В 1920-е гг.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF PRIVATE CATERING ESTABLISHMENTS IN KRASNOYARSK IN THE 1920S

Д.А. Лыщицкий

D.A. Lyshchitskiy

Научный руководитель Г.М. Луцаева
Scientific adviser G.M. Lushchaeva

Частные заведения, общественное питание, особенности развития, НЭП, Красноярск, 1920-е гг.

В статье рассматриваются особенности развития частных заведений общественного питания г. Красноярска в 1920-е гг. Автор приходит к выводу о том, что они имели ряд особенностей в развитии, обусловленных географическими, экономическими и культурными условиями деятельности.

Private establishments, catering, developmental features, NEP, Krasnoyarsk, 1920s.

This article examines the development of private catering establishments in Krasnoyarsk in the 1920s. The author concludes that they had a number of developmental characteristics conditioned by the geographic, economic, and cultural conditions of their operation.

В современных условиях динамичного потребительского рынка, неустойчивости малого бизнеса и санкционного давления наблюдается интерес к форматам локальной торговли, малому бизнесу и уникальным общественным пространствам. Рассмотрение особенностей развития частных заведений общественного питания может предоставить ценные уроки для современных бизнесменов, а также привлечь внимание населения к сохранению уникальности местной культуры и гастрономических традиций.

Данную тему изучал ряд исследователей. В первую очередь стоит выделить работу П.В. Юрлова [1], в которой был системно исследован частный слой предпринимателей Сибири в годы НЭПа. Особое место также занимают работы А.А. Валитова [2], А.В. Саранчука [3] и С.В. Виноградова [4] о деятельности частника в других регионах государства, с помощью которых возможно провести сравнительный анализ и сделать вывод об особенностях в его положении. Однако стоит отметить, что при интересе исследователей к теме частного капитала в 1920-е гг. изучение именно особенностей развития заведений общественного питания, как правило, не входит в спектр их внимания. Таким образом, основной целью исследования является определение этих особенностей на примере г. Красноярска.

Для достижения цели в работе был использован ряд источников: материалы периодической печати газеты «Красноярский рабочий» [6; 7; 8], которые предоставили информацию о конкретных частных заведениях общественного питания и их деятельности. Также были изучены документы двух фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) [9; 10], в которых были найдены ценные документы о численности и наименовании частных заведений, их расположении, владельцах, а также роли кооперации в организации общественного питания периода НЭПа.

После завершения гражданской войны в начале 1920-х гг. остро встал вопрос обеспечения населения продовольствием. Для этого, наряду с детальной государственными и кооперативных столовых, на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. была разрешена рыночная система отношений в стране. Произошел переход к НЭПу, который и привел к возникновению частных заведений общественного питания.

В первые же годы красноярские предприниматели столкнулись с трудностями, вызванными «малой оборачиваемостью капитала» ввиду низкой плотности населения и отдаленности города от основных промышленных центров [1, с. 199]. Другой проблемой стало снабжение города продуктами питания. Товары в Красноярск прибывали вагонами, что нередко приводило к их порче. Это способствовало росту цен на сохранившуюся продукцию. Ближе к центральной части страны, например, в Поволжье подобные ситуации возникали реже. Здесь рынок быстро наполнился самыми разнообразными товарами и услугами, а цены на основные товары в 1920-е гг. оставались стабильными и даже постепенно снижались [4, с. 142]. Внутри региона также могли возникать проблемы с неурожаем. Например, в 1924 г. в Красноярске «страдали заготовки хлеба» [9, л. 31]. Именно географический фактор определил одну из особенностей развития частных заведений общественного питания – хаотичное ценообразование на местном рынке.

В таких условиях в городе имела место быть довольно высокая конкуренция между частниками. В попытках привлечь к себе посетителей нэпманы прибегали к рекламе своих заведений. Так, в первые годы НЭПа в номерах газеты «Красноярский рабочий» стали встречаться объявления подобных заведений. К примеру, в выпуске за 3 ноября 1922 г. располагалось объявление кафе-ресторана «Биржа» [7]. Интересной особенностью стало и расположение заведений. В гостиницах, например, «Метрополе» располагался свой ресторан [6]. Открывались заведения и при театрах [5]. В Красноярске также существовал сад-ресторан «Эдэм» [8, л. 214]. Частные заведения общественного питания открывались и на улицах города.

Еще одной особенностью в развитии частных заведений г. Красноярска стала их зависимость от кооперации. Городская кооперация находилась на высоком положении по обеспечению населения продовольствием, в отличие от соседних западных губерний, где «ассортимент товара в кооперации был хуже, чем у частника» [2, с. 52]. Красноярские предприниматели часто могли

приобретать товары у ВТС, Сибторга, Енсоюза Кооперации для дальнейшей продажи в своих заведениях [9, л. 28]. При этом в отношении с государством они получили практически беспрепятственное развитие. В сравнении, например, в Иркутске произошло «создание организации ИРПО, которая обеспечивала нуждавшихся продуктами первой необходимости, что поставило иркутских спекулянтов в тупик» [3, с. 136].

Однако после бурной деятельности в первой половине 1920-х гг. со стороны государства были предприняты гонения на частных в целях дальнейшего строительства социализма. По всей стране стали повышаться налоговые выплаты с предпринимателей, что приводило либо к закрытию частных заведений, либо их переходу на подпольный уровень.

Таким образом, Красноярские частные заведения общественного питания г. Красноярска в 1920-х гг. имели под собой ряд особенностей развития, определяющих их локальными условиями деятельности. К ним относились высокое положение кооперации в снабжении населения продукцией и отсутствие жесткого госконтроля за деятельностью частного. Однако удаленность от центра, проблемы с логистикой, неустойчивое ценообразование и сырьевая база делали их бизнес особенно уязвимым.

Список источников и литературы

1. Юрлов П.В. Условия предпринимательской деятельности в Сибири в 1920-е годы // Вестник КрасГАУ. 2012. № 12. С. 196–202.
2. Валитов А.А. Возрождение торговой деятельности Западной Сибири в годы нэпа // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2009. № 16 (154). С. 49–56.
3. Саранчук А.В. Рынок товаров и услуг в Иркутске в период от Гражданской войны до НЭПа: проблемы нехватки продуктов и роста цен // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. № 3 (52). С. 130–139.
4. Виноградов С.В. Частное предпринимательство в период нэпа (на материалах Поволжья) // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. № 4. С. 139–149.
5. Красноярский рабочий. 1922. 24 марта.
6. Красноярский рабочий. 1922. 26 июля.
7. Красноярский рабочий. 1922. 3 ноября.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 156. Л. 214.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 4. Л. 28; 31.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг.

THE FORMATION OF THE CHILD WELFARE SYSTEM IN THE YENISEI PROVINCE IN THE 1920S

А.Д. Мытько

A.D. Mytko

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific adviser L.E. Mezit

Енисейская губерния, социальная защита, 1920-е гг., охрана материнства и младенчества, детская беспризорность, детские дома.

Статья посвящена процессу становления и развития системы социальной защиты детства в Енисейской губернии в 1920-е гг. На основе анализа нормативно-правовых актов и материалов региональных исследований рассматриваются ключевые направления государственной политики в сфере охраны материнства и младенчества, а также борьбы с детской беспризорностью. В статье делается вывод о том, что, несмотря на тяжелые экономические условия и послевоенную разруху, в регионе были заложены организационные и правовые основы будущей системы социальной защиты.

Yenisei Governorate, social protection, 1920s, maternal and infant care, child neglect, orphanages, and healthcare.

The article is devoted to the process of formation and development of the social protection system for children in the Yenisei Governorate in the 1920s. Based on the analysis of legal acts and regional research materials, the article examines the key areas of state policy in the field of maternal and infant care, as well as the fight against child homelessness. The article concludes that despite the difficult economic conditions and post-war devastation, the region laid the organizational and legal foundations for the future social protection system.

1920-е гг. стали переломным этапом в формировании советской социальной политики, особенно в отношении детства. В условиях Гражданской войны, послевоенной разрухи и голода перед новой властью остро встал вопрос не только идеологического воспитания, но и физического выживания подрастающего поколения. Для Енисейской губернии, где советская власть установилась лишь в январе 1920 г., эта задача осложнялась необходимостью ускоренного выстраивания социальных институтов фактически с нуля [4, с. 225]. Цель данной статьи – на материале Енисейской губернии проанализировать процесс становления системы социальной защиты детства в 1920-е гг., выявив его ключевые направления, достижения и трудности.

Правовой фундамент новой политики был заложен на общегосударственном уровне. Ключевым событием стал декрет Совнаркома от 9 марта 1920 г., передавший дело охраны материнства и младенчества «охматмлада» в ведение Наркомздрава, что способствовало развитию лечебно-профилактического направления [1, с. 23]. В губернии начали создаваться новые типы учреждений: детские консультации, прививочные пункты, диспансеры по борьбе с социальными болезнями. Важное значение придавалось защите прав работающих женщин.

Так, циркуляр ЦК партии 1921 г. запрещал увольнять женщин с детьми до года, а решение Наркомздрава от 21 февраля 1922 г. ограничивало рабочий день кормящей матери и освобождало беременных от трудовой повинности [1, с. 24].

Однако самым тяжелым вызовом стала детская беспризорность. Основной стратегией властей стало открытие максимального числа детских домов, переданных в ведение губернского отдела народного образования [2, с. 104]. К началу 1921 г. в детских домах губернии насчитывалось уже 2328 воспитанников, а к 1922 г. сеть учреждений для несовершеннолетних включала 36 детских домов, трудовые городки и коммуны [3, с. 274]. На практике эти учреждения работали на пределе возможностей. Как отмечал в своем докладе от 13 июля 1921 г. уполномоченный по улучшению жизни детей Р.К. Лепсис, ситуация с питанием и одеждой была катастрофической. Ограниченность ресурсов и общее обнищание населения не позволяли обеспечить детей даже по минимальным нормативам [4, с. 220–226]. В этих условиях учреждения выполняли функцию не столько воспитания, сколько пунктов элементарного выживания [4, с. 228].

В середине 1920-х гг., по мере стабилизации ситуации, политика в отношении детских домов корректируется. С 1924–1925 гг. по стране, в том числе и в Енисейской губернии, начинается процесс слияния мелких учреждений и их укрупнения. Одновременно для разгрузки переполненных приютов и социализации подростков внедряется институт патронирования – передачи детей в семьи под надзором властей [3, с. 275]. Так, в 1925 г. часть воспитанников была направлена в сельскохозяйственную школу, часть – реэвакуирована на родину или передана патронам [3, с. 275]. Параллельно начинается развитие и дошкольных учреждений: к 1924 г. в Красноярске работали детские сады, в том числе вечерний при партийном клубе [3, с. 275–277].

Таким образом, в 1920-е гг. в Енисейской губернии, несмотря на тяжелейшие экономические условия, голод и эпидемии, была проделана огромная работа по созданию системы социальной защиты детства. Сформирована нормативно-правовая база, открыты десятки детских домов и консультаций, началось развитие патроната и дошкольного воспитания. Власти, хотя и действовали часто методом проб и ошибок, в условиях тотального дефицита ресурсов смогли заложить основы, на которых впоследствии выстраивалась региональная система охраны материнства, детства и социального воспитания.

Список источников и литературы

1. Охматмлад и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг.: хрестоматия / сост.: Т.А. Катцина, О.М. Долидович, Л.Ю. Анисимова. Красноярск: СФУ, 2015. 214 с.
2. Лапо П.В., Катцина Т.А. Деятельность органов народного просвещения Енисейской губернии по улучшению работы детских учреждений в рамках борьбы с беспризорностью (1920–1925) // Современная научная мысль. 2023. № 3. С. 104–107.
3. Афанасова Е.Н. Становление и развитие системы социальной защиты детей в Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2013. № 7. С. 274–277.
4. Катцина Т.А., Мезит Л.Э. Борьба с беспризорностью несовершеннолетних в Енисейской губернии в контексте деятельности Комиссии по улучшению жизни детей. 1921 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 219–231.

ПОЛЬСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920–1921 гг.)

POLISH PRISONERS OF WAR OF THE FIRST WORLD WAR IN THE YENISEI PROVINCE (1920–1921)

А.А. Чертовских

A.A. Chertovskikh

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Scientific adviser E.L. Zberovskaya

Первая мировая война, военнопленные, Енисейская губерния, поляки, социально-демографический портрет.

В статье анализируется социально-демографический состав польских военнопленных времен Первой мировой войны в Енисейской губернии. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на неоднородный возрастной состав, военнопленные имели схожие сословные, брачно-семейные и образовательные характеристики.

World War I, prisoners of war, Yenisei Governorate, Poles, socio-demographic profile.

This article analyzes the socio-demographic composition of Polish prisoners of war during World War I in Yenisei Province. The author concludes that, despite their heterogeneous age distribution, the prisoners had similar social, marital, and educational backgrounds.

Вопрос нахождения иностранных военнопленных на территории Енисейской губернии в период революции и Гражданской войны остается одним из наиболее сложных в региональных исследованиях. Особый интерес среди них представляют лица польской национальности, которые учитываются в категории «военнопленных Первой мировой войны», несмотря на то, что хронологические рамки их пребывания в регионе (1920–1921 гг.) не укладываются в данную классификацию. К 1920 г. основная масса иностранных граждан подлежала репатриации, однако историческая действительность оказалась намного сложнее. Из-за целого комплекса проблем польский контингент оставался на территории губернии гораздо дольше вплоть до стабилизации советско-польских отношений.

Научная литература предлагает нам небольшой выбор работ исследователей, посвященных данной тематике. Работы Р.В. Оплаканской посвящены изучению положения и условий пребывания польских военнопленных в концентрационных лагерях на территории Енисейской губернии [1, с. 117–118]. Другой исследователь Л.К. Островский сосредоточен на изучении вопросов участия польских военнопленных в Гражданской войне и дальнейшей репатриации [2, с. 91–92]. Однако в данных работах фактически не анализируется польский контингент как социальная общность. Поэтому цель данной работы – реконструкция социально-демографического портрета «среднего» представителя данного контингента.

Источниковую базу исследования составили делопроизводственные документы из фондов Государственного архива Красноярского края (анкеты для заключенных, выписки из судебных протоколов). Методологический аппарат включает сравнительно-исторический и статистический методы, позволяющие отделить бюрократический конструкт от реального жизненного опыта заключенных.

Согласно действующему законодательству, военнопленные подлежали содержанию в концентрационных лагерях [3, с. 13]. Основной причиной, на основании которой польские военнопленные оказывались в заключении, была «добровольное поступление в армию Колчака», «служба в добровольной польской армии у Колчака» [4]. Таким образом, участие в Первой мировой войне на стороне противников Российской империи и дальнейший плен были неглавной причиной попадания данных лиц под стражу. Основным фактором заключения становилось участие в Белом движении, направленном против действующей советской власти.

На основе 35 анкет для заключенных первого Красноярского Концентрационного лагеря за 1920-1921 гг. можно выделить ряд особых параметров социального портрета. Возрастной состав отличается неоднородностью и находится в диапазоне от 21 до 41 года [5]. Однако основную часть пленных составляли мужчины в возрасте 25–35 лет, так как они были мобилизованы в 1914–1916 гг. в еще достаточно молодом возрасте.

Семейное положение также было неоднозначным. Большинство заключенных (60 %) не состояли в браке, что характерно для процесса вынужденной миграции. Остальная часть (40 %) – была жената, преимущественно на поляках и украинках, оставшихся на родине [5]. Это можно объяснить тем, что большая часть военнопленных была мобилизована в молодом возрасте и не успела создать собственные семьи.

Большинство военнопленных (около 80 %) были уроженцами Познани, Галиции, Силезии, которые принадлежали Австро-Венгрии и Пруссии. Остальные были выходцами из западных губерний Российской империи или вовсе родились в центральной части страны, но идентифицировали себя как лица польской национальности [5]. Стоит отметить, что этнокультурная идентичность в лагерных документах часто фиксировалась по языковому или конфессиональному признаку, что могло привести к тому, что в число поляков могли попасть польскоговорящие евреи, белорусы, украинцы.

В сословном отношении отражается аграрная структура польских территорий, так как военнопленные в большинстве своем были выходцами из крестьян (65 %) и городских ремесленников и рабочих (20 %). Оставшиеся 15 % составляли студенты, мелкобуржуазная интеллигенция и низший офицерский состав [5].

Уровень образования был несколько выше ожидаемого, так как абсолютное большинство (85 %) владело базовой грамотностью на польском языке. Однако грамотность имела преимущественно функциональный характер: умение читать, писать письма, вести счет. Остальная часть числится в анкетах как «малограмотные» [5].

Отдельно стоит отметить тот факт, что во всех анкетах на вопрос о принадлежности к какой-либо партии все заключенные отмечались как беспартийные [5]. На основании этого, а также сословных и образовательных характеристик можно сделать выводы об аполитичности данной категории в силу низкого уровня образования и отсутствия политической культуры в крестьянской среде.

Таким образом, нахождение польских военнопленных на территории Енисейской губернии в 1920–1921 гг. стало результатом их активного участия в Белом движении и добровольная служба в армии Колчака. Реконструкция социального портрета «среднего» представителя данного контингента демонстрирует нам достаточно молодого неженатого человека, проживавшего на территории Австро-Венгрии или Пруссии. Он был преимущественно выходцем из крестьянского сословия, реже – чернорабочий. В силу своего происхождения имел минимальные уровень образования и интерес к участию в политической жизни.

Список источников и литературы

1. Оплаканская Р.В. Положение польских военнопленных в Сибири в начале 1920-х гг. // Вестник ТГУ. 2014. № 384. С. 116–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-polskih-voennoplennyh-v-sibiri-v-nachale-1920-h-gg> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Островский Л.К. Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.) // Вестник ТГУ. 2008. № 316. С. 88–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polskie-voennye-v-sibiri-1904-1920-gg> (дата обращения: 11.04.2026).
3. Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. 124 с.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1743. Оп 1. Д. 16. Л. 1-3.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1743. Оп 1. Д. 307. Л. 2-36.

ДЕТСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

CHILDHOOD SOCIAL INSTITUTIONS IN THE EARLY SOVIET PERIOD

К.А. Мягкова

К.А. Myagkova

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific adviser L.E. Mezit

Детская беспризорность, Енисейская губерния, детские дома, социальное воспитание, раннесоветский период.

В статье автор на материалах архивов Красноярского края рассматривается становление сети детских социальных учреждений в Енисейской губернии в 1917–1920 гг. Анализируются типы учреждений, принципы их организации и условия работы.

Child homelessness, Yenisei Governorate, orphanages, social education, early Soviet period.

The article draws on materials from the archives of Krasnoyarsk Krai to examine the formation of a network of children's social institutions in Yenisei Governorate from 1917 to 1920. It analyzes the types of institutions, the principles of their organization, and the conditions in which they operated.

В современной России защита семьи и традиционных ценностей признана государственным приоритетом. Сегодняшняя система социального обеспечения детства, развиваясь с учетом советского наследия, демонстрирует серьезные успехи, однако сохраняет и ряд проблем, что делает историю детских социальных учреждений актуальной исследовательской темой.

Изучая работы предшественников, можно говорить, что основным фокусом исследователей было рассмотрение советской социальной политики, не затрагивая в ее контексте социальной политики в отношении детей в период Временного Сибирского правительства или правительства Колчака [1]. Также часть работ были посвящены социальной политике в масштабах страны без рассмотрения региональных особенностей ее реализации [2].

Единую структуру, которая действовала бы весь период с 1917 г. до середины 1920-х гг. и решала бы проблемы детства, ни Временному Сибирскому правительству, ни правительству Колчака создать не удалось. Лишь при советской власти такая структура начинает зарождаться в губернии.

В условиях общей разрухи для множества сирот именно государственные учреждения стали единственным местом, где они могли получить еду, медицинскую помощь, кров [5, с. 68]. Детские дома в этот период организовывались в первую очередь для сохранения жизни детей. Организация сети приютов помогала в решении проблемы как детская преступность [6, Л. 46]. Детские дома, приюты оставались частными и держались благодаря общественным организациям

[8, Л. 19-35об.]. Самым ярким примером является Синельниковский приют, который содержался одноименным обществом [9, с. 353].

Были и другие организации, воспитывающие подрастающее поколение. Например, работа детских площадок, которые организовывались в летний период на территории Енисейской губернии во время гражданской войны на средства земств или частных благотворителей. Главной их задачей являлось руководство досугом детей в летний период.

В летнем сезоне 1919 г. в Красноярске работало 6 площадок, созданных благодаря местным общественным организациям, и 5 площадок в сельской местности, открытых на средства земской управы. Все площадки делились на две группы: «игральные» и учебно-воспитательные [10, с. 128, 131].

Первые площадки организовывались именно в городской среде и предполагали пребывание детей на свежем воздухе и их физическое развитие. Вторым же типом мог быть организован в разной местности, и руководствовался принципами, основными из которых являлись: трудовое начало, физическое развитие [10, с. 128].

После восстановления советской власти в 1920 г. стоит упомянуть о разрушении старой системы социального призрения и необходимости создания новой в кратчайшие сроки. Главной идеей стал принцип «социального воспитания»: начали создаваться новые общественные организации, шло формирование наркоматов и наделение их полномочиями. Государство брало на себя ответственность за беспризорников, сирот, превращая их в «государственных» детей.

Более позднее установление советской власти в Сибири повлияло на реализацию мер социальной защиты. Государство не имело ресурсов для финансовой поддержки – сократилась сеть детских учреждений, материальное положение оставшихся ухудшилось.

Другая задача, которую призваны были решать детские учреждения при советской власти, – освобождение детей от влияния «старорежимной» семьи, т.к. дети в государственных учреждениях должны были стать опорой нового строя.

Именно с расчетом на это в своде общих правил для организации детских домов содержалось правило об опоре на труд [7, Л. 13-13об.]. Таким образом, они должны были подготовить детей к самостоятельной жизни.

В начале 1920-х гг. 3 типа детских домов: детские дома для ребят от 3 до 7 лет; детские дома для детей возраста от 8 до 16 лет; трудовые коммуны для подростков от 13 до 16 лет, которые не прошли школьного обучения и которым было необходимо дать образование и производственную подготовку.

Анализируя отчеты контролирующих органов, можно сделать вывод о весьма слабом обеспечении детских домов такими важными вещами, как топливо, мебель, одежда. Однако по мере восстановления разрушенного хозяйства постепенно шло расширение сети детских учреждений, но и до конца 1920-х гг. решить проблему детской безнадзорности в регионе не удалось.

Таким образом, на территории Енисейской губернии в раннесоветский период только началось создание новой сети детских социальных учреждений.

Список источников и литературы

1. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. / Т.М. Смирнова М.; СПб.: Институт российской истории РАН, 2015. 384 с.
2. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.: М.: РГГУ, 1994. 418 с.
3. Славко А.А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия АлтГУ. 2009 С. 229–234.
4. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. 270. Оп. 1. Д. 4.
5. Катцина Т.А., Мезит Л.Э., Тишкина К.А. Повседневность детских домов Енисейской губернии в раннесоветский период // Genesis: исторические исследования. 2023. С. 63–72.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 270. Оп. 1. Д. 2.
7. ФКУ «Государственный архив Российской Федерации» (ФКУ «ГАРФ»). Ф. А-413. Оп. 2. Д. 327.
8. Муниципальное казенное учреждение «Красноярский городской архив» (МКУ «КГА»). Ф. Р-1200. Оп. 1. Д. 4.
9. Колокольникова З.У., Шарабарина Х.А. Приют для мальчиков Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот (конец XIX – начало XX вв.) // Теория и практика современной науки. 2016. № 4. С. 352–356.
10. Тишкина К.А. Детские летние площадки в Енисейской губернии в 1919 г. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 128–131.

НАСТРОЕНИЯ СИБИРСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

THE ATTITUDES OF THE SIBERIAN TEACHERS DURING THE CIVIL WAR

В.С. Шевчугов

V.S. Shevchugov

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific supervisor L.E. Mezit

Гражданская война, учителя, конференции, союзы.

В статье анализируется эволюция настроений и материальное положение учителей в период политической нестабильности в Енисейской губернии.

Civil war, teachers, conferences, unions.

The article analyzes the evolution of teachers' attitudes and financial situation during the period of political instability in the Yenisei province.

На сегодняшний день по теме гражданской войны написана масса работ, однако многие региональные процессы этого периода остаются не раскрытыми или слабо освещенными. До начала гражданской войны учительство Енисейской губернии неоднозначно отнеслось к установлению советской власти, поэтому ряд учительских союзов заняли откровенно враждебную позицию. Гражданская война усугубила данный раскол, и на основании материалов учительских конференций исследуемого периода это можно отчетливо проследить.

Цель данного исследования – проследить процесс эволюции настроений в учительской среде в Енисейской губернии исследуемого периода.

Источниковую базу работы составили материалы учительских конференций, проходивших в 1918–1919 гг. в Енисейской губернии и опубликованных в сборнике А.П. Дементьев, В.А. Дробченко «Сессии органов местного самоуправления, съезды, конференции, совещания общественных организаций и социальных групп Енисейской губернии в период Гражданской войны, май 1918 г. – февраль 1920 г.» [1].

Систематизируя проблемы, которые поднимали учителя на своих конференциях, можно утверждать, что преобладали профессиональные вопросы: защита права на труд учительства губернии; качество образовательного процесса; отношение к официальной власти. Отчасти это обусловлено политической нестабильностью и правовой неопределенностью статуса учительства. Как самая массовая образованная группа населения и советская власть, и Временное Сибирское правительство, а потом и А.В. Колчак рассматривали учителей как самый надежный канал пропаганды своих намерений в крестьянской среде и менее всего были заинтересованы в защите прав учительства, заботе об их материальном положении.

В августе 1918 г., когда в Сибири установилась власть Временного Сибирского правительства, как свидетельствуют материалы II делегатского съезда учащихся Енисейской губернии, учительство на этом съезде заняли двойственную позицию. С одной стороны, часть поддержала «борьбу за воссоздание государственности и восстановление основ народоправства», а также согласилось с мобилизацией, что является прямой демонстрацией лояльности новой анти-советской власти. С другой же стороны, участники съезда проявили стремление к защите своих членов от политических репрессий (дело Итыгина). Съезд осуждал «голый факт участия в совдепах» как основание для исключения, если учитель не вредил общему делу образования и требовал справедливого суда для арестованных [1; с. 121–128]. Это свидетельствует, что учительство желало сохранить профессиональную солидарность вне зависимости от действующей на территории власти.

Как свидетельствуют архивные материалы, позиция учителей по отношению к официальной власти в условиях политической нестабильности в регионе эволюционировала: от лояльной (сентябрь–ноябрь 1918 г.) Временному Сибирскому, Колчаковскому правительствам до поддержки Армейского совета партизан (октябрь 1919 г.) [1; с. 317–319]. Такая политическая всеядность была обусловлена отсутствием у любой власти привлекательных для учителей программ, тяжелым материальным положением этой массовой профессиональной группы. Учительство пыталось встроиться в систему земского самоуправления и получить влияние на местную образовательную политику.

Материальное положение учительства еще с самого начала гражданской войны было напряженным. Так, на II съезде Енисейской губернии и IV Ачинском съезде учащихся учителя выставляли требования о повышении жалования, съезды требовали установить оклад в 3600 руб. в год и сверху еще 600 руб. квартирных, что выше утвержденных правительством ставок. Это говорит о чудовищном падении уровня жизни на фоне инфляции и разрухи. Поднимались вопросы социальных гарантий: зачет времени в тюрьме или ссылке в стаж, сохранение рабочих мест за мобилизованными, оплата труда законоучителей и преподавателей искусств наравне с основными предметами [1; с. 121–128].

На Ачинском съезде, помимо вышесказанного, добавилось требование пересмотра оклада «соответственно росту дороговизны». Это прямое указание на быстро растущую инфляцию и обнищание учителей. Учительство понимает, что фиксированная сумма быстро обесценится. Создаются бюро труда и фонд взаимопомощи. Бюро труда должно заниматься трудоустройством и учетом безработных учителей, а фонд должен оказывать материальную помощь [1; с. 136–139].

Материальное положение разнилось от места проживания. Так, например, в ноябре материальное положение в селе Курагино, по данным съезда, было катастрофическим. В отличие от Ачинска, где обсуждали ставки и индексацию, здесь уже 2–3 месяца учащие находятся без жалования. Это становится не вопросом бедности, а выживания. Школы начали замерзать «без средств на отопление». Школам не хватало финансирования [1; с. 179–180].

В мае–июне 1919 г. положение учительства в Ачинске существенно изменилось по сравнению с тем, что было в сентябре 1918 г. Инфляция растет невероятными темпами, о чем нам говорят данные о прожиточном минимуме, определенном съездом в размере 551 руб. в месяц (6612 руб. в год), это превышает требования годичной давности (3600 + 600 руб. в год) почти в 2 раза. Это прямое доказательство обесценивания денег и быстрого обнищания населения, в том числе учителей [1; с. 248–253].

На съезде поднимают вопрос об отсутствии средств на проведение летних курсов, но он так и остается открытым. Предпринимается решение о составлении коллективного договора с земством, чего не было ранее. Учителя уже не просто требуют повысить зарплату, а пытаются иначе оформить отношения с земством. Это показывает продолжающуюся борьбу за повышение материального положения [1; с. 248–253].

В то же время ситуация в Минусинском уезде отличается. Месячный оклад здесь 329 руб. – это почти вдвое меньше рассчитанного прожиточного минимума в Ачинске. Из-за нехватки средств учителя «уходят с мест», занимаются спекуляцией, чтобы просто выжить. Происходят конфликты с духовенством на почве того, что священники не преподают Закон Божий, а жалование получают. Учителя требуют поурочной оплаты, справедливости и эффективного расходования скудных средств. Требование к правительству и земству обеспечить «вполне достаточными средствами сообразно современной дороговизне» является отчаянной попыткой хоть как-то улучшить ситуацию [1; с. 255–257].

В октябре 1919 г. тяжесть положения достигла своего пика и коренным образом отличается от всех предыдущих съездов. Учителя буквально готовы получать жалование любыми «денежными знаками» или даже натурой. Колчаковские деньги обесценились и не принимаются, а советские еще не в ходу. Все приходит к примитивному натуральному обмену. Главным требованием стало «неприкосновенность личности учителя, его имущества и школьного достояния». Учителя стали бояться не только голода, но и насилия, грабежей со всех сторон. Все перешло в физическое выживание.

Таким образом, в заключение можно сказать, что как положение, так и настроения учительства приняло отрицательную тенденцию. Учителя прошли путь от организации, объединения и структурности к аполитичному выживанию и отчаянию. Отношение к власти прошло длинную эволюцию от адаптации к белой власти, а позже попытке диалога и работы с правительством через земства и создание структур взаимодействия, до полного политического нейтралитета. Материальное положение за исследуемый период катастрофически падало. С августа 1918 г. до октября 1919 г. требуемый оклад вырос вдвое, а реальный оказался вдвое ниже прожиточного минимума, учителям не платили совсем, и они были согласны на любую плату. В разных регионах наблюдались различия в положении и настроении, они разнились, от активной позиции и высокой самоорганизации, как например в Ачинске, до страха и апатии, банальной запуганности, как например в Курагино. Учительство демонстрирует

высокую степень единства и поддержки членов своего союза, но в то же время отказ в помощи не состоявшим в нем. Главный вывод – учительство к концу 1919 г. не стало ни белым, ни красным, оно выбрало путь профессионального нейтралитета.

Список источников и литературы

1. Дементьев А.П., Дробченко В.А. Сессии органов местного самоуправления, съезды, конференции, совещания общественных организаций и социальных групп Енисейской губернии в период Гражданской войны (май 1918 г. – февраль 1920 г.). Красноярск: Союз краеведов Енисейской Сибири, 2023. С. 121–128.
2. Там же. С. 136–139.
3. Там же. С. 179–180.
4. Там же. С. 190.
5. Там же. С. 248–253.
6. Там же. С. 255–257.
7. Там же. С. 317–319.

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА ГАЗЕТЫ «ГОЛОС НАРОДА»

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE MEDIA DISCOURSE IN THE «VOICE OF THE PEOPLE» NEWSPAPER

А.С. Дементьев

A.S. Dementyev

Научный руководитель А.П. Дементьев
Scientific adviser A.P. Dementev

«Голос народа», народные социалисты, Енисейская губерния, революция, программные установки.

В статье на основе газеты «Голос народа» рассматривается ее партийная принадлежность, идеологические установки, восприятие событий, происходящих в Енисейской губернии. Автор статьи приходит к выводу, что содержание «Голоса народа» было типичным для газет того времени.

“Voice of the people”, people’s socialists, Yenisei Governorate, revolution, programmes.

The article, based on the newspaper Golos Naroda, examines its party affiliation, ideological attitudes, and perception of events in the Yenisei province. The author concludes that the content of Golos Naroda was typical for newspapers of that time.

Газеты, несмотря на определенный идеологический субъективизм, являются важными, а за частую единственными источниками для изучения общественно-политической жизни периода революции 1917 г. и гражданской войны.

В этом контексте актуально обращение к газете «Голос народа», которая не использовалась как исторический источник в советский период; на современном этапе исследователи обращаются к ней эпизодически. Цель данного исследования – комплексный анализ медийного дискурса «Голос народа», которая выходила в Красноярске в 1917 – 1918 гг.

Первый номер газеты вышел 21 сентября 1917 г., издание стало рупором красноярской группы народно-социалистической партии (энесы) [1]. В 1917 г. вышло 57 номеров, в 1918 – 21. Чаще всего в газете публиковали свои материалы И.С. Казанцев и И.Т. Селезнев, которые были лидерами партийной группы.

Первая и последняя страницы обычно отводилась под события культурной жизни города и объявления. Можно предположить, что объявления, размещавшиеся за определенную плату, давали дополнительные средства к существованию «Голоса народа».

В газете существовал ряд рубрик, например, новостные, авторские статьи, сатирические, политическая агитация.

К новостным рубрикам можно отнести телеграммы Петроградского телеграфного агентства, освещавшего события в мире, а также важнейшие события в Петрограде. Хроника и местная жизнь освещали жизнь в Красноярске и губернии.

Авторские статьи содержали в себе идеологические установки партии и мнения ее членов на происходящие события в стране, одной из которых были «Мои письма» за авторством И.Т. Селезнева, в которых автор приводил собственные рассуждения о патриотизме и сознательности народных масс. Стоит также отметить, что в таких статьях освещались автономистские собрания, особенно областнические съезды. Это свидетельствует о реальной поддержке партией автономистского движения.

В сатирических заметках были фельетоны, высмеивавшие оппонентов и политическую несознательность масс.

В предвыборных статьях красноярские энесы вступали в полемику с другими партиями, доказывая преимущество своей программы. Эсеров критиковали за погоню за массовостью [4, 29 окт.], при этом сами обращались к абстрактным трудящимся [3], осуждали эсеровскую социализацию земли там, где не изжит принцип собственности на землю. Остальных критиковали за нежелание создания федеративной республики [4, 14 нояб.].

Но больше всего критике от красноярских энесов подвергались большевики. Если в сентябре – октябре большевики изредка упоминались в статьях и фельетонах как «бескультурная сила» [4, 15 окт.], идущая в разрез с большинством российской демократии [4, 26 сент.], то с приходом большевиков к власти энесы категорически не приняли произошедшее. «Арест власти и насильственный захват ее в центре не может быть квалифицирован иначе, как контрреволюцией», – писали в «Голосе народа».

Популярность газеты среди населения можно оценить по результатам выборов в Учредительное собрание. Так, в Красноярске за список народных социалистов проголосовало 218 избирателей (1,4 %) [2], что может свидетельствовать о малой популярности газеты среди горожан.

30 октября по инициативе красноярского совета солдатских и рабочих депутатов была предпринята попытка приостановить работу газеты [4, 31 окт.], но несмотря на это, «Голос народа» продолжал выходить и дальше.

Последние номера газеты в 1917 г. вышли в ноябре, лишь 27 февраля 1918 г. выйдет новый выпуск «Голоса народа» под редакцией И.С. Казанцева. В 1918 г. в газете произошел ряд изменений: со страниц пропала коммерческая реклама, так как с введением монополии советов на объявления газеты лишились этой возможности. Также в заголовке перестала упоминаться партия народных социалистов.

В целом структура газеты не изменилась, по-прежнему выходили новостные рубрики, публиковались авторские статьи. Но были и некоторые изменения, например в рубрике телеграммы к Петроградскому телеграфному агентству появилась приписка «большевистское», так подчеркивалось недоверие к новостям, поступавшим из столицы [5, 15 марта]. Последний номер вышел 27 марта (9 апреля).

Таким образом, статьи с содержанием доктрины и позиции энесов полностью ушли из газеты, уступив место полностью антибольшевистскому дискурсу.

Комплексный анализ медийного дискурса газеты «Голос народа» показал, что ее содержание было типичным для газет того времени, особый интерес представляют статьи, содержащие программные установки энесов и мнения журналистов «Голоса народа», поскольку они позволяют лучше понять идейные воззрения народных социалистов.

Список источников и литературы

1. 1917. Гроза над Енисеем: Русская революция в Енисейской губернии / [А.П. Дементьев, А.Г. Елисеенко, А.В. Мармышев, П.А. Новиков, В.А. Паршуков; общ. ред. А.Г. Елисеенко, А.В. Мармышев, А.В. Ульверт]. Красноярск: Поликор, 2017. 447 с.
2. Дементьев А.П., Коновалова О.В. Общественно-политическая борьба в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.): монография. Красноярск: СФУ, 2018. 319 с.
3. Медведева Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.): монография. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2006. 187 с.
4. Голос народа. Красноярск, 1917.
5. Голос народа. Красноярск, 1918.

ПОВСЕДНЕВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА (1922–1923-е гг.) ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЖИЗНЬ СИБИРИ»

THE DAILY SITUATION OF SIBERIAN PEASANTS
IN THE FIRST YEARS OF THE NEP (1922–1923)
ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE MAGAZINE “LIFE OF SIBERIA”

К.В. Першаков

K.V. Pershakov

Научный руководитель С.А. Красильников
Scientific adviser S.A. Krasilnikov

Крестьянство, повседневность, НЭП.

Статья анализирует отражение крестьянской повседневности в Сибири в 1922–1923 гг. по материалам журнала «Жизнь Сибири». Автор показывает, что НЭП представлен в журнале не как уступка большевиков интересам крестьян, а как прагматический компромисс власти, направленный на восстановление экономики и «смычки» с деревней.

Peasants, everyday life, NEP.

The article analyzes reflections of everyday peasant life in Siberia in 1922–1923, based on materials from the journal “Life of Siberia.” The author demonstrates that the NEP is presented in the journal not as a Bolshevik concession to peasant interests, but as a pragmatic compromise aimed at restoring the economy and strengthening ties with the village.

История повседневности раннесоветского крестьянства в доколхозный период сохраняет свою научную и общественную (функцию сохранения социальной памяти) актуальность. В начале 1920-х гг. крестьянство находилось в сложном положении. Происходило столкновение между традиционной крестьянской культурой и модернистскими тенденциями, проявившимися особенно у сельской молодежи [1, с. 122]. Происходили изменения в социально-экономической сфере. Изучение крестьянской повседневности начала НЭПа позволяет проследить тенденции развития деревни в 1920-е гг. и выявить предпосылки принудительной коллективизации и раскрестьянивания в радикальных формах в начале 1930-х гг.

Степень изученности темы следует охарактеризовать как недостаточную, хотя в советской историографии повседневности крестьян 1920-х гг. было посвящено множество работ, среди которых выделялись работы В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого и др. Изучена повседневность сибирских крестьян (работы И.С. Кузнецова, Н.Я. Гущина, В.А. Ильиных и др.). Однако формировавшийся в государственной периодике образ сибирской крестьянской повседневности в начале НЭПа в полной мере не изучен. Газетно-журнальная периодика

выступала ключевым каналом социально-политической коммуникации между органами власти и сельским населением. Цель статьи – анализ формирования государственного образа повседневности сибирского крестьянина на примере публикаций журнала «Жизнь в Сибири» в 1922–1923 гг.

Журнал «Жизнь Сибири», выходивший с 1922 по 1931 г., издавался Сибревкомом (после 1925 г. Сибкрайисполкомом) в Новониколаевске/ Новосибирске в качестве краевого органа власти. Он является комплексным источником, в котором публиковались статьи и материалы о социально-экономической жизни, государственной политике в Сибири и в стране в целом. При этом следует помнить, что в официальном издании, каким являлся журнал, содержались оценки сугубо в интересах правящего большевистского режима. Тематическое наполнение публикаций позволяет установить, что в издании существенно преобладало отражение социально-экономических аспектов жизни крестьян и в меньшей степени освещалась политическая сторона деревенской повседневности (настроения, отношение к власти). Связано это с неудачей большевиков в прямом идеологическом воздействии на крестьянскую среду [2, с. 188]. Соответственно, журнал не дает полной картины крестьянской повседневности. Однако он позволяет выявить приоритеты государства в понимании деревенской жизни и оценить, отвечала ли политика большевиков коренным интересам крестьян в первые годы после гражданской войны.

Основные положения, обозначенные в статье

1. Публикации журнала «Жизнь Сибири» показывают, что государство позиционировало НЭП как отвечающую интересам крестьянства политику – замена продразверстки продналогом, свобода торговли, а также свобода распоряжаться своими излишками [3, с. 3-6].

2. Сам НЭП преподносился не как идеологическая уступка в ответ на недовольство деревни политикой большевиков в годы гражданской войны, выразившиеся в ряде крупных волнений и восстаний, в том числе в Западной Сибири, а прагматический компромисс с деревней, необходимый в данный момент по социально-экономическим соображениям [3, с. 3].

3. В оценках представителей власти признается двойственное положение сибирских крестьян: с одной стороны, они находились в тяжелом хозяйственном упадке после гражданской войны и революций [4, с. 91], с другой – в публикациях делается акцент на том, что за первые два года НЭПа происходило восстановление крестьянских хозяйств [5, с. 5]. Улучшался быт крестьян [6, с. 6], росла кооперация [7, с. 310]. Появляются новые тенденции среди сельской молодежи, которым давалась положительная оценка [1, с. 124]. Более осторожно затрагивались процессы «советизации» в сибирской деревне.

В итоге делается вывод о том, что партийное государство, столкнувшись с массовым недовольством крестьян и экономическим кризисом в стране, пошло на значительные уступки последним. НЭП выступает прагматическим компромиссом для укрепления «смычки» власти с крестьянством на почве экономических

интересов. Важен тот факт, что название журнала «Жизнь Сибири» носило нейтральный, не политический характер. В журнале крестьянская повседневность отражалась в интересах власти: фиксировались лишь те процессы в среде сибирских крестьян, которые совпадали с ее приоритетами по нормализации экономики.

Список источников и литературы

1. Кузнецов С.И. На пути «Великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 235 с.
2. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху сталинизма: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 308 с.
3. Копяткевич А. Десятый съезд Советов и восстановление хозяйства Сибири // Жизнь Сибири. 1923. № 1. URL: https://poisk.ngonb.ru/flip/periodika/Zhizn_Sibiri/1923/01 (дата обращения: 25.03.2026).
4. Полюдов Е. Обзор хозяйственного положения Омской губернии и перспектив в условиях НЭП // Жизнь Сибири. 1922. № 1-2. URL: https://poisk.ngonb.ru/flip/periodika/Zhizn_Sibiri/1922/01-02/241/ (дата обращения: 20.04.2026).
5. Лашевич М. Хозяйственное положение Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 1. URL: https://poisk.ngonb.ru/flip/periodika/Zhizn_Sibiri/1922/01-02 (дата обращения: 16.03.2026).
6. Поволоцкий А. Основные задачи хозяйственного строительства в Сибири в свете решений XII съезда партии // Жизнь Сибири. 1923. № 6-7. URL: https://poisk.ngonb.ru/flip/periodika/Zhizn_Sibiri/1923/06-07/11/ (дата обращения: 21.04.2026).
7. Сибирский областной союз сельскохозяйственных кооперативных союзов (Сибсельско-союз) // Жизнь Сибири. 1923. № 11-12. URL: https://poisk.ngonb.ru/flip/periodika/Zhizn_Sibiri/1923/11-12/ (дата обращения: 21.04.2026).

БИОГРАФИЯ ТАСЕЕВСКОГО ПАРТИЗАНА И.П. ВОСТРИКОВА

BIOGRAPHY OF THE TASEEV PARTISAN I.P. VOSTRIKOV

А.Р. Карпенко

A.R. Karpenko

Научный руководитель А.П. Дементьев

Scientific adviser A.P. Dementev

Гражданская война, Сибирь, Енисейская губерния, Северо-Канский фронт, Тасеевская партизанская республика, Убысинский летучий отряд, партизанское движение.

В статье рассматривается жизненный путь И.П. Вострикова: от крестьянского сына и батрака до партизанского командира, после советского руководителя и депутата Канского городского Совета. На основе воспоминаний Вострикова восстановлены ключевые эпизоды боевых действий убysinского «летучего» отряда в 1919–1920 гг.: первый бой под Тасеево, разгром карательного отряда атамана Красильникова, Кайтымское сражение, освобождение Канска и соединение с частями Красной армии. Показано, что личные свидетельства участника частично являются достоверным источником по истории партизанского движения в Енисейской губернии. Материалы исследования могут быть использованы в краеведческой работе и патриотическом воспитании.

Civil War, Siberia, Yenisei Governorate, North-Kansky Front, Taseevskaya Partisan Republic, Ubysinsky Flying Detachment, Partisan Movement.

The article examines the life path of I.P. Vostrikov: from a peasant's son and farmhand to a partisan commander, and later to a Soviet leader and a member of the Kansk City Council. Based on Vostrikov's memoirs, the article reconstructs key episodes of the Ubysinsky "Flying" Detachment's military operations in 1919–1920: the first battle near Taseevo, the defeat of Ataman Krasilnikov's punitive force, the Kaitym Battle, the liberation of Kansk, and the connection with the Red Army units. It is shown that the participant's personal testimonies are partially an authentic source on the history of the partisan movement in the Yenisei province. The research materials can be used in local history work and patriotic education.

Гражданская война в России остается одним из самых трагичных периодов отечественной истории. Особое место в ней занимает партизанское движение в Сибири, где крестьянство, поддерживавшее советскую власть, создало в глубоком тылу белых армий целые партизанские «республики». Изучение этого феномена невозможно без обращения к биографиям рядовых участников и командиров, чьи личные свидетельства позволяют наполнить историю живыми образами. Статья посвящена биографии Ивана Прокопьевича Вострикова (1896–198?) – командира Убысинского «летучего» отряда, действовавшего в составе Северо-Канского (Тасеевского) фронта. Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные воспоминания самого И.П. Вострикова.

И.П. Востриков родился в 1896 г. в Тамбовской губернии в крестьянской семье. С десяти лет он батрачил – работал по найму у помещика. В 1911 г. семья переехала в Сибирь, в Канский уезд [1]. В 1915 г. Вострикова призвали в армию.

Он служил на Западном фронте, дослужился до унтер-офицера и командира взвода. В 1917 г. после ранения оказался в Новониколаевске (сейчас Новосибирск), где его застала Февральская революция. Солдаты избрали его секретарем полкового комитета. После демобилизации в 1918 г. Востриков вернулся в Канский уезд. Однако летом того же года в Сибири вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса, советская власть пала, и установилась диктатура адмирала А.В. Колчака. Востриков не принял новую власть: он вступил в подпольную большевистскую организацию, руководителем которой был бывший питерский рабочий Пантелеев, а в начале 1919 г. создал Убысинский «летучий» отряд, который с 33 человек вырос до 200. Данный отряд был составной частью тасеевской партизанской армии Северо-Канского фронта [2, с. 109].

Убысинский партизанский отряд участвовал во всех крупных боях тасеевских партизан: первый бой под Тасеево (23 января 1919 г.), поражение атамана Красильникова (второй тасеевский бой) (17 февраля 1919 г.), взятие Троицкого гарнизона (1919), Кайтымский бой (28 июня 1919 г.), взятие Канска (28 декабря 1919 г.). В период активных боевых действий Востриков проявил себя как талантливый командир.

Однако стоит критически оценивать масштаб партизанских действий. Историки А.В. Мармышев и А.Г. Елисеенко указывают на несоответствие в воспоминаниях Вострикова с другими источниками [2, с. 157]. Вероятно, в своих воспоминаниях Востриков стремился завысить значимость ряда событий.

После разгрома колчаковцев И.П. Востриков воевал на врангелевском фронте в составе 30-й дивизии 5-й Армии, был в частях особого назначения (ЧОН) по ликвидации остатков бандитизма [3, с. 25]. Затем занимал руководящие посты: заведующий Канским и Новосибирским окружным отделом социального обеспечения, председатель райисполкома, директор совхоза. В 1927–1929 гг. окончил два курса Новосибирского Коммунистического университета [4]. В годы Великой Отечественной войны (1942–1945) работал заведующим отделом торговли и вторым секретарем Канского горкома ВКП(б). Награжден медалями «За победу над Германией» и «За доблестный труд» [5]. В 1947 г. избран депутатом Канского городского Совета по округу № 38.

В 1983 г. в московском издательстве «Современник» вышел роман Антонины Глебовны Корытковской «Увидевшие звезду» [6]. Автор – профессиональный журналист. По приглашению дочери ветерана Людмилы Ивановны Корытковская приезжала в Канск, встречалась с И.П. Востриковым и брала у него интервью. В романе командир Убысинского отряда выведен как главный герой под фамилией Быстриков. На экземпляре книги, хранящемся в семейном архиве, сохранилась дарственная надпись: «Дорогому Ивану Прокопьевичу, главному герою этой книги, от автора Антонины Корытковской и ее внука Ивана с любовью». Хотя роман является художественным произведением, сам факт его создания и посвящения ветерану свидетельствует о том, как память о партизанском командире сохранялась и передавалась через поколения.

Исследование показало, что жизненный путь И.П. Вострикова – от батрака до командира и советского руководителя – типичен для поколения сибирских крестьян, прошедших Первую мировую и гражданскую войны. Убысинский отряд под его командованием участвовал в ключевых сражениях: от первого боя под Тасеево до освобождения Канска. Избрание депутатом горсовета в 1947 г. демонстрирует признание его заслуг земляками. Роман А.Г. Корытковской, посвященный Вострикову, и дарственная надпись на книге служат свидетельством сохранения памяти о партизанском командире.

Список источников и литературы

1. Востриков И.П. Тасеево – село сибирское // Сельский труженик. Тасеево, 1985. 7 ноября. № 126.
2. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: Версо, 2008. 416 с.
3. Иванов Г.М. Тасеевская республика, 1918–1920 гг. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1969. 102 с.
4. Шекшеев А.П. Командный состав крестьянского повстанчества на Енисее в лицах (1918–1922 гг.) // Сибирский архив: электронный научный журнал. URL: <https://archivesiberia-journal.nso.ru/page/270> (дата обращения: 21.04.2026).
5. ГАКК Ф.Р-1420. ОП.1. Д.413. Л.4.
6. Корытковская А.Г. Увидевшие звезду: Роман. М.: Современник, 1983. 320 с.

ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

THE IMAGE OF POWER IN THE WORKS OF M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

П.Е. Лаптев

P.E. Laptev

Научный руководитель В.И. Федорова
Scientific adviser V.I. Fedorova

Салтыков-Щедрин, «История одного города», образ власти, сатира, бюрократия, градоначальники, гротеск.

В статье анализируется образ власти в сатирической хронике М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». На основе биографических данных писателя, его опыта государственной службы рассматривается эволюция сатирического изображения градоначальников как аллегории российской бюрократической системы. Автор приходит к выводу, что Салтыков-Щедрин, используя гротеск и гиперболу, создал универсальную модель абсурдности и деспотизма власти, актуальную для понимания исторических механизмов управления.

Saltykov-Shchedrin, “The History of a Town”, image of power, satire, bureaucracy, governors, grotesque.

The article analyzes the image of power in the satirical chronicle “The History of a Town” by M.E. Saltykov-Shchedrin. Based on the writer’s biographical data and his experience in public service, the evolution of the satirical portrayal of governors as an allegory of the Russian bureaucratic system is examined. The author concludes that Saltykov-Shchedrin, using grotesque and hyperbole, created a universal model of absurdity and despotism of power, relevant for understanding historical mechanisms of governance.

Тема взаимоотношения власти и общества остается одной из ключевых в отечественной исторической науке и междисциплинарных исследованиях. Особый интерес представляет то, как воспринималась и критиковалась бюрократическая система современниками, имевшими непосредственный опыт государственной службы. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889) занимал должности вице-губернатора в Рязани и Твери, председателя казенной палаты в Пензе, Туле и Рязани. Этот практический опыт позволил ему не только изнутри увидеть механизмы российской власти, но и создать сатирические произведения, которые до сих пор служат источником для изучения административной культуры XIX в. [1, с. 12–14]. Актуальность работы обусловлена необходимостью историко-культурного осмысления сатирических образов власти как формы исторической памяти и критики управленческих практик.

Степень изученности темы достаточно высока, но исторический аспект репрезентации власти в «Истории одного города» разработан меньше. Среди ключевых исследований следует выделить работы А.С. Бушмина [2], В.В. Прозорова [3]

и Д.Д. Николаева [4], которые анализируют гротескную природу щедринских персонажей. Однако связь между служебной биографией писателя и конкретными образами градоначальников требует дальнейшего осмысления. Цель данной статьи – выявить особенности изображения власти в «Истории одного города» сквозь призму личного опыта Салтыкова-Щедрина как чиновника и критика системы.

Основным источником является хроника «История одного города» (1869–1870), где автор создал галерею градоначальников вымышленного города Глупова – от Дементия Варламовича Брудастого (с «органчиком» в голове) до Угрюм-Бурчеева, стремящегося превратить город в казарму. Дополнительными источниками послужили письма Салтыкова-Щедрина и его служебные записки, отражающие реальное отношение к бюрократии [5, с. 203–205].

В «Истории одного города» власть предстает в двух ипостасях: как абсурдный механический произвол (Брудастой, Прыщ) и как сознательная тирания (Грустилов, Угрюм-Бурчеев). Салтыков-Щедрин, будучи вице-губернатором, многократно сталкивался с нелепостью распоряжений, некомпетентностью начальства и полной бесправностью населения [6, с. 78]. Эти наблюдения легли в основу гротескных образов. Так, градоначальник Брудастой, у которого вместо мозга была музыкальная шкатулка с двумя пьесами «Разорю!» и «Не потерплю!», пародирует механическое, бездумное управление, характерное для николаевской эпохи. Историк А.С. Бушмин отмечает, что «каждый глуповский градоначальник – это сатирическая квинтэссенция определенного типа администратора, реально существовавшего в российской провинции» [2, с. 145].

Особое место занимает фигура Угрюм-Бурчеева, прототипом которого считают Аракчеева и других военных администраторов. Он воплощает идею тотальной регламентации жизни, доведенной до абсурда: снос домов, выравнивание улиц, отмена традиций. Салтыков-Щедрин, председательствуя в казенных палатах, видел, как подобные проекты «наведения порядка» разрушали экономику и быт городов [1, с. 67]. Характерно, что автор не противопоставляет «плохих» и «хороших» начальников – даже либеральный градоначальник Беневоленский, издающий законы о печении пирогов, столь же бесполезен. Это позволяет говорить о системной критике, а не о критике отдельных злоупотреблений.

Кроме того, опыт службы научил Салтыкова-Щедрина важной особенности российской бюрократии: внешнее следование инструкциям и полное отсутствие ответственности перед обществом. В «Истории одного города» эта черта выражена в эпизоде, когда глуповцы «терпели и терпели, а потом и вовсе перестали замечать, что их угнетают» [7, с. 234]. Писатель не верит в возможность реформ сверху, пока сами чиновники остаются продуктом системы. Его сатира – это не просто злая насмешка, но диагноз, поставленный человеком, который «переболел» государственной службой.

Образ власти в «Истории одного города» строится на сочетании документальной точности (знания реальных управленческих практик) и гротеска, позволяющего обнажить суть явления. Салтыков-Щедрин создал универсальную

модель, в которой любой правитель, независимо от благих намерений, превращается в инструмент подавления. Актуальность этой модели выходит за рамки XIX в., что объясняет постоянный интерес историков и политологов к его наследию. Перспективным направлением является сравнительный анализ образов власти в «Истории одного города» и других сатирических произведениях писателя («Господа Головлевы», «Современная идиллия»).

Список источников и литературы

1. Макашин С.А. Салтыков-Щедрин: Биография. М.: Художественная литература, 1951. 520 с.
2. Бушмин А.С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. Л.: Наука, 1984. 340 с.
3. Прозоров В.В. «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина: Комментарий. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1985. 120 с.
4. Николаев Д.Д. Сатира Салтыкова-Щедрина и русская демократическая сатира второй половины XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 296 с.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Письма. 1845–1889 // Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 18. Кн. 1. 400 с.
6. Эйхенбаум Б.М. О прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина // Эйхенбаум Б.М. О литературе: работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 74–92.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 8. 560 с.

Секция 3.
РОССИЯ И МИР В XX–XXI вв.

ОПЫТ, НЕПОДВЛАСТНЫЙ ВРЕМЕНИ: ЧТО СОВРЕМЕННЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ УНАСЛЕДОВАЛИ ОТ 1920–1930-х гг.?

EXPERIENCE THAT IS NOT SUBJECT TO TIME:
WHAT HAVE MODERN PATRIOTIC ORGANIZATIONS
LEARNED FROM THE 1920s AND 1930s?

К.Р. Филиппова

K.R. Filippova

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific adviser L.E. Mezit

ОСОАВИАХИМ, ДОСААФ, Российский Красный Крест, патриотическое воспитание, межвоенный период, гражданская идентичность, преемственность, молодежная политика.

Статья посвящена сравнительному анализу деятельности оборонно-патриотических организаций межвоенного периода и их современных правопреемников в Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что, несмотря на смену идеологических парадигм и переход от тотальной мобилизации к защите культурного суверенитета, глубинная преемственность педагогических подходов и организационных практик остается ключевым фактором эффективности патриотического воспитания.

OSOAVIAKHIM, DOSAAF, Russian Red Cross, patriotic education, interwar period, civic identity, continuity, and youth policy.

The article provides a comparative analysis of the activities of defense-patriotic organizations in the interwar period and their modern successors in the Russian Federation. Using the examples of DOSAAF Russia and the Russian Red Cross, the author examines the evolution of goals, methods, and forms of work with the youth. It is concluded that despite the shift in ideological paradigms and the transition from total mobilization to the protection of cultural sovereignty, the deep continuity of pedagogical approaches and organizational practices remains a key factor in the effectiveness of patriotic education.

Обращение к опыту оборонно-патриотических организаций 1920–1930-х гг. сегодня – не дань ностальгии, а попытка осмыслить устойчивые механизмы воспитания, которые способны работать в любую эпоху. В условиях гибридных войн, когда угроза смещается из военной сферы в информационную и культурную, вопрос формирования гражданской идентичности приобретает особую остроту. Изучение межвоенного периода позволяет понять, как менялось само понятие патриотизма: от образа солдата, защищающего границы и территорию страны, к образу гражданина, отстаивающего историческую правду и традиционные ценности. Цель работы – выявление ключевых элементов преемственности и трансформации в деятельности оборонно-патриотических организаций межвоенного периода и их современных правопреемников, а также определение того, как эволюция целей воспитания отражается на конкретных методах работы с молодым поколением.

В 1920–1930-е гг. главной задачей оборонных обществ была тотальная мобилизация перед лицом явной военной угрозы. Патриот воспринимался прежде всего, как будущий солдат, владеющий военно-прикладными навыками. ОСОАВИАХИМ готовил миллионы граждан к стрельбе, противовоздушной и противохимической обороне. В XXI в. характер угроз изменился: кибератаки, фальсификация истории и размывание ценностей. Фокус сместился на защиту культурного суверенитета, а патриотом становится человек, способный противостоять информационным атакам и транслировать традиционные духовно-нравственные основы.

ДОСААФ в России, являясь прямым преемником ОСОАВИАХИМа, демонстрирует уникальный пример институциональной преемственности. Реорганизация 2009 г. закрепила его общественно-государственный статус, позволяющий совмещать участие в государственных программах с гибкостью общественной организации [1, с. 3]. Цели ДОСААФ – содействие обороноспособности, подготовка специалистов для армии, развитие технических видов спорта. Дополнены задачами формирования гражданской идентичности и сохранения исторической памяти. Деятельность строится на проверенных форматах: кружковая работа (авиамоделирование, робототехника), массовые игры («Зарница»), система нормативов [2, с. 1–4]. Практическая ориентированность, заложенная в 1920–1930-е гг., продолжается в поисковых отрядах, реконструкциях и форумах. Сегодня ДОСААФ готовит специалистов по противодействию БПЛА, что является прямым продолжением традиции обучения актуальным военно-техническим специальностям на новом технологическом уровне.

Однако существующие в организации проблемы перекликаются с трудностями межвоенного периода: недостаточное финансирование и устаревание материальной базы, кадровый голод (низкая оплата труда молодых инструкторов при старении преподавательского состава), жесткая конкуренция с коммерческими клубами и цифровыми развлечениями, сложность межведомственного взаимодействия [3, с. 1]. Эти параллели доказывают системный характер вызовов, с которыми сталкиваются массовые оборонные общества в любую эпоху.

Трансформация организации СОКК и КП СССР (Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР) представляет иной вектор развития. В 1992 г. правопреемником стал Российский Красный Крест [4, с. 1]. Его цели неизменны: предотвращение страданий, защита жизни и здоровья, помощь при ЧС [5, с. 4–6]. Ключевые направления включают подготовку населения к ЧС, социальную поддержку уязвимых категорий и донорство. В 2025 г. запущена программа поощрения доноров памятными значками, что перекликается с советской системой мотивации [6, с. 2–9]. Важнейшим нововведением стало создание молодежного движения (14–30 лет) и Молодежного совета как кадрового резерва [7, с. 1–5; 8, с. 1]. Проекты «Добрый час», «Радость детям» формируют у молодых людей опыт социальной ответственности, дополняя военно-патриотическое воспитание гуманитарной составляющей.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что связь между эпохами не формальная. Базовые методы – кружковая работа, массовые игры, сдача нормативов, практическая деятельность – остаются неизменными благодаря своей эффективности. Современные организации являются прямыми наследниками советских структур, что закреплено юридически. В то же время произошла глубинная трансформация содержания: от задачи тотальной военной мобилизации к формированию многомерной гражданской идентичности в условиях гибридных конфликтов. Акцент сместился с подготовки исключительно «солдата» на воспитание «гражданина»-защитника культурного и исторического суверенитета. На примере Российского Красного Креста видно, что патриотизм неразрывно связан с гуманизмом: воспитание милосердия формирует ту нравственную основу, без которой военная подготовка рискует стать однобокой. Опыт межвоенного периода не является архивным прошлым, он существует как живой источник норм и методов, которые современные организации наполняют новым содержанием, отвечающим вызовам XXI в.

Список источников и литературы

1. Устав Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» от 17.12.2009. URL: https://www.dosaaf.ru/files/Ustav_A6.pdf (дата обращения: 14.12.2025).
2. Указ Президента от 24.03.2014 № 172. «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)». URL: https://fssp.gov.ru/storage/fssp_legacy/41/gto/172_201611241423.pdf (дата обращения: 15.12.2025).
3. Системные проблемы ДОСААФ на федеральном уровне // Лаборатория Баз знаний. URL: <https://rabrain.ru/docs/dosaaf/analitic/problem-lev1/> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Постановление Правительства РФ от 28.05.1992 № 358. «О статусе Международного Комитета Красного Креста, Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и их представительств на территории Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=102016420&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%EC%E5%E6%E4%F3%ED%E0%F0%EE%E4%ED%FB%E5+%F1%EF%EE%F0%FB (дата обращения: 17.12.2025).
5. Устав Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» от 30.05.1991. URL: <https://www.redcross.ru/upload/iblock/45d/kiq2d542k3isy2rhi59j35vklxyxi9jh.pdf> (дата обращения: 17.12.2025).
6. Положение о мотивационных элементах (памятных значках) «За регулярное донорство» Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» от 4.04.2025. URL: https://www.redcross.ru/upload/iblock/007/Положение_о_мотивационных_элементах_3.pdf (дата обращения: 29.12.2025).
7. Положение о молодежном движении Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» от 2016. URL: https://spbredcross.org/images/docs/polozhenie_o_molodezhnom_dvizhenii_obshcherossiiskoi_obshchestvennoi_organizacii_rossiiskii_krasnyi_krest_2016.pdf (дата обращения: 19.12.2025).
8. При Российском Красном Кресте появился молодежный совет // Российский Красный Крест. URL: https://www.redcross.ru/news/blagotvoritelnoe-meropriyatie-solnechnye-ulybki-dlya-osobennyh-detok?ELEMENT_ID=2584 (дата обращения: 15.12.2025).

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ» В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 2019–2024 гг.

IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT “EDUCATION” IN THE KRASNOYARSK REGION IN 2019–2024

С.И. Журавков

S.I. Zhuravkov

Научный руководитель А.Г. Канаев
Scientific adviser A.G. Kanaev

Национальный проект «Образование», российская система образования, государственная программа, Красноярский край.

В статье рассматривается реализация национального проекта «Образование» в Красноярском крае и итоги национального проекта на конец 2024 г. Анализируется эффективность нацпроекта на территории Красноярского края.

National project “Education”, Russian education system, state program, Krasnoyarsk Region.

This article examines the implementation of the national project “Education” in Krasnoyarsk Krai and the results of the national project as of the end of 2024. The effectiveness of the national project in Krasnoyarsk Krai is analyzed.

Национальный проект «Образование» был реализован на территории Российской Федерации в период с 2019 по 2024 г. Ключевыми показателями проекта были: обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования [1]. В Красноярском крае проект охватил 61 муниципалитет и затронул все ключевые направления образовательной политики.

В рамках национального проекта «Образование» на территории Красноярского края были реализованы следующие региональные программы: «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Цифровая образовательная среда», «Социальная активность», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», «Развитие системы поддержки молодежи» [2]. Финансовое обеспечение данных региональных проектов за весь период реализации составило 11,35 млрд рублей, где вклад федерального бюджета составил 6,07 млрд рублей. Большая часть бюджета была потрачена на региональный проект «Современная школа».

По итогам реализации данного регионального проекта было создано 15976 новых ученических мест за счет строительства 27 и выкупа двух уже возведенных общеобразовательных организаций. Самой масштабной стала школа на 1550 мест в жилом районе Бугач г. Красноярска. Были отремонтированы спортивные залы, а также открыто 470 центров «Точка роста» и 4 детских технопарка «Кванториум»,

которые стали ключевым инструментом вовлечения детей в научно-техническое творчество. Работников педагогического образования обеспечили курсами повышения квалификации, так, в 2023 г. 62,42 % работников общеобразовательных организаций воспользовались данной возможностью [4].

В рамках регионального проекта «Цифровая образовательная среда» были созданы два центра цифрового образования детей «IT-куб» в Красноярске и Норильске, деятельностью которых охвачено 24 474 ребенка. А в рамках проекта «Успех каждого ребенка» были проведены профориентационные мероприятия «Билет в будущее», открытые онлайн-уроки «Проектория», создано 5056 мест для реализации дополнительных общеразвивающих программ. Проекты «Социальная активность» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» направлены на развитие гармонично развитой и социально ответственной личности, а во всех общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях были внедрены рабочие программы воспитания. «Развитие системы поддержки молодежи» был сфокусирован на инфраструктурном обновлении пространств для самореализации молодого поколения. Была проведена модернизация молодежных центров и одного краевого учреждения.

Внимание уделялось и модернизации системы среднего профессионального образования в рамках проекта «Молодые профессионалы», но данный региональный проект был завершен в декабре 2022 г. За период с 2019 по 2022 г. на базе 17 краевых государственных профессиональных образовательных учреждений было создано и оснащено современным оборудованием 7 мастерских по приоритетным отраслям экономики. Совокупный охват обучающихся превысил 40 000 человек. Обновление материально-технической базы позволило региональной команде демонстрировать стабильно высокие результаты на национальном чемпионате профессионального мастерства «Профессионалы». В 2024 г. 9 из 18 представителей Красноярского края стали обладателями медалей, в том числе одной золотой.

Но при этом в Красноярском крае наблюдаются проблемы, на которые стоит обратить внимание. В докладах министра образования Красноярского края [5; 6] были выделены следующие системные проблемы: дефицит педагогических кадров, недостаточная результативность в области естественно-научного и математического образования, дефицит доверия и отсутствие эффективных механизмов взаимодействия семьи и школы, низкая цифровая активность педагогов и обучающихся на федеральных платформах, высокий уровень подверженности обучающихся деструктивному влиянию информационной среды.

Дальнейшее продолжение национальный проект получил уже в новом национальном проекте «Молодежь и дети». В рамках данного проекта в Красноярском крае планируется капитальный ремонт молодежных центров и 25 школ, продолжение выплат советникам директоров и иные меры поддержки педагогов, а также дальнейшее развитие добровольческого движения и патриотического воспитания.

Реализация национального проекта завершилась в декабре 2024 г. Подводя итоги национального проекта «Образование» на территории Красноярского края, стоит сказать, что все мероприятия были выполнены в полном объеме. А сам проект обеспечил качественное обновление образовательной инфраструктуры, расширил доступность дополнительного образования, создал условия для успешной самореализации детей и молодежи, что полностью соответствует ключевым показателям национального проекта «Образование». Вместе с тем по итогам реализации был выявлен ряд системных проблем, которые носят кадровый и социальный характер.

Список источников и литературы

1. Минпросвещения России // Национальный проект «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/about/> (дата обращения: 04.04.2026).
2. Реализация национальных проектов в Красноярском крае в 2019-2024 гг. // Национальный проект «Образование». URL: <http://project.krskstate.ru/nacprojects/obrazovanie> (дата обращения: 04.04.2026).
3. Итоги реализации национального проекта «Образование» в Красноярском крае за 2019–2024 годы. URL: <http://project.krskstate.ru/nacprojects/obrazovanie/itogi> (дата обращения: 05.04.2026).
4. Региональный проект «Современная школа (Красноярский край)». URL: <http://project.krskstate.ru/nacprojects/obrazovanie/regproject/0/id/42855?eyes=no> (дата обращения: 05.04.2026).
5. Доклад министра образования Красноярского края на окружном семинаре-совещании «Стратегия развития образования – 2040: перспективы и возможности системы образования Красноярского края». URL: <https://kipk.ru/images/docs/local/Okrujniye-2025-Makovskaya-SI-ZO-text.pdf> (дата обращения: 05.04.2026).
6. Доклад министра образования Красноярского края С.И. Маковской на августовском педагогическом совете «Будущее края – альянс семьи и образования: диалог на уровне доверия». URL: https://krao.ru/media/editor/uploads/2024/08/26/_-230824.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

РОЛЬ РАДИО В ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ В 1930–1940-е гг.

THE ROLE OF RADIO IN ERADICATING ILLITERACY IN TUVA IN THE 1930S–1940S

М.В. Саая

M.V. Saaya

Научный руководитель **З.Ю. Доржу**
Scientific adviser **Z.Yu. Dorzhu**

Тува, радио, ликвидация неграмотности, просвещение, история СМИ, 1930-е годы, культура, образование.

В статье рассматривается процесс становления радиовещания в Туве в 1930–1940-е гг. и его влияние на ликвидацию неграмотности населения. На основе архивных материалов и опубликованных воспоминаний анализируется, как новое средство массовой информации использовалось для просвещения аратов, распространения знаний и формирования единого информационного поля в условиях перехода от кочевого образа жизни к оседлости и советской модернизации.

Tuva, radio, literacy, education, history of media, 1930s, culture, education.

This article examines the development of radio broadcasting in Tuva in the 1930s–1940s and its impact on literacy. Using archival materials and published memoirs, it analyzes how the new medium was used to educate the Arats, disseminate knowledge, and create a unified information field during the transition from a nomadic lifestyle to a sedentary lifestyle and Soviet modernization.

В Туве в 1930–1940-е гг. радио стало не просто техническим достижением, а мощным инструментом изменения тувинского общества. Преодолевая последствия колониального прошлого и феодально-теократического гнета, который привел к культурной изоляции и отсталости аратских масс, радио взяло на себя роль просветителя [1]. В условиях, когда большая часть населения вела кочевой образ жизни и не умела читать и писать, радио стало источником знаний, способствуя распространению новой культуры, грамотности и государственного языка [3, с. 140].

Решение о строительстве радиостанции в Кызыле, принятое Политбюро ЦК ВКП(б) в 1933 г., было реализовано с задержкой из-за технических и финансовых препятствий: первая коротковолновая радиостанция мощностью 1 кВт была запущена только в 1936 г. [6, оп. 1, д. 156]. Для выполнения этого решения было заключено Соглашение между Управлением связи ТНР и Наркоматом связи СССР. В начале 1935 г. в Туву прибыла команда специалистов, приступившая к строительству здания. Подготовительный этап к запуску радиовещания в Туве оказался продолжительным, охватив период с 1925 по 1936 г. [4, с. 14–17]. Лишь 29 августа 1936 г. прозвучали первые позывные тувинского радио: «Говорит Кызыл!» начался

с приветствия министра культуры ТНР Седип-оола Танова: «С помощью великого Советского Союза сегодня начинает свою работу тувинское радио. Это огромное достижение нашей культуры» [5]. Также выступил председатель Комитета по печати Сарыг-Донгак Чымба. Первым диктором стал будущий классик тувинской культуры Виктор Кок-оол. На начальном этапе радиовещание курировалось Министерством культуры, которому ЦК ТНРП и правительство ТНР поручили его создание. Позднее радиовещание было преобразовано в отдельный Комитет при Совете Министров республики [7, оп. 1, д. 1].

Первоначально в Кызыле действовало всего 35 радиоточек. Несмотря на технические ограничения и дефицит оборудования, руководство республики быстро осознало просветительский потенциал радио. В условиях медленной доставки газет и неграмотности населения радио стало незаменимым средством оперативной связи [2].

Создание собственной письменности и переход на кириллицу требовали новых методов работы. Уже в первые годы вещания в структуре радиокомитета появились специализированные редакции, чьи передачи были напрямую ориентированы на просвещение [2].

Согласно архивным данным, среди первых были редакции народного хозяйства, пропаганды, литературно-драматическая и детско-молодежная редакции. В рамках последней выходила передача «Школьный вестник», один из первых образовательных проектов на радио [7, оп. 1, д. 15]. Передача «Ликвидируем безграмотность» была частью масштабной кампании по ликвидации неграмотности, которая охватывала все население – и взрослых, и детей. В условиях, где новая письменность была введена всего за десятилетие до этого, радио стало самым эффективным «учителем», способным дотянуться даже до отдаленных чабанских стоянок. Формат передачи имитировал уроки ликбеза: в эфире изучали алфавит, учились считать и читать, но при этом каждый урок обязательно включал в себя политическую составляющую – до четырех часов в месяц отводилось на разъяснение целей партии и государства. По сути, это была не просто школа грамоты, а школа формирования нового мировоззрения [4, с. 22].

В обществе, где патриархальные устои были непоколебимы, передача «Женщина – наш равноправный товарищ», направленная на то, чтобы вырвать женщин из домашнего плена, привлечь их к работе в колхозах, к получению образования и участию в общественной жизни [4, с. 22].

Однако в становлении радиовещания в Тувинской Народной Республике в 1930–1940-е гг. было немало трудностей: обучающие и просветительские программы выходили в эфир нерегулярно из-за технических сбоев и ненадежности радиосети. Переломным моментом стало вхождение Тувы в состав СССР и реорганизация Радиокомитета в 1945 г. С этого времени было установлено ежедневное вещание с четким разделением эфирного времени между тувинским и русским языками, а также появились постоянные тематические рубрики, среди которых особое значение приобрели передачи по борьбе с неграмотностью и политическому образованию населения [6, оп. 1, д. 256; 7, оп. 1, д. 15].

Нельзя недооценивать образовательное влияние радио. Его передачи целенаправленно несли обучающую функцию. Кадровый состав радиоведущих был тщательно сформирован из самых компетентных, изобретательных и харизматичных личностей того времени. Манера чтения дикторов, таких как Виктор Кок-оол и Салзынмаа Оюн, отличалась медлительностью и четкостью, что играло решающую роль в освоении слушателями литературного тувинского языка. Для жителей отдаленных территорий радио стало незаменимым инструментом самообразования, фактически выполняя роль «учителя на дому» [2].

Первопроходцами в этой области стали С. Танов и С. Чымба, выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока. Они были проводниками новых знаний для населения. В дальнейшем, во второй половине 1940-х гг., к работе радио привлекли советских специалистов, которые занимались подготовкой местных журналистов. Были внедрены современные подходы к организации работы, включая планирование, проведение оперативных совещаний и сотрудничество с внештатными авторами из числа активных граждан. С 1945 г. профессиональная подготовка тувинских журналистов в советских вузах стала залогом повышения качества образовательных программ [2].

Монгуш Допчаа, например, был известен своим мастерством синхронного перевода новостей ТАСС, демонстрируя исключительное владение языком. Владимир Тинмей (Дозур-оол), прозванный «тувинским Левитаном», своим глубоким баритоном привлекал слушателей к различным передачам, включая образовательные. Благодаря им радио стало живым и авторитетным источником информации [1].

Значительную часть радиоэфира занимали литературно-драматические передачи. Выступления тувинских писателей, таких как С. Сарыг-оол, О. Саган-оол и С. Самба-Люддуп, читавших свои произведения, играли важную роль в приобщении слушателей к художественной литературе, формировании культурного пространства и стимулировании интереса к чтению [2].

Следовательно, в 1930–1940-е гг. радио в Туве сыграло фундаментальную роль в ликвидации неграмотности. Несмотря на ограниченные технические возможности (маломощный передатчик, небольшое количество радиоточек), оно стало ключевым каналом распространения знаний. Радио выполняло следующие функции: обучающую: через программы для детей и чтение художественной литературы, информационно-просветительскую: посредством новостей и общественно-политических передач и культурно-формирующую: транслируя образцы литературного языка и нормы поведения.

Список источников и литературы

1. Говорит Кызыл! // Tuva.Asia: портал тувиноведения. 2024. 11 апреля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/7096-gtrk-arkhiv.html> (дата обращения: 11.04.2026).
2. ГТРК «Тыва». Тувинскому радио – 70 лет // Тува-Онлайн: сетевое информационное агентство. 2006. 30 августа. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2006/08/30/radio70.html> (дата обращения: 04.03.2026).

3. История Тувы. В 3-х томах. Т. 2 / под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 140 с.
4. Кан В.С. Говорит и показывает Кызыл: История тувинского радио и телевидения: к 80-летию тувинского радио, 50-летию телевидения. Кызыл: Журналист, 2016. 214 с.
5. Истории тувинского телевидения и радио посвящена выставка в Национальном музее Тувы // Тува-Онлайн. 2011. 8 октября. URL: <http://ftp.tuvaonline.ru/2011/10/08/istorii-tuvinskogo-televideniya-i-radio-posvyaschena-vystavka-v-nacionalnom-muzee-tuvy.html> (дата обращения: 11.04.2026).
6. Национальный архив Республики Тыва (НА РТ). Ф. 120. Министерство Культуры. Оп. 1. Д. 1, 15.
7. Национальный архив Республики Тыва (НА РТ). Ф. 122. Телевидение, связь, радиовещание. Госпредприятие связи и информации. Оп. 1. Д. 156, 256.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ XXI ВЕКА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КАДРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЯХ

THE IMPACT OF 21ST-CENTURY TECHNOLOGIES ON THE TRANSFORMATION OF HR MANAGEMENT IN MERCHANT DYNASTIES

Г.А. Туктарова

G.A. Tuktarova

Научный руководитель Е.Н. Захарова
Scientific adviser E.N. Zakharova

Купеческие династии, кадровый менеджмент, доверительный рекрутинг, наставничество, цифровая трансформация.

Статья посвящена сравнительному анализу кадровых практик купеческой династии Морозовых в XIX в. и современных HR-технологий. На примере торгового дома Морозовых показывается, что интуитивно выработанные практики отбора персонала, наставничества, преемственности и корпоративной культуры в XXI в. получили технологическое оформление в виде HRM-систем, наставничества, систем учета клиентами, а сама цифровая трансформация не заменяет человеческое суждение, а масштабирует его.

Merchant dynasties, HR management, trust-based recruiting, mentoring, digital transformation.

This article provides a comparative analysis of the HR practices of the Morozov merchant dynasty in the 19th century and modern HR technologies. Using the example of the Morozov trading house, it demonstrates that intuitively developed practices of personnel selection, mentoring, succession, and corporate culture have been technologically formalized in the 21st century through HRM systems, mentoring, and client management systems. Digital transformation itself does not replace human judgment, but rather enhances it.

Существует распространенное мнение, что менеджмент зародился с Фредериком Тейлором, но в действительности его корни уходят глубже. Само слово «менеджмент» происходит от итальянского «maneggiare», означающего «управлять лошадью», что подчеркивает идею тонкого взаимодействия и своевременного воздействия, а не простого приказа и командования. Кадровый же менеджмент стар ровно настолько, насколько стара торговля. Традиционно выделяют четыре функции менеджмента: планирование, организацию, мотивацию и контроль [1, с. 14]. Кадровый менеджмент есть их проекция на главный ресурс организации – человека. Он отвечает на вопросы: кто нужен, откуда взять, как обучить, как удержать, как передать знание следующему поколению. Хотя купцы XIX века не использовали термин кадрового менеджмента, но они интуитивно создавали рабочую среду, в которой сотрудники стремились к высоким результатам.

Купеческие династии представляли собой не просто состоятельное семейство, а сложную, интегрированную бизнес-структуру, в которой семейные узы служили аналогом корпоративного договора, а репутация рода заменяла кредитный рейтинг. Для них главным активом было доверие. В качестве примера рассмотрим предприятие Морозовых. К середине XIX в. масштабы предприятий Морозовых впечатляли, более 40 000 человек трудились на их фабриках [2]. Система управления строилась по принципу преемственности: от главы рода к доверенным приказчикам, затем к мастеровым и ученикам. Приказчики, занимавшие ключевые позиции в купеческом бизнесе, подбирались из проверенных семейных и профессиональных кругов – это могли быть сыновья мастеровых, племянники компаньонов или выпускники монастырских школ. Отсутствие формальных процедур найма, таких как резюме или собеседования, компенсировалось доверительными рекомендациями, что перекликается с современным подходом *executive search* (технологией поиска и привлечения топ-менеджеров и высококвалифицированных специалистов), где ценные кадры часто находятся через личные связи [3]. Наставничество было глубоко интегрировано в купеческий уклад. Молодые приказчики проходили многолетнее обучение под руководством опытных наставников, погружаясь в процесс: присутствуя на сделках, ведя документацию и наблюдая за переговорами. Сегодня этот метод известен как *shadowing* (метод теневого повторения) и считается передовой практикой адаптации [4, с. 107].

Также интересно рассмотреть то, каким образом торговали купцы XIX в. Морозовы торговали через агентов в Москве, Иваново, Казани, Нижнем Новгороде. Деятельность по торговле была организована через сеть агентов, обладавшую развитой системой сбыта. Ее представители регулярно присутствовали на ярмарках, анализировали рыночную ситуацию и докладывали о полученных данных. Для учета информации о клиентах, их кредитной истории и заказах велась «Алфавитная книга записи покупателей», куда конторщик вносил все детали. Система формирования доверия между агентами основывалась на личных рекомендациях, что созвучно современному принципу работы LinkedIn, где второй уровень связей служит подтверждением надежности. Таким образом, цифровые платформы сегодня воспроизводят социальный капитал, который уже сформировался ранее [5, с. 133]. Что касается «Алфавитной книги записи покупателей», то она являлась ранней версией корпоративной CRM-системы (системы управления взаимоотношениями с клиентами), где фиксировались не только детали сделок, но и аналитические данные о надежности контрагентов. Таким образом, она служила одновременно и базой данных о клиентах, и хранилищем знаний.

Рассмотрим движение кадров в XIX в. Раньше купцы часто узнавали о том, что работники уходят, только из разговоров на ярмарках. Однако Морозовы стремились к системному решению кадровых вопросов. С одной стороны, они вели «книги записей обращений рабочих» для оперативного реагирования на нужды персонала, с другой – на Никольской мануфактуре к 1882–1884 гг.

была внедрена суровая система штрафов, достигавшая размеров от четверти до половины заработка, на фоне пятикратного снижения зарплаты за тот же период. Это стало катализатором Морозовской стачки 1885 г., вызванной перегрузкой системы управления персоналом. Современная же HR-аналитика позволяет прогнозировать вероятность увольнения сотрудника за 90 дней, анализируя его активность в корпоративных системах, что обеспечивает проактивный подход к управлению персоналом вместо реактивного [6, с. 71].

В результате проведенного анализа было выявлено:

1. Купеческие династии стали первыми профессиональными менеджерами без дипломов и теорий, только с поколенческой мудростью. Их практики основывались на доверительном отборе, наставничестве, удержании через причастность, управлении с помощью преемственности, они до сих пор не устарели и используются в современном мире.

2. Технологии XXI в. не заменяют человеческое суждение, а масштабируют его. Лучший директор по персоналу сегодня, как и купец в прошлом, понимает, что организация держится на людях, доверяющих друг другу. Все остальное – инструменты.

3. История не учит тому, что делать. Она учит тому, что уже было сделано и что, судя по всему, придется делать снова.

Список источников и литературы

1. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 2004. 719 с.
2. Филаткина Н.А. Морозовы // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2644669 (дата обращения: 28.04.2026).
3. Executive search в XIX веке? URL: <https://www.hr-director.ru/article/63251-executive-search-19-m3> (дата обращения: 28.04.2026).
4. Алдошина М.И., Фетисов А.С. Феномен наставничества: история становления и современные вызовы // Проблемы современного образования. 2023. № 5. С. 106–113.
5. Тимощук Е.В., Никифоров И.В., Дробинцев Д.Ф. Анализ данных профилей сотрудников в социальной сети LinkedIn // Современные технологии в теории и практике программирования: сборник материалов конференции, Санкт-Петербург, 23 апреля 2020 года / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Dell Technologies; EPAM Systems. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 133–135.
6. Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004. 383 с.

ДЕТСКИЕ ПОДРОСТКОВЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИРБЕЙСКОГО РАЙОНА В 2016–2021 гг.: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА ШКОЛЬНИКОВ

CHILDREN'S AND TEENAGERS' CLUBS IN IRBEYSKY DISTRICT IN 2016 TO 2021: EXPERIENCE IN ORGANIZING SCHOOLCHILDREN'S LEISURE

Е.А. Питомцева

Е.А. Petomzeva

Научный руководитель А.П. Дементьев
Scientific adviser A.P. Dementev

ДО, мероприятия, посвящение, слет, досуг школьников, организация, соперничество, итоги.
Статья посвящена исследованию детских подростковых объединений, которые существовали на территории Ирбейского района в период с 2016 по 2021 г. В статье анализируются виды ДО, рассматривается опыт организации досуга школьников, их деятельность, значение и влияние. В заключение автор подчеркивает, что несмотря на последующее угасание большинства детских объединений к 2021 г., накопленный опыт представляет собой ценное педагогическое наследие.

DO, events, initiation, rally, schoolchildren's leisure time, organization, competition, results.
The article is devoted to the study of children's and adolescent associations that existed in the Irbeisky District between 2016 and 2021. The article analyzes the types of associations, examines the experience of organizing leisure activities for schoolchildren, their activities, significance, and influence. In conclusion, the author emphasizes that despite the subsequent decline of most of the children's associations by 2021, the accumulated experience represents a valuable pedagogical legacy.

Исследование детских подростковых объединений (ДО) представляет собой актуальную тему, поскольку они являются моделью успешной практики организации досуга. Цель статьи: проанализировать опыт организации досуга школьников через деятельность детских подростковых объединений Ирбейского района. В качестве источников использовалась газета «Ирбейская правда» и сайты образовательных организаций.

В разные годы на территории Ирбейского района функционировало от 8 до 16 детских подростковых объединений (ДО). Не все школы имели собственную организацию, а в ряде случаев уже созданные объединения со временем прекращали свою работу в силу различных причин. Тем не менее удалось сформировать устойчивое ядро из 12 детских объединений. В этот перечень входили: ДО «Славяне» (Мельничная ООШ); ДО «СМид» (Благовещенская СОШ); ДО «Изумруд» (Изумрудновская ООШ); ДО «Республика мастеров» (Усть-Ярульская СОШ); ДО «Республика мастеров» (Александровская СОШ);

ДО «ШООК» (Тальская СОШ); ДО «Дети нового века» (Ирбейская СОШ № 1); ДО «Родники» (Маловская ООШ); ДО «РДШ» (Верхнеуринская СОШ); ДО «Непоседы» (Николаевская СОШ); ДО «Школьная республика» (Петропавловская ООШ); ДО «Родник» (Тумаковская СОШ).

Существование таких организаций в районных школах Ирбейского района было не просто формой досуга, а настоящей школой взросления и социальной практики, где досуг школьников приобретал осмысленный, развивающий характер. Во главе каждого ДО стоял президент или лидер, избираемый всеми учениками. Президент контролировал деятельность сразу пяти комитетов: спортивного, культурного, образовательного, дисциплины и военно-патриотического. Существование таких ДО превращало свободное от уроков время в яркую, насыщенную событиями жизнь, где каждый мог найти применение своим талантам за пределами класса и ощутить себя частью единого слаженного механизма.

Каждое из перечисленных объединений обладало уникальной атрибутикой: названием, отличительным знаком, утвержденным составом и внутренним уставом. Прием в ДО носил ритуализированный характер и был доступен только учащимся, достигшим 14-летнего возраста. Обряд посвящения представлял собой организационно насыщенную процедуру, в которой участвовали президент, председатели комитетов, а также педагог-организатор по воспитательной работе. Кандидат выступал с краткой самопрезентацией на тему «Почему я хочу вступить в ДО», после чего отвечал на вопросы присутствующих представителей. Успешное прохождение всех этапов завершалось вручением сертификата о вступлении, содержащего свод правил и подписи действующих участников объединения.

Насыщенный событиями календарь детских подростковых объединений Ирбейского района включал в себя десятки различных мероприятий (как внутри стен школы, так и участие в них снаружи). Мероприятия были соревновательными, интеллектуальными, социальными и творческими. На протяжении многих лет между объединениями сохранялась атмосфера здорового соперничества. Ежегодно проводился конкурс «Лидер детской организации» [1], а в 2019 г. Дом детского творчества организовал для активистов уникальную «елку для Лидеров». Ежегодным мероприятием стал муниципальный этап краевого конкурса социальных инициатив «Мой край – мое дело» [2].

Ключевым событием, объединяющим все детские организации, традиционно являлись слеты РДО «Истоки». За период с 2016 по 2021 г. состоялось несколько знаковых слетов, формат которых менялся от масштабных очных встреч до дистанционных форм. 8 мая 2018 г. прошел Юбилейный 20-й Слет, где были отмечены лучшие ДО («Фрегат», «Дети нового века», «Республика мастеров», «Родник»). В 2019 г. 21-й Слет превратился в настоящий фестиваль. Завершающим аккордом эпохи стал 23 слет 2021 г., проведенный в дистанционном формате из-за эпидемиологических ограничений: из 12 организаций лучшей была признана ДО «Республика мастеров» (Александровская СОШ) [3].

Период с 2016 по 2021 г. стал для Ирбейского района временем расцвета и последующего угасания уникальной модели школьного ученического самоуправления, построенной на базе детских подростковых объединений. Деятельность ДО выходила далеко за рамки традиционного понимания досуга как простого заполнения свободного времени. Речь идет о системной, многоуровневой воспитательной среде, в которой каждый школьник от 14 лет мог попробовать себя в роли организатора, лидера, проектировщика, журналиста или волонтера. Тем не менее опыт Ирбейского района 2016–2021 гг. остается ценным педагогическим наследием.

Список источников и литературы

1. «Лидер ДО – 2016»/ Е. Клебанова // Газета «Ирбейская правда». 2016. 16 дек. С. 13.
2. Конкурс социальных инициатив «Мой край – мое дело» // МБУ ДО «Дом детского творчества Ирбейского района». URL: https://ddtirbey.ucoz.ru/news/konkurs_socialnykh_iniciativ_moj_kraj_moe_delo/2016-02-19-248 (дата обращения: 09.04.2026).
3. Слет детских организаций Ирбейского района // Управление образования Ирбейского района Красноярского края. URL: http://www.irbruo.ru/news/sljot_detskikh_organizacij_irbejskogo_rajona/2018-05-18-1592 (дата обращения: 06.04.2026).

ИДЕОЛОГИЯ ПЕРВОГО ФРАНКИЗМА

IDEOLOGY OF THE FIRST FRANCOISM

А.С. Шатохина

A.S. Shatokhina

Научный руководитель Е.А. Полиновская
Scientific adviser E.A. Polinovskaya

Первый франкизм, Ф. Франко, католицизм, Испанидад, идеология, традиционализм, монархизм, национализм.

В статье рассматривается концепция идеологии «первого франкизма», просуществовавшего в Испании в период 1939–1975 гг. Концептуальная основа первого франкизма представляется синтезом правых идеологий, элементы которых были сконструированы Ф. Франко в уникальный режим.

First Francoism, F. Franco, Catholicism, Hispanidad, ideology, traditionalism, monarchism, nationalism.

The article examines the concept of the ideology of “first Francoism,” which existed in Spain in the period 1939–1975. The conceptual basis of the first Francoism seems to be a synthesis of right-wing ideologies, the elements of which were constructed by F. Franco into a unique regime.

Режим Франсиско Франко, просуществовавший в Испании в период 1939–1975 гг., по сей день представляется интересным феноменом, привлекающим внимание историков по всему миру. Помимо специфики политического режима франкистской Испании, отдельного внимания заслуживает идеологическая концепция «первого франкизма» – периода, который длился с 1939 по 1959 г. Проблема франкистской идеологии остается малоизученной областью, чем и определяется актуальность данного исследования. Целесообразно реконструировать концепцию идеологии первого франкизма как целостной системы, которая сформировалась из синтеза различных правых идеологий [1, с. 104].

Особенность возникновения идеологической концепции первого франкизма заключалась в отсутствии конституции Испании указанного периода. С целью выявления характерных элементов идеологии исследователь может пользоваться «Основными законами», принятыми в период правления Франко. Еще одной отличительной чертой возникновения первого франкизма, как и было сказано ранее, является синтез различных правых идеологий [1, с. 104]. Причины данного феномена объясняются положением правых сил в годы Гражданской войны в Испании, которые выступили против Республики Народного фронта 17–18 июля 1936 г. [1, с. 104]. Коалиция правых сил состояла из фалангистов, монархистов-карлистов, монархистов-альфонистов, сторонников партии СЭДА, а также участников различных католических движений. После победы в Гражданской войне выбора в сторону конкретного политического течения сделано не было.

Ф. Франко синтезировал те положения и принципы правых идеологий, которые представлялись ему наиболее значимыми и полезными для дальнейшего развития Испании [1, с. 105].

Центральное место в идеологии франкизма занимает католицизм. В период правления Франко католическая церковь находилась в тесном сотрудничестве с государством. Роль церкви находит свое отражение в Декрете к «Хартии труда» от 9 марта 1938 г.: «Возрождая католическую традицию...» [3, с. 499], а также в законе об утверждении «Хартии испанцев» от 17 июля 1945 г. определяет католическую веру «...религией испанского Государства, пользующуюся его официальным покровительством» [3, с. 515]. Католицизм сочетал в себе как религиозные мотивы, так и политические и националистические, что отвечало запросу Франко в его политике. В 1953 г. вступил в силу прежний Конкордат 1851 г., который провозглашал католицизм как единственную и официальную религию государства [2, с. 111]. Таким образом, исключив любое инакомыслие и иноверие, государство закрепило роль католицизма в Испании.

Национализм проявлялся в идеологии «первого франкизма» через идею неделимости и единства Испании, а также массовых запретов на любые проявления идентичности регионов. Ф. Франко верил в карлистский традиционализм, выступал за защиту традиционной монархии. Закон о наследовании поста главы государства от 26 июля 1947 г. оформил правление Франко в рамки легитимности и провозгласил Испанию королевством, определив порядок наследования поста главы государства и восстановив институт монархии. Идеология первого франкизма возникает на основе идей праворадикальных движений, поэтому ее антикоммунистический характер будет определяться как логичная закономерность. Франко позиционировал свой режим в качестве защиты от «красной угрозы» не только для Испании, но и для всего западного мира в целом: «...оно представляет реакцию против либерального капитализма и марксистского материализма...».

Единственной официальной государственной партией была Испанская фаланга, руководителем которой выступал сам Ф. Франко, «каудильо». Фактически власть Франко ничем не ограничивалась [4, с. 75]. Его фигура становилась неприкосновенной, так как каудильо провозглашался «ответственным перед историей», но никак не перед народом. Вытекающей из авторитарного характера власти в качестве очередного элемента идеологии становится корпоративизм. Закон об учреждении испанских кортесов от 17 июля 1942 г. устанавливал корпоративную систему в государстве. Роль создаваемых кортесов заключалась в восстановлении «славных» испанских традиций. Как следствие – это наличие элементов солидаризма в Испании.

Важнейшее место среди элементов идеологии первого франкизма занимает доктрина «Испанидад». Доктрина провозглашала общность ибероамериканских стран, созданную единством истории, языка и религии. Во внутренней политике Франко доктрина легитимизовала новый общественно-политический строй, связывая его с периодом расцвета Испанской империи [5, с. 62].

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что идеологическая концепция «первого франкизма» возникает на основе синтеза праворадикальных сил, одержавших победу в Гражданской войне в Испании. Испания не имела конституции, но группой «Основных законов», а также политической практикой определяются характерные черты идеологической концепции «первого франкизма»: католицизм, традиционные консервативные ценности, национализм, монархизм, солидаризм, антикоммунизм и непринятие либеральных идей, авторитарность власти, корпоративизм, приверженность концепции Испанидад, а также вера в особую духовную роль Испании в Европе.

Список источников и литературы

1. Протасенко С.В. Идеология франкизма – при Франко и после // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2008. Т. 4, № 1. С. 104–116.
2. Настусевич В.И. Церковь и государство в Испании в период «первого франкизма» (1939–1957 гг.) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. № 20-2. С. 107–113.
3. Конституции буржуазных государств Европы / сост. сб. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 1142 с.
4. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении, 1922–1982. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 230 с.
5. Лобанова Д.А. Доктринальная основа политики «мягкой силы» Испании в Латинской Америке в середине XX в // Латинская Америка. 2017. № 9. С. 61–68.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI в.

FEATURES OF ANGLO-RUSSIAN RELATIONS IN THE 21ST CENTURY

Н.А. Семенихин

N.A. Semenikhin

Научный руководитель С.В. Печенкин

Scientific adviser S.V. Pechenkin

Международные отношения, дело «Литвиненко», дело «Скрипалей», Карл III, НАТО, В.В. Путин, санкции.

В статье исследуются ключевые тенденции и противоречия англо-российских отношений в XXI в. Автор анализирует влияние международных событий и внутривнутриполитических решений на взаимодействие двух стран, освещает изменения в сферах политического диалога, торговли, инвестиций и гуманитарного сотрудничества, а также формулирует выводы и оценивает перспективы возможного улучшения диалога между Великобританией и Российской Федерацией.

International relations, Litvinenko case, Skripal case, Charles III, NATO, V.V. Putin, sanctions.

This article examines the key trends and contradictions in Anglo-Russian relations in the 21st century. The author analyzes the impact of international events and domestic political decisions on the interaction between the two countries, highlights changes in political dialogue, trade, investment, and humanitarian cooperation, and draws conclusions and assesses prospects for possible improvements in dialogue between the United Kingdom and the Russian Federation.

Актуальность исследования англо-российского сотрудничества определяется исторической противоречивостью этих связей, их трансформацией после расширения НАТО на Восток, в 2004 г., а также сложной взаимозависимостью экономических и политических аспектов взаимодействия Российской Федерации и Соединенного Королевства.

Анализ научной литературы показал, что в 2000–2020-х гг. значительный вклад в изучение темы внесли Г.С. Остапенко (в монографии об адаптации монархии – Н.А.), а также Д.Ю. Бугров, Е.В. Ананьева – в статьях, посвященных геополитической ситуации между Россией и Великобританией. Современные исследования О.А. Сурковой и А. Миклашевской (2022–2025 гг.) раскрывают влияние санкций на динамику англо-российских отношений. В качестве источников использованы видеозаписи открытия парламента короля Карла III (2023 г.) и государственного визита президента США в Великобританию (2025 г.). Основная цель статьи – анализ эволюции англо-российских отношений в XXI в. с последующей разработкой обоснованных прогнозов относительно возможных сценариев их дальнейшего развития.

Начало XXI в. для англо-российских отношений ознаменовалось прогрессом в сферах торговли, культуры и безопасности на фоне совместных усилий

в борьбе против терроризма [1, с. 260]. Визит В.В. Путина в Великобританию 17 апреля 2000 г., ставший первым государственным визитом российского лидера за долгое время, включал встречи с королевой Елизаветой II, премьер-министром Т. Блэром и был посвящен обсуждению вопроса европейской безопасности. Однако с середины 2000-х гг. наметились тенденции к ухудшению из-за расхождения в вопросах демократии и политики на постсоветском пространстве. Ключевым фактором стало убийство Александра Литвиненко в Лондоне в 2006 г. Британское расследование указало на причастность А. Лугового и Д. Ковтуна [2, с. 91], однако российская сторона это отрицала. При этом СМИ активно продвигали версию о роли российских спецслужб, тогда как вероятным мог быть сценарий провокации со стороны английских спецслужб – с целью дискредитации России или сокрытия собственных провалов в контрразведке, что привело к дипломатическому кризису и замораживанию сотрудничества.

Напряженность также усилилась после российско-грузинской войны 2008 г. и присоединения Крыма в 2014 г., что спровоцировало новые санкции и взаимные обвинения [3, с. 244]. Позиция Правительства Великобритании в отношении Крыма остается неизменной и четкой: непризнание незаконной «аннексии» Российской Федерацией и рассмотрение полуострова как части территории Украины. Но, невзирая на политическую конъюнктуру, культурная дипломатия сохраняет роль ключевого инструмента укрепления англо-российских отношений: выставки, фестивали, такие как «Русская зима» и «Британский совет», поддерживают гуманитарные контакты и способствуют взаимопониманию между странами. Еще одним из наиболее значимых факторов, обостривших и без того напряженное англо-российское сотрудничество в XXI в., стало «Дело Скрипалей» – отравление Сергея и Юлии Скрипаль в Солсбери в 2018 г. Соединенное Королевство обвинило Россию в использовании вещества «Новичок» [4, с. 20], Москва же, в свою очередь, отвергла причастность. После высылки дипломатов возник кризис, последовали международные санкции против РФ и широкое осуждение инцидента.

Нельзя не отметить начало Специальной Военной Операции (СВО) на Украине в 2022 г., которое окончательно ухудшило и без того напряженные международные отношения. Великобритания резко осудила действия Российской Федерации, введя жесткие экономические санкции и оказав военную и гуманитарную помощь Украине [5]. Британские официальные лица ужесточили высказывания, акцентируя изоляцию России. Позиции сторон по украинскому конфликту и европейской безопасности фундаментально расходятся. В этом случае конкретным примером может выступить позиция нового монарха Соединенного Королевства, короля Карла III, по отношению к Российской Федерации, которая определяется рамками общей британской внешней политики [7]. Королевский дом Виндзоров солидарен с правительственным курсом, направленным на сдерживание агрессии и обеспечение суверенитета Украины, что выражается в поддержке санкций против РФ и оказании гуманитарной помощи Украине [7].

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что исторические связи, культурный обмен и экономическое взаимодействие создают основу для сотрудничества, но его сдерживают разногласия в политике. Таким образом, будущее англо-российских отношений в XXI в. во многом зависит от того, смогут ли страны преодолеть геополитические разногласия и наладить совместную работу по укреплению стабильности и безопасности на мировой арене.

Список источников и литературы

1. Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М.: Наука, 2006. 303 с.
2. Бугров Д.Ю. Перспективы развития российско-британских отношений в период премьер-министра Д. Кэмерона // Вестник ВолГУ. 2012. № 2. С. 91–93.
3. Суркова О.А. Санкционная политика Великобритании в отношении Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2023. № 2. С. 242–245.
4. Ананьев, Е.В. Матрешка «дела Скрипалей» // Современная Европа. 2018. № 3. С.16–26.
5. Миклашевская А. Король Карл III представил программу нового правительства Великобритании // Коммерсантъ-Daily. 2024. № 143. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6837314?ysclid=mikbdh6ib1813313563> (дата обращения: 13.04.2026).
6. The State Opening of Parliament (2023) // The Mirror. November 7th (<https://ya.ru/video/preview/9782425063742868608>) (дата обращения: 13.04.2026).
7. Д. Трамп на Государственном банкете в Британии (2025): на русском языке // ТВ Центр. 18 сентября. URL: https://vkvideo.ru/video-177104172_456258698?ref_domain=yastatic.net (дата обращения: 20.04.2026).

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

THE FORMATION OF THE POLICY OF HISTORICAL MEMORY IN RUSSIA AND GERMANY

И.В. Фролов

I.V. Frolov

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Scientific adviser E.L. Zberovskaya

Политика памяти, историческая память, Вторая мировая война, Россия, Германия.

Формирование политики памяти в России и Германии рассматривается через призму государственного регулирования, деятельности общественных организаций и коллективной памяти населения. Автор приходит к выводу, что, несмотря на разные позиции России и Германии по итогам войны, в формировании политики памяти о войне в странах есть различия: мотивы и ключевые паттерны, и общие черты: ролевая позиция, влияние утвердившихся в обществе нарративов, значение результатов войны.

Politics of memory, historical memory, World War II, Russia, Germany.

The article examines the key aspects influencing the politics of memory in the major participant countries of World War II—Russia and Germany. The formation of memory politics is analyzed through the lens of state regulation, the activities of public organizations, and national consciousness. The author concludes that despite the differing roles of Russia and Germany in the outcomes of the war, there are both differences: motivations and key patterns, and similarities in the shaping of war memory policies in these countries: their role positioning, the influence of national consciousness, and the impact of the war's conclusions.

Для каждой отдельно взятой нации вопрос исторической памяти является ключевым фактором формирования национальной идентичности, потому что сохраняется представителями нации, государством и законом. Для общества важным является поиск и открытие правды об исторических событиях, что позволяет формировать у граждан национальное самосознание, уважительное отношение к прошлому, прогнозировать будущее.

Историческая память о Второй мировой войне одна из самых ярких потенций для самоопределения народов в государствах, которые более всего затронули ужасы войны: Россия, Польша, Белоруссия, Украина, Германия, Япония, Франция, Бельгия и множество других. Поэтому важной проблемой исторической памяти о Второй мировой войне является поиск общих паттернов ее закрепления и формирование максимально точной исторической картины событий, что поможет избежать повторения ошибок войны, предотвратить возникновение нацистских течений и распрей между государствами на почве истории.

Теоретическим базисом для выделения основных факторов и критериев рассмотрения политики памяти в Германии и России выступают работы исследователей коллективной (исторической) памяти: М. Хальбвакса, Я. Ассмана,

П. Нора, А. Ассман, М. Хальбвакс выделяет необходимость построения общепринятой системы знаний, не лишенной эмоциональной окраски. Я. Ассман разделяет коллективную память на культурную и коммуникативную, при этом говоря о возможности их совмещения в виде церемониала, символики и праздника. П. Нора называет носителей памяти и символической ауры, местами памяти. Однако он выделяет личностно-психологические особенности формирования исторической памяти, которые базируются на переходе от коллективного к личностному пониманию и восприятию, что способствует переосмыслению и переписыванию истории [1, с. 73–75]. А. Ассман говорит о необходимости совмещения конкретной даты, эмоций и достижений культуры для полноценного закрепления и правильного осмысления исторических фактов и формирования исторической памяти [2, с. 137–141].

Исследуя память о Второй мировой войне в Германии, историки Д.И. Колесов, И.И. Маслова, О.А. Сухова, О.К. Шиманская пришли к следующему выводу: ««Политика вины», или «чувство вины», за темные страницы немецкой истории формировались в ходе крупных общественных дискуссий и по мере создания сильного гражданского общества, способного противодействовать ренацификационным процессам внутри государства. Любая попытка пересмотра исторической памяти вызывает активизацию и мобилизацию большей части немецкого общества для ее защиты» [3, с. 89–100]. Указанные исследователи называют Германию единственной страной, покаявшейся за преступления III рейха. Таким образом, «чувство вины» является в настоящее время основным паттерном для современных немцев как представление о Второй мировой войне, закрепившееся после долгих дискуссий в коллективной памяти, что находит подтверждение в работах А. Ассман о роли «виноватой» стороны Германии в складывании общей исторической памяти [4, с. 40].

Помимо общественного самосознания, основным императивным методом формирования памяти со стороны государства выступает правовое регулирование поля памяти. Основным закон ФРГ позволял немцам, на которых негативно сказался нацистский режим, вновь влиться в общество и осознать критичность преступлений нацизма, например, изменения в ст. 131 Основного закона ФРГ в 1957 и 1990 гг. [5]. Пункт 3 130 параграфа Уголовного кодекса ФРГ запрещает отрицание Холокоста под угрозой лишения свободы или штрафа, предотвращает пересмотр истории и попытки ренацификации и оправдания нацизма [6]. Таким образом, сформированное в немецком обществе понимание ответственности за развязывание войны и правовое регулирование ответственности создают общий нарратив – неприятия нацизма и войны, вины за прошлое, что говорит о попытках Германии искупить вину – предотвратить повторение кошмарных деяний геноцида и нацизма.

Подтверждением наличия активности гражданского общества в сфере сохранения памяти о Второй мировой войне служит деятельность общественных организаций, таких как: Stiftung Topographie des Terrors (Фонд «Топография террора»); Bundeszentrale für politische Bildung (bpb) (Федеральный центр

политического образования); Jugendbegegnungsstätte Auschwitz (Молодежный центр встреч в Освенциме) и мемориалы жертвам концлагерей [7].

Политика памяти о Второй мировой войне в России – это целостный и исчерпывающий постулат о недопустимости пересмотра итогов войны. Он говорит о закреплении итогов Второй мировой войны, о самосознании российского общества как народа-победителя, разгромившего фашизм.

В РФ память о Великой Отечественной войне в настоящее время является главным историческим нарративом, что закреплено в Федеральном законе «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [8]. Социолог А. Покида называет историческую память о Великой Отечественной войне «практически основным объединяющим феноменом, который характеризует дух и характер нашего народа, повод для гордости за себя и свое прошлое» [9].

На необходимость избегать фальсификаций истории обращает внимание Президент РФ Владимир Владимирович Путин. В качестве важнейшего итога Второй мировой войны он называет мировое сотрудничество, создание безопасной среды, учитывающей мнения большинства и меньшинства [10, с. 5–48].

Сохранением исторической памяти о войне в современной России занимаются многочисленные патриотические общественные организации: Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы» [11]; Международное общественное движение «Бессмертный полк» [12]; Благотворительный фонд «Память поколений» [13]; Общенациональная общественная организация «Поисковое движение России» [14] и др. Деятельность общественных объединений находит широкий отклик у граждан России и других стран.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации политика памяти о Великой Отечественной войне формируется на законодательном уровне и поддержана российским обществом как главный исторический нарратив.

Обозначив основные акторы исторической памяти о Второй мировой войне в России и в Германии, мы сравниваем основные компоненты и паттерны формирования и закрепления исторической памяти. Выявляются разные мотивы формирования исторической памяти: Германия, выступая в роли «покаявшейся за свои грехи» страны, формирует историческую память, основываясь на факте виновного деяния, не ставя главной задачей памяти сохранение исторических фактов. Главным выступает признание и закрепление в обществе вины и предотвращение повторения подобных событий. Россия же, выступая в роли наследницы страны-победителя и освободителя, формирует историческую память, основываясь на закреплении исторических фактов, сохранения памяти о героях. Вторым различием будут основные методы закрепления исторической памяти в Германии и России: в Германии преобладает императивный метод, заключающийся в обеспечении и защите исторической памяти, ее выводов и итогов законодательно. В России же действует метод коллективного воздействия, где население и субъекты гражданского общества поддерживают формирование единой исторической памяти о войне.

В формировании политики двух стран можно обнаружить и общие черты: активную роль в формулировании четких подходов к оценке событий Второй мировой войны играло государство; в российском и немецком обществе сложились общественно признанные нарративы.

Список источников и литературы

1. Прусакова О.П. Историческая память и «места памяти»: подход социолога Хальбвакса и концепция историка Пьера // Молодой ученый. 2022. № 33 (428). С. 73–75.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 137–141.
3. Колесов Д.И., Маслова И.И., Сухова О.А., Шиманская О.К. Историческая память о Второй мировой войне в Германии: этапы формирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2018. № 1 (45). С. 89–104.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 325 с.
5. Основной закон ФРГ. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf?ysclid=m9tfmu59cf678408635>, свободный (дата обращения: 18.04.2025).
6. Уголовный кодекс ФРГ. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/lshellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf, свободный (дата обращения: 18.04.2025).
7. Stiftung Topographie des Terrors (Фонд «Топография террора»): офиц. сайт. URL: <https://www.topographie.de/>, свободный (дата обращения: 18.04.2025).
8. «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 28.12.2024). URL: <https://base.garant.ru/1518946/>, свободный (дата обращения: 18.04.2025).
9. Покида А.Н. Великая Отечественная война 1941–1945 годов в исторической памяти народа // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. № 4. URL: <https://panor.ru/articles/velikaya-otechestvennaya-voyna-19411945-godov-v-istoricheskoy-pamyati-naroda/41359.html#>, свободный (дата обращения: 18.04.2025).
10. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. М., 2020. 92 с.
11. Всероссийское общественное движение «Волонтеры победы»: офиц. сайт. URL: <https://xn--90abhd2amfbbjx2jf6f.xn--p1ai/about.>, свободный (дата обращения: 16.04.2025).
12. Международное общественное гражданско-патриотическое движение «Бессмертный полк»: офиц. сайт движения. URL: <https://www.moypolk.ru/>, свободный (дата обращения: 16.04.2025).
13. Благотворительный фонд «Память поколений»: офиц. сайт. URL: <https://pamyatpokoleniy.ru/?ysclid=m9s3hd4577322072085>, свободный (дата обращения: 16.04.2025).
14. Общероссийское общественное движение «Поисковое движение России»: офиц. сайт. URL: <https://xn----ptbgoeelt.xn--p1ai/>, свободный (дата обращения: 16.04.2025).

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

TRANSFORMATION OF WORKING TIME STANDARDS IN A HISTORICAL PERSPECTIVE

А.Н. Сабенина

A.N. Sabenina

Научный руководитель Е.Н. Захарова
Scientific adviser E.N. Zakharova

Рабочее время, индустриальная революция, цифровая экономика, дистанционная занятость, трудовое законодательство.

Статья посвящена эволюции института рабочего времени от доиндустриальной эпохи до цифровой экономики. Анализируются экономические и технологические факторы, определявшие продолжительность труда. Автор приходит к выводу, что исторически происходило сокращение рабочего времени, однако цифровизация и платформенная занятость размывают границы между работой и отдыхом, требуя пересмотра традиционных норм.

Working hours, industrial revolution, digital economy, remote employment, labor legislation.

The article is devoted to the evolution of the institution of working time from the pre-industrial era to the digital economy. The economic and technological factors that determined the duration of labor are analyzed. The author concludes that historically there has been a reduction in working hours, but digitalization and platform employment are blurring the boundaries between work and leisure, requiring a revision of traditional norms.

Нормы рабочего времени – центральный институт экономики труда, однако в цифровую эпоху традиционные представления о «нормальном» 8-часовом рабочем дне размываются. Дистанционная и платформенная занятость делают работника фактически доступным работодателю круглосуточно, что порождает новый конфликт между гибкостью и сохранением здоровья. Поэтому понимание исторической эволюции рабочего времени необходимо для прогнозирования его будущего.

Классический анализ борьбы за рабочий день дал еще К. Маркс в «Капитале» [1, с. 270–275], а современные исследователи (Н.Л. Лютов, В. де Стефано, Ф. Хендрикс) фиксируют феномен «постоянной доступности» [2, с. 98–107; 3, с. 1–2]. Цель данной статьи – выявить основные этапы трансформации рабочего времени и показать, как прошлое помогает понять настоящее.

В доиндустриальную эпоху жестких норм не существовало: труд подчинялся природным циклам, а рабочий день в городах достигал 14–16 часов, но проблема «экономии времени» еще не стояла. С наступлением индустриальной революции положение кардинально изменилось: на раннем капитализме рабочий день вырос до 12–16 часов, поскольку удлинение времени труда было выгодно предпринимателям благодаря постоянным издержкам. Однако чрезмерная эксплуатация вела

к деградации рабочей силы, и началась борьба сначала за 10-часовой, а затем за 8-часовой день, которую Маркс назвал «первой сознательной реакцией рабочего класса» [1, с. 271–273].

В XX в. 8-часовой день и 40-часовая неделя стали стандартом в развитых странах. Этому способствовали рост производительности труда, развитие массового потребления и давление профсоюзов. Во второй половине века распространились гибкие режимы – неполное время, гибкий график, суммированный учет, что было связано с выходом на рынок труда женщин и ростом сферы услуг.

Цифровая революция принципиально изменила ситуацию. Интернет и мобильная связь сделали возможной «работу в любое время и в любом месте». Дистанционная занятость размывает границы рабочего дня. Работодатели ожидают ответов в выходные, а работники попадают в режим «добровольного самоэксплуатирования», усиленный алгоритмическим контролем [2, с. 102; 3, с. 3–4]. Платформы (такси, доставка) вводят «реактивный» режим, перекладывая риски простоя на исполнителя, который вынужден постоянно находиться в состоянии готовности.

В перспективе возможны разнонаправленные сценарии. С одной стороны, автоматизация и ИИ могут сократить рабочую неделю до 30 часов. С другой, прекаризация ведет к нескольким «подработкам» и росту фактического времени труда. Уже предлагаются новые инструменты – право на «отключение» от работы (Франция), категория «зависимого самозанятого» и цифровые табели учета [4, с. 619–622].

Таким образом, историческая эволюция рабочего времени показывает, что его сокращение было результатом острого социального конфликта между трудом и капиталом. В цифровую эпоху технологическая возможность постоянного доступа к работнику вступает в противоречие с воспроизводством рабочей силы. Без обновления законодательства эта тенденция будет нарастать, однако рост производительности от ИИ делает экономически возможным дальнейшее сокращение рабочего времени – при условии перераспределения выгод автоматизации в пользу наемных работников.

Список источников и литературы

1. Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1 / Карл Генрих Маркс. М.: АСТ, 2001. С. 270–275. (Серия «Капитал»; кн. 1)
2. Лютов Н.Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 98–107.
3. De Stefano V. «Negotiating the algorithm»: automation, artificial intelligence and labour protection: Working Paper no 246. Geneva: International Labour Organization, 2018.
4. Prassl J., Risak M. Uber, Taskrabbit & Co: platforms as employers? // Comparative Labor Law & Policy Journal. 2015. 619–630.

ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА ЯБЛОКОВА: НАУЧНЫЙ ПУТЬ, КАРЬЕРА И ВКЛАД В ПСИХОЛОГИЮ И ПЕДАГОГИКУ

LYUDMILA VIKTOROVNA YABLOKOVA:
SCIENTIFIC PATH, CAREER,
AND CONTRIBUTION TO PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

А.П. Потылицин

A.P. Potylitsin

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific supervisor L.E. Mezit

Проректор, психолого-педагогическое образование, умственная деятельность младшего школьника, адаптация личности в социуме.

Статья посвящена карьере и научному пути кандидата психологических наук, профессора, заведующей кафедрой психологии Красноярского государственного педагогического университета, проректору по психолого-педагогическому образованию Л.В. Яблоковой.

Vice-rector, psychological and pedagogical education, mental activity of primary school students, and personality adaptation in society.

The article is devoted to the career and scientific path of L.V. Yablokova, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology at Krasnoyarsk State Pedagogical University, and Vice-Rector for Psychological and Pedagogical Education.

Людмила Викторовна Яблокова – кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Красноярского государственного педагогического университета, а с 2000 г. – проректор по психолого-педагогическому образованию. Ее научная и педагогическая деятельность была неразрывно связана с Красноярским краем на протяжении почти 30 лет, а более половины жизни она посвятила становлению теоретической и практической психологии в регионе [3, с. 3]. Значение этой фигуры определяется редким соединением научной рефлексии, организационного таланта, педагогического дара и высокой нравственной культуры.

Академическое становление Яблоковой началось в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена [3, с. 283], где она стала Ленинской стипендиаткой, выступала на заседаниях студенческого научного общества и «всерьез занялась психологией» [3, с. 182]. Ее научным руководителем стал профессор А.И. Раев, сыгравший ключевую роль в ее дальнейшей судьбе [3, с. 182]. В июне 1973 г. Яблокова получила диплом с отличием [3, с. 284].

С августа 1973 г. ее жизнь связана с КГПИ: с 1973 г. она работала младшим научным сотрудником социологической лаборатории, а с 1975 г. – ассистентом

кафедры педагогики и психологии [3, с. 284]. Параллельно в 1976–1979 гг. она обучалась в аспирантуре ЛГПИ им. А.И. Герцена под руководством А.И. Раева [3, с. 284].

В марте 1981 г. Яблокова защитила кандидатскую диссертацию «Психологический анализ переноса в умственной деятельности младшего школьника» [1; 3, с. 284]. Работа была посвящена проблеме переноса как механизма усвоения и применения опыта в новых условиях обучения. В отзывах подчеркивалось, что перенос имеет ключевое значение для формирования самостоятельности ученика и решения главной задачи современной школы – научить ребенка учиться [3, с. 310, 314]. В ходе исследования Яблокова проанализировала 113 научных работ и обработала 11 500 ответов учащихся [3, с. 311–312]. В диссертации были выявлены особенности переноса правил различной сложности, зависимость переноса от формы предъявления материала и динамика его формирования в обучении [3, с. 311–317]. Эта ранняя работа позволяет увидеть Яблокову как исследователя, способного соединить строгую экспериментальную методику с актуальными задачами школьной практики.

14 мая 1987 г. учреждена кафедра психологии КГПИ, руководство ей было поручено доценту Л.В. Яблоковой [3, с. 103]. С октября 1987 г. кафедра тесно сотрудничала со школой № 11 и детским садом № 1 Красноярска; в августе 1988 г. на этой базе был создан учебно-научно-педагогический комплекс «д/сад – школа – вуз» [3, с. 104]. Именно здесь формировалась школьная психологическая служба, затем – городской психологический центр «Школа и личность» [3, с. 104]. В 1993 г. при кафедре открылась аспирантура по специальности «Педагогическая психология»; первый аспирант А.Н. Юшков защитил диссертацию в 1997 г. [3, с. 104]. С 1996 г. выходил журнал «Школа и личность», кафедра участвовала в подготовке региональных справочников для педагогов-психологов [5; 6; 3, с. 105]. Кафедра под руководством Яблоковой выступала как полноценный научно-методический центр, обеспечивавший развитие психологической практики всего сибирского региона.

В дальнейшем научные интересы Яблоковой расширились: предметом ее внимания становится целостная личность ученика во взаимосвязи интеллектуальных, эмоциональных, духовных и физических сил [3, с. 6]. Многие годы она изучала проблемы адаптации личности в социуме, школьной и семейной неуспешности, развития творческого потенциала ребенка [3, с. 7]. Итогом этой работы стала диссертация 1998 г. «Нейропсихологическая диагностика развития высших психических функций у младших школьников: разработка критериев оценки» [2]. Если исследование 1981 г. раскрывало механизмы переноса в учебной деятельности, то работа 1998 г. обращена к нейропсихологическим основаниям школьной успешности, диагностике профилей дефицитов и разработке критериев оценки высших психических функций. Научная траектория Яблоковой описывает закономерное движение от анализа учебной деятельности к комплексному исследованию когнитивного развития ребенка в образовательной среде.

Существенную часть научного наследия Людмилы Викторовны составляют тексты о школе, воспитании, общении старшеклассников и подготовке психологических кадров. В статье «Психологические консультации в школе – путь совершенствования воспитательной работы» она разработала этапную модель консультирования: предварительный этап с участием классного руководителя, установление контакта с учеником, выяснение позиции ребенка и родителей, глубокая беседа и совместный поиск решения [3, с. 60–62]. В статье отчетливо видно, что Яблокова мыслит школьную психологию не как набор приемов, а как тонкую работу с личностью в системе семейных и школьных отношений [3, с. 61–62].

Та же гуманистическая установка проявляется в тексте «Содружество»: по данным анкетирования 25 учителей и 225 учащихся школы № 11, для школьников особенно болезненным оказывался дефицит субъект-субъектных отношений – невозможность высказывать свое мнение и вступать в полноценное общение с учителем [3, с. 65–67]. Эта диагностика кризиса школы как кризиса межличностных отношений показательна для научной позиции Яблоковой. В работе «Психологические особенности общения старшеклассников» она называла общение «логическим центром» психолого-педагогических наук и настаивала на переходе от субъект-объектного взаимодействия к субъект-субъектному [3, с. 68].

Яблокова рассматривала психологию в педвузе как необходимое условие формирования профессионального учителя. В статье «Знать тонкости души» она писала, что становление педагогической «зрелости» начинается в вузе через курсы психологии, а кафедра создавала собственное методическое обеспечение: программы практики, оригинальные методики, формировавшие психологическую наблюдательность будущих учителей [3, с. 90–91]. В статье «О преподавании психолого-педагогических дисциплин в условиях многоуровневой подготовки» преподавание психологии рассматривается как деятельность, основанная на принципах культуросообразности, междисциплинарности и практикоориентированности, направляющая студентов не на усвоение сведений, а на методологию и логику науки [3, с. 93]. Особенно показательно ее различие «профессионального» и «непрофессионального» подхода: одни студенты с первого курса видят в психологии средство понимания другого человека, тогда как другие воспринимают ее лишь как предмет, информирующий о себе самих [3, с. 94].

В статье «Проблемы профессиональной подготовки и переподготовки психологических кадров» Яблокова формулирует цельную концепцию профессионального становления психолога, критически характеризуя краткосрочную подготовку как «фельдшерский» уровень [3, с. 98]. Непрерывное профессиональное становление включает, по ее мнению, этапы подготовки и переподготовки. Ключевая мысль: психолог должен помнить, что ребенок – не материал для экспериментирования, а личность, которой требуется помощь в поиске собственного пути [3, с. 101–102]. Эта формулировка концентрированно выражает гуманистическое ядро всей профессиональной философии Яблоковой.

К началу 2000-х гг. научная мысль Людмилы Викторовны выходит на уровень концептуального проектирования педагогического образования в университете. В статьях о концепции качества профессиональной подготовки учителя в КГПУ Яблокова вместе с соавторами рассматривает качество образования как социальную категорию, выражающую соответствие результатов потребностям общества [3, с. 118–120]. Качество подготовки мыслится через систему ценностей-целей, ценностей-знаний, ценностей-отношений и уровни становления – ознакомительный, нормативно-репродуктивный и продуктивный [3, с. 124–127].

С 2000 г. Яблокова, оставаясь заведующей кафедрой, была назначена проректором по психолого-педагогическому образованию [3, с. 288]. По воспоминаниям ректора Н.И. Дроздова, университет нуждался в человеке, способном формировать климат доверия и созидания, и именно таким человеком была Людмила Викторовна [3, с. 198–199]. На этом посту она участвовала в организации Института психологии, педагогики и управления образованием, курировала семинары по стратегии развития университета, занималась созданием психологической службы для студентов [3, с. 199]. Управление становилось для нее продолжением особой гуманитарной миссии.

Биография Людмилы Викторовны Яблоковой предстает как цельный профессиональный путь, в котором исследования учебной деятельности, нейропсихологическая диагностика, создание кафедры, развитие психологической службы региона и концептуализация педагогического образования оказываются звеньями единой миссии. В ее центре всегда находился человек – ребенок, студент, учитель, коллега. Яблокова рассматривала психологию не как замкнутую академическую дисциплину, а как науку и практику, призванную содействовать развитию личности и гуманизации образовательного пространства. После ее смерти в 2002 г. память о ней была сохранена через чтения ее имени, именную стипендию и мемориальные издания [4; 7; 12].

Список источников и литературы

1. Яблокова Л.В. Психологический анализ переноса в умственной деятельности младшего школьника: дис. ... канд. психол. наук. Л., 1981.
2. Яблокова Л.В. Нейропсихологическая диагностика развития высших психических функций у младших школьников: разработка критериев оценки: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 126 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000195965/ (дата обращения: 31.03.2026).
3. Людмила Викторовна Яблокова: избранные психологические труды, воспоминания, материалы: к 55-летию со дня рождения / сост. Ю.Н. Яблоков. Красноярск: РИО КГПУ, 2005. 356 с.
4. Каханова Е.Ю., Яблоков Ю.Н. Дополнение к книге о Л.В. Яблоковой: имя психолога в публикациях последнего десятилетия // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 4. С. 171–173.
5. Кто есть кто в психологическом образовательном пространстве Красноярского края: справочник / сост. Л.В. Яблокова и др.; отв. ред. Л.В. Яблокова. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 1997. 62 с.

6. Нормативно-правовые основы деятельности педагогов-психологов: справочник / сост. и авт. вступ. ст. Л.В. Яблокова. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 1997. 240 с.
7. Библиографический указатель трудов преподавателей КГПУ: 2002–2013 гг. Вып. 10 / сост. Е.Г. Телешун. Красноярск, 2013. URL: [https://library.kspu.ru/jirbis2/images/Ukazateli/Vypusk % 2010.pdf](https://library.kspu.ru/jirbis2/images/Ukazateli/Vypusk%2010.pdf) (дата обращения: 31.03.2026).
8. Нихочина А.А. Становление и реализация государственной политики в отношении детей в Российской Федерации в 1991–2004 гг.: на материалах Красноярского края: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Красноярск, 2006. 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-realizatsiya-gosudarstvennoi-politiki-v-otnoshenii-detei-v-1991-2004-gg-v-ross> (дата обращения: 31.03.2026).
9. Вклад женщин в развитие педагогики и психологии. URL: <https://www.calameo.com/read/006163613c3cf10a37ae1> (дата обращения: 31.03.2026).
10. Программа VII психолого-педагогических чтений памяти Л.В. Яблоковой «Современное психолого-педагогическое образование: проблемы и перспективы» / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. URL: <https://www.kspu.ru/upload/documents/2016/10/25/f5f89af23c374ec780b31e6fbe20b942/programma-vii-psihologo-pedagogicheskikh-chtenij-pamyati-lv-yablokovej-sovremenno.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.П. ГАЙДАРА В ЧАСТЯХ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ: БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1922 г.

A.P. GAIDAR'S ACTIVITIES IN SPECIAL PURPOSE UNITS:
FIGHTING BANDITISM IN THE YENISEI PROVINCE IN 1922

В.Е. Скоблова

V.E. Skoblova

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific adviser L.E. Mezit

А.П. Гайдар, гражданская война, части особого назначения (ЧОН), Енисейская губерния, повстанчество, «бандитизм».

В статье рассматривается малоизвестный эпизод биографии известного советского писателя Аркадия Петровича Гайдара (Голикова), связанный с его службой в частях особого назначения (ЧОН) на территории Енисейской губернии в 1922 г. На основе исторических данных анализируются методы борьбы с «бандитизмом», применявшиеся молодым командиром, эффективность его тактических решений и взаимоотношения его отряда с местным населением. Особое внимание уделяется конфликту между революционной целесообразностью и нормами гуманности, приведшему к служебному расследованию и отстранению Гайдара от должности. Делается вывод о двойственности его роли: с одной стороны, как борца с повстанчеством, с другой – как фигуры, чьи действия усугубляли последствия гражданской войны для мирных жителей.

A.P. Gaidar, Civil War, special purpose units (SPDU), Yenisei province, insurgency, "banditry".

This article examines a little-known episode in the biography of renowned Soviet writer Arkady Petrovich Gaidar (Golikov), related to his service in the Special Purpose Units (SPUN) in Yenisei Province in 1922. Drawing on historical data, it analyzes the young commander's methods of combating "banditry," the effectiveness of his tactical decisions, and his unit's relationships with the local population. Particular attention is paid to the conflict between revolutionary expediency and humanitarian norms, which led to an internal investigation and Gaidar's dismissal. It concludes that his role was dual: on the one hand, as a counterinsurgency fighter, and on the other, as a figure whose actions exacerbated the consequences of the Civil War for civilians.

После разгрома колчаковщины на территории Енисейской губернии осталось много офицеров, солдат белой армии, скрывавшихся от наказания в сибирских лесах, деревнях. Для борьбы с «белобандитизмом», как именовали их официальные источники и охране общественного порядка в 1920 г. были созданы части особого назначения (ЧОН), в т.ч. в Енисейской губернии [1, с. 19].

В феврале 1922 г. в Енисейскую губернию был направлен участник гражданской войны и советский писатель – Аркадий Петрович Голиков (Гайдар). Гайдар получил назначение начальником одного из боевых районов по ликвидации остатков белых банд, рассеявшихся после разгрома колчаковских войск [2].

Еще в 1917 г. Голиков связал свою жизнь с большевиками, в 1918 г. стал членом РКП(б), позднее воевал за советскую власть. По приказу штаба ЧОН в 1922 г. он был отозван в Иркутск на службы, в феврале этого же года его направили в ЧОН Енисейской губернии. С 19 марта А.П. Гайдар занимал должность начальника Второго боеучастка Ачинско-Минусинского боевого района. Позднее он командовал охраной курорта «Озеро Шира».

Гайдар и его отряд занимались разведкой, преследованием и поиском повстанцев [3, с. 113]. 1 апреля 1922 г. армия Гайдара получила сведения о «банде» Родионова, чоновцы направили свои силы для их ликвидации, но банда успела скрыться. Позже разведка выяснила, что «бандиты» на лыжах ушли в тайгу. С 18 апреля Гайдар вел поиски «банды» Кулаков, с 16–22 мая – «банды» Соловьева [3, с. 114].

Соловьевская банда состояла из колчаковских офицеров и местного кулачества, она хозяйничала в окрестностях, убивала, грабила, жгла. Бандиты укрывались в тайге, выбить их было нелегко. Гайдар решил, что нужно вести борьбу, разделившись на несколько отрядов. Главная задача – ликвидировать банду [2].

Бандиты стояли в глухой тайге близ рудника Улень, а центральный штаб ЧОНА был на станции Шира. И армия Гайдара поспешила по следам бандитов. В одной из улусов был взят один из главарей Мотыга. И его приговорили к расстрелу [4].

Банда Соловьева планировала начать бой первыми. Но Гайдар их обогнал и напал раньше. Схватка произошла ночью 25 мая [3, с. 114]. Через некоторое время «бандиты» стали отходить и засыпали землянки, постройки, заметалась огненным пылом тайга. Отступая, бандиты все выжигали на своем пути [1]. После этого части окружили местность, и враги со временем стали сдаваться в плен.

Проверяющая комиссия в отчете приводила факты отсутствия оперативности в действиях Гайдара. Гонясь за небольшой бандой, Гайдар тратил силы всей армии. В июне Минусинский уисполком был извещен, что комбат Голикова произвел расстрелы людей, побросал трупы в реку. 3 июня 1922 г. Особым отделом губернского отдела ГПУ было заведено дело № 274. Аркадия Голикова обвиняли в злоупотреблении служебным положением [5].

Позднее стало известно о том, что Гайдар предлагал вводить жестокие законы по отношению к повстанцам. Врач курорта, где находился отряд Голикова, зафиксировал случаи избиения жителей. Местные жители говорили о том, что красноармейцы в ходе поиска «бандитов» обыскивали их дома, отбирали одежду, деньги, скот [3, с. 115].

В ходе попыток найти «банду» отряд Голикова угрожал расстрелом. Жители с. Кобежики были пойманы и расстреляны, но один из них смог сбежать и донес о том, что их сначала допрашивали, далее выпороли, а позже расстреляли [3, с. 116]. Были и другие случаи, где Гайдар предпринимал решение расстрелять людей, если они были связаны с бандой, заподозрены во взаимодействии с ней или говорили ложную информацию.

В итоге деятельность Гайдара вызвала панику среди местных властей и большое количество жалоб. Началось расследование по его деятельности, где Голиков сознался в расстрелах, но обосновывал их причастностью этих людей к повстанцам. Было принято решение отозвать его от должности и на два года запретить занимать ему подобные посты [5].

Таким образом, деятельность А.П. Гайдара в Енисейской губернии носила глубоко противоречивый характер. С одной стороны, он выполнял поставленную задачу по борьбе с повстанчеством, действуя в логике военного времени. С другой стороны, его методы – неэффективное расходование сил, грабежи, избиения и внесудебные расстрелы – фактически воспроизводили тот самый произвол, который осуждался советской властью. Борясь с «бандитизмом», отряд Гайдара сам нередко действовал бандитскими методами, что вызвало осуждение у народа. Голиков, борясь с бандитизмом, сам совершал ограбления и расстрелы, что было продолжением гражданской войны, которую он хотел остановить.

Список источников и литературы

1. Исаев В.И., Угроватов А.П. Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). Новосибирск: Наука-центр, 2006. С. 19.
2. ГАКК Ф.П-42 Оп. 6 Д.180 . Лл. 1-15.
3. Шекшеев А.П. Гайдар в Сибири: мифы и действительность // Мартыановские краеведческие чтения (2005–2006 гг.). Минусинск, 2007. С. 113–116.
4. ГАКК Ф.П-42. Оп. 8. Д. 488. Л. 5.
5. Аркадий Гайдар стал героем после того, как жестоко убивал женщин и детей? // Федеральный АиФ. URL: <https://aif.ru/culture/28780?ysclid=mmxax4bsll288621141> (дата обращения: 19.03.2026).

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НЭПМАНА В САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1920-х гг.

THE IMAGE OF THE NEPMAN

IN THE 1920s SATIRICAL WRITINGS: THE IDEOLOGICAL ASPECT

А.А. Замостная

A.A. Zamostnaya

Научный руководитель Н.В. Ворошилова
Scientific adviser N.V. Voroshilova

Нэпман, сатирическое издание «Крокодил», Илья Ильф и Евгений Петров, идеологическая риторика, быт 1920-х гг., культурная стратегия.

В статье рассматривается процесс создания образа нэпмана в советской литературе и прессе 1920-х гг., а также в документах партийного контроля над культурой. Исследуются романы И. Ильфа и Е. Петрова и журнал «Крокодил». Автор делает вывод, что сатирические произведения выполняли роль идеологического инструмента, укрепляя негативные стереотипы о «новой буржуазии» и мещанах. Эти стереотипы формировались в соответствии с установками ЦК РКП(б). Это, в свою очередь, способствовало обоснованию сворачивания НЭПа через культурную изоляцию его представителей.

Napman, the satirical publication Krokodil, Ilya Ilf and Yevgeny Petrov, ideological rhetoric, everyday life in the 1920s, and cultural strategy.

The article examines the process of creating the image of the NEPman in Soviet literature and the press of the 1920s, as well as in the documents of party control over culture. The novels by Ilya Ilf and Yevgeny Petrov and the magazine “Krokodil” are studied. The author concludes that satirical works served as an ideological tool, reinforcing negative stereotypes about the “new bourgeoisie” and philistines. These stereotypes were formed in accordance with the guidelines of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks). This, in turn, contributed to the justification of the NEP’s curtailment through the cultural isolation of its representatives.

Новая экономическая политика (НЭП), инициированная в 1921 г., ознаменовала собой кардинальные изменения в экономической системе Советского Союза, что привело к легализации частной торговли и предпринимательской деятельности. Это, в свою очередь, способствовало формированию новой социальной группы – нэпманов. В официальной советской риторике нэпманы были немедленно определены как чуждый и потенциально враждебный элемент [1, с. 345–350]. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что сатирическое творчество 1920-х гг. трансформировалось из простого жанра развлечения в мощное идеологическое оружие, формирующее и закрепляющее образ врага.

Степень изученности данной проблематики представлена в трудах исследователей Т.В. Григорьевой, К.И. Зубкова и И.Б. Орлова. Однако, несмотря на значительный вклад этих ученых, вопрос о взаимосвязи между конкретными партийными директивами и динамикой эволюции сатирического образа нэпмана остается недостаточно разработанным.

Цель данной статьи – исследование и описание основных характеристик идеологического портрета нэпмана, который формировался с помощью сатирических жанров, таких как карикатура и рассказ, в 1920-е гг. Кроме того, выясним, как этот образ распространялся среди широких масс.

Исследование опирается на широкий круг источников, включающий сатирические журналы «Крокодил» (1922–1929), произведения Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев»), а также партийные документы, регулировавшие культурную политику. В частности, постановление ЦК РКП(б) от 1 июля 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы» требовало усилить сатирическое направление для критики мещанства и нэпманских проявлений.

Изучение сатирических материалов позволяет выявить несколько характерных черт, присущих образу нэпмана.

Внешний вид и повседневная жизнь нэпмана. Его образ в советской литературе и искусстве включал кожаный картуз, яркий галстук и папиросу. Как отмечает Н.Б. Лебина, внешний вид нэпмана, изображаемый в журналах, формировал у людей негативное отношение к буржуазной роскоши и мещанскому образу жизни [6, с. 112–115]. И.Б. Орлов добавляет, что сатирический образ нэпмана создавался через детали его гардероба, манеры поведения и особенности речи [7, с. 156].

Моральный облик. Сатирические произведения создавали образ нэпмана как циничного и алчного человека, готового на любые поступки ради наживы. В романе «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова персонаж Воробьянинов, бывший предводитель дворянства, адаптировавшийся к условиям новой экономической политики, представлен как человек, потерявший прежние сословные и моральные принципы [3, с. 98–102]. В тексте присутствует элемент пародии, который подчеркивает угрозу: нэпманы могли «примазаться» к советской системе, вступить в партию и даже занять руководящие должности в трестах [8, с. 88–92].

Нэпман как скрытый враг. И.Б. Орлов указывает, что советская сатира изображала нэпмана как «внутреннего эмигранта», который был враждебно настроен к социалистическому строю. В сатирических журналах нэпман постоянно ассоциировался с контрреволюцией и старыми порядками. В.В. Петелин отмечает, что карикатуры журнала «Крокодил» 1920-х гг. часто изображали участника в контексте дореволюционной жизни, создавая у читателя связь между нэпманом и «бывшими» людьми, которые были чужды советской власти. Примером служит карикатура «Нэпман бойкотирует», опубликованная в «Крокодиле» в 1923 г. На ней изображен торговец, который зачеркивает слово «шоколад» и заменяет его на «СССР». На столе перед ним лежат продукты (сыр, хлеб, колбаса, бутылки), а на заднем плане видна вывеска с надписью «настоящий сыр». Эти действия нэпмана демонстрируют его неприятие советской символики: он готов продавать «настоящий» (дореволюционный, качественный) продукт, но вынужден маркировать его советскими названиями. Так визуализируется образ нэпмана как «внутреннего эмигранта», который не принимает новую советскую действительность и тоскует по былым порядкам. К.И. Зубков также поддерживает мнение, что нэпман представлял собой «бывшего» человека, враждебного пролетариату.

Гендерный аспект. Н.Л. Пушкарева указывает на то, что образ нэпмана нередко дополнялся образом «нэпманши» – женщиной, которая стремилась подражать буржуазной культуре и таким образом формировала негативный образ мещанства. В.В. Петелин отмечает, что журнал «Крокодил» регулярно высмеивал желание нэпманских семей вести «красивую жизнь», чуждую пролетарскому аскетизму. Это выражалось, в частности, в изображении разодетых нэпманш в театрах, магазинах и на загородных прогулках.

Сатирический образ нэпмана, сформированный в 1920-е г., служил нескольким важным целям. Во-первых, он использовался для дискредитации частной собственности и предпринимательства. Во-вторых, этот образ помогал обосновать будущие репрессивные меры, такие как закрытие частных магазинов и лишение избирательных прав. Кроме того, он способствовал укреплению пролетарского самосознания через противопоставление «чуждым» элементам. Таким образом, сатира стала неотъемлемой частью государственной стратегии по подготовке общественного мнения к сворачиванию НЭПа в конце 1920-х гг.

Список источников и литературы

1. О политике партии в области художественной литературы: Постановление ЦК РКП(б) от 1 июля 1925 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политиздат, 1970. С. 345–350.
2. Крокодил. Журнал сатиры и юмора. 1922–1929. URL: <https://www.nekrasovka.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).
3. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: роман. М.: Эксмо, 2020. 704 с.
4. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б) и ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. 832 с.
5. Выходцев П.С. (ред.) История русской советской литературы. М.: Высшая школа, 1970. Т. 1. 480 с.
6. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. СПб.: Питер, 2015. 400 с.
7. Орлов И.Б. «Новая буржуазия» в советской сатире 1920-х годов // НЭП: экономика, политика, идеология. М.: РОССПЭН, 2010. С. 152–168.
8. Григорьева Т.В. Советская сатира 1920-х годов: Жанрово-стилевые поиски. М.: Наука, 2008. 312 с.
9. Петелин В.В. История одного журнала: «Крокодил» в 1920-е годы. М.: Искусство, 1990. 254 с.
10. Пушкарева Н.Л. Гендерные аспекты советской повседневности 1920–1930-х годов // Российская история. 2012. № 4. С. 65–78.
11. Амиров В.М., Антошин А.В., Бортников В.И. и др. Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / под ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2019. 520 с.
12. Гуськов Ю.В. Военный коммунизм и новая экономическая политика в истории России. М.: Прометей, 2017. 288 с.
13. Зубков К.И. НЭП: повседневность и мифы. М.: РОССПЭН, 2018. 398 с.

Секция 4.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ:
ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНОГО СОБРАНИЯ ПЕРИОДА СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

PROBLEMS OF FORMING A MUSEUM COLLECTION FROM THE SOVIET-JAPANESE WAR PERIOD

Я.Д. Син

Ya.D. Sin

Научный руководитель А.В. Запорожченко
Scientific Supervisor A.V. Zaporozhchenko

Комплектование, музейное собрание, Советско-японская война, Музейно-мемориальный комплекс «Победа», оружие.

В статье рассматривается опыт и проблемы комплектования музейного собрания Музейно-мемориального комплекса «Победа». Автор приходит к выводу о том, что если вести полномасштабную работу по сбору предметов в командировках и среди родственников, а также не нарушать законодательство в сфере приема оружия, то пополнение музейного собрания возможно.

Acquisition, museum collection, Soviet-Japanese War, “Victory” Museum and Memorial Complex, weapons.

This article examines the experience and challenges of forming a museum collection at the “Victory” Museum and Memorial Complex. The author concludes that, given comprehensive fieldwork for collecting items during expeditions and among relatives, and provided that legislation regarding the acquisition of weapons is strictly observed, further replenishment of the museum’s collection is possible.

Музейно-мемориальный комплекс «Победа» представляет собой особое культурное учреждение, функционирующее на некоммерческой основе. Его основная задача – сберегать, исследовать и демонстрировать широкому кругу посетителей музейные предметы и коллекции, официально внесенные в Музейный фонд Российской Федерации, а также выполнять иные функции, отраженные в федеральном законодательстве [1, ст. 7].

Тенденция к коллекционированию наблюдается с древнейших времен. Люди издревле тяготели к сохранению предметов, обладавших для них религиозным, познавательным или эстетическим значением – как природного, так и искусственного происхождения (лат. *sacrum* – священная реликвия). Такие объекты зачастую становились неотъемлемой частью наследия, переходя в разряд семейных реликвий [2, с. 10].

Динамика становления музейной сферы в Сахалинской области отличается собственной спецификой. К моменту открытия военно-исторического музея «Победа» в 2017 г. регион уже имел развитую музейную сеть с фокусом в основном на областное краеведение. В этом контексте проблему укомплектования коллекций для нового специализированного музея сложно переоценить.

Внедрение эффективных принципов комплектования, а также выделение собирательской деятельности в самостоятельный пласт научной работы становятся ключевыми задачами функционирования учреждения.

Военная история региона чрезвычайно богата событиями. Сахалин и Курильские острова неоднократно становились ареной сражений – от Русско-японской войны 1904–1905 гг. до боевых операций периода Второй мировой войны, гражданских конфликтов, интервенций и современных событий. Многие жители области участвовали в Великой Отечественной, были вовлечены в локальные конфликты и продолжают принимать участие в актуальных военных действиях.

Миссия Музейно-мемориального комплекса «Победа» – это сохранение и популяризация богатого культурного и военного наследия Сахалина, повышение интереса к истории родного края, а также патриотическое воспитание молодежи.

Основные направления работы музея включают не только надежное хранение и пополнение музейных предметов, но и их системное исследование и открытие новых ценных экспонатов для фондов.

На момент создания базовой концепции у комплекса наблюдался серьезный дефицит оригинальных предметов, относящихся к эпохе Советско-японской войны (что объяснялось значительным временным разрывом – около 70 лет со дня завершения боевых действий). Именно поэтому с самого начала акцент делался на создание музейных панорам и диорам.

Работы по созданию масштабных 3D-экспозиций, таких как «Десант на Шумшу. Последний остров войны» и «Штурм полицейского поста Хандаса», велись в крайне ограниченные сроки: старт – июль 2016 г., а уже к 71-й годовщине окончания Второй мировой войны, в августе, музей открыл двери для первых посетителей.

Одним из важных этапов пополнения коллекции стали исследовательские выезды, в частности, экспедиции 2016–2017 гг., которые проводил И.А. Самарин на Матуа. Тогда был собран ценный материальный и научный материал о японских укреплениях и быте гарнизонов. Интересно, что поиск на Матуа позволил развеять распространенные мифы о японских фортификациях этого острова: собранные экспонаты – от свидетельств об обстрелах союзников до предметов быта солдат и их рациона – дали подлинную картину жизни военного гарнизона.

Значимым пополнением фондов стала и экспедиция на остров Шумшу в 2014 г., где удалось по фрагментам воссоздать 320-мм надствольный японский миномет, а также подобрать личные вещи советских бойцов, боеприпасы и части вооружения, которые стали основой новой музейной экспозиции «Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны».

С 2018 г. Музейно-мемориальный комплекс «Победа» активно ведет многоуровневую исследовательскую деятельность. Это включает не только полевые экспедиции и сбор новых предметов, но и работу в архивах, военкоматах, библиотеках и налаживание контактов с ветеранским сообществом и родственниками участников войны. Именно такой всесторонний подход позволяет не только

пополнить фонды, но и формировать полноту исторического контекста событий эпохи советско-японского противостояния.

Особую сложность по-прежнему вызывает проблема поиска и передачи в фонды подлинных артефактов, особенно оружия или его частей. Заполнение этих «белых пятен» осложняется жестким законодательством: оформление поступлений требует документов, подтверждающих культурную ценность, а для оружия – обязательное проведение государственной экспертизы. К сожалению, именно эти юридические нюансы нередко становятся барьером для передачи интересных находок, поскольку музей вынужден опасаться проверки и возможных юридических последствий.

В стране насчитывается немало военных музеев [3], и в каждом хранится собственная коллекция оружия [4]. Однако далеко не всегда задумываешься, сколько усилий было вложено в конструирование этих уникальных образцов. О многих конструкторах-оружейниках сохранились скудные сведения, а детали их творческого процесса подчас утрачены [5, с. 9]. История пистолетов и револьверов сравнительно коротка – первые «ручные огнестрелы» появились в XVI в., в то время как прототипы порохового оружия известны еще с XIV в. [6, с. 8].

Кроме сложностей с приемом, многие опасаются юридических рисков, связанных с хранением боевых экспонатов: из-за недочетов в оформлении или отсутствия экспертизы ценнейшие исторические предметы могут быть даже уничтожены, несмотря на их очевидную культурную и образовательную ценность. Для официального включения оружия в музейную коллекцию потребуются провести экспертную оценку (с указанием всех клейм, памятных надписей, источника и года изготовления) [10, ст. 7], а также провести подтверждение по линии закона [9].

К концу 2025 г. в собрании комплекса «Победа» насчитывается 31 единица хранения оружия, связанных с советско-японским периодом: сюда входят не только макеты и списанное оружие, но и фрагменты с различных исторических полей сражений [4].

Список источников и литературы

1. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».
2. Музееведение: учеб. пособие для студентов специальности 031502 – музеология / Л.Г. Гужова и др.; под. ред. доц. Н.В. Мягиной; Владим. гос. ун-т. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. 116 с.
3. Музеи России на портале «Культура РФ». URL: <https://www.culture.ru/museums/institutes/location-russia/historical/military-history?sort=-views&page=3> (дата обращения: 24.04.2026).
4. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/museums> (дата обращения: 24.04.2026).
5. Катаржнов В.С. Оружие и оружейники. История работ ЦКИБ СОО по созданию спортивно-охотничьего и боевого стрелкового оружия. 1946–2000 гг. Ч. II. Боевое оружие: историческое издание. СПб.: Атлант, 2023. 696 с.

6. Жук А.Б. Стрелковое оружие. Революеры, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. М.: Воениздат, 1992. 735 с.
7. Приказ Росгвардии от 11.04.2022 № 119 «Об утверждении Порядка подачи и формы уведомления о приобретении (продаже, дарении) списанного оружия в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации или ее территориальный орган» // <https://minjust.consultant.ru/special/documents/document/31469>
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
9. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // https://17.rosguard.gov.ru/uploads/2024/09/federalnyjj_zakon_ot_13121996_n_150fz_red_ot_08082024.pdf
10. Чумак Р.Н. Клейма и обозначения на русском и советском стрелковом оружии: Условные знаки и обозначения русских и советских предприятий по производству и ремонту стрелкового оружия (1800–1991 гг.): определитель. СПб.: Атлант, 2020. 280 с.

КРАСНОЯРСК – ГОРОД ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ

KRASNOYARSK – THE CITY OF LABOR VALOR

Э.А. Алексишина

E.A. Alexishina

Научный руководитель Л.Э. Мезит

Scientific Supervisor L.E. Mezit

Стела, город трудовой доблести, памятники, память, труд, Великая Отечественная война, заводы, история.

Статья рассказывает о создании мемориального комплекса «Красноярск – город трудовой доблести», о выборе концепции и места установки стелы, о работе над ее оформлением и об участии городских музеев, архивов и заводов в подборе исторических материалов. Автор приходит к выводу, что мемориал построен на прочной исторической основе и объективно отражает коллективный трудовой подвиг красноярцев в годы войны.

Stele, city of labor valor, monuments, memory, work, Great Patriotic War, factories, history.

The article describes the creation of the memorial complex Krasnoyarsk – the City of Labor Valor, the choice of the concept and location of the stele, the work on its design, and the participation of city museums, archives, and factories in the selection of historical materials. The author concludes that the memorial is built on a solid historical foundation and objectively reflects the collective labor feat of the Krasnoyarsk residents during the war years.

Изучение истории установки памятника и института звания «Город – трудовой доблести» объясняет механизмы формализации и легитимации памятных практик и их значение для муниципальной культуры. Детальная расшифровка мотивов стелы раскрывает ее идеологические послания, эстетические приемы и смысловые трансформации с момента создания.

Цель статьи – проследить причины присвоения городу почетного звания «Город – трудовой доблести», историю ее создания в контексте формирования городской памяти и патриотического воспитания.

«Город трудовой доблести» – почетное звание, учрежденное Федеральным законом РФ от 1 марта 2020 г. для увековечения подвига тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Оно присваивается городам, чьи жители внесли существенный вклад в Победу, обеспечив бесперебойное производство военной и гражданской продукции на местных промышленных предприятиях и проявив массовый трудовой героизм и самоотверженность [1].

В начале 2020 г. активисты городской ветеранской организации обратились к властям с предложением о присвоении Красноярску почетного звания, администрация края поддержала инициативу. Архивные материалы, ходатайство губернатора и решение Законодательного собрания края были направлены Президенту, который, учитывая поддержку жителей, работу общественных организаций и экспертное заключение РАН, своим Указом присвоил Красноярску звание «Город трудовой доблести».

Жителям предложили три места для выбора места будущего памятника: площадь у Дворца культуры им. 1 Мая, сквер у станции «Злобино» и парк «Сибсталь». Большинство горожан проголосовали за первый вариант, так как район расположения ДК уже воспринимается как памятник поколению Великой Отечественной войны, здесь находится завод «Красмаш», действовавший в годы войны, поэтому горожане сочли его наиболее уместным для стелы «Город трудовой доблести» [3].

Стелу разработал скульптор-монументалист Д. Стритович, окончивший Московское художественное училище прикладного искусства, с 2002 г. – член Московского Союза художников, имеет мастерскую в Москве, участвовал в выставках МСХ и РАХ, занимается церковными архитектурными проектами и военными скульптурами [4]. В 2021 г. он приехал в Красноярск для обсуждения внешнего вида стелы с местными проектировщиками. Ему провели экскурсию в музей «Мемориал Победы», чтобы познакомить с трудовой историей города.

7 декабря 2021 г. в Красноярске на аллее перед ДК имени 1 Мая открылся мемориальный комплекс «Красноярск – город трудовой доблести». В основу архитектурного решения легли фотографии с изображением продукции красноярских заводов, Красноярской воздушной трассы и знаковых событий из жизни города в период Великой Отечественной войны. Сюжеты подбирались совместно музеем «Мемориал Победы» и Красноярским краевым краеведческим музеем из собственных архивов. Также сами заводы, такие как ЭВРЗ, Красмаш, Красноярский радиозавод, помогали и предоставляли фотографии. На пилонах стелы – четверостишие из стихотворения поэта И. Рождественского «Новостройка». Скульптура из белого и красного гранита: на фронтальной стороне – герб Красноярска, на боковых – изображения боевых орудий, выпущенных Красноярским машзаводом и использовавшихся при обороне Москвы в 1941 г. и взятии Берлина в 1945 г. [2]

Стела «Красноярск – город трудовой доблести» – это тщательно продуманный мемориал, который через архитектуру, скульптуру и архивные фотографии связывает городской ландшафт с реальными трудовыми подвигами жителей в годы Великой Отечественной войны. В основу визуального ряда положены материалы музея «Мемориал Победы», краеведческого архива и фотохроника самих заводов (ЭВРЗ, Красмаш, радиозавод и др.), что придает памятнику документальную достоверность и локальную аутентичность.

Список источников и литературы

1. Закон Российской Федерации «Федеральный закон «О почетном звании Российской Федерации «Город трудовой доблести»» от 01.03.2020 № 41-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020. № 0001202003010009.
2. Символ нашего единства, уважения и любви»: на правобережье открыли стелу «Красноярск – город трудовой доблести» // Интернет-газета new slab.ru. URL: <https://newslab.ru/news/1072866> (дата обращения: 05.03.26).
3. В Красноярске обсуждают предложения по месту размещения стелы «Город трудовой доблести» // Красноярский край. Официальный портал. URL: <http://www.krskstate.ru/press/news/terra/0/news/100698> (дата обращения: 31.03.26).
4. Подозрительное сходство. Похожая на читинскую стела «Город трудовой доблести» появилась в Якутии – скульптор объяснил разницу // Chita.ru. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2023/09/06/72676769> (дата обращения: 09.03.26).

ВСЕОБЩЕЕ ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ШКОЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

UNIVERSAL MILITARY EDUCATION IN SCHOOLS OF THE KRASNOYARSK TERRITORY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Д.Т. Бондаренко

D.T. Bondarenko

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific adviser L.E. Mezit

Всеобщее военное обучение, Красноярский край, материальное состояние, Великая Отечественная война, школы.

В статье на основе архивных материалов рассматривается реализация всеобщего военного обучения (всеобщее военное обучение) в школах Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Автор статьи приходит к выводу о невыполнении всеобщего военного обучения, выявляет методы его реализации и причины срыва.

All-Military Training, Krasnoyarsk Region, Material Condition, Great Patriotic War, Schools.

Based on archival materials, the article examines the implementation of universal military training (vsevobuch) in schools of the Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War. The author concludes that the all-military training was not implemented, identifies the methods of its implementation, and the reasons for its failure.

В 2023 г. Министерством просвещения Российской Федерации были введены «Основы военной подготовки в качестве модуля основного общего и среднего общего образования. В 2025–2026 учебном году Министерством просвещения Российской Федерации было решено ввести в учебную программу новый курс «История родного края».

Все это делает актуальным исследование региональных особенностей военного обучения школьников в период Великой Отечественной войны.

Анализируя работы предшественников, можно увидеть, что тема всеобщего военного обучения рассматривалась со стороны реализации данной программы военкоматами среди населения призывного возраста, деятельности учебных пунктов всеобщего военного обучения, а также специальных военных школ. Выполнение закона о всеобщем военном обучении в общеобразовательных школах рассмотрено недостаточно [1, с. 57–67; с. 335–340; 2, с. 105–117; 3, с. 123–131].

Цель данного исследования – проанализировать ход выполнения закона о всеобщем военном обучении в школах Красноярского края в годы Великой Отечественной войны.

Методологией работы является историко-системный подход, позволивший рассмотреть и проанализировать выполнение закона о всеобщем военном обучении как систему.

В ходе исследования использовались общенаучные методы и специально-исторические: принцип историзма, историко-статистический, проблемно-хронологический.

Источниковую базу составили письменные источники, которые включали законодательные акты, делопроизводственную документацию.

17 сентября 1941 г. выходит постановление № 690 Государственного Комитета Оборона (ГКО) СССР «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Данное постановление предусматривало введение с 1 октября 1941 г. обязательного военного обучения для мужчин с 16 до 50 лет по 110-часовой программе [4, л. 168]. Реализация военного обучения была доверена военным комиссариатам. В крае было налажено сотрудничество КрайОНО и Крайвоенкомата для реализации данного постановления [5, л. 6]. 24 октября 1942 г. выходит приказ «О введении военно-физической подготовки» [6, л. 19], но фактически в крае к реализации программы всеобщего обучения в школах приступили с декабря того же года, из-за неукомплектованности школ военруками [7, л. 9; 8, л. 5], а в некоторых районах края и вовсе с января 1943 г. (Хакасская область) [5, л. 6].

В школах в ходе всеобщего обучения велась подготовка медицинских сестер [9, л. 65об.], радистов [9, л. 7об.], стрелков, топографистов, противохимическая [7, л. 29об.], противопожарная и противовоздушная подготовка [10, л. 60об.]. Велась активная работа через кружки стрелковой подготовки, ДСО «Смена» [7, л. 6]. В крае на 1943 г. имелось 3 тира [11, л. 7], на 1944 г. – 10 стрелковых тиров и 16 спортплощадок, которые также задействовались при обучении [7, л. 4]. Помимо этого, проводились 8-дневные лагерные сборы среди 8–9 классов [5, л. 3, 27].

Однако полноценной реализации закона о всеобщем обучении препятствовали материальные трудности. Дефицит учебных пособий, сохранившихся на протяжении всего военного периода. Недостаток наглядных материалов: винтовок (1878 шт. в 1944 г.), противогазов (300302 шт.), ручных пулеметов (567 шт.) [7, л. 4].

Также на выполнение закона о всеобщем обучении сказывались и кадровые проблемы. Помимо недостатка военных руководителей, который в 1944 г. составил 111 человек [7, л. 1], оказывала критическое влияние и их подготовка. В 1942 г. 50 % военруков не имели соответствующей подготовки [8, л. 5], в 1944 г. только 2,2 % имели высшее образование, 52,8 % имели среднее образование, остальные же имели только начальное или неполное среднее [7, л. 1].

Знания, полученные учениками, часто носили теоретический характер из-за отсутствия материальной базы для практического обучения [9, л. 7об.]. Обучающиеся не владели практическими навыками ухода за оружием, стрельбы [5, л. 9]. Отмечался и низкий уровень противовоздушной подготовки [10, л. 61]. Все это также связано с низким вниманием со стороны школ к выполнению закона о всеобщем обучении [5, л. 7].

В 1946 г. военная подготовка юношей и девушек 5–10 классов была отменена постановлением Совета министров СССР [12, с. 184].

Таким образом, из-за материальных и кадровых проблем закон о всеобщем обучении в один год Великой Отечественной войны выполнен не был, однако сибиряки на фронтах отважно сражались, планы мобилизации край успешно перевыполнял.

Список источников и литературы

1. Красноярский край – фронту / С.С. Аксельрод, Б.Е. Андиев, Н.В. Барсукова [и др.]; под общей редакцией губернатора Красноярского края А.В. Усса. Красноярск: СФУ, 2020. 585 с.
2. Великая Отечественная война в истории Енисейской Сибири: монография: в 5 томах / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Сибирский федеральный университет. Т. 3: 1943 год / Б.Е. Андюсев, Н.Я. Артамонова, Н.В. Барсукова [и др.]. Красноярск: СФУ, 2023. 279 с.
3. Ковалев А.С. Организация всеобщего военного обучения на территории Красноярского края в первые годы Великой Отечественной войны / А.С. Ковалев, О.Н. Калинин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4 (38). С. 123–131.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 9.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 614.
6. ГАКК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 652.
7. ГАКК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 631.
8. ГАКК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 466.
9. ГАКК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 639.
10. ГАКК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 354.
11. ГАКК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 637.
12. Народное образование в СССР. Сборник документов 1917–1973 гг. М.: Просвещение, 1974. 560 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ И ЮГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

THE SOCIAL POLICY OF THE SOVIET STATE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION AND THE SOUTH OF THE KRASNOYARSK TERRITORY)

А.В. Осколков

A.V. Oskolkov

Социальная политика, Великая Отечественная война.

Работа посвящена анализу социальной политики в Хакасской АО и на юге Красноярского края в годы Великой Отечественной войны – рассмотрению ключевых направлений поддержки населения (эвакуация, снабжение, здравоохранение, помощь семьям фронтовиков, трудовая мобилизация) и количественных показателей их реализации.

Social policy, Great Patriotic War.

The work is devoted to the analysis of social policy in the Khakass Autonomous Oblast and in the southern part of the Krasnoyarsk Krai during the Great Patriotic War – examining the key areas of population support (evacuation, supply, healthcare, assistance to families of front-line soldiers, labour mobilisation) and the quantitative indicators of their implementation.

В военные годы обеспечение советских семей имело не только социальное, но и военно-стратегическое значение. Оно позволило сохранить моральную устойчивость как на фронте, так и в тылу. Предпринятые меры дали возможность сберечь людские ресурсы, максимально эффективно использовать резервы в экономике и найти новые источники для сохранения стабильности в стране. Изучение проблемы необходимо для создания полноценной объективной картины тех лет.

В работе необходимо проанализировать бесценный опыт социального обеспечения семей в экстремальных условиях военного времени и реализации социальной политики Советского государства, в частности Хакасской автономной области и юга Красноярского края. Все это может быть использовано и в настоящее время, в условиях угроз локальных войн, террористической активности, стихийных бедствий и эпидемий.

Для более глубокого изучения и понимания тех процессов, которые происходили в стране, необходимо более детально изучить историографический компонент в исторических исследованиях, но в рамках данной статьи невозможно представить весь историографический обзор, но тем не менее вкратце отметим,

что важным событием стала книга председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, который подчеркнул необходимость исследования социальной сферы при изучении истории Великой Отечественной войны [1, с. 30].

С точки зрения историографии анализ эволюции изучения социальной политики периода Великой Отечественной войны позволяет выделить ключевые тенденции и этапы развития исследовательской традиции. В советский период доминирование партийно-идеологической доктрины задавало рамки осмысления социальной политики военного времени: исследовательские приоритеты формировались под влиянием базовых принципов – классовой борьбы, социалистического строительства и интернационализма. Это предопределяло акценты в работах: внимание уделялось мобилизационной роли государства, тезису о «морально-политическом единстве» народа и достижениям в обеспечении базовых социальных гарантий.

Социальная политика в Хакасской АО и на юге Красноярского края в годы Великой Отечественной войны представляла собой комплекс мер, направленных на обеспечение жизнедеятельности тыла и поддержку наиболее уязвимых групп населения, и была органичной частью общесоюзной мобилизационной модели, адаптированной к местным условиям.

С началом войны потребовалось урегулировать вопрос о государственном обеспечении семей военнослужащих рядового и сержантского состава по призыву. Порядок государственного обеспечения этой категории граждан был предусмотрен Указом Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1941 г. [2, с. 110]

В сфере эвакуации и размещения населения в 1941–1942 гг. в регион прибыло свыше 15 тыс. эвакуированных, включая работников предприятий и членов их семей. Ключевыми проблемами стали острый дефицит жилья (в Абакане средняя жилая площадь на человека сократилась с 5,2 до 3,8 м²) и необходимость быстрого трудоустройства – к концу 1942 г. свыше 70 % эвакуированных были трудоустроены на местных предприятиях и в колхозах.

Снабжение и продовольственная политика строились вокруг карточной системы с дифференцированными нормами: рабочие оборонных предприятий получали 800–1000 г хлеба в день, служащие – 500–600 г, иждивенцы и дети – 300–400 г. Для смягчения дефицита применялся комплекс мер: развитие подсобных хозяйств при предприятиях (к 1943 г. более 60 % крупных заводов и учреждений имели собственные огороды), поощрение индивидуального огородничества (площадь личных участков выросла на 35 % к 1944 г. по сравнению с довоенным уровнем), поддержка охотничьего и рыбного промысла. Динамика потребления в Абакане демонстрировала снижение потребления мясопродуктов на 40 % относительно довоенного уровня, рост потребления картофеля и овощей на 25 % за счет огородничества, частичный дефицит жиров, который покрывался за счет местных маслозаводов.

Значительных успехов удалось достичь в сфере здравоохранения и санитарной работы: были развернуты эвакогоспитали, реализованы масштабные

противоэпидемические меры – массовая вакцинация против тифа, дифтерии, кори, создание санитарных кордонов на железнодорожных узлах, регулярные дезинфекционные кампании. Результатом стало предотвращение крупных эпидемий в регионе и снижение уровня смертности от инфекционных заболеваний на 30 % к 1944 г. относительно 1941 г.

Значительно были повышены нормы выдачи продуктов питания детям, находившимся в детских садах. Школьникам ежедневно отпускались дополнительно 50 г хлеба и 10 г сахара. В 1942 г. 4 млн учащихся получали в школах детские завтраки [3, с. 244].

Наряду с государственными мерами, население активно использовало повседневные стратегии выживания: самообеспечение за счет приусадебных участков, сбора дикоросов, рыбалки и охоты; взаимопомощь через обмен продуктами и совместный уход за больными; локальные инициативы вроде «тимуровских команд» и общественных огородов; неформальные сети взаимопомощи, включая бартер и поддержку со стороны родственников.

Итогом социальной политики стало обеспечение минимально необходимой жизнедеятельности тыла, предотвращение массовых эпидемий, комплексная поддержка уязвимых групп и эффективная мобилизация трудовых ресурсов региона для нужд обороны. При этом сохранялись существенные ограничения, связанные с мобилизационным, экстренным характером политики, диспропорциями в уровне снабжения между городом и деревней, недостатками бюрократических механизмов.

Список источников и литературы

1. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Образцовая тип., 1947. 192 с.
2. Кравцов Б.П. Советское военное законодательство в период Великой Отечественной войны. М.: ВПА им. Ленина, 1960. 129 с.
3. Финансовое управление при НКО. Сборник указаний. 1941. № 12. 244 с.

ЖАНРЫ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ОМСКОЙ ПРАВДЫ»)

GENRES OF NEWSPAPER PUBLICATIONS AS A TOOL FOR MOBILIZING THE POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF «OMSKAYA PRAVDA»)

Е.К. Туржанов

E.K. Turzhanov

Научный руководитель А.В. Сушко
Scientific adviser A.V. Sushko

«Омская правда», газетные публикации, областная газета, Великая Отечественная война, мобилизация населения.

В статье автор рассматривает некоторые жанры газетных публикаций, используемые для мобилизации тылового населения на трудовую деятельность. Автор приходит к выводу, что жанровая палитра газетных номеров была разнообразна, публикации имели ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер.

«Omskaya Pravda», newspaper publications, regional newspaper, Great Patriotic War, population mobilization.

The author's article examines some the genres of newspaper publications used to mobilize the rear population for labor activities. The author concludes that the genre palette of newspaper issues was diverse, and the publications had a pronounced agitational and propaganda character.

В годы Великой Отечественной войны роль периодической печати значительно возросла. Согласно директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. необходимо было подчинить все силы и ресурсы страны для обеспечения фронта всем необходимым, всячески помочь действующей армии, объяснить населению создавшееся в стране положение [1, с. 48–49].

Исходя из данных положений директивы, была выстроена деятельность и функционал центральной и региональной периодической печати. Одной из основных функций печати стала мобилизующая.

Исследователи под различным углом рассматривали центральную и региональную прессу, в основном труды были посвящены конкретной проблематике: был проанализирован образ врага [2, с. 63–67], изучены влияние печати на формирование патриотизма в военные годы [3, с. 75–79], тема детства и повседневности тоже была рассмотрена специалистами [4, с. 106–111]. Мобилизующий аспект региональной печати затрагивался исследователями фрагментарно.

Цель исследования – охарактеризовать жанры газетных публикаций, использовавшиеся для мобилизации тылового населения в областной газете «Омская правда» в годы Великой Отечественной войны.

В годы войны «Омская правда» стала носить в первую очередь не информационный, а агитационный и мобилизующий характер. Изменения, связанные с военной обстановкой, отразились на непосредственном содержании газетных публикаций. Ниже более детально рассмотрим основные жанры публикаций, представленные в газетах.

Жанр репортажа был распространен в газете. В подобном жанре приводились рассказы о событиях в колхозной деревне, сельхозартели, колхозных полях, заводах и фабриках. Например, в одном из августовских номеров был напечатан репортаж о рабочих буднях в одном из колхозов Тобольского округа «Красная звезда». В репортаже рассказывалось о трудовой деятельности и достижениях колхозников на работе в полях [5, с. 3]. Через репортаж население региона видело живые примеры тружеников сельского хозяйства и промышленности.

Следующим жанром газетных публикаций можно выделить заметки. Заметки сообщали о каком-либо событии, отличались краткостью и сжатостью изложения. В военное время в «Омской правде» заметки были посвящены помощи фронту: например, публикация в 201-м номере от 27 августа 1942 г. сообщала о проведении воскресника в Ишимском районе по оказанию помощи колхозам в сдаче хлеба в фонд Красной армии [6, с. 2]. Заметки связывали тыл и фронт, отражали важные события помощи региона.

Такой жанр, как отчет, был свойственен региональной печати военного времени. В отчетах читателя информировали о проведенных мероприятиях массового характера, такими мероприятиями в военное время являлись слеты, воскресники, социалистические соревнования. Примером отчета можно представить текст о слете фронтовых бригад: приводились сведения о событиях слета, основном содержании и итогах этого мероприятия [7, с. 2]. Отчет отражал наиболее значимые пропагандистские мероприятия, знакомясь с отчетами, трудящиеся видели результат своей деятельности, появлялась мотивация выполнять и перевыполнять производственные показатели.

Другим жанром, встречающимся в газетах, было интервью. Интервью были разноплановыми и представляли собой смесь репортажа и мини-интервью. Примером подобного жанра можно привести публикацию от 13 августа 1944 г. в 159 номере про Прокофия Кривоногова, передовика комбайноуборки. Текст публикации был выстроен таким образом, чтобы элементы интервью и репортажа переплетались между собой, текст отражал нюансы и детали работы в полях [8, с. 2]. Через интервью читатель мог ассоциировать себя непосредственно с героем труженика тыла.

Жанр статьи нередко попадался в омской областной газете. Статьи были пропагандистской направленности, обобщали опыт агитационно-пропагандистской работы: например, в 186 номере от 9 августа 1942 г. была опубликована

статья про применение различных видов наглядной агитации на одном из омских заводов [9, с. 2]. Такого рода статьи были полезны для агитколлективов заводов и руководителей колхозов и сельхозартелей, знакомясь с материалами, можно было улучшить агитационную работу на местах.

Жанр корреспонденции отличался от заметки более подробным содержанием, анализом деятельности населения региона. Корреспонденты отмечали вклад в победу обычных людей, тружеников тыла, подчеркивали трудовой подвиг народа. Примером подобной корреспонденции является публикация «Пример работы по-фронтовому». Специальный корреспондент сообщал информацию о результатах проделанной работы в полях азовского колхоза «Красное знамя» [10, с. 2]. Корреспонденция фиксировала вклад населения в дело обеспечения победы, оперативно информировала о событиях на местах.

Таким образом, жанры областной газеты «Омская правда» в годы Великой Отечественной войны были разнообразны: репортаж, заметки, отчет, интервью, статья, корреспонденция. Жанры были в основном ориентированы на население, проживающее в деревнях и селах. Применение разнообразных видов жанров позволяло охватывать агитационно-пропагандистской деятельностью огромное количество людей, положительно влиять на умы, настроение и мотивацию тылового населения продолжать борьбу с врагом на трудовом фронте.

Список источников и литературы

1. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. 29 июня 1941 г. // Великая Отечественная война. 50 лет. Приложение к календарю дат и событий. Вып. 1. ТАСС, 1991. С. 48–49.
2. Вейн Д.К. Образ врага в карикатурах Кукрыниксов в годы Великой Отечественной войны: по страницам газеты «Правда» // Известия АлтГУ. 2017. № 2 (94). С. 63–67.
3. Чайковский А.Е. Формирование в периодической печати чувства патриотизма в годы Великой Отечественной войны (на примере журнала «Смена» и газеты «Горьковская коммуна») // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 3. С. 75–79.
4. Носова М.С. Повседневная жизнь детей Омска в годы Великой Отечественной войны в отражении газеты «Омская правда» // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2(22). С. 106–111.
5. Омская правда. 1941. 2 августа.
6. Омская правда. 1942. 27 августа.
7. Омская правда. 1943. 20 августа.
8. Омская правда. 1944. 20 августа.
9. Омская правда. 1942. 9 августа.
10. Омская правда. 1943. 31 августа.

ВСЕНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ ФРОНТУ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 ИЮНЯ 1941 – 18 НОЯБРЯ 1942): ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ»

NATIONAL AID TO THE FRONT IN KRASNOYARSK KRAI
DURING THE FIRST STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(JUNE 22, 1941 – NOVEMBER 18, 1942):
BASED ON MATERIALS FROM THE NEWSPAPER
“KRASNOYARSKY RABOCHY”

В.С. Емцева

V.S. Emtseva

Научный руководитель К.Г. Карагулян
Scientific adviser K.G. Karagulyan

Великая Отечественная война, Красноярск, Сибирь, тыл, Всенародная помощь фронту, газета «Красноярский рабочий».

В статье рассматриваются основные направления Всенародной помощи фронту в Красноярском крае на первом этапе Великой Отечественной войны, выделенные на основе тематического анализа выпусков газеты «Красноярский рабочий» за изучаемый период.

Great Patriotic War, Krasnoyarsk, rear, Popular Support for the Front, newspaper “Krasnoyarsky Rabochy,” thematic analysis.

The article examines the main areas of National aid in the Krasnoyarsk Territory during the first stage of the Great Patriotic War, identified through a thematic analysis of the issues of the newspaper “Krasnoyarsky Rabochy” from the studied period.

В контексте современных вызовов и угроз, а именно продвижение идеологий терроризма, экстремизма, неонацизма и русофобии [1], обращение к историческому опыту сплочения общества становится особенно актуальным. Примером такого единения является Великая Отечественная война, когда советские граждане, в том числе жители Красноярского края, внесли неоценимый вклад в Победу, который выражался в многообразных формах Всенародной помощи фронту.

Цель работы – определить и охарактеризовать основные направления Всенародной помощи фронту со стороны жителей Красноярского края на основе материалов местной периодической печати за изучаемый период.

Источниковая база сформирована на основе нормативно-правовых актов и материалов местной периодической печати изучаемого периода. К нормативным документам относится «Сборник указов, постановлений и распоряжений военного времени: 1941–1942 гг.» [6] и сборник документов «Красноярск в годы

Великой Отечественной войны 1941–1945» [7]. Ко второй группе источников относятся номера газеты «Красноярский рабочий». В совокупности данные источники позволяют отделить добровольную общественную и личную инициативу от законодательно закрепленных обязанностей, обеспечивая комплексный и объективный взгляд на изучаемые процессы.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности и системности. К специально-историческим методам, использованным в данном исследовании, относятся: проблемно-хронологический метод и тематический анализ периодической печати – как основной метод работы с источником.

Для дифференциации категорий всенародной помощи был проведен тематический анализ выпусков периодического издания «Красноярский рабочий». Таким образом, было выделено семь направлений помощи фронту. Ключевой категорией была трудовая помощь, которая представляла собой перевыполнение норм, досрочное выполнение планов, женский и детский труд на предприятиях. В качестве примеров можно привести различные движения: рационализаторское [8], движение многостаночников [9], двухсотников [10] и т.д. Важно отметить, что многие процессы регламентировались государством. Так, увеличение посевных площадей, количества норм выработки трудодней, количества задействованных женщин на курсах переподготовки [11, с. 98–99] было регламентировано государством. Также важно учесть, что не все шло так «гладко», как описывалось в газете. Известны многочисленные случаи нарушения трудовой дисциплины [12, с. 150].

В следующее направление оформилась финансово-материальная поддержка, которая представляла собой преимущественно отчисления в Фонд обороны. Существовали различные каналы пополнения бюджета, например: единоличные пожертвования [13], отчисление дневных заработков, компенсаций отпусков, процента от пенсий, заработка с субботников и воскресников, подписки на госзаказы, передача средств от реализации культурных мероприятий [14], денежно-вещевые лотереи. Анализируя это направление, можно сделать вывод о патриотическом подъеме, продиктованном осознанием смертельной угрозы для страны и необходимостью обеспечения Красной армии.

Еще одним направлением является вещевая и продовольственная помощь, зачастую принимавшее форму сбора подарков для бойцов Красной армии. Подарки представляли собой широкий спектр: от продуктов питания до вещей личного пользования [15]. Не менее значимым являлось движение по сбору теплых вещей [16], представлявшее собой не только сбор одежды, но еще и ее шитье, вязание, реставрацию. Посылки на фронт не только помогали преодолеть дефицит снаряжения, но и были важным эмоциональным фактором, укреплявшим связь тыла с фронтом.

Особой категорией Всенародной помощи является помощь эвакуированным и блокадным регионам. Так, например, для ленинградцев собирали овощи, продовольствие, теплые вещи, денежные средства [17].

К следующей группе относится помощь семьям фронтовиков. Она выражалась как в форме материальной поддержки, так и физической. Случались как единоразовые пожертвования [18], так и создавались фонды на предприятиях [19]. Так, забота о семьях бойцов превратилась в организованную общественную обязанность.

Важным направлением Всенародной помощи фронту является медицинская помощь, а именно донорство крови. Острая потребность действующей армии в больших объемах крови для спасения раненых стимулировала развертывание системы добровольного донорства в тылу. Местная печать взяла на себя просветительскую функцию: через газетные публикации населению разъяснялась жизненная необходимость сдачи крови, определялись медицинские критерии для доноров, а примеры активных граждан служили наглядным призывом к подражанию [20].

Отдельным направлением являлась детская помощь фронту. Дети так же, как и взрослые, работали на предприятиях и вносили сбережения в Фонд обороны [21]. Распространенным явлением были «Тимуровские команды», которые помогали по хозяйству женам бойцов [22] и собирали металлолом [23]. Важно отметить, что участие детей в трудовой деятельности было основано не только на патриотических порывах. На государственном уровне декларировалась мобилизация молодежи к труду [24, с. 145–146], а также многие школьники шли работать на производство из-за тяжелого материального положения [25, с. 72–73].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что первый этап Великой Отечественной войны характеризовался колоссальным патриотическим подъемом, который выразился в оформлении многообразного спектра направлений Всенародной помощи фронту. Но стоит отметить, что не во всех случаях патриотические настроения являлись причиной тех или иных действий. Многие процессы были подчинены государственному регулированию.

Список источников и литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 10.03.2026).
2. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени: 1941–1942. Л.: Лениздат, 1942. 272 с.
3. Красноярск в годы Великой Отечественной войны (по документам архивного агентства Красноярского края). Сборник документов / сост. Н.В. Ворошилова. Красноярск: Книжное Красноярье, 2010. 489 с.
4. Красноярский рабочий. 1941 г. № 296. 14 декабря.
5. Красноярский рабочий. 1941 г. № 168. 18 июля.
6. Красноярский рабочий. 1941 г. № 288. 5 декабря.
7. Документ № 42. О мерах по обеспечению МТС края механизаторскими кадрами и бесперебойной работе тракторного парка // Красноярск в годы Великой Отечественной войны (по документам архивного агентства Красноярского края). Сборник документов / сост. Н.В. Ворошилова. Красноярск: Книжное Красноярье, 2010. С. 98–99.

8. Документ № 85. О фактах нарушения трудовой дисциплины на предприятиях Края // Красноярск в годы Великой Отечественной войны (по документам архивного агентства Красноярского края). Сборник документов / сост. Н.В. Ворошилова. Красноярск: Книжное Красноярье, 2010. С. 150.
9. Красноярский рабочий. 1941 г. № 150. 27 июня.
10. Красноярский рабочий. 1942 г. № 3. 4 января.
11. Красноярский рабочий. 1941 г. № 176. 27 июля. Красноярский рабочий. 1941 г. № 179. 31 июля. Красноярский рабочий. 1941 г. № 173. 24 июля.
12. Красноярский рабочий. 1941. № 232. 1 октября.
13. Красноярский рабочий. 1942. № 225. 23 сентября.
14. Красноярский рабочий. 1941 г. № 168. 18 июля.
15. Красноярский рабочий. 1942 г. № 47. 25 февраля.
16. Красноярский рабочий. 1941 г. № 172. 23 июля.
17. Красноярский рабочий. 1941 г. № 195. 19 августа.
18. Красноярский рабочий. 1941 г. № 227. 25 сентября.
19. Красноярский рабочий. 1941 г. № 162. 11 июля.
20. Документ № 81. О плане мобилизации молодежи в школы фабрично-заводского обучения. Красноярск в годы Великой Отечественной войны (по документам архивного агентства Красноярского края). Сборник документов / сост. Красноярск: Книжное Красноярье, 2010. С. 145–146.
21. Информационный сборник № 1. Вклад красноярцев в победу в Великой Отечественной войне. Красноярск, 2025. 80 с.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ СВЯЗИ И ТЕХНИЧЕСКИХ РОДОВ ВОЙСК В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

TRAINING OF COMMUNICATIONS SPECIALISTS AND TECHNICAL BRANCHES OF THE TROOPS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Ю.Н. Краснопеева

J.N. Krasnopreeva

Научный руководитель А.В. Толмачева
Scientific adviser A.V. Tolmacheva

Великая Отечественная война, Сибирский военный округ, подготовка кадров, войска связи, военные училища, радиоспециалисты.

В статье анализируется подготовка кадров для войск связи и технических родов войск в Сибири в 1941–1945 гг. Рассматриваются сеть учебных заведений, учебный процесс и вклад в обеспечение армии специалистами.

Great Patriotic War, Siberian Military District, personnel training, signal troops, military schools, radio specialists.

This article analyzes the training of personnel for the signal troops and technical branches of the armed forces in Siberia from 1941 to 1945. It examines the network of educational institutions, the educational process, and the contribution to providing the army with specialists.

Начало Великой Отечественной войны поставило перед СССР задачу организовать эффективную подготовку военных кадров. Сибирь стала важнейшим центром подготовки офицерского и технического состава Красной армии [1, с. 215].

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения мобилизационной модели на региональном уровне. Опыт развертывания сети военно-учебных заведений в Сибири сохраняет практическую значимость.

В советский период специфика сибирских училищ связи оставалась на периферии внимания. С 1990-х гг. начался этап регионализации исследований, но специализированных работ недостаточно.

Цель исследования: проанализировать подготовку специалистов связи и технических родов войск в учебных заведениях Сибири.

Источниковая база включает: архивные документы [2; 3], периодическую печать [4; 5].

К началу войны в Сибири насчитывалось 7 военных училищ, 4 авиашколы и 12 курсов. К сентябрю 1941 г. стало 30 училищ и 8 курсов. К середине 1942 г. в СибВО сосредоточилось 30 % всех военных вузов РККА [6, с. 215]. Расширение сети стало возможным благодаря эвакуации училищ из западных регионов [6, с. 218].

Приказ НКО СССР № 0243 от 23 июля 1941 г. предписывал ускоренное формирование школ радиоспециалистов, в том числе в Сибири [3].

Ключевым центром подготовки связистов стало Кемеровское училище. Сформированные в январе 1941 г. как пехотное, оно подготовило около 25 тысяч офицеров связи, 18 выпускников стали Героями Советского Союза [7].

Томское артиллерийское училище готовило командиров по сокращенной программе. На фронт отправлено более 4000 офицеров, 53 Героя Советского Союза. В очерке Е. Габриловича в «Красной Звезде» подчеркивалось значение сибирских пополнений [4]. Журнал «Вестник связи» отмечал, что эвакуированные школы радиоспециалистов сохранили систему подготовки младших командиров [5, с. 12].

Воронежская школа радиоспециалистов (эвакуирована в Новосибирск 4 декабря 1941 г.) подготовила тысячи радистов [8, с. 160–161].

В Новосибирске действовали авиационная школа пилотов [9] и Мичуринское военно-инженерное училище [8, с. 161].

Согласно приказу по войскам СибВО № 0092 от 25 ноября 1941 г., 42-й дивизион бронепоездов формировался на базе Томской железной дороги [3, с. 1]. Личный состав строил бронепоезда и проходил обучение. Бронепоезда «Сибиряк» и «Металлург Кузбасса» получили оценку «отлично» [3, с. 2].

Подготовка велась по сокращенным программам (3–10 месяцев) [10, с. 230]. В Новосибирском электротехническом институте связи (СибГУТИ) первый начальник военной кафедры полковник С.П. Максимкин и преподаватели были участниками войны [10].

Таким образом, Сибирь стала крупнейшим центром подготовки военных кадров (до 30 % вузов РККА) [10, с. 215]. Сформировалась многоуровневая система: от школ специалистов до офицерских училищ и бронепоездных дивизионов [2; 3]. Учебный процесс был форсирован и приближен к боевым условиям [4; 5].

Подготовка специалистов связи и технических родов войск в Сибири стала важнейшим фактором боеспособности Красной армии.

Список источников и литературы

1. Иванов С.Н. Военные училища Наркомата обороны СССР в Сибирском военном округе в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск, 2004. 238 с.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 11. Д. 68. Л. 212–215.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 5702. Оп. 0199924 с. Д. 0001. Л. 1–2.
4. Габрилович Е. Сибиряки под Москвой // Красная звезда. 1941. Декабрь.

5. Подготовка радиоспециалистов в тыловых округах // Вестник связи. 1941. № 4. С. 12–14.
6. Ростов Н.Д. Подготовка резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (на материалах Сибирского военного округа и Забайкальского фронта): дис. ... д-ра истор. наук. Кемерово, 2009. 715 с.
7. Кемеровское высшее военное командное училище связи // Знаменательные даты Кемеровской области. 2020. URL: <https://dates.kemrsl.ru/item/1592/> (дата обращения: 06.04.2026).
8. Фабрика Ю.А. Призванные служить России. Сибирь и сибиряки на защите Отечества. Новосибирск, 2020. URL: <http://poisk.ngonb.ru/flip/Kazachestvo/05/> (дата обращения: 06.04.2026).
9. Победители. Тыл фронту. Новосибирск, 2005. URL: http://poisk.ngonb.ru/flip236/Svidetelstvuet_ochevidec/03/ (дата обращения: 06.04.2026).
10. Военный учебный центр при СибГУТИ // Сайт СибГУТИ. 2024. URL: <https://vk.sibsutis.ru/vuc-pobeda.html> (дата обращения: 06.04.2026).

«БЛОКАДНАЯ МАДОННА»: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ ОТ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА ДО СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ МЕМОРИАЛОВ

«THE BLOCKADE MADONNA»: THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF A MOTHER FROM SOVIET PLACARDS TO MODERN DIGITAL MEMORIALS

Я.С. Якунина

Ya.S. Yakunina

*Научный руководитель А.В. Толмачева
Scientific adviser A.V. Tolmacheva*

Блокада, женщина-мать, советские плакаты, цифровые мемориалы, историческая память. Статья исследует эволюцию образа женщины-матери в контексте блокады Ленинграда, начиная с советских плакатов и заканчивая современными цифровыми мемориалами. Мы приходим к выводу, что этот образ претерпел значительные изменения, отражая как исторические реалии, так и современные представления о роли матери в обществе, при этом подчеркивая важность сохранения памяти о трагических событиях прошлого.

Blockade, mother, Soviet posters, digital memorials, and historical memory.

The article explores the evolution of the image of a mother in the context of the Siege of Leningrad, from Soviet posters to modern digital memorials. We conclude that this image has undergone significant changes, reflecting both historical realities and contemporary perceptions of the role of mothers in society, while emphasizing the importance of preserving the memory of the tragic events of the past.

Блокада Ленинграда – это событие, которое в сознании нашего народа давно перешло из разряда чисто исторических фактов в разряд сакральных символов. И центральным образом этого символа является женщина. В условиях, когда город был превращен в пространство смерти, именно женщина стала воплощением жизни. В искусстве и народной памяти закрепился пронзительный образ – «Блокадная Мадонна». Сегодня мы проследим, как этот образ менялся вместе с нашей страной: от сурового агитационного плаката до «бронзовой скорби» монументов и, наконец, до современных цифровых миров.

1. Эпоха плаката. Мать как идеологический щит (1941–1944 гг.) В годы самой войны искусство было мобилизационным. Образ матери на плакатах первых месяцев блокады – это не слабая женщина, нуждающаяся в защите, а суровый соратник [1, с. 51]. Вспомним работы Владимира Серова или художников «Боевого карандаша». На них женщина-мать часто изображается маскулинно: у нее крепкие руки, суровый взгляд, она стоит у станка или на крыше с щипцами для «зажигалок» [2, с. 33]. Однако по мере того, как голод становился

главным врагом, плакат начал эксплуатировать тему «жертвенности и мести». Мать, прижимающая к себе ребенка на фоне пожарищ, становилась олицетворением самой России. Здесь еще нет места личной слабости – это архетип, призывающий бойца на фронте отомстить за страдания близких. Мадонна этого периода – это «Мадонна-воительница» [1, с. 49].

2. Сакрализация скорби как главный отличительный признак (1960-е – 1980-е гг.). После войны наступил период «великого молчания», а затем – великого увековечивания. В 1960-е гг. образ «Блокадной Мадонны» обретает свои классические, монументальные черты. Центральной точкой здесь становится Пискаревское мемориальное кладбище [3, с. 112] и фигура «Родины-матери» [4, с. 16]. Это высшая точка сакрализации. Она больше не призывает к бою, она – вечная хранительница покоя. Ее черты лишены индивидуальности, она – мать всех пятисот тысяч, лежащих в этих рвах. В это же время в неофициальном искусстве и литературе рождается другой образ – «Мадонна дистрофии». Это изможденная женщина в темной комнате, которая отдает последнюю крошку хлеба ребенку. Художники (например, Елена Марттила) начинают использовать иконографические приемы: платок как мафорий Богородицы, скудное освещение как свет лампы. Это был переход от государственного пафоса к глубоко личному, почти религиозному сопереживанию [1, с. 52].

3. Антропологический поворот. Очеловечивание образа (1990-е – 2010-е гг.). В конце XX в. искусство уходит от гигантизма. Нам стало важно не то, как Мать «стояла насмерть», а то, что она чувствовала. В этот период на первый план выходят эго-документы – дневники и письма. Образ «Блокадной Мадонны» «заземляется». Мы узнаем о ее страхах, о ее раздражении от голода, о ее нечеловеческих усилиях остаться человеком. Памятники этого времени становятся меньше, они ставятся во дворах, в жилых кварталах. Это «соседская» память. Мадонна становится просто женщиной в ватнике, чья святость заключается в обыденном ежедневном труде выживания.

4. Цифровая эра (2020-е гг. – наши дни). Сегодня мы переживаем четвертую трансформацию образа. Современная молодежь воспринимает мир через экран и иммерсивный опыт. «Блокадная Мадонна» выходит из рамок картин и сходит с пьедесталов.

– Цифровые мемориалы и VR: в современных проектах мы не просто смотрим на памятник. Технологии виртуальной реальности позволяют нам оказаться в одной комнате с этой женщиной. Мы слышим ее дыхание, скрип ее половиц, звук метронома [5, с. 12–18].

– Нейросети и колоризация: оживление старых фотографий и раскрашивание кадров хроники делают образ Мадонны пугающе современным. Она перестает быть «черно-белой историей» [5, с. 12–18].

– Интерактивность: теперь каждый может стать соавтором мемориала, загрузив историю своей бабушки в цифровой архив. Образ «Блокадной Мадонны» становится сетевым, он собирается из тысяч пикселей – личных историй [5, с. 12–18].

Эволюция образа «Блокадной Мадонны» – это путь от плакатной функции к национальному символу и, наконец, к цифровому двойнику. Если раньше мы смотрели на нее снизу вверх (как на монумент), то сегодня технологии позволяют нам посмотреть ей в глаза. Современные цифровые мемориалы не просто хранят информацию, они создают «эффект присутствия» [5, с. 12–18].

Наша задача сегодня – не дать этому образу превратиться в цифровой шум. Используя VR и иммерсивные технологии, мы должны сохранить ту самую «искру человечности», которую ленинградские матери пронесли сквозь тьму блокады. Ведь в конечном итоге «Блокадная Мадонна» – это не про смерть, это про абсолютную победу любви над небытием.

Список источников и литературы

1. Баранов А.В. Образ женщины в советской пропаганде: от революции до войны // Исторические исследования. 2018. № 3. С. 45–60.
2. Соловьев И.П. Плакат как средство массовой информации в годы Великой Отечественной войны // Журналистика и массовая коммуникация. 2021. № 4. С. 33–40.
3. Пискаревское мемориальное кладбище: история и архитектура // Архитектурное наследие России. 2018. Т. 10. С. 112–125.
4. Фигура Родины-матери в советском искусстве: символика и значение // Вопросы культуры и искусства. 2021. № 4. С. 15–30.
5. Михайлова Е.С. Цифровые мемориалы и историческая память: новые подходы // Научный вестник. 2020. № 5. С. 12–18.

ОБОРОННО-МАССОВАЯ, СПОРТИВНАЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РАБОТА В КРАСНОЯРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В 1930-е–1950-е гг.

DEFENSE, SPORTS, AND PATRIOTIC WORK AT THE KRASNOYARSK STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE IN THE 1930s AND 1950s

А.Н. Горбачева

A.N. Gorbacheva

Научный руководитель Е.А. Романова
Scientific supervisor E.A. Romanova

Великая Отечественная война, оборонно-массовая работа, спортивная работа, патриотизм, Красноярский государственный педагогический институт.

Статья посвящена оборонно-массовой, спортивной и патриотической работе в Красноярском государственном педагогическом институте, который имел разные названия в 1930–1950-е гг.

Great Patriotic War, defense and mass work, sports work, patriotism, Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.

The article is devoted to the defense, sports, and patriotic work at the Krasnoyarsk State Pedagogical Institute, which had different names in the 1930s and 1950s.

В предвоенные годы юноши и девушки были активно вовлечены в военно-патриотическую и оборонную работу, где решались задачи политико-морального воспитания, обучения военному делу и физической подготовке. В сложной международной обстановке в 1930-е гг. в СССР был принят Закон «Об обязательной военной службе» (от 13 августа 1930), в котором определялось, что военная подготовка заменяла допризывную и готовила молодых людей к действительной службе в РККА.

Важной целью руководства Красноярского государственного педагогического и учительского института в 1930–1940-е гг. было формирование у студентов патриотических ценностей и патриотического самосознания, подготовка молодежи к защите Родины. Выполнением этих задач с 1932 г. занимались первый преподаватель военного дела – Борис Иосифович Кнохт, ответственный и требовательный старший преподаватель военного дела капитан Алексей Людвигович Ситарчук, кавалер ордена Красной Звезды (1936), военрук, преподаватель военных дисциплин и зав. кабинетом в 1934–1937 гг. – Павел Петрович Ананьев. В 1933 г. в институте была введена ежедневная гимнастика для студентов. Была создана парашютная секция (в 1940 г. – инструктор Л.П. Исаченко. Укрепление

обороноспособности страны было напрямую связано с развитием разных форм физического и духовного воспитания советских людей.

В 1936 г. в институте появилась военно-физкультурная кафедра во главе с А.П. Зеленским [1, с. 13]. Сотрудники кафедры – Н.А. Коновалов (репрессирован в 1937 г. и через два года был расстрелян), в 1940–1942 гг. работал военруком и старшим преподавателем физической подготовки Г.Г. Вихман (1911–1944). Он закончил Государственный ордена Ленина институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта (1939), имел довоенную высшую войсковую подготовку (помкомвзвода) и воинское звание лейтенант. В 1942 г. был мобилизован на фронт, а в 1944 г. – погиб. Награжден орденом Отечественной войны I степени [2].

Еще одним известным членом военно-физкультурной кафедры, а затем и ее заведующим стал Павел Адамович Вебер (1902–1984). Он был командиром полка с воинским званием майор, участвовал в боях с белогвардейцами на Дальнем Востоке (1921–1922), воевал против белотунгусских банд на Охотском побережье (1925) и против белокитайцев (1929). На фронт П.А. Вебера не взяли, в 1941 г. уволили из КА из-за немецкой фамилии и репрессированного маршала В.К. Блюхера – командующего особой Дальневосточной армией, у которого он был личным адъютантом. В КГПИ в условиях всеобщей обязательной военной подготовки населения П.А. Вебер стал организатором оборонно-массовой и патриотической работы среди студентов, а также всех хозяйственных работ.

Еще до войны в институте была проведена большая оборонно-массовая работа, в рамках которой за 1938–1939 гг. подготовлено 265 ворошиловских стрелков, 448 бойцов противовоздушной химической обороны (ПВХО), 116 человек – готов к санитарной обороне (ГСО), 31 инструктор стрелкового спорта и 78 инструкторов ПВХО [1, с. 18]. В 1943 г. в пожарное звено ПВХО был зачислен К.А. Юдин, внук знаменитого красноярского библиофила Г.В. Юдина.

После начала Великой Отечественной войны 23 июня 1941 года в институте состоялся митинг (около 600 человек), где говорилось о готовности по первому зову пойти на защиту священных границ нашей Родины. 24 июня из преподавателей и работников АХЧ была создана группа самозащиты в составе 40 человек, где занятия проводил П.А. Вебер. В общежитиях № 3 и 4 организованы звенья охраны порядка и противопожарные звенья, во всех зданиях проведена светомаскировка. В июле появились курсы медицинских сестер, которые по вечерам учились, а ночью выгружали прибывших в Красноярск раненых.

В августе 1941 г. создана комиссия по оказанию помощи фронту и бойцам Красной армии [1, с. 21–23]. Создан полк народного ополчения в Сталинском (Центральном) районе Красноярска, организатор и командиром которого стал Алексей Людвигович Ситарчук (1941–1942). В полку проводилась военная учеба по 110-часовой программе, прививались дисциплинированность, ответственность и выносливость. Учебный батальон, сформированный из допризывников от 16 до 50 лет, базировался в фельдшерско-акушерской школе, Красноярском педагогическом институте, на стадионе «Локомотив», хлебозаводе № 1, Доме обороны.

17 сентября 1941 г. вышло постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» (от 16 до 50 лет). Программа обучения была увеличена до 110 часов без отрыва от работы, в нее добавлялось ознакомление с пулеметом, минометом и противогазом. В педагогическом институте командиром полка народного ополчения, сформированного в октябре 1941 г., стал майор П.А. Вебер, комиссаром – директором института В.С. Журов [1, с. 23]. С ноября институт взял шефство над эвакуационным госпиталем № 985, который работал в Красноярске с июня 1941 до 1 мая 1947 г. 1 января 1946 г. он реорганизован в Краевой госпиталь для инвалидов войны. В 1942 г. коллектив КГПИ участвовал в сборе продуктов и денежных средств для защитников города Ленинграда. В 1943 г. собирались средства на танковую колонну «Красноярский рабочий», постройку самолета «Парижская коммуна», подарки детям, потерявшим родителей, и вещи для бойцов Красной армии [1, с. 22].

Летом 1942 г. на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях проводились спартакиады физкультурников по гимнастике, плаванию, рукопашному бою, легкой атлетике, футболу и городкам. 17 июля был дан старт военизированному походу студентов пединститута для обучения ночному маршу, показу работы передового охранения части в ночное время и приемов санитарной помощи и взаимопомощи во взводе. В 18.30 из ворот института вышли в поход два взвода. За три километра до привала была дана команда «газы», и оставшееся расстояние участники похода прошли в противогазах. После небольшого привала началось ночное учение, закончившееся в 3 часа утра. Студенты показали себя дисциплинированными, умеющими применять полученные теоретические знания на практике.

В 8 часов утра начались санитарные учения. Переползая к «противнику», маскируясь от воздушного врага и танков, студенты продвигались, получая по пути условные ранения. В качестве инструкторов и санитаров использовались студентки, занимающиеся на курсах медсестер. В 12.00 преподаватель физкультуры начал соревнования по бегу, метанию гранат и подготовку к физкультурному параду 19 июля. Так, врач Б. Рафальсон охарактеризовал ночное военно-тактическое учение студентов педагогического института [3].

19 июля 1942 г. на площади Революции с 12 до 15 часов показывалась работа групп самозащиты при нападении противника с воздуха. На стадионе «Динамо» с 16.00 до 20.30 – парад физкультурников, спортивные выступления, футбольный матч. Спортивные встречи и соревнования проходили и на правом берегу Енисея [4].

С 1 февраля по 7 сентября 1944 г. заведующим военно-физкультурной кафедрой Красноярского педагогического института был подполковник П.П. Ананьев. После него кафедру возглавил П.А. Вебер, а в 1945 г. – В.А. Колобков.

После Великой Отечественной войны патриотическая работа упрощалась в связи с большим количеством участников Великой Отечественной войны среди студентов и преподавателей. В 1946 г. в институте работало 80 преподавателей,

из них демобилизованных – 11, награжденных правительственными наградами – 30 человек, среди студентов – 62 демобилизованных и награжденных [1, с. 30]. Это была фронтовая элита и кадровый резерв для административной, оборонно-массовой и патриотической работы в КГПИ. Вместо обязательной военной подготовки была введена физическая подготовка на 1, 2, 3 курсах. В 1947 г. кафедра военно-физической подготовки была реорганизована в кафедру физического воспитания с заведующим А.Т. Кимом [1, с. 31], в 1948 г. – в кафедру физического воспитания и спорта.

Спортивно-физкультурная работа в институте организована первичным коллективом добровольного спортивного общества «Большевик» совместно с кафедрой физвоспитания и спорта. В заочных легкоатлетических соревнованиях на первенство вузов РСФСР институт занял первое место по второй группе вузов (1947) [1, с. 31]. За 1948–1949 гг. в институте было проведено 59 соревнований по различным видам спорта. Подготовлено 294 значкиста ГТО I и II степени, 135 разрядников [1, с. 34]. В 1948 г. проводился кросс им. Л.П. Берии [1, с. 59].

Со временем спорт становился массовым, объединял людей, решал оборонную и социальную задачу государства. Формы и методы военно-патриотической, оборонно-массовой и спортивной работы Красноярского педагогического института включали в себя большие лыжные переходы, спортивные кроссы, митинги, собрания, вечера, посвященные борьбе за мир, сдачу норм ГТО, бойцов ПВХО, ГСО, ворошиловских стрелков, ночные военно-тактические учения.

Список источников и литературы

1. Летопись Красноярского государственного педагогического института (1932–1982). Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1982. 165 с.
2. Личное дело Г.Г. Вихмана // Архив Выставочного центра КГПУ.
3. Ночное военно-тактическое учение студентов. Врач Б. Рафальсон // Красноярский рабочий. 1942. 19 июля.
4. Физкультурный праздник в Красноярске // Красноярский рабочий. 1942. 19 июля.

Секция 5.
ВЕК АРХЕОЛОГИИ:
ОТКРЫТИЯ – ЗАДАЧИ – ПЕРСПЕКТИВЫ

СОСУД БРОНЗОВОГО ВЕКА СТОЯНКИ ХЕДУГИН РУЧЕЙ, РЕКА АНГАРА

BRONZE AGE VESSEL FROM HEDUGIN STATION, ANGARA RIVER

В.Р. Данишвар, А.М. Медведь

V.R. Danishvar, A.M. Medved

Научный руководитель А.Л. Заика
Scientific adviser A.L. Zaika

Хедугин ручей, жемчужно-рубчатый тип, бронзовый век, река Ангара, Богучанская ГЭС.
В статье приведена характеристика сосуда с Хедугино ручья. После сборки сосуда, пользуясь методом подбора аналогий по стилистическим особенностям, нам удалось определить, что сосуд относится к жемчужно-рубчатому типу керамики. Опираясь на данные датировок сосудов с Итомиуры, Итомиуры 1, мы приурочили сосуд к бронзовому веку.

Khedugin creek, pearl-ribbed type, Bronze Age, Angara River, Boguchanskaya HPP.
The article describes the characteristics of the vessel from the Hedugin stream. After assembling the vessel, using the method of selecting analogies based on stylistic features, we were able to determine that the vessel belongs to the pearl-ribbed type of ceramics. Based on analogies and dating data of vessels from Itomiura, Itomiura 1, we dated the vessel to the Bronze Age.

Керамика бронзового века на территории Северного Приангарья, несмотря на исследования, все еще остается мало изученной. Наша работа позволит пополнить информационную базу исследований о сосудах на данной территории.

Памятник «Хедугин ручей» был расположен в Кежемском районе Красноярского края по правому берегу р. Ангары, около 2,5 км от устья ручья Чирида на восток, на запад около 16,4 км от с. Кежма. На данный момент памятник не существует.

Памятник был обнаружен в 1937 г. П.А. Окладниковым. Дальнейшие исследования проводились в 1978 г. Н.П. Макаровым, в 1989 г. В.И. Привалихиным, в 2008 А.Н. Зенининым. В 2010–2011 гг. на стоянке проводились спасательные работы под руководством Ю.А. Гревцова и Д.Н. Лысенко, так как она находилась в зоне затопления Богучанской ГЭС [1, с. 427; 2, с. 330]. Там же в 2011 г. был найден изучаемый нами сосуд в западной части раскопа участка № 2. Фрагменты были рассредоточены на площади 2 кв. м. Сосуд не был приурочен ни к каким-либо археологическим объектам. Отсутствие пищевого нагара говорит о том, что сосуд использовали не для приготовления, а для хранения еды. В бронзовом веке природные условия были приближены к современным, поэтому мы предполагаем, что в сосуде могли хранить орехи, сушенное, вяленое мясо или рыбу.

После частичной реставрации сосуда мы смогли описать его тип по стандартным критериям. Это простой, закрытый, круглодонный сосуд с уплощением, венчик непрофилированный, шейка отсутствует. Также мы смогли снять примерные параметры сосуда: высота – около 36 см; диаметр – около 30 см; толщина стенок варьируется от 0,3 до 0,7 см. В тесте сосуда присутствовали: глина с небольшой примесью дресвы одной породы (крупная фракция 4–5 мм, мелкая фракция 1–2 мм); небольшая примесь мелкого песка; заметны следы малого добавления органики. Сырье ожелезненное – это было выяснено методом обжига фрагмента сосуда до 800 градусов (можно определить по цвету горшка при обжиге). Данный сосуд не проходил полный обжиг.

Технология изготовления, предположительно, – ручная лепка лоскутным способом. Керамика жемчужно-рубчатого типа (без жемчужин). Мы предполагаем, что сосуд делали на формовочной основе, так как внутри нет четких следов колотушки. Возможно, веревка выступала в роли подкладки между формой и сосудом. Поверхность выбивали колотушкой, обмотанной шнуром или веревкой. После конструирования сосуда венчик был срезан и заглажен.

Орнамент данного сосуда расположен в зоне венчика. В данной зоне, по горизонтали, при помощи орнаментира (лопаточки) с прямым концом, с отступами нанесены косые кресты. Расстояние между крестами варьируется от 1 до 5 сантиметров. Ширина перекрещенных линий равняется 0,6 см.

Мы не можем определить какую-либо археологическую культуру, к которой мог бы быть причислен наш сосуд. Есть некоторая условная группа «жемчужно-рубчатой» керамики, или по-другому – аталонгской, эпохи бронзы Приангарья, для которой характерна выбивка сосудов колотушками (рубчатыми и, реже, шнуровыми), минимальный орнамент в верхней трети, простые формы емкостей и пр. К числу устойчиво повторяющихся мотивов относятся: узор в виде ромбической сетки – сопряженных крестов отдельные фигуры или горизонтальный ряд фигур в виде крестов, стрелок и др. К данному типу орнамента на уровне современных концепций можно отнести этот горшок [3, с. 35–39; 4, с. 188].

В соседних регионах есть Глазковская культура, выделенная по погребениям, они выступают ближайшим, хорошо изученным аналогом, но правомерность выделения ее в Нижнем Приангарье и соотношения с бытовой культурой стоянок требует проведения дополнительных исследований.

При датировке сосуда мы не могли пользоваться определением возраста по культурному слою, так как слой нахождения был перемешан (от среднего неолита до эпохи бронзы). Для датировки сосуда мы пользовались методом подбора аналогий и пришли к тому, что его примерная датировка – бронзовый век: со второй половины 3 тыс. до н. э. по начало 1 тыс. до н. э.

Для поиска аналогий мы выделили три основных стилистических признака: орнамент (кресты), форма сосуда и форма венчика. По крестам: сосуд с о. Сергушкин, дымокур с раскопок Капонир, Устькова, Скородумный Бык. По форме: Окуневка, Сергушкин, Итомиура. По форме венчика: Итомиура 2.

Хронология «жемчужно-рубчатой» керамики на территории Северного Приангарья в настоящее время не подкреплена серийными абсолютными датировками. К числу «надежных» радиоуглеродных дат относятся: (Итомиура) 1670–1430 до н. э., (Итомиура 2) 1500–1130 до н. э. Данные датировки были откалиброваны. Вышепредоставленные аналогии с датировками, указывают на хронологическую принадлежность нашего сосуда к бронзовому веку [4, с. 188–189].

Таким образом, в ходе работы нам удалось отреставрировать сосуд до такого состояния, что можно зафиксировать диаметр, собрать почти весь профиль, придонную часть и дно, но не удалось объединить дно с придонной частью. Из данных, полученных нами после сборки сосуда, мы смогли выявить его принадлежность к жемчужно-рубчатому типу и сопоставить время его создания с бронзовым веком.

Список источников и литературы

1. Лысенко Д.Н., Матвеев В.Е., Рейс Е.С. Предварительные итоги полевых исследований поселенческого комплекса Хедугин ручей в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. № 17. С. 427–431.
2. Степанова Н.Ф., Лысенко Д.Н., Быкова М.В. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи неолита – бронзы со стоянки Хедугин ручей (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. № 24. С. 329–324.
3. Леонтьев С.Н. Керамические комплексы археологических памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье): Эпоха неолита и бронзы. Кемерово: Примула, 2025. 192 с.
4. Гурулев Д.А., Максимович Л.А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск: СФУ, 2016. С. 185–192.

МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА ЧЕРЕМУШКИ (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ): ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

THE MULTI-LAYERED CHERYOMUSHKI SITE (WESTERN TRANSBAIKALIA): HISTORY AND RESEARCH PROSPECTS

О.Ю. Ячменев

O.Yu. Yachmenev

Научный руководитель **М.В. Константинов**
Scientific adviser **M.V. Konstantinov**

Западное Забайкалье, река Хилок, многослойное поселение Черемушки, палеолит, бронзовый век.

В статье представлены результаты историографического анализа материалов по многослойной стоянке Черемушки. Исследование охватывает стратиграфические особенности, культурные горизонты и археологические находки, датируемые от поздней бронзы до верхнего палеолита. Внимание уделено перспективам дальнейших исследований, включая систематическое датирование и интерпретацию культурных слоев.

Western Transbaikalia, Khilok River, multi-layered settlement of Cheryomushki, Paleolithic, Bronze Age.

The article presents the results of a historiographical analysis of materials on the multi-layered Cheryomushka site. The study covers stratigraphic features, cultural horizons, and archaeological finds dating from the Late Bronze Age to the Upper Paleolithic. Attention is paid to the prospects for further research, including systematic dating and interpretation of cultural strata.

В рамках историографической работы представлены результаты изучения научных отчетов на базе Лаборатории палеоэкологии ЗабГУ и Научно-отраслевого архива ИА РАН, а также публикаций по многослойной стоянке Черемушки. Основной задачей исследования полевой документации было определение перспективности дальнейшего исследования данного объекта.

Древнее поселение Черемушки располагается на правом берегу первой надпойменной террасы (5,5 м) р. Хилок, в 1 км от бывшей деревни Черемушки [1, с. 2] и в 8 км от с. Катангар Петровск-Забайкальского района [2, с. 330–331]. Поселение открыто в 1971 г. Читинской археологической экспедицией под руководством И.И. Кириллова во время разведки по р. Хилок [1, с. 1]. Шурфом 4×4 кв. м было выявлено два очага и археологический материал в виде отщепов, отбойника, нуклеусов и керамики [4]. Раскопки проводились в 1972, 1975, 1988 гг. под руководством И.И. Кириллова и М.В. Константинова. Изыскания велись в трех пунктах, стратиграфия которых имеет существенные различия.

Пункт 1, связанный с южным краем мыса, представлен серией раскопов, имеющих обозначения № 2, 3, 4, вскрытой площадью ок. 105 кв. м. В целом все раскопы имеют сходную стратиграфию.

1-й культурный слой связан с литологическим слоем 1 – почвенным слоем. По характеру материала и стратиграфии отнесен к эпохе поздней бронзы. Большая часть археологического материала представлена фрагментами керамики, пластинками, отщепами, фрагментами костей, оббитыми гальками, нуклеусами и заготовками нуклеусов.

2-й культурный слой связан с литологическим слоем 2 – каштановой супесью. Исходя из стратиграфии слоя и обнаруженному материалу, датируется ранним бронзовым веком. В культурном слое выявлена серия из 12 очагов, 2 очажных пятен и хозяйственной ямы [1, 7–33]. Всего с этим уровнем связано более 11000 находок: клиновидные микронуклеусы, микропластинки, пластинки, резцы, скобели, рубящие орудия, отщепы, фрагменты керамики [2, с. 331]. В литологических слоях 3–6, представленных переслаиванием разнохарактерных песков, археологический материал не выявлен [1, с. 8].

Пункт 2 связан со средней частью мыса, где был заложен шурф размером 2,5 х 2,0 м, и глубиной 3,0 м. Выявлено 7 литологических слоев, 1 и 2 слои – почвенный и каштановая супесь. 3–6 слои – делювиальный и аллювиальные отложения третьей надпойменной террасы, содержащие палеопочвы. Верхняя палеопочва, разделенная песчаной прослойкой (слой 5), по характеру может быть позднесартанской (12,7–10,8 тыс. л.н.). Нижняя палеопочва (слой 6) датируется позднекаргинским временем (ок. 25 тыс. л.н.). Особенность отложений шурфа – представительность разновременных делювиальных и аллювиальных отложений. Зафиксировано 5 культурных слоев: 1–2 – бронзовый век, 3 – мезолит, 4 – финал позднего палеолита (13–11 тыс. лет назад), 5 – начало верхнего палеолита (30–25 тыс. лет назад) [3, с. 106]. В горизонтах 3 и 4 были выявлены следующие находки: отщепы, фрагменты костей и угольки [1, с. 39].

Пункт 3 расположен на уступе террасы и представлен раскопом и траншеей размерами 1 х 12 м и глубиной 5, 35 м. Траншеей выявлено 9 литологических слоев: 1,2 – дерн и каштановая супесь, 3–7 представлены разнохарактерным песком. Слои 8 и 9 включают валунно-глыбовый материал и являются пролювиальными [1, с. 36–37]. Траншеей вскрыт делювиальный разрез, опирающийся на гранитный цоколь и датирующийся финалом МИС 3 – первой половиной МИС 2 (позднекардинским и сартанским временем по региональной геохронологической шкале). В нижней части разреза между валунами выявлены фаунистические останки (слой 8), одноплощадочный и однофронтальный замытый нуклеус (слой 9). Оба культурных слоя предварительно датируются средней – поздней порой верхнего палеолита, скорее всего, эти слои переотложены, так как глыбовые слои 7–9 перестилались слоем 8 и перекрывались слоями 5 и 6, состоящими в основном из аллювия [1, с. 36–39].

На поселении выявлен богатый керамический комплекс эпохи бронзового века (616 фрагментов) [5, с. 1–2; 6, с. 39–42]. Заслуживает внимание дальнейшее изучение комплекса из 11 очагов и коллекции каменного инвентаря (11 тыс. предметов) 2 культурного слоя. Важно продолжить изучение отложений, интерпретированных как 3 надпойменная терраса, которая фрагментарно представлена

на территории Западного Забайкалья. Дальнейшее изучение памятника и системное абсолютное датирование дополнит наше представление о стратотипе 3 террасы. Примечательно выявление материалов финала МИС 3 – первой половины МИС 2, в диапазоне 25–20 тыс. л.н., поскольку это время соотносится с малоизученным этапом средней поры верхнего палеолита в регионе.

Интересная стратиграфическая позиция, многослойность памятника, культурные горизонты от эпохи бронзы (бронзового века) до средней-поздней поры верхнего палеолита делают стоянку Черемушки одной из перспективных для изучения. Также исследование керамического комплекса стоянки Черемушки перспективно с применением анализа минерального состава сырья, качества обжига и абсолютного датирования.

Список источников и литературы

1. Константинов М.В. Исследования на древнем поселении Черемушки в 1988 году // Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ. 1989. С. 2–39.
2. Константинов М.В. Черемушки // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 330–331.
3. Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ: ИОН, 1994. 254 с.
4. Кириллов И.И. Научный отчет о раскопках в Читинской области. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, № 4598. 1971.
5. Макарова В.В. Керамика ранней бронзы долины реки Хилок, Западное Забайкалье (по материалам стоянки Черемушки) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов 2022». М.: МАКС Пресс, 2022. С. 1–2.
6. Семина Л.В. Неолитическое поселение Черемушки на р. Хилок // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1988. С. 39–42.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ ЭКСПЕДИЦИЯМИ КГПИ/КГПУ В 1980–1990-х гг.

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES IN THE PODKAMENNAYA TUNGUSKA BY KGPI/KGPU EXPEDITIONS IN THE 1980–1990s

К А. Журавкова

K.A. Zhuravkova

Научный руководитель А.Л. Заика
Scientific adviser A.L. Zaika

Подкаменная Тунгуска, КГПИ/КГПУ, экспедиции, комплекс памятников, каменные орудия.
В статье рассматриваются результаты археологических исследований Подкаменной Тунгуски экспедициями КГПИ/КГПУ в 1980–1990-х гг. Автор приходит к выводу о том, что экспедиции внесли значительный вклад в сохранение древнего культурного наследия нашего Енисейского региона.

Podkamennaya Tunguska, KGPI/KGPU, expeditions, monument complex, stone tools.
The article discusses the results of archaeological research conducted by the KGPI/KGPU expeditions in the Podkamennaya Tunguska region in the 1980s and 1990s. The author concludes that these expeditions have made a significant contribution to the preservation of the ancient cultural heritage of the Yenisei region.

Актуальность темы вызвана тем, что археологические памятники бассейна реки Подкаменная Тунгуска по наши дни остаются малоизученными вследствие относительно сложной логистики и труднодоступности района исследований.

Цель данной работы – определить вклад наших исследователей в изучении древней истории Эвенкии. Основным источником информации о результатах исследований в данной работе являются материалы фондов Музея археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева. Они представлены коллекциями артефактов, полученных во время экспедиций КГПИ/КГПУ в обозначенный период, переданных на хранение В.И. Макуловым.

В 1988–1989 гг. отрядами по паспортизации памятников археологии КГПИ в составе В.И. Макулова, В.А. Погудина, А.Л. Заики, В.Г. Буторина была обследована долина реки Подкаменной Тунгуски на территории Тунгуско-Чунского и Байкитского районов. В результате проведенных исследований были выявлены и вновь обследованы более 60 поселений, стоянок и других местонахождений. Впервые были проведены раскопочные работы на стоянках Нижняя Лакура и Панолинская – I. В общей сложности в районе Панолинского порога были обнаружены около 20 археологических памятников по обоим берегам Подкаменной

Тунгуски на участке в 5–6 км. Пять ранее неизвестных памятников обнаружены в окрестностях с. Ванавара. Обследована группа памятников на участке от Зимовья Чамбэ до устья реки Чамбэ, а также у подножия горы Чамбэ [1, с. 83–86].

Позже, в 1991 г. В.И. Макулов в Тунгусско-Чунском районе на двухкилометровом участке левого берега реки Подкаменная Тунгуска обследовал 9 стоянок, а также два новых местонахождения на левом берегу реки ниже Панолинского порога. Были осмотрены известные стоянки: Чамбинский порог, Нижняя Лакура, Панолинская I, Ванавара IV и Панолинские IV – VI [2, с. 129–131].

В 1996 г. была разведка по Енисею от Ворогово до устья Подкаменной Тунгуски, где был собран археологический материал в устье реки [3, с. 10–12].

В 1999 г. отряд КГПУ совершил археологическую разведку протяженностью 1140 км по Подкаменной Тунгуске от п. Ванавара до устья р. Подкаменная Тунгуска. Обследовано около 55 ранее известных местонахождений, выявлены 7 ранее неизвестных памятников, обнаружен комплекс местонахождений из 13 пунктов [4, с. 58–59].

Комплекс памятников Панолинский порог представлен таким каменным инвентарем, как: нуклеусы, нуклевидные изделия, заготовки нуклеусов, заготовки рубящий орудий, отходы расщепления, наконечники стрел, копий, дротика, скребки, скребла, скобели. Важно отметить, что часть артефактов представлена лишь фрагментарно, некоторые имеют следы дефляции. Также на стоянках были собраны фрагменты керамических сосудов – 26 единиц. Изделий из кости, бронзы и железа не найдено. Основной материал – роговик, встречаются и другие породы.

Каменный инвентарь комплекса памятников Чамбинский порог представляют наконечники стрел, копий, дротика, нуклеусы, микронуклеусы, рубящие орудия, отходы расщепления, скребки, скребла, преформы нуклеусов и рубящих орудий, резец. Выявлены изделия из бронзы и железа, керамика. На стоянке Чамбинский порог V обнаружен фрагмент изделия из бронзы, вероятно, ножа. На стоянке Чамбинский порог VI обнаружен бронзовый шлак. На стоянке Чамбэ II нашли фрагмент железного ножа – пальмы, у которого отсутствует насад и острие. Фрагменты керамических сосудов представлены 28 единицами. Присутствуют две обработанные кости. Преобладающий материал – роговик. Часть артефактов изготовлена из глинисто-кремнистой породы, халцедона, кремня, кварцита.

Комплекс стоянок Усть-Комо представлен нуклеусами различного типологического спектра, отходами расщепления, теслами, фрагментами наконечников стрел, наконечник дротика, скобелями-скребками, скобелями, грубо оббито-ретушированной преформой рубящего орудия, проколкой на пластине. Найдены изделия из кости и рога – 5 единиц. Изделия из керамики представлены двумя фрагментами сосудов. Изделий из бронзы и железа не обнаружено. В качестве сырья использовался роговик, кремнь, кремнистая порода, яшмовидная порода, яшма, песчаник, сланец, халцедон.

Археологические исследования Подкаменной Тунгуски экспедициями КГПИ/КГПУ в 1980–1990-х гг. внесли значительный вклад в сохранение древнего культурного наследия нашего Енисейского региона. Благодаря проведенным экспедициям впервые были проведены стационарные раскопочные работы, проведены работы на ранее изученных объектах. Благодаря полученному каменному инвентарю удалось проследить типологическое разнообразие артефактов, их количественное соотношение на ряде стоянок, выявить основные виды каменных пород, использовавшихся для изготовления орудий.

Список источников и литературы

1. Макулов В.И. Археологические памятники долины р. Подкаменной Тунгуски и проблемы их изучения // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Посвящается 100-летию Н.К. Ауэрбаха: краткое содержание докладов. Т. 1. Красноярск, 1991. С. 83–86.
2. Макулов В.И. Археологические исследования в Эвенкии, Богучанском и Большемуртинском районах Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края (Сб. науч. тр.). Красноярск, 1992. С. 129–131.
3. Макулов В.И., Дроздов Н.И., Заика А.Л., Березовский А.П. Археологические исследования в Туруханском районе Красноярского края в 1996 году // 275 лет сибирской археологии: материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997. С. 10–12.
4. Макулов В.И. Новые данные по неолиту Подкаменной Тунгуски // География на службе науки, практики и образования. Красноярск, 2001. С. 58–59.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РЕГИОНА ВОСТОЧНОГО САЯНА: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE EASTERN SAYAN REGION: AN EXPERIENCE OF SYSTEMATIZATION AND INTERDISCIPLINARY STUDY

Е.М. Федотова

Е.М. Fedotova

Научный руководитель А.Л. Заика
Scientific adviser A.L. Zaika

Регион Восточного Саяна, памятники археологии, типолого-хронологическая классификация, междисциплинарные подходы, тахеометрическая съемка, аэрофотосъемка, радиоуглеродное датирование.

В статье рассматриваются варианты применения междисциплинарных подходов в научно-исследовательской деятельности при изучении археологического наследия региона Восточного Саяна в Красноярском крае. По мнению автора, применение междисциплинарных практик позволяет синтезировать и систематизировать данные прошлых и современных исследований, качественно улучшить новые результаты работ, скорректировать и найти типолого-хронологические взаимосвязи памятников региона, спрогнозировать выявление новых археологических объектов и осуществлять мониторинг существующих.

Eastern Sayan region, archaeological monuments, typological and chronological classification, interdisciplinary approaches, tacheometric survey, aerial photography, radiocarbon dating.

This article examines the application of interdisciplinary approaches in scientific research when studying the archaeological heritage of the Eastern Sayan region in the Krasnoyarsk Territory. According to the author, the use of interdisciplinary practices allows for the synthesis and systematization of data from past and contemporary research, the qualitative improvement of new research findings, the refinement and identification of typological and chronological relationships among the region's monuments, the forecasting of new archaeological sites, and the monitoring of existing ones.

История археологического изучения региона Восточного Саяна насчитывает более ста лет и продолжается в настоящее время. За это время существенно изменились подходы и методы исследования, принцип систематизации памятников, появились новые возможности для определения типолого-хронологических характеристик, фиксации, выявления и мониторинга сохранности объектов культурного наследия.

Благодаря данным, накопленным в ходе разновременных исследований, развитию технологий и междисциплинарных подходов в научно-исследовательской деятельности, в настоящее время возможно систематизировать данный археологический регион с точки зрения типологической и культурно-хронологической принадлежности памятников археологии, скорректировать и проследить их взаимосвязи. Таким образом, появилась возможность прогнозирования предположительного распространения объектов культурного наследия региона, что существенно способствует научно-исследовательской деятельности современных исследователей и позволяет получать наиболее точные результаты.

Типологическая классификация памятников региона представлена стоянками, поселениями, петроглифами, могильниками и местонахождениями. Характерной чертой пространственного распределения памятников является их приуроченность к долинам и бассейнам рек Кан, Мана, Казыр, Кизир, Амыл, Туба и Сыда.

Археологические памятники региона, кроме разнообразия типов объектов, разнообразны в хронологическом отношении и охватывают все археологические эпохи – от древнего каменного века до «русского времени».

Применение междисциплинарных практик в археологии совершенствует методы фиксации и обработки исследуемых объектов, повышая точность и полноту полученной информации, что критически важно для интерпретации и последующей публикации результатов полевых работ, составления отчетов и написания научных трудов. Скачок в информационных технологиях в конце прошлого века позволил перейти на качественно новый уровень записи, обработки и хранения информации.

Ввиду многообразия междисциплинарных подходов автор ограничивается рассмотрением лишь некоторых из них, примененных при изучении памятников региона: безотражательная тахеометрическая съемка, аэрофотосъемка и метод радиоуглеродного датирования.

Безотражательный режим тахеометра – функция дальнометра, направляющая лазерный луч непосредственно на поверхность измеряемых объектов и фиксирующая отраженный сигнал для расчета дистанции [1].

Аэрофотосъемка – метод дистанционного зондирования с БПЛА для создания высокоточных 3D-моделей рельефа и ортофотопланов [2, с. 38–47].

Радиоуглеродное датирование – ключевой метод абсолютного датирования органических останков (дерево, кости, уголь) возрастом до 50–60 тысяч лет [3, с. 151–164].

Метод лазерной тахеометрической съемки и аэрофотосъемки был применен при изучении памятника «Петроглифы-1» («Койская писаница»), находящегося на левом берегу р. Мана. При проведении работ с помощью аэрофотосъемки и обработки информации в программном продукте Agisoft Metashape был построен топографический план местности, включающий горный массив, труднодоступный для пеших геодезической съемки, что повысило качество полученных данных и значительно сократило время фиксации. Методом безотражательной

съемки тахеометра были сняты вертикальные и горизонтальные профили скального массива, что также повысило точность измерений и сократило время проведения работ.

Метод радиоуглеродного датирования применялся при обработке материалов с памятников «Козылинский Бор. Стоянка-1» и «Хомутово. Стоянка-2», приуроченных к бассейну р. Кан. Радиоуглеродное датирование проводилось в Центре коллективного пользования научным оборудованием «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ и Новосибирского научного центра» (г. Новосибирск). Полученные данные позволили существенно скорректировать возраст культурных слоев памятников [4, с. 6].

Таким образом, данные, полученные с помощью междисциплинарных методов, открывают возможности для корректировки устоявшихся представлений о типолого-хронологических взаимосвязях памятников региона. Внедрение междисциплинарных практик становится ключевым инструментом сбора и обработки информации. Развитие и интеграция данных методов является перспективным направлением, способным обеспечить качественно новый уровень изучения археологии региона.

Список источников и литературы

1. Брейнак И. Работа в безотражательном режиме тахеометра // Сайт компании «Русгеоком». URL: <https://blog.rusgeocom.ru/informatsiya/instruktsii/rabota-v-bezotrazhatelnom-rezhime-takheometra> (дата обращения: 06.04.2026).
2. Балков Е.В., Карин Ю.Г., Позднякова О.А., Шапаренко И.О., Гоглев Д.А. Аэрофотосъемка с БПЛА в поисковых задачах археологии: обзор и практические примеры // Геофизические технологии. 2020. № 3. С. 38–47.
3. Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 151–164.
4. Лысенко Д.Н. Отчет об археологических раскопках в Ирбейском районе Красноярского края на территории выявленного объекта археологического наследия «Хомутово. Стоянка-2»: 5 томах. Красноярск, 2024. Т. 1. С. 6.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЗАНЦЕВСКОЙ ПИСАНИЦЫ ЛЕНКОВА ГОРА

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE KAZANTSEVSKAYA PISANITSA LENKOVA GORA

Д.А. Чешуин, В.Р. Данишвар

D.A. Ceshuin, V.R. Danishvar

Научный руководитель А.Л. Заика
Scientific adviser A.L. Zaika

Писаница общая характеристика, петроглифы, Казанцево, наскальная живопись, Ленкова гора.

В статье рассматривается общая характеристика Ленковой горы. Авторы используют полевые и камеральные методы описания. В статье удалось прийти к выводу о том, что данная гора относится к типу «поклонных гор».

Pisanitsa general characteristics, petroglyphs, Kazantsevo, rock art, Lenkova Mountain.

The article discusses the general characteristics of Lenkova Mountain. The authors use field and cameral methods of description. The article concludes that this mountain belongs to the type of “devotional mountains.”

На данный момент памятник наскального искусства Ленкова гора постоянно подвергается разрушительным процессам как биогенного, так и антропогенного характера. Сохранение культурного наследия региона является важной и актуальной задачей любого исследователя, и не только исследователя. Если срочно не принять экстренные меры по сохранению памятника, то вскоре он потеряет свое значение как памятник древнего наскального искусства.

Ленкова гора изучается продолжительное время – с 1988 по 2023 г. Тем не менее на писанице обнаруживаются новые плоскости. В связи с этим отсутствует полная характеристика данного объекта. Исходя из этого, наша цель – систематизация информации по Казанцевской писанице.

Писаница Ленкова гора (Казанцевская писаница) находится на правом берегу р. Ои, напротив с. Казанцево (1,2 км к северу от села) Шушенского района Красноярского края и представляет собой прибрежный утес, сложенный кремнистыми сланцами серо-зеленого цвета.

Для удобства фиксирования, описания и более углубленного дальнейшего изучения петроглифов памятник был поделен территориально на семь секторов (нумерация с запада на восток – вверх по течению реки).

Исходя из статистического анализа, можно сделать вывод о том, что самая распространенная фигура – изображение человека (76 шт.) и животного (40 шт.). Также на плоскостях присутствуют вертикальные и горизонтальные линии и охристые пятна, которые на данный момент невозможно интерпретировать.

В ходе сравнительного анализа мы сравнивали материалы клуба «Искатель» с материалами Александра Леонидовича Заики и Владимира Феофановича Капелько. Клубом «Искатель» всего было выявлено 140 плоскостей, 60 из которых являются новыми в сравнении с материалами А.Л. Заики, а также установлено, что 12 плоскостей по материалам А.Л. Заики были разрушены в результате антропогенных и биогенных факторов.

Верхний пласт писаницы, который может относиться как к Средневековью, так и этнографической современности, представлен единственным на писанице изображением трехлепесткового цветка – «лотоса» – традиционного элемента хакасских народных вышивок [1, с. 155]. Основная масса антропоморфных изображений, выполненных в линейной манере, стилистически соответствует изображениям как в карасукское время [2, с. 56–63], так и в более поздние периоды, вплоть до этнографической современности [1, с. 33–35].

«Объемные» фигуры людей за неимением аналогов в рисованных изображениях наскального искусства Минусинской котловины культурно-хронологически трудноопределимы. С большой долей вероятности к наиболее ранним (неолит-энеолит) можно отнести парное изображение «рогатых фигур» в восточном секторе писаницы.

Изображения всадников и ездовых животных по тем же причинам трудно датируемые. Нельзя даже точно определить видовой состав животных (быки, лошади, верблюды, олени?), можно только с полной уверенностью утверждать, что животные, изображенные в секторе V (плоскости -6 и -8), дублируют друг друга и выполнены, скорей всего, одной и той же рукой.

Солярный знак, изображенный в виде колеса, характерен для карасукских рисунков и нарисован одновременно с расположенной рядом группой человеческих фигур (VII-10 и -11).

На территории Хакасии при раскопках археологического памятника Итколь II в 12 кургане в 10 могиле была обнаружена расколота каменная плита с решетковидным изображением, которая датируется окуневской культурой.

Какой же семантический смысл петроглифов? В нашем случае дешифровка композиций писаницы зависит от интерпретации ключевого сюжета: решетковидных фигур.

На бубнах алтайских шаманов решетковидные фигуры изображались на уровне небесных светил [3, с. 87, 4, с. 655]. По археологическим данным, дно глиняной посуды, которое имело сакральную значимость и символизировало небосвод, также часто орнаментировалось в виде «сетки».

По этнографическим данным известно, что округлые пятна часто символизировали звезды, скопления – звездное небо. Прямые кресты также часто обозначали звезды, огонь, искры.

Следовательно, скопление звезд-крестов, могло символизировать звездное небо, гармонично вписываясь в контур решеткообразной фигуры. Более того, Млечный путь в мифологии селькупов часто выступает в роли «небесного невода».

Беря во внимание культовую окраску многих изображений (образы матери-прародительницы, «рогатые» антропоморфные фигуры, решеткообразные изображения и др.), а также их различную культурно-хронологическую принадлежность, данное местонахождение можно отнести к разряду «поклонных гор». Здесь совершались различного характера религиозные ритуалы, моления, проходили традиционные праздники на протяжении многих столетий от эпохи ранней бронзы вплоть до этнографической современности.

Список источников и литературы

1. Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
2. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. 192 с.
3. Басилов В.Н. Избранники духов. М.: Политиздат, 1984. 208 с.
4. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – нач. XX вв. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 839 с.

ОЙКОНИМИЯ НОВОУСМАНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

OIKONIMY OF THE NOVOUSMANSKY DISTRICT OF THE VORONEZH REGION: HISTORICAL AND TYPOLOGICAL ANALYSIS

А.С. Некрасова

A.S. Nekrasova

Научный руководитель А.М. Ипатов
Scientific adviser A.M. Ipatov

Ойконимия, топонимика, Новоусманский район, Воронежская область, В.П. Загоровский, историческая стратификация, антропонимы.

Статья посвящена комплексному анализу ойконимов (названий населенных пунктов) Новоусманского района Воронежской области. Исследование опирается на классификацию воронежского краеведа В. П. Загоровского. Автор приходит к выводу о доминировании антропонимических названий, что отражает историю помещичьего землевладения в регионе, а также выявляет историческую стратификацию ойконимов, которые выступают маркерами различных эпох – от освоения так называемого «Дикого поля» до советского периода.

Oikonymy, toponymy, Novousmansky district, Voronezh region, V. P. Zagorovsky, historical stratification, anthroponyms.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the oikonyms (names of settlements) of the Novousmansky district of the Voronezh region. The research is based on the classification by Voronezh local historian V. P. Zagorovsky. The author concludes that anthroponymic names dominate, which reflects the history of landed estates in the region, and also reveals the historical stratification of oikonyms, which serve as markers of different eras – from the development of the «Wild Field» to the Soviet period.

Изучение ойконимов (названий населенных пунктов) является важным направлением лингвокраеведения, позволяющим реконструировать исторические процессы через призму языка. Актуальность работы обусловлена значимостью региональной топонимики как источника сведений о заселении, хозяйственном освоении и культурном развитии территории. Цель данной работы – провести классификацию ойконимов Новоусманского района Воронежской области, выявить их семантику и связь с историей края.

Методологической основой исследования послужила классификация названий населенных пунктов Воронежской области, предложенная известным историком и краеведом В.П. Загоровским. Он выделил семь основных групп: названия по гидронимам; отражающие особенности рельефа, флоры и фауны; названия-повторы; антропонимические; связанные с церковью; отражающие слу-

жебную и хозяйственную деятельность; советские идеологические [1]. Данная классификация способствует системному подходу к анализу ойконимов Новоусманского района.

Проведенный анализ позволяет распределить их по следующим группам.

1. Ойконимы, образованные от гидронимов. Это один из древнейших слоев. Название районного центра – Новая Усмань (изначально Собакина Усмань) происходит от реки Усмань, гидронима, которой имеет ираноязычные корни и переводится как «каменистая» [2, с. 201]. Ряд сел – Рождественская Хава, Казанская Хава, Успенская Хава – получили названия по реке Хаве с добавлением определения по церковному празднику или храму [3, с. 36–37]. Происхождение гидронима «Хава» связано с народными преданиями о доброй барыне [4, с. 21] или дочери хана, утонувшей в реке [4, с. 27–30].

2. Антропонимические ойконимы. Данная группа является самой многочисленной, что отражает длительный период помещичьего землевладения. Названия образовывались от фамилий, имен или прозвищ владельцев и первопоселенцев. Например, Бабяково – от фамилии воеводы Кобякова (с искажением) [2, с. 28]; Александровка – село, возникшее в 1840 г. как имение сенатора Александра Казакова и названное его именем [3, с. 35]. Характерны двойные названия, фиксирующие смену владельцев: Плясово-Китаево, Плясово-Снежково [2, с. 245].

2.1. Особую подгруппу составляют «красивые» названия, данные помещиками по моде XVIII–XIX вв. на идиллические имена. К ним относятся Отрадное, Трудовое, Благодатный. Они получили свои названия по бытовавшей у владельцев моде присваивать населенным местам красивые и вычурные имена [2, с. 227–228].

3. Ойконимы, отражающие природные особенности. Эта группа фиксирует ландшафтные и биологические приметы местности. Так, Орлово, по преданию, получило название по множеству орлиных гнезд [2, с. 223–224]. Название Рыкань местное предание связывает с «рыканием» диких зверей в окрестных лесах [2, с. 276].

4. Ойконимы, связанные с хозяйственной деятельностью. В этой группе отражены занятия жителей. Например, село Парусное обязано своим названием парусной (полотняной) фабрике, работавшей на воронежскую верфь [3, с. 27].

5. Ойконимы советского периода. В XX в. принцип номинации меняется: на смену личным именам приходят идеологические символы и административные обозначения. Поселок Воля был переименован в 1919 г. в честь «завоеваний Октября» [2, с. 66]. Появляются названия Тимирязево, Стахановский, а также безличные обозначения типа 1-го отделения совхоза «Масловский».

Проведенная классификация позволяет выявить историческую стратификацию ойконимии района. Древнейший слой (XVI–XVII вв.) представлен названиями, связанными с природой и обороной (Орлово, Хреновое). Эпоха расцвета помещичьего землевладения (XVIII–XIX вв.) породила «антропонимический взрыв», давший большинство современных названий. Советский слой (XX в.) добавил идеологические наименования и административные штампы.

Таким образом, ойконимия Новоусманского района представляет собой целостную систему, чутко реагирующую на исторические изменения. Ключевым выводом является установление абсолютного преобладания антропонимических названий, что напрямую связано с историей региона как территории помещичьего землевладения. Исследование подтверждает, что географические названия являются не просто ориентирами на карте, а ценным историческим источником, сохраняющим память о природных условиях, хозяйственном укладе, социальных отношениях и идеологических установках разных эпох.

Список источников и литературы

1. Согомонян С.С. Географические названия – язык истории Воронежской области // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков – молодым». URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1724-geograficheskie-nazvaniya-yazyk-istorii-voronezhskoj-oblasti> (дата обращения: 14.03.2026).
2. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1973. 368 с.
3. Аббасов А., Долженко С. Новая Усмань (История и современность). Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1992. 41 с.
4. Орлова Е.А., Пухова Т.Ф. Топонимические предания Воронежской области. Вып. 1. Воронеж, 2001. 74 с.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФОРТИФИКАЦИИ В СИБИРСКИХ ОСТРОГАХ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

EUROPEAN ELEMENTS OF FORTIFICATION IN SIBERIAN FORTS OF THE LATE 17TH – EARLY 18TH CENTURIES

Р.А. Горбацевич

R.A. Gorbatsevich

Научный руководитель П.В. Мандрыка
Scientific advisor P.V. Mandryka

Сибирские остроги, бастионная система, фортификация Вобана, деревянное зодчество, адаптация укреплений.

Статья посвящена анализу проникновения и адаптации западноевропейских фортификационных идей, прежде всего системы Вобана, в строительство сибирских острогов конца XVII – начала XVIII вв. Автор приходит к выводу, что этот процесс представлял собой не механическое копирование, а творческий синтез европейских бастионных форм с традиционным русским деревянным зодчеством, позволивший надежно укрепить восточные рубежи государства.

Siberian forts, bastion system, Vauban fortification, wooden architecture, adaptation of fortifications.
This article analyzes the penetration and adaptation of Western European fortification ideas, primarily the Vauban system, into the construction of Siberian forts in the late 17th and early 18th centuries. The author concludes that this process was not a mechanical copying, but a creative synthesis of European bastion forms with traditional Russian wooden architecture, which made it possible to reliably fortify the state's eastern borders.

В конце XVII – начале XVIII вв. Сибирь стала ареной уникального синтеза военно-инженерных традиций. Традиционное русское деревянное зодчество столкнулось здесь с передовыми идеями западноевропейской фортификации. Статья посвящена анализу проникновения европейских фортификационных элементов, прежде всего системы Себастьяна Вобана, в практику строительства сибирских оборонительных сооружений, а также выявлению причин этого процесса. В ходе исследования мы опирались на труды С.Р. Муратовой [1], а также коллективный труд ученых Российской Академии архитектуры и строительных наук [2] и статью С.Г. Скобелева и А.В. Шаповалова об оборонительных сооружениях Саянского острога [3].

Проникновение вобановских идей в Сибирь шло двумя путями: через строительство новых крепостей по типовым «регулярным» проектам и через адаптацию бастионных форм к традиционному деревянному зодчеству при реконструкции старых острогов.

Наиболее ярким примером целенаправленного внедрения европейских стандартов является Семипалатинская крепость (основана в 1718 г.) [1, с. 170]. Она была построена по регулярному плану с бастионами на углах. Семипалатинская

крепость, наряду с Омской и Ямышевской, имела в своей основе четырехугольник с бастионами и полубастионами. Характерно, что из-за особенностей грунта на Иртышской линии земляные укрепления приходилось дополнительно усиливать фашинами [1, с. 171] – прием, также рекомендованный Себастьяном Вобаном.

Гораздо более интересным и самобытным явлением стала адаптация бастионной идеи в деревянном зодчестве старых сибирских острогов.

Одним из примеров такого процесса является Красноярский острог. Эволюция в сторону европейской фортификации проявилась при строительстве и последующих реконструкциях Большого Красноярского острога, защищавшего разросшийся посад. Уже на карте Ремезова [2, с. 158] 1699 г. у Большого острога фиксируются бастионы. По плану 1748 г. [4] их было три: на северо-западном и юго-западном углах, а также в центре северной стены. Это были не полноценные земляные бастионы, а деревянные артиллерийские выходы – пятиугольные срубы, пристроенные к стенам или башням. Подобный вывод был пристроен к Качинской башне Малого острога.

Еще одним примером внедрения европейских элементов фортификации является Саянский острог. Археологические раскопки на месте его возведения демонстрируют [4], что в северной стене был угловой выступ под углом 150 градусов – деревянный бастионный выход, служивший для установки пушки. Это прямая аналогия с бастионами Большого Красноярского острога, ведь строителями Саянского острога были красноярские казаки во главе с дворянином Ильей Нашивошниковым. Следовательно, конструктивное решение бастионного выхода было напрямую заимствовано из Красноярска, что подтверждает тезис о передаче фортификационных идей от одного острога к другому.

Таким образом, в Сибири мы видим не слепое копирование европейских земляных крепостей, а творческую адаптацию их ключевого элемента – бастиона – к привычному материалу и местным условиям.

Переход от простых острогов-часток к более сложным бастионным укреплениям в Сибири был обусловлен комплексом причин: появлением у кочевников огнестрельного оружия и артиллерии, что делало традиционные деревянные стены уязвимыми. Бастионная система позволяла малыми силами гарнизона эффективно оборонять периметр, простреливая подступы перекрестным огнем. Именно угроза со стороны хорошо организованных отрядов киргизских князей в Приенисейском крае стимулировала модернизацию укреплений Красноярска и Саянского острогов. Также строительство крепостей по европейским образцам стало частью целенаправленной политики Петра I по укреплению границ. В XVIII в. широкое распространение получила типизация в военной архитектуре: Инженерная контора разрабатывала единые проекты крепостей, редутов и форпостов для пограничных линий [1, с. 170]. Создание Иртышской, а затем и Сибирских линий требовало унифицированных и надежных решений, каковыми и были бастионные системы.

Анализ материалов из Приенисейского края показывает, что процесс этот не был механическим копированием. Русские строители творчески адаптировали ключевой элемент системы Вобана бастион к привычному деревянному зодчеству, создавая уникальные конструкции вроде деревянных артиллерийских выводов. В то же время на новых пограничных линиях государство внедряло уже полноценные земляные крепости по типовым европейским проектам, закладывая основы регулярной фортификации.

Список источников и литературы

1. Муратова С.Р. Влияние западноевропейских традиций военного зодчества на развитие инженерных идей и форм фортификации на Урале и в Западной Сибири в XVIII в // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 429. С. 168–174.
2. Градостроительство Сибири / [В.Т. Горбачев, д-р архит., Н.Н. Крадин, д. ист. н., Н.П. Крадин, д-р архит., В.И. Крушлинский, д-р архит., Т.М. Степанская, д-р искусств., В.И. Царев, д-р архит.; под общ. ред. В.И. Царева]; Рос. Акад. архит. и строит. наук, НИИ теории и истории архит. и градостроит. НИИТИАГ РААСН, СПб: Коло, 2011. 784 с.: ил.
3. Скобелев С.Г., Шаповалов А.В. Оборонительные сооружения Саянского острога // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 138–148.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 349. Оп. 17. Д. 3966. План с прожектором города Красноярска. Сочинен в 1748 г.

Секция 6.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКАМИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
В УСЛОВИЯХ МНОГОКУЛЬТУРНОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ

FAMILY HEIRLOOMS AS A LINK BETWEEN GENERATIONS

Н.Д. Ермилов

N.D. Yermilov

Научный руководитель Т.Ю. Калиниченко
Scientific Supervisor T.Yu. Kalinichenko

Семейные реликвии, историческая ценность, сохранение истории, межпоколенческая передача.

В статье рассматривается значение семейных реликвий как связующего звена между поколениями и элемента сохранения исторической памяти. Автор проводит опрос среди учащихся и педагогов, чтобы выяснить уровень понимания понятия «реликвия» и распространенность семейных реликвий. Основное внимание уделено важности таких предметов, как символы связи с прошлым и напоминания о родных. В качестве примера приводится история о письме с фронта, хранящемся в семье автора. Статья подчеркивает, что семейные реликвии имеют не только материальную, но и духовную, историческую и культурную ценность.

Family heirlooms, historical value, preservation of history, intergenerational transmission.

The article examines the significance of family heirlooms as a link between generations and an element of preserving historical memory. The author conducts a survey among students and teachers to determine the level of understanding of the concept of “heirloom” and the prevalence of family heirlooms. The focus is on the importance of such items as symbols of connection to the past and reminders of family members. As an example, the article shares the story of a letter from the front that has been preserved in the author’s family. The article emphasizes that family heirlooms have not only material but also spiritual, historical, and cultural value.

В современном мире, насыщенном технологическими инновациями и повседневными заботами, мы часто забываем о важности сохранения связи с прошлым. Старинные вещи, передаваемые из поколения в поколение, становятся не только свидетелями ушедших эпох, но и символами памяти о родных и предках. В статье мы рассмотрим значение семейных реликвий и их роль в сохранении исторической и эмоциональной связи между поколениями.

В ходе исследования было проведено анкетирование среди учащихся школы и педагогов с целью выявления уровня осведомленности о понятии «реликвия» и наличия семейных реликвий. В опросе приняли участие 41 человек: 27 учащихся и 14 педагогов. Результаты опроса показали, что среди учащихся 22 % не знакомы с понятием «реликвия». Все опрошенные педагоги знают значение этого понятия. Это свидетельствует о том, что уровень осведомленности о реликвиях среди молодежи может быть недостаточным.

Далее были получены данные о наличии семейных реликвий. Из 27 учащихся школы 10 ответили, что у них есть семейная реликвия, а 17 – что нет.

Из 14 опрошенных педагогов 12 ответили, что у них есть семейная реликвия, и только 2 – нет. Эти данные показывают, что не все, кто знает значение реликвии, бережно хранят и передают ее следующим потомкам. Это подчеркивает необходимость более глубокого изучения вопроса о сохранении и передаче семейных реликвий.

Семейные реликвии представляют собой документы и предметы, принадлежащие семье или роду и передающиеся по наследству [1]. Они имеют не только материальную ценность, но и духовную, историческую и культурную значимость. Эти вещи интересны как артефакты прошлого, отражающие культуру и быт, а также как память о наших предках.

В качестве примера семейной реликвии можно привести фронтовое письмо, о котором рассказала моя бабушка Г.Н. Тимофеева. Это письмо, написанное прадедом из Польши в 1944 г., стало ценной семейной реликвией, передающейся из поколения в поколение. Письмо написано простым карандашом на обычном листе бумаги. Прадед торопился, писал размашистым почерком, рассказывая о своих фронтовых успехах и наградах [4]. Он пишет, «... что уже воюет по-старому и после ранения получил награду – орден Отечественной войны 1-й степени. [4]. Это уже его третья награда, а также он получил значок «Отличный артиллерист». Также прадед интересуется здоровьем своего отца и радуется его выздоровлению. Особенно трогательно, что на обратной стороне листа прадед оформил доверенность на получение заработной платы. В конце письма он всем кланяется и передает привет [4].

Это письмо позволяет ощутить связь времен и понять, как важно сохранять и передавать семейные реликвии, чтобы не забывать историю и чтить память предков.

В годы Великой Отечественной войны Красноярский край потерял значительное количество своих жителей. Почти полмиллиона красноярцев, а точнее 455 тысяч человек, ушли на фронт [9]. Это каждый пятый житель Красноярского края. Не вернулись домой 165 тысяч человек. Среди тех, кто ушел на фронт, были и мои прадедушки. В семейном архиве сохранились документы прадедов – ветеранов Великой Отечественной войны. Один из героев – Михаил Павлович Тимофеев. М.П. Тимофеев родился в поселке Балай Уярского района Красноярского края. У него было четыре брата: Иван (1934 г. р.), Василий (1925 г. р.), Анатолий (1938 г. р.) и Николай (1941 г. р.). В 1942 г. Михаил был призван на фронт. Он служил в 436 отделении истребительного противотанкового дивизиона 399 стрелковой дивизии 48 армии. Из семейного архива удалось узнать, что Михаил Павлович проявил себя как храбрый солдат. [3]. Это подтверждается вырезкой из газеты, которая также хранится в семейном архиве. В ней командир описывает подвиг Михаила.

Согласно вырезке из газеты, 4 сентября 1944 г. Михаил Павлович участвовал в бою, в ходе которого уничтожил два танка, четыре орудия, 18 гитлеровцев, а также четыре пулемета и до 26 гитлеровцев в другом бою. Кроме того, он огнем из своего орудия уничтожил 13 повозок с боеприпасами противника во время боя по расширению плацдарма на высоком берегу [3].

На сайте «Память народа» можно узнать, что Михаил Павлович был награжден орденом Отечественной войны I степени, Орденом Красной Звезды, орденами «За отвагу» и медалью «За боевые заслуги» [6]. Однако в конце войны пришла похоронка, где сообщалось, что старший сержант Тимофеев Михаил Павлович погиб смертью храбрых в бою на территории Польши в деревне Мангушев Малы Варшавского воеводства 19 октября 1944 г.

Исследование фронтовых писем как семейных реликвий позволяет глубже понять и прочувствовать события Великой Отечественной войны. Эти документы становятся не только источником исторической информации, но и связующим звеном между поколениями. Они помогают сохранить память о героях, о тех, кто отдал свою жизнь за Родину, и о тех, кто вернулся, чтобы строить мирную жизнь. Важно помнить, что каждая семейная история уникальна и заслуживает внимания. Даже если в вашей семье нет прямых свидетельств о событиях военных лет, это не повод для утраты связи с прошлым. Краеведческие музеи, архивы, документы и рассказы старших поколений могут стать основой для создания собственной семейной истории. Бережное отношение к семейным реликвиям, к памяти о прошлом – это наш способ выразить благодарность тем, кто сражался за нашу свободу, и передать эту благодарность следующим поколениям. Это способствует формированию патриотических чувств, любви к Родине и уважения к ее истории. Сохранение и изучение семейных реликвий, таких как фронтовые письма, – это не только дань уважения прошлому, но и важный шаг к формированию будущего, основанного на знании и уважении истории.

Список источников и литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 697.
2. Никто не забыт... Красноярский край. Т. 8: 1941–1945 / ред.: С.В. Козаченко, П.П. Замятин. Красноярск: Красноярское краевое общественное учреждение «Реликвия», 2005. 371 с.
3. «Памятный день». Архив семьи.
4. Фронтовое письмо. Архив семьи.
5. Наградные материалы. Архив семьи.
6. Сайт ИСК «Память народа». URL: <https://foto.pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 15.01.2026).
7. Галерея памяти участников ВОВ. URL: <https://1418museum.ru/heroes/47329578/> (дата обращения: 15.01.2026).
8. История РФ. Главный исторический портал. URL: <https://history.ru/read/articles/pisma-nadezhdy-kak-rabotala-pochta-v-gody-voyny> (дата обращения: 15.01.2026).
9. Воспоминания родственников: Тимофеева Г.Н. 20.12.1945 г. рождения (бабушка со стороны мамы).

БЫТ ВОЕННОГО ГОРОДКА КРАСНОЯРСКА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

LIFE IN THE KRASNOYARSK MILITARY CAMP ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL SOURCES

С.А. Альянов

S.A. Alyanov

Научный руководитель О.А. Горельченкова
Scientific adviser O.A. Gorelchenkova

Военный городок, Красноярск, археология, повседневный быт, археологические источники, история Красноярска.

В статье рассматриваются результаты археологических исследований, проведенных на территории Военного городка Красноярска в 2022 г. Анализ найденных артефактов позволил реконструировать отдельные элементы повседневного быта жителей Военного городка начала XX в. Автор приходит к выводу о том, что уровень бытовой культуры, питания и гигиены населения был значительно выше предполагаемого ранее.

Military Camp, Krasnoyarsk, archaeology, everyday life, archaeological sources, history of Krasnoyarsk.

The article examines the results of archaeological research conducted on the territory of the Krasnoyarsk Military Camp in 2022. The analysis of the discovered artifacts made it possible to reconstruct certain aspects of the everyday life of the Military Camp residents in the early twentieth century. The author concludes that the level of household culture, nutrition and hygiene of the population was significantly higher than previously assumed.

Военный городок Красноярска является значимым историческим объектом, строительство которого началось в 1908 г. На протяжении XX в. данная территория оставалась важным пространством городской истории. Несмотря на наличие исследований, посвященных истории Военного городка, повседневная жизнь его жителей практически не становилась предметом специального изучения [1, с. 5; 2, с. 131]. Между тем именно исследование бытовой культуры позволяет глубже понять особенности жизни населения начала XX в.

Актуальность исследования определяется тем, что археологические раскопки на территории Военного городка были проведены впервые. Полученные материалы позволяют дополнить письменные источники новыми сведениями о повседневной жизни населения. Кроме того, современная городская застройка создает угрозу утраты археологических объектов без их предварительного изучения [3].

Степень изученности темы остается недостаточной. Основное внимание исследователей ранее уделялось вопросам строительства Военного городка, размещению здесь лагеря военнопленных, восстанию в городке 1919 г. [2, с. 21]. В то же время вопросы повседневной жизни и материальной культуры практически не исследованы.

Источниковую базу исследования составили материалы государственной историко-культурной экспертизы, проведенной в ноябре 2022 г. на территории предполагаемого строительства нового здания Мариинской женской гимназии [3]. В ходе работ археологическим отрядом под руководством В.В. Сидоренко было заложено десять шурфов, в одном из которых обнаружили яму, содержащую около тысячи фрагментов археологических артефактов начала XX в.

Наиболее многочисленную группу находок составили фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды фабрик М.С. Кузнецова – поставщика императорского двора. Представлены изделия широкой географии фабрик Кузнецовых из Москвы, Твери, Риги, Волхова, завода в Будах, а также редкий образец антикварного столового блюда завода Ушера Сигала в Славуте. Обнаружение дорогой посуды свидетельствует о достаточно высоком уровне бытовой культуры жителей Военного городка [3]. Среди находок присутствовали элементы чайных пар и сервизов, оформленных в стиле модерн, характерном для начала XX в.

Помимо фарфора и фаянса, были найдены изделия местного керамического производства, однако их количество оказалось значительно меньше. Это позволяет предположить широкое распространение фабричной продукции даже на окраинных территориях Красноярска.

Особый интерес представляют стеклянные бутылки и флаконы Красноярского стекольного завода с надписями «Красноярск» и «Енисейское общество врачей». Среди находок присутствовали флаконы для духов, микстур и уксусной эссенции [3]. Обнаружение медицинских колб, пробирок и стеклянных трубок свидетельствует о наличии элементов медицинского обслуживания и лабораторной практики.

Важную информацию о повседневной жизни дают фаунистические остатки. В яме были найдены кости животных и птиц, а также скорлупа орехов и косточки фруктов. Эти материалы позволяют сделать вывод о достаточно разнообразном рационе питания жителей Военного городка. Особенно показательным является наличие миндаля, арахиса и грецкого ореха, что свидетельствует о доступности привозных продуктов [3].

Интерес представляют и предметы личной гигиены. Археологами были обнаружены многочисленные фрагменты костяных зубных щеток. Данный факт свидетельствует о распространении гигиенических практик среди населения. Также был найден фрагмент мундштука, указывающий на распространенность курения.

По характеру расположения находок археологи пришли к выводу, что исследуемый объект представлял собой бытовую свалку либо выгребную яму. Несмотря на это, подобные объекты являются важнейшим источником информации о повседневной жизни населения, поскольку именно в них сохраняются предметы ежедневного использования.

Хронологические рамки находок определяются периодом с 1908 до начала 1920-х гг. Датировка подтверждается наличием стеклянной чернильницы с датой «1913», а также фарфоровых изделий с императорской символикой, выпуск которых прекратился после национализации фабрик в 1918 г. [3].

Таким образом, результаты археологических исследований позволяют сделать вывод о том, что повседневный быт жителей Военного городка был более разнообразным и благоустроенным, чем предполагалось ранее. Материалы раскопок свидетельствуют о развитой культуре потребления, наличии медицинского обслуживания и распространении гигиенических практик. Исследование подтверждает важность археологических источников для изучения истории повседневности и необходимость сохранения объектов культурного наследия в условиях современной городской застройки.

Список источников и литературы

1. Иванова А.Ф. История формирования военного городка в Красноярске // Вестник исторических, социальных и гуманитарных наук. 2020. № 3. С. 45–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-formirovaniya-voennogo-gorodka-v-krasnoyarske/viewer> (дата обращения: 03.02.2026).
2. Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2006.
2. Заключение государственных историко-культурных экспертиз. URL: <https://ookn.ru/experts> (дата обращения: 03.02.2026).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ

HISTORICAL MEMORY OF THE WAR: FEATURES AND CHALLENGES OF PRESERVATION

М.Е. Лущикова, Д.Е. Лущикова

M.E. Lushchikova, D.E. Lushchikova

Научный руководитель А.А. Данилин

Scientific adviser A.A. Danilin

Историческая память, сохранение памяти, Великая Отечественная война, подвиг.

Статья посвящена проблеме сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне как основе национальной идентичности и патриотического воспитания. Автор анализирует ключевые угрозы: уход ветеранов, фальсификацию истории, политизацию событий и снижение интереса у молодежи. На примере своей семьи (историй прадедов Е.Н. Лущикова и Ф.М. Богачева) демонстрируется значимость семейных архивов и личного подвига. Обосновывается необходимость комплексного подхода к патриотическому воспитанию с использованием современных форматов (молодежные движения, акция «Бессмертный полк»).

Historical memory, preservation of memory, Great Patriotic War, feat.

The article is devoted to the problem of preserving the historical memory of the Great Patriotic War as the basis of national identity and patriotic education. The author analyzes the key threats: the departure of veterans, falsification of history, politicization of events, and a decrease in interest among young people. Using the example of his family (the stories of his great-grandfathers E.N. Lushchikov and F.M. Bogachev), the author demonstrates the importance of family archives and personal heroism. The article substantiates the need for a comprehensive approach to patriotic education using modern formats (youth movements and the “Immortal Regiment” campaign).

Историческая память о Великой Отечественной войне – основа национальной идентичности, объединяющая поколения и формирующая патриотизм. Основные особенности включают важность семейных архивов, роль музеев и памятников, а также необходимость борьбы с фальсификацией истории. Главные проблемы связаны с уходом поколения очевидцев, особенностями восприятия информации молодежью и попытками пересмотра итогов войны.

Память о войне формирует патриотизм и национальное самосознание, выступая морально-политическим фундаментом общества. Происходит переход от «живой памяти» (воспоминаний ветеранов) к «институциональной» (музеи, учебники, памятники). Память развивается неравномерно, с периодической актуализацией определенных событий. Традиционные механизмы передачи памяти слабеют, особенно среди молодежи 15–17 лет, воспринимающей войну как далекое событие. Идет активное искажение исторических фактов, направленное на подрыв национального самосознания. Внешнеполитический контекст влияет на трактовку событий, превращая историю в инструмент геополитической борьбы.

Традиционные методы перестают работать, требуются современные подходы: использование веб-ресурсов, интерактивных музеев и семейных архивов. Сохранение памяти требует комплексного подхода, объединяющего школы, архивы и семью для передачи ценностей, а не только фактов [1, с. 18].

В нашей семье главными источниками передачи информации о Великой Отечественной войне остаются семья и средняя школа. Мы сохранили память о наших прадедах: Лущикове Евгении Николаевиче и Богачеве Федоре Михайловиче. И будем передавать эту память нашим потомкам.

Лущиков Евгений Николаевич родился 7 марта 1925 г. в Кировской области Сунском районе в деревне Лебяжье. До войны Лущиков Е.Н. жил и работал в Колхозе Вятской (Кировской) области. Он сеял пшеницу и овес, пахал поля, выращивал скот. В января 1943 г. был призван на фронт рядовым. Ему была присвоена специальность минометчик – стрелок. Воевал в составе 4-й гвардии воздушно-десантной дивизии на 1-м Украинском фронте. Во время войны получил тяжелое ранение в ногу, и 14 сентября 1943 г. был эвакуирован в военный госпиталь г. Красноярск. Уволен в запас 18 февраля 1944 г. по болезни. Был награжден 9 мая 1945 г. медалью «За победу над Германией». В 1985 г. награжден орденом Отечественной войны II степени. Когда выписали из Красноярского госпиталя, прадед пошел работать в городе Красноярске на завод «Красмаш» – слесарем за станком. Женился на Лущиковой Ольге Карповне, 10 июня 1923 г.р. До войны О.К. Лущикова жила в г. Балахта, закончила семилетку, работала воспитателем в детском доме. В годы войны с 1943 по 1947 г. работала на заводе «Красмаш» токарем. Они поженились, и родился наш дед Лущиков Юрий Евгеньевич. Умер наш прадед 26 ноября 1996 г. [4].

Богачев Федор Михайлович родился 9 марта 1907 г. в Красноярском крае Ужурском районе в селе Локшино. До войны Ф.М. Богачев жил и работал в селе Локшино, занимался пчеловодством, рыбалкой и охотой. Мой прадед – Ф.М. Богачев прошел две войны. Первый раз призвали в сентябре 1939 г., воевал в Халхинголе рядовым. 14 декабря 1942 г. Ф.М. Богачев был призван по мобилизации из военного комиссариата Ужурского района и направлен на пересыльный пункт № 26 ст. Базаиха в составе ОСМЧ (Отдельная строительно-монтажная часть) для участия во Второй мировой войне, где получил ранение в ногу. Его задачей было накормить солдат. Еду бойцам доставлял на тачанке, запряженной лошадьми. В 1985 г. награжден орденом Отечественной войны I степени. После войны вернулся домой и продолжил заниматься пчеловодством, рыбалкой и охотой. У него было 9 детей. Умер мой прадед 05 января 1985 г. [4].

Мы гордимся своими прадедами, так как они внесли свой вклад в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Хранить в памяти события Великой Отечественной войны важно по многим причинам, которые объединяют и укрепляют наше общество, а также формируют наши ценности и идентичность. Прежде всего, это акт уважения к тем, кто сражался и погиб в защиту родной земли, проявляя небывалые мужество и преданность. Память о войне помогает нам осознать цену мира, который мы имеем сегодня, и оценить жертвы, принесенные ради него.

Кроме того, память о Великой Отечественной войне служит важным напоминанием о трагических последствиях конфликта и насилия. Это способствует развитию культуры мира и толерантности, учит нас стремиться к мирным способам разрешения конфликтов и понимать ценность человеческой жизни. Мы должны помнить о тех ужасах, чтобы не допустить их повторения и сформировать мирное и гуманное общество.

Историческая память о войне воплощена в памятниках, мемориалах, литературе и кино. Эти элементы культурного наследия играют важную роль в нашем общественном сознании, сохраняя и передавая из поколения в поколение уроки и ценности, выработанные благодаря горькому опыту. Они помогают нам ощущать связь с прошлым, уважать его и черпать из него мудрость для строительства лучшего будущего. Нельзя допускать циничное искажение нравственных и правовых итогов нашей Победы, разрушение монументов и воинских мемориалов, переписывание истории и оправдание идеологии нацизма.

Особое внимание нужно уделять патриотическому воспитанию молодежи. Одно из направлений – популяризация отечественной культуры: документальные фильмы, театральное искусство, военная проза, музыка и многое другое. Например, проведение молодежной военно-спортивной игры «Зарница», которая была интересна еще со времен СССР. Существуют различные патриотические молодежные движения и клубы, направленные на воспитание гражданственности, любви к Родине и сохранении исторической памяти.

Одно из таких движений «Движение Первых», объединяющее школьников, и военно-патриотическое движение «Юнармия», занимающееся спортивной и технической подготовкой. Также положительный отклик получают со стороны жителей нашей страны акции «Бессмертный полк». Каждый, выходя на улицы городов с портретами своих родных, видит живую память о людях, завоевавших свободу нашей страны, и испытывает чувство единения со всеми гражданами.

Таким образом, хранение в памяти событий Великой Отечественной войны способствует укреплению общества, воспитанию гражданственности, развитию культурной и исторической идентичности, а также предотвращению повторения трагических страниц истории. Именно через эту память мы учимся ценить мир и строить общество, основанное на минимизации конфликтов и уважении к человеческой жизни.

Список источников и литературы

1. Бритвина И.Б. Проблема сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 18.
2. Интернет-ресурс: minobrnauki.gov.ru
3. Военкомат Ужурского района.
4. Информационная система «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
5. Семейный архив.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. URL: https://web.archive.org/web/20170211215150/http://archive.mil.ru/archival_service/central.htm
7. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (военно-медицинских документов).

ОБРАЗ СВЯТОЙ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ МУРОМСКОЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСКУССТВЕ

THE CHARACTER OF SAINT PRINCESS FEVRONIA OF MUROM IN ANCIENT RUSSIAN ART

А.В. Кайданович, В.Ф. Серебренникова

A.V. Kaidanovich, V.F. Serebrennikova

Научный руководитель О.Э. Мацкевич

Scientific adviser O.E. Matskevich

Образ святой жены, княгиня Феврония Муромская, древнерусское искусство, икона, житие. В статье на материалах памятников древнерусской культуры «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма (XVI в.) и иконы 1618 г. «Святые благоверные князь Петр и княгиня Феврония Муромские, с житием» рассматриваются качества личности святой Февронии, являющейся примером для православной супруги. Икона и житие выявляют одинаковые добродетели святой: верность, любовь друг ко другу и к Богу, единство в жизни и после смерти, милосердие, прозорливость, бережливость, чудотворение, любовь к животным.

The image of the Saint Wife, the Princess Fevronia of Murom, Ancient Russian Art, icon, hagiography. The article, based on the monuments of Ancient Russian culture 'The Tale of Peter and Fevronia of Murom' by Yermolay-Erasmus (16th century) and the 1618 icon «Saint Blessed Prince Peter and Princess Fevronia of Murom, with their hagiography», are being considered the qualities of Saint Fevronia's personality, who serves as role model for an Orthodox wife. The icon and the hagiography reveal the same virtues of the saint: fidelity, love for each other and for God, unity in life and after death, mercy, foresight, frugality, miracles, and love for animals.

Актуальность обращения к образу святой Февронии Муромской обусловлена кризисом семьи. К традиционным российским духовно-нравственным ценностям, согласно Указу Президента от 2022 г. [1], относятся крепкая семья, историческая память и преемственность поколений. Семья – это священный союз, он строится на любви. Однако, по статистике 2024 г. [2], из десяти заключенных браков распадается восемь. В такой ситуации разрушения института семьи необходимы примеры верности, целомудрия, уважения, готовности разделить друг с другом все сложности жизни. С 2008 г. празднуется всероссийский День семьи, любви и верности (8 июля) в день памяти святых князя Петра и его жены Февронии Муромских (XIII в.), так как они являются святыми покровителями брака.

Религиозно-нравственный идеал Руси реализовался в памятниках древнерусского искусства, прежде всего в житиях и иконах. Художественный язык произведения в силу адекватности его средств идейному содержанию дает практическую возможность путем анализа произведения «реконструировать» образ идеального человека в представлении культуры Древней Руси.

Вопрос исследования заключается в том, какие качества личности святой Февронии составляют идеал, являющийся примером для православной жены. Большинство трудов по избранной теме рассматривают отдельно как жития, так и иконы лишь с искусствоведческой и литературоведческой стороны соответственно. Представляется необходимым целостный культурологический подход к произведениям Древней Руси.

Объектом данного исследования стали «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма (XVI в.) и икона «Святые благоверные князь Петр и княгиня Феврония Муромские, с житием», 1618 г. (Муромский историко-художественный музей, Муром). Предмет исследования: образ святой жены в древнерусском искусстве.

Исследователями «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма были как советские литературоведы (Д.С. Лихачев, Р.П. Дмитриева, А.А. Зимин), так и современные (Ж.В. Ганиев, А.Н. Ужанков). Творчество Ермолая-Еразма в целом исследовала М.В. Антонова, история муромских святых и методические материалы по работе с повестью Ермолая-Еразма рассматривались в работах А.Е. Горячевой, С.Н. Левагиной. Автором работ по иконографии благоверных святых является О.А. Сухова [3]. Ей и О.В. Гладковой принадлежит статья о Петре и Февронии в Православной энциклопедии [4]. Однако интересно выявить основные черты образа святой княгини Февронии в результате анализа как иконы, так и жития, что стало целью нашего исследования.

В результате анализа текста «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма [5] мы выявили указание на следующие качества Февронии: трудолюбие, мудрость, любовь к животным, целеустремленность, экономность и бережливость, уважение к хлебу, прозорливость, чудотворение, милосердие, радость, верность мужу и Богу, неразлучность и после смерти.

Проанализировав средник и клейма житийной иконы XVII в., мы увидели такие добродетели Февронии Муромской, как: любовь к Богу и друг к другу, верность друг другу и Богу, чистота (белый заяц), целительство Петра, отказ от богатства взамен мужа, бережливость и уважение к хлебу (чудо с крошками), единение супругов (в одной лодке, в одном гробу), прозорливость (воздетая в указующем жесте левой рукой), милосердие, чудотворение.

Таким образом, икона и житие выявляют одинаковые добродетели святой Февронии: верность и любовь друг к другу и к Богу, единство в жизни и даже после смерти, прозорливость, бережливость, чудотворение, любовь к животным, милосердие.

Однако в силу разного художественного языка произведений и разной интерпретации жития иконописцами иконы имеют особенности трактовки образа святой. «Повесть» уделяет много внимания мудрости Февронии, что отмечает и посланник Петра, и сам князь. В литературном тексте большое внимание уделяется именно интересным и поэтичным загадкам мудрой девицы, которая активно использует образное народное слово в своей речи. Петр тоже испытывает

мудрость девушки, загадывая ей загадки и дав задание из небольшого пучка льна сделать одежду за то время, пока сам Петр будет в бане [5]. В ответ на это Феврония просит сделать из деревянного обрубка ткацкий станок, мягко вразумляя князя. В данной иконе это не упоминается.

В житии также говорится об исцелении верующих от мощей благоверных Петра и Февронии, но в данной иконе нет клейма про исцеление.

При этом весь нижний ряд данной житийной иконы (шесть клейм) представляет собой погребение святых, погребение Февронии, соединение в одном гробе, отдельное погребение Петра, отдельное погребение Февронии, повторное соединение в одном гробе, положение гробницы с мощами святых в соборной церкви. Таким образом, рассматриваемая икона подчеркивает особое внимание на телесном соединении святых супругов и после смерти.

Список источников и литературы

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.04.2026).
2. В 2024 году в России распадались 8 из 10 браков. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/527483-v-2024-godu-v-rossii-raspadalis-vosem-iz-10-brakov?ysclid=m77gzx9pxu895181010> (дата обращения: 19.04.2026).
3. Сухова О.А. Благоверные святые Петр и Феврония Муромские. Житие в иконе. М.: ГРАНД-Холдинг, 2021. 48 с.
4. Гладкова О.В, Сухова О.А. Петр и Феврония // Православная энциклопедия. М., 2019. URL: <https://m.pravenc.ru/text/2580394.html?ysclid=m77jvkot7o924347920> (дата обращения: 19.04.2026).
5. Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских. URL: <https://azbyka.ru/fiction/povest-o-petre-i-fevronii/> (дата обращения: 19.04.2026).

ГЕНОЦИД – РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИКИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ПО ПЛАНОМЕРНОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ ЕВРЕЕВ. КРАСНОЯРЦЫ В ПРОЦЕССЕ ХОЛОКОСТА

GENOCIDE IS THE RESULT OF NAZI GERMANY'S POLICY
OF SYSTEMATICALLY EXTERMINATING JEWS.
KRASNOYARSK RESIDENTS DURING THE HOLOCAUST

З.А. Прокопенко, Ж.Д. Рахматова

Z.A. Prokopenko, Zh.D. Rakhmatova

Научный руководитель А.А. Лобанова
Scientific adviser A.A. Lobanova

Холокост, историческая память, Красноярск, «Неделя памяти», просветительская деятельность, межэтническое взаимодействие, краеведческий контекст.

Статья посвящена сохранению памяти о жертвах Холокоста в Красноярске и роли региона в контексте трагедии Второй мировой войны. В работе рассматриваются памятные мероприятия, проводимые в рамках «Недели памяти» и Международного дня памяти жертв Холокоста (27 января), деятельность местных организаций, музеев и образовательных учреждений по просвещению молодежи. Автор приходит к выводу, что Красноярск является одним из центров сохранения исторической памяти о Холокосте в Сибири, а краеведческий аспект позволяет глубже осмыслить масштабы трагедии и ее последствия даже вдали от мест совершения преступлений.

Holocaust, historical remembrance, Krasnoyarsk, "Week of Remembrance", educational outreach, interethnic interaction, local history context.

The article focuses on the preservation of historical memory of Holocaust victims in Krasnoyarsk and the region's significance in the context of World II tragedy. It analyses commemorative events held during the "Week of Remembrance" and the International Holocaust Remembrance Day (January 27), as well as the efforts of local organisations, museums and educational institutions in raising awareness among young people. The author concludes that Krasnoyarsk serves as a significant centre for preserving the historical memory of the Holocaust in Siberia, and the local historical context enables a deeper understanding of the tragedy's scale and its consequences, even far from the sites of the crimes.

Тема Холокоста широко исследуется как в России, так и за рубежом: изучаются масштабы геноцида, механизмы его осуществления, судьбы жертв и спасителей, роль отдельных регионов в спасении людей. В российской историографии особое внимание уделяется судьбе советских евреев в период оккупации, деятельности музеев и мемориалов, образовательным инициативам. Однако региональный аспект, в частности опыт Красноярска и Красноярского края, освещен недостаточно полно. Отдельные аспекты затрагиваются в краеведческих публикациях, материалах местных музеев и общественных организаций, но комплексных научных работ по теме мало. При этом активно развиваются

проекты по сбору свидетельств выживших, оцифровке архивов и созданию образовательных программ.

Цель статьи – проанализировать формы и методы сохранения исторической памяти о жертвах Холокоста в Красноярске, показать роль местных организаций, учреждений и конкретных людей в этом процессе, а также раскрыть значение краеведческого подхода для осмысления общечеловеческих уроков трагедии.

В рамках Международного дня памяти жертв Холокоста, отмечаемого 27 января в годовщину освобождения концлагеря Освенцим, в России проводится «Неделя памяти» – с 2015 г. она реализуется на федеральном уровне. В Красноярске памятные мероприятия организуют местные еврейские общины, образовательные учреждения, музеи и городские власти при поддержке Российского еврейского конгресса. Ключевую роль в просветительской работе играют Красноярский краевой краеведческий музей, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края и Сибирский федеральный университет: они проводят тематические выставки, лекции, кинопоказы, научные мероприятия и студенческие дискуссии. «Мемориал Победы» участвует в проектах по сохранению исторической памяти – например, в 2021 г. сотрудники музея передали в Музей Победы более 7 000 биографий уроженцев Красноярского края для всенародного исторического проекта «Лица Победы», среди которых могли быть сведения о красноярцах, пострадавших от нацистских преступлений. Координацию многих событий взяла на себя Красноярская еврейская религиозная община: здесь проводят памятные собрания, читают поминальные молитвы, зажигают свечи в память о погибших и организуют встречи с теми, чьи семьи пострадали от нацизма. В школах и вузах Красноярска проходят уроки памяти и открытые уроки истории: педагоги рассказывают о трагедии Холокоста и роли СССР в освобождении концлагерей, конкурсы эссе и рисунков на тему «Память о Холокосте – путь к толерантности», проводят лекции и встречи с историками, краеведами и представителями еврейской общины.

Особое внимание уделяется краеведческому аспекту: на мероприятиях затрагивают судьбы красноярцев – участников войны, освобождавших лагерь, рассказывают истории местных семей, пострадавших от Холокоста, и говорят о вкладе сибиряков в Победу. Дом дружбы народов Красноярского края «Родина» также активно участвует в сохранении памяти, организуя просветительские мероприятия в рамках «Недели памяти», проводит тематические выставки с историческими фотографиями, архивными документами и свидетельствами очевидцев; для молодежи организует познавательные встречи, кинопоказы (например, фильма «Собибор») и обсуждения с экспертами.

Важную роль играют лекции и встречи с представителями еврейских культурных организаций, например, Еврейского национального культурного общества «Гаскала (Просвещение)», под руководством педагогов и при поддержке «Гаскалы» школьники собирают воспоминания, исследуют семейные истории и создают новый архив на основе живых свидетельств очевидцев.

Географическая удаленность Красноярского края от эпицентра массовых убийств в Европе и на оккупированных территориях СССР не исключает регион из контекста Холокоста. Сибирь стала территорией спасения для тысяч евреев, эвакуированных из западных районов страны. Несмотря на суровые условия жизни в тылу, здесь формировалась модель межнационального сосуществования: местное население, испытывая собственные лишения, принимало беженцев. В Красноярске в этот период наблюдался всплеск активности еврейской интеллигенции: врачи, инженеры и деятели культуры, эвакуированные из Киева и Ленинграда, внесли вклад в развитие региональной инфраструктуры, сохраняя свою идентичность. Среди тех, кто повлиял на становление Красноярска, – хирург Юрий Семенович Винник, гинеколог Яков Львович Гинцбург, дерматолог Исай Исаакович Гительзон, педиатр Ефим Исаакович Прахин, физиолог Абрам Танхелевич Пшоник, профессор Жан Жозефович Рапопорт, музыкант Яков Исаакович Айзенберг. Больница № 20 в Красноярске носит имя И.С. Берзона, а имя народного артиста СССР М.С. Годенко присвоено Красноярскому государственному ансамблю танца Сибири и одному из теплоходов Енисейского речного пароходства.

Освальд Натанович Нордманд родился в 1932 г. в Черновцах, Северная Буковина (сейчас Украина), был младшим ребенком в семье из четырех детей. С началом войны старший брат был мобилизован, а отца с сестрами осенью 1941 г. отправили в лагерь «Транснистрия», где они погибли. Освальд с матерью чудом спаслись и попали в Черновицкое гетто, бежали, их спасла румынка, спрятав в подвале своего дома. После освобождения города советскими войсками в 1944 г. Освальд начал работать, окончил Рижское и Ленинградское авиационные училища, работал в Енисейском объединенном авиаотряде и Красноярском управлении гражданской авиации. Сейчас Освальду Натановичу 93 года, он делится своим опытом с молодым поколением, подчеркивая важность сохранения памяти о прошлом и ценности мирной жизни.

Оказался в Красноярске и Леонид Зусевич Гельруд (род. 22 апреля 1935 г. в Ленинграде в семье рабочего завода им. С.М. Кирова). В июне 1941 г. его с братом отправили к бабушке в деревню Большие Роги (Гомельская область), где они застали начало войны. Бабушка спрятала детей и окрестила их под фамилией Есипенко, чтобы спасти от преследования фашистов. В 1943 г. бабушка погибла при бомбежке, дети жили в подвале. Весной 1944 г. их вывезли в деревню Дубовка, которую 26 июня 1944 г. освободили части Красной армии. После войны он учился в музыкальной школе ВМФ им. Н.А. Римского-Корсакова и Ленинградской консерватории. Леонид столкнулся с антисемитизмом и скрывал свое происхождение. В 1980 г. стал главным дирижером Красноярского театра музыкальной комедии. Он проявил себя как композитор, создав «Гимн Великой Победе», балладу-аппассионату «Я помню...» и другие произведения. Леонид Захарович уделял особое внимание работе с молодыми музыкантами, организовывал мастер-классы и конкурсы. Он ушел из жизни 24 сентября 2021 г., оставив значительный вклад в музыкальную культуру России.

Сегодня Красноярск – один из центров сохранения памяти о жертвах нацизма в Сибири. Научные конференции, образовательные программы в школах и вузах, деятельность еврейских общинных центров направлены на то, чтобы ужас геноцида никогда не был забыт. Региональный аспект Холокоста подчеркивает: эта трагедия не имеет границ, и ее последствия ощущаются даже за тысячи километров от мест совершения преступлений.

Список источников и литературы

1. Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М.: Фонд «Холокост», 2002.
2. Альтман И.А., Гербер А.Е., Полтораки Д.И. История Холокоста на территории СССР: учебное пособие. М.: Фонд «Холокост», 2001.
3. Бауэр И. Память о Холокосте необходима, чтобы наши дети никогда не были жертвами, палачами или равнодушными наблюдателями. Иерусалим.
4. Иегуда Бауэр: избранные труды о Холокосте / пер. с англ. М.: Фонд «Холокост».
5. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей, проживавших в Кировском районе г. Красноярска, «Плененное детство» (в рамках проекта «Нам нужна эта память»).
6. Холокост: энциклопедия / под ред. У. Лакер; пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2008.
7. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха = Rise and fall of the third reich [Текст]: Третий рейх пережил своего основателя ровно на семь дней: / У. Ширер; [пер. с англ. под ред. О.А. Ржешевского]. М.: АСТ, 2015. 1213 с.
8. Документы Нюрнбергского процесса (материалы о преследовании евреев, приговоры). URL: <https://nurnberg.rusarchives.ru/documents-list>
9. Россовская Т.Л. Дети и война: воспоминания членов Красноярского регионального отделения Российского союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей: [сборник воспоминаний]. Красноярск: Кларетианум, 2005. 166 с. 4 глава.

РОЛЬ ТАНКОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

THE ROLE OF TANKS IN WORLD WAR I

В.С. Исмагилов

V.S. Ismagilov

Научный руководитель А.С. Бакулин

Scientific adviser A.S. Bakulin

Первая мировая война, танк Mark I, Renault FT, танки, позиционный тупик, Битва на Сомме, бронетехника, окопная война.

Статья посвящена анализу появления и боевого применения танков в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что, несмотря на техническое несовершенство, танки сыграли важную роль в преодолении позиционного кризиса и заложили основы тактики будущих войн.

World War I, Mark I tank, Renault FT, positional stalemate, Battle of the Somme, armored vehicles.

The article analyzes the appearance and combat use of tanks during the First World War. The author concludes that despite technical imperfections, tanks played an important role in overcoming the positional crisis and laid the foundations for the tactics of future wars.

К началу XX века развитие пулеметного вооружения и полевой фортификации привело к тому, что Первая мировая война быстро перешла в фазу позиционного тупика. Атаки пехоты на укрепленные траншеи приводили к колоссальным потерям без видимого стратегического результата. Возникла острая потребность в машине, способной преодолевать проволочные заграждения, выдерживать пулеметный огонь и прокладывать путь пехоте через усыпанное воронками поле боя. Так были сформулированы первые цели разработки танков.

Первые серийные боевые машины были созданы Великобританией и Францией. Британский тяжелый танк Mark I обладал характерной ромбовидной формой, которая позволяла ему преодолевать широкие траншеи. Гусеничный ход обеспечивал проходимость, недоступную колесной технике, однако скорость машины была крайне низкой – около 6 км/ч. Внутреннее пространство танка было не приспособлено для работы экипажа, а броня защищала лишь от пуль и осколков, оставляя экипаж уязвимым перед артиллерией.

Более совершенной конструкцией стал французский легкий танк Renault FT. Его ключевым новшеством стало наличие вращающейся башни, что позволяло вести круговой обстрел без разворота всего корпуса. Его компоновка стала классической и используется в танкостроении до сих пор. Легкость и маневренность Renault FT сделали его пригодным для массового производства и непосредственной поддержки пехоты.

Первое боевое применение танков состоялось 15 сентября 1916 г. в ходе Битвы на Сомме у деревни Флер-Курслет. Из примерно 49 подготовленных

танков Mark I до линии атаки дошла лишь часть машин (около 30–32), остальные вышли из строя из-за технических проблем или застряли в грязи. Тактический успех был ограниченным, однако психологический эффект превзошел ожидания командования.

Появление неуязвимых для винтовок стальных «цистерн» вызывало панику в рядах немецких солдат и вынуждало их оставлять позиции. Фактор внезапности и неизвестности нового оружия стал мощным средством деморализации противника в условиях окопной войны.

К 1918 г. страны Антанты значительно усовершенствовали как конструкцию машин, так и тактику их применения. Танки стали более надежными, увеличилось их количество. Вместо разрозненных атак их начали использовать массированно, в тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией. Это способствовало снижению потерь среди наступающих войск и ускорению прорыва эшелонированной обороны.

Танки стали важным инструментом возвращения войне маневренного характера. Появление нового вида техники дало толчок развитию двигателестроения, металлургии брони и систем управления огнем.

Таким образом, танки не стали абсолютным оружием, решившим исход Первой мировой войны в одиночку. Их техническая ненадежность и малочисленность на начальном этапе не позволяли добиться стратегического перелома мгновенно. Однако их появление изменило характер боевых действий, позволив преодолеть кризис позиционной войны. Опыт Первой мировой войны заложил фундамент для развития танкостроения в межвоенный период и определил облик бронетанковых войск во Второй мировой войне.

Список источников и литературы

1. Fletcher, David. British Tanks 1915–19. Ramsbury: Crowood Press, 2001.
2. Федосеев С.Л. Все танки Первой мировой войны. М.: Эксмо, 2013.
3. Tuchman Barbara W. The Guns of August. New York: Macmillan, 1962.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСИШИНА Эвелина Артемовна – обучающаяся (1 курс), факультет иностранных языков, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

АЛЪЯНОВ Спартак Александрович – обучающийся (7 класс), Красноярский кадетский корпус им. А.И. Лебеда, г. Красноярск.

АСАНАКУНОВА Яна Павловна – обучающаяся (5 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

БАКУЛИН Александр Сергеевич – учитель истории и обществознания, частная школа «Взлёт», г. Красноярск.

БАРАНОВ Виталий Александрович – обучающийся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

БЕРДНИКОВ Демид Романович – обучающийся (2 курс), Забайкальский государственный университет, г. Чита.

БИГАЧЕВА Елена Николаевна – обучающаяся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

БОНДАРЕНКО Данил Тимофеевич – обучающийся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ВОРОШИЛОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ГИЛЬКОВА Виолетта Александровна – обучающаяся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ГОРБАЦЕВИЧ Роман Андреевич – обучающийся (3 курс), Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

ГОРЕЛЬЧЕНКОВА Ольга Александровна, учитель истории, Красноярский кадетский корпус им. А.И. Лебеда, г. Красноярск.

ГРИШИН Никита Александрович – обучающийся (5 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ДАНИЛИН Андрей Анатольевич – учитель истории, МАОУ СШ № 161, г. Красноярск.

ДАНИШВАР Вера Романовна – обучающаяся (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ДЕМЕНТЬЕВ Александр Петрович – кандидат исторических наук, декан исторического факультета, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ДЕМЕНТЬЕВ Артем Сергеевич – обучающийся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ДОРЖУ Зоя Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, Тувинский государственный университет, г. Кызыл.

ЕМЦЕВА Виктория Сергеевна – обучающаяся (3 курс), Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

ЕРМИЛОВ Николай Дмитриевич – обучающийся (5 класс), МБОУ СШ № 56, г. Красноярск.

ЖУРАВКОВ Сергей Иванович – магистрант (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева; учитель, МАОУ СШ № 151, г. Красноярск.

ЖУРАВКОВА Кристина Андреевна – обучающаяся (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЗАИКА Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, заведующий музеем археологии и этнографии, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

ЗАМОСТНАЯ Арина Александровна – обучающаяся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЗАПОРОЖЧЕНКО Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск.

ЗАХАРОВА Екатерина Николаевна – старший преподаватель, Красноярский институт железнодорожного транспорта, г. Красноярск.

ЗАХАРОВА Екатерина Николаевна – старший преподаватель, Красноярский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, г. Красноярск.

ЗБЕРОВСКАЯ Елена Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ИПАТОВ Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж.

ИСМАГИЛОВ Всеволод Степанович – обучающийся (10 класс), частная школа «Взлетай», г. Красноярск.

КАЙДАНОВИЧ Анна Вячеславовна – обучающаяся (7 класс), Мариинская женская гимназия, г. Железногорск.

КАЛИНИЧЕНКО Татьяна Юрьевна – учитель истории, МБОУ СШ № 56, г. Красноярск.

КАНАЕВ Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

КАРАГУЛЯН Кристина Гендриковна – ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

КАРПЕНКО Анна Романовна – обучающаяся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

КАСОВИЧ Александр Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, г. Минск, Беларусь.

КОВЕРЧЕНКО Егор Евгеньевич – аспирант, Омский государственный технический университет, г. Омск.

КОМБУ Шенне Сайновна – обучающийся (4 курс), Тувинский государственный университет, г. Кызыл.

КОНСТАНТИНОВ Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита.

КОСЫХ Владимир Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет.

КОСЬЯНЕНКО Евгений Владимирович – магистрант исторического факультета, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка; учитель истории и обществоведения, ГУО «Гимназия № 42 г. Минска имени Ж.И. Алфёрова», г. Минск, Беларусь.

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск.

КРАСНОПЕЕВА Юлия Николаевна – магистрант исторического факультета, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЛАПТЕВ Павел Евгеньевич – обучающийся (3 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЛУЩИКОВА Дарья Евгеньевна – обучающаяся (7 класс), МБОУ СШ № 155, г. Красноярск.

ЛУЩИКОВА Марина Евгеньевна – обучающаяся (7 класс), МБОУ СШ № 155, г. Красноярск.

ЛЫЩИЦКИЙ Денис Андреевич – обучающийся (2 курс), Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

МАНДРЫКА Павел Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

МАТВЕЕВА Эльвира Борисовна – обучающаяся (5 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МЕДВЕДЬ Анна Михайловна – обучающаяся (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МЕЗИТ Людмила Эдгаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МЕТЛЮКОВА Ирина Геннадьевна – обучающаяся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МЫТЬКО Антон Дмитриевич – обучающийся (3 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МЯГКОВА Кристина Андреевна – обучающаяся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МАЦКЕВИЧ Ольга Эдуардовна – кандидат культурологии, учитель истории и педагог дополнительного образования, Мариинская женская гимназия, г. Железногорск.

НЕКРАСОВА Анастасия Сергеевна – обучающаяся (2 курс), Воронежский государственный педагогический университет.

НИКИТИН Захар Федорович – обучающийся (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ОЗЕРОВ Роман Александрович – обучающийся (3 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ОСКОЛКОВ Алексей Витальевич – аспирант, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия, г. Абакан.

ПЕРЕЛЫГИН Андрей Юрьевич – преподаватель кафедры пожарной тактики и аварийно-спасательных работ, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск.

ПЕРЕПЕЧАЙ Ольга Владимировна – учитель истории, Гимназия № 8, г. Красноярск.

ПЕРШАКОВ Кирилл Вячеславович – обучающийся (2 курс), Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск.

ПЕЧЕНКИН Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж.

ПИТОМЦЕВА Екатерина Андреевна – обучающаяся (3 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ПОПЕЛЫШКО Дарья Владимировна – магистр (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ПОТЫЛИЦИН Антон Павлович – обучающийся (3 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ПУГАЧЕВ Кирилл Дмитриевич – обучающийся (3 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

СААЯ Мария Вячеславовна – обучающаяся (3 курс), Тувинский государственный университет, г. Кызыл.

САБЕНИНА Анастасия Николаевна – обучающаяся (2 курс), Красноярский институт железнодорожного транспорта, г. Красноярск.

СЕМЕНИХИН Николай Алексеевич – магистрант, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж.

СЕРЕБРЕННИКОВА Варвара Фёдоровна – обучающаяся (7 класс), Мариинская женская гимназия, г. Железнодорожск.

СИН Яна Деннамовна – магистрант (2 курс), Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, г. Южно-Сахалинск.

СКОБЛОВА Вероника Евгеньевна – обучающаяся (3 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

СМОЛЬНИКОВА Наталья Андреевна – старший научный сотрудник, Музей-усадьба В.И. Сурикова, г. Красноярск.

СТЕБЛИНСКИЙ Александр Максимович – старший научный сотрудник, Музей-усадьба В.И. Сурикова, г. Красноярск.

СУШКО Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, Омский государственный технический университет, г. Омск.

ТОЛМАЧЕВА Анна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ТУГУЖЕКОВА Валентина Николаевна – доктор исторических наук, профессор.

ТУКТАРОВА Галина Алексеевна – обучающаяся (2 курс), Красноярский институт железнодорожного транспорта, г. Красноярск.

ТУРЖАНОВ Евгений Конакпаевич – аспирант, Омский государственный технический университет, г. Омск.

ТУГУЖЕКОВА Валентина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и права, Хакассий государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.

УМЕТБАЕВ Тимур Шамильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

ФЕДОРОВА Вера Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ФЁДОТОВА Елена Михайловна – магистрант (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева; научный сотрудник, Красноярская Геоархеология, г. Красноярск.

ФИЛИПPOBA Кaрина Ренатовна – обучающаяся (5 курс), истoрический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ФРОЛОВ Иван Викторович – обучающийся (4 курс), истoрический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ХАРХУТИН Никита Андреевич – обучающийся (10 класс), Гимназия № 8, г. Красноярск.

ЦЕНЮГА Ирина Николаевна – кандидат истoрических наук, доцент кафедры отечественной истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЧЕРНЯКОВ Михаил Алексеевич – обучающийся (2 курс), истoрический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЧЕРТОВСКИХ Анна Андреевна – магистрант (2 курс), истoрический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЧЕШУИН Дмитрий Александрович – обучающийся (1 курс), истoрический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ШЕВЧУГОВ Владимир Сергеевич – обучающийся (1 курс), истoрический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЯКУНИНА Яна Сергеевна – обучающаяся (5 курс), истoрический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЯЧМЕНЕВ Олег Юрьевич – младший научный сотрудник, магистрант, Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН; магистрант (2 курс) Забайкальский государственный университет, г. Чита

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Гришин Н.А.

ИСТОРИЯ НА СЛУХ: ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И ВЫЗОВЫ ТЕХНОЛОГИЧНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ 5

Смольникова Н.А.

АВТОБУСНАЯ ЭКСКУРСИЯ «ГЛЯЖУ В СИБИРЬ» С ЭЛЕМЕНТОМ АУДИОСПЕКТАКЛЯ
КАК ТЕХНОЛОГИЯ УРОКОВ КРАЕВЕДЕНИЯ..... 8

Якунина Я.С.

ТЕХНОЛОГИЯ «ЖИВОГО АРХИВА»: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭМПАТИИ У ПОДРОСТКОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЖЕНЩИН БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА)..... 11

Стеблинский А.М., Данилин А.А.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «КНИЖКИ-МАЛЫШКИ»
В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ МУЗЕЙНЫХ ЭКСКУРСИЙ И ВЫЕЗДНЫХ ЛЕКЦИЙ
МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ В.И. СУРИКОВА..... 14

Попельшко Д.В.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ 16

Матвеева Э.Б.

АНАЛИЗ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 19

Озеров Р.А., Пугачев К.Д., Потылицин А.П.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ «TOTAL WAR: ROME II») 22

Асанакунова Я.П.

ИНТЕРАКТИВНАЯ РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ В 5-х КЛАССАХ 25

Косьяненко Е.В.

ТАЙМ-ЛЕНТА СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ 29

Секция 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ ДО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Гилькова В.А.

ИННОВАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА 33

Метлюкова И.Г.

НЕОНАРОДНИЧЕСТВА В НАЧАЛА XX вв.:
ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРОГРАММНО-ТАКТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК 36

Перельгин А.Ю.

ДОБРОВОЛЬНАЯ ПОЖАРНАЯ ОХРАНА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.) 39

Лыщицкий Д.А.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧАСТНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ
г. КРАСНОЯРСКА В 1920-е гг. 42

Мытько А.Д.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг. 45

Чертовских А.А.

ПОЛЬСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920–1921 гг.) 47

Мягкова К.А.

ДЕТСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В РАНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 50

Шевчугов В.С.

НАСТРОЕНИЯ СИБИРСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 53

Дементьев А.С.

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА ГАЗЕТЫ «ГОЛОС НАРОДА» 57

Першаков К.В.

ПОВСЕДНЕВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА
(1922–1923 гг.) ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЖИЗНЬ СИБИРИ» 60

Карпенко А.Р.

БИОГРАФИЯ ТАСЕЕВСКОГО ПАРТИЗАНА И.П. ВОСТРИКОВА 63

Лаптев П.Е.

ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА 66

Секция 3. РОССИЯ И МИР В XX–XXI вв.

Филиппова К.Р.

ОПЫТ, НЕПОДВЛАСТНЫЙ ВРЕМЕНИ:
ЧТО СОВРЕМЕННЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
УНАСЛЕДОВАЛИ ОТ 1920–1930-х гг.? 70

Журавков С.И.

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ»
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 2019–2024 г. 73

Саая М.В.

РОЛЬ РАДИО В ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ В 1930–1940-е гг. 76

Туктарова Г.А.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ XXI ВЕКА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КАДРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА
В КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЯХ 80

Питомцева Е.А.

ДЕТСКИЕ ПОДРОСТКОВЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИРБЕЙСКОГО РАЙОНА В 2016–2021 гг.:
ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА ШКОЛЬНИКОВ 83

Шатохина А.С.	
ИДЕОЛОГИЯ ПЕРВОГО ФРАНКИЗМА	86
Семенухин Н.А.	
ОСОБЕННОСТИ АНГЛО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ХХІ ВЕКЕ.....	89
Фролов И.В.	
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ	92
Сабенина А.Н.	
ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.....	96
Потылицин А.П.	
ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА ЯБЛОКОВА: НАУЧНЫЙ ПУТЬ, КАРЬЕРА И ВКЛАД В ПСИХОЛОГИЮ И ПЕДАГОГИКУ	98
Скоблова В.Е.	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.П. ГАЙДАРА В ЧАСТЯХ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ: БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1922 г.....	103
Замостная А.А.	
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НЭПМАНА В САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1920-х гг.....	106

Секция 4. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ

Син Я.Д.	
ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНОГО СОБРАНИЯ ПЕРИОДА СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.....	110
Алексишина Э.А.	
КРАСНОЯРСК – ГОРОД ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ.....	114
Бондаренко Д.Т.	
ВСЕОБЩЕЕ ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ШКОЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	116
Осколков А.В.	
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ И ЮГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ).....	119
Туржанов Е.К.	
ЖАНРЫ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ОМСКОЙ ПРАВДЫ»).....	122
Емцева В.С.	
ВСЕНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ ФРОНТУ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 ИЮНЯ 1941 – 18 НОЯБРЯ 1942): ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ»	125

Краснопеева Ю.Н.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ СВЯЗИ И ТЕХНИЧЕСКИХ РОДОВ ВОЙСК
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ..... 129

Якунина Я.С.

«БЛОКАДНАЯ МАДОННА»: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ
ОТ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА ДО СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ МЕМОРИАЛОВ..... 132

Горбачева А.Н.

ОБОРОННО-МАССОВАЯ, СПОРТИВНАЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РАБОТА
В КРАСНОЯРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ
В 1930–1950-е гг..... 135

Секция 5. ВЕК АРХЕОЛОГИИ: ОТКРЫТИЯ – ЗАДАЧИ – ПЕРСПЕКТИВЫ

Данишвар В.Р., Медведь А.М.

СОСУД БРОНЗОВОГО ВЕКА СТОЯНКИ ХЕДУГИН РУЧЕЙ, РЕКА АНГАРА 140

Ячменев О.Ю.

МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА ЧЕРЕМУШКИ (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ):
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ..... 143

Журавкова К.А.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ
ЭКСПЕДИЦИЯМИ КГПИ/КГПУ В 1980–1990-х гг. 146

Федотова Е.М.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РЕГИОНА ВОСТОЧНОГО САЯНА:
ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ 149

Чешуин Д.А., Данишвар В.Р.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЗАНЦЕВСКОЙ ПИСАНИЦЫ ЛЕНКОВА ГОРА 152

Некрасова А.С.

ОЙКОНИМИЯ НОВОУСМАНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ:
ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ..... 155

Горбачев Р.А.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФОРТИФИКАЦИИ В СИБИРСКИХ ОСТРОГАХ
КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА..... 158

Секция 6. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОКУЛЬТУРНОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ермилов Н.Д.

СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ..... 162

Альянов С.А.

БЫТ ВОЕННОГО ГОРОДА КРАСНОЯРСКА
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ 165

Лущикова М.Е., Лущикова Д.Е.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ 168

Кайданович А., Серебренникова В.

ОБРАЗ СВЯТОЙ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ МУРОМСКОЙ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСКУССТВЕ..... 171

Прокопенко З.А.

ГЕНОЦИД – РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИКИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ
ПО ПЛАНОМЕРНОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ ЕВРЕЕВ.
КРАСНОЯРЦЫ В ПРОЦЕССЕ ХОЛОКОСТА 174

Исмагилов В.С.

РОЛЬ ТАНКОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ..... 178

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 180

Часть 2.
ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА
В ИСКУССТВЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

В рамках XXVII Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» 16–17 апреля 2026 г. на историческом факультете КГПУ им. В.П. Астафьева состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории России и зарубежных стран», чья работа проходила в рамках двух треков.

Трек «История и политика в искусстве» 17 апреля принял участников от вузов и школ из Красноярского края, Томска, Омска, Оренбурга и Саратова. Очная и дистанционная работа проходила в рамках 5 секций: «Изобразительное искусство как исторический источник», «Репрезентация истории в кинематографе. Материальные и визуальные источники как инструменты формирования культурной памяти на уроках истории и обществознания», «Репрезентация истории в рамках жанра нон-фикшн», «Репрезентация истории в рамках жанра фикшн», «Научный дебют». Было заявлено 75 докладов молодых исследователей, студентов и школьников (общее количество заявившихся на очное участие составило 88 человек). Победители и призеры секций получили дипломы и памятные призы. Заочный формат мероприятия (публикацию статьи) выбрали 3 человека.

Итогом работы трека стала подготовка сборника научных статей. Были отобраны материалы в соответствии с требованиями конференции. Их количество составило 49 работ.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

НЕФТЬ И КРОВЬ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ МОЛОДКИНА: КАК ХУДОЖНИК ГОВОРIT О ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ

OIL AND BLOOD IN THE WORK OF ANDREI MOLODKIN: HOW AN ARTIST TALKS ABOUT GLOBAL ISSUES

Д.В. Безухов

D.V. Bezukhov

Научный руководитель А.В. Таранова
Scientific adviser A.V. Taranova

Андрей Молодкин, современное искусство, нефть, кровь, шариковая ручка, глобальные проблемы, концептуализм.

Статья посвящена творчеству современного художника Андрея Молодкина, который использует нефть, кровь и шариковую ручку. Автор разбирает главные проекты художника и объясняет их смысл. Делается вывод о том, что Молодкин с помощью шокирующих образов критикует зависимость государства от нефти, несправедливость и превращение людей в ресурс.

Andrei Molodkin, contemporary art, oil, blood, ballpoint pen, global issues, conceptualism.

The article is devoted to the work of the contemporary artist Andrei Molodkin, who uses oil, blood, and a ballpoint pen. The author analyzes the artist's main projects and explains their meaning. It is concluded that Molodkin, using shocking images, criticizes the state's dependence on oil, injustice, and the transformation of people into a resource.

Иногда искусство – это не красивая картинка, а серьезный разговор о мире. В последнее время появилось несколько художников, которые начали использовать в своем творчестве нефть. Исследовательница Мария Энгстрем назвала это «нефтяным текстом» в культуре [1]. Самый известный среди таких художников – Андрей Молодкин. Вместо красок он использует нефть, кровь и обычную шариковую ручку. Его работы выглядят страшно, но за формой стоит глубокий смысл. Цель статьи – разобраться, что именно хочет сказать Молодкин с помощью этих необычных материалов.

Андрей Молодкин родился в 1966 г. После художественного училища он служил в армии, где научился подделывать пломбы на баллистических ракетах, видел смерть сослуживца [2]. Армия во многом сформировала его как художника. Также в родном городе он познакомился с тюремной эстетикой: зэки выковыривают рисунки на плексигласе. Потом этот прием станет главным: он делает прозрачные буквы или фигуры и заливает внутрь нефть или кровь [1].

Особое место в творчестве Молодкина занимают рисунки синей шариковой ручкой. Художник создает огромные полотна, на которые уходят тысячи стержней. Этому он научился еще в армии: ручки выдавали по две в месяц, а он выманивал их на сигареты и рисовал [2].

Одна из самых известных его работ – портрет Джорджа Буша-младшего с ребенком. В интервью программе «Лицом к лицу» художник рассказал, что к моменту завершения работы погибло 2475 американских солдат – и художник потратил ровно столько же шариковых ручек [3]. Каждая ручка – символ одной потерянной жизни. Шариковая ручка не терпит ошибок: каждая линия остается навсегда, как и каждое действие в реальной жизни.

В 2007 г. Молодкин сделал работу «Черный квадрат» [4]. Это прозрачный пакет, на две трети наполненный нефтью. Он объясняет: «Я занимаюсь нефтью как главным языком, политическим языком, на котором говорит Россия, на котором говорит мир. Нынешняя икона» [1]. Вывод, что современная культура – пустая форма, а внутри – экономика, построенная на нефти.

В 2009 г. в Лондоне прошла выставка «Жидкая современность» [5]. Там стояли две клетки из трубок. По одним трубкам текла нефть, она перерабатывалась в газ, потом в электричество и зажигала вторую клетку – из лампочек. Получался мертвый свет [6]. Художник показал, как устроена цивилизация: мы сжигаем то, что создавалось миллионы лет, и получаем искусственный мир экранов. Он сказал фразу: «Возможно, мы просто посылаем людей в Европу по трубе» [7]. Люди в сырьевой экономике – тоже ресурс, как нефть. И это проблема не одной страны, а всего мира.

Со временем Молодкин добавляет кровь. На Венецианской биеннале в 2009 г. он показал инсталляцию «Красное и черное» [8]. Это была прозрачная копия статуи Ники Самофракийской, разделенной на две половины. В одну закачивали кровь русских солдат, воевавших в Чечне, в другую – чеченскую нефть. Жидкости смешивались. Так художник напомнил о войне, где с обеих сторон лилась кровь, а причиной были ресурсы [2].

В 2019 г. на выставке «Молодая кровь» любой мог сдать немного своей крови, чтобы заполнить ею понравившуюся надпись [9]. Это проверка: готов ли человек «инвестировать» себя в свои слова. Художник говорит: «В армии мне предлагали отдать кровь за власть... А возможность проголосовать кровью за искусство, за фразу – это совершенно другой уровень» [2].

В 2024 г. Молодкин попал в мировые новости. Он собрал 16 картин Пикассо, Рембрандта, Уорхола (стоимостью 45 миллионов долларов) и запер их в сейфе. Внутри – механизм, который уничтожит картины кислотой, если умрет Джулиан Ассанж (основатель WikiLeaks, сидящий в тюрьме за публикацию секретных документов). Проект называется «Выключатель мертвеца». Молодкин сказал: «Неприемлемо человеку умирать за свободу слова» [10].

Андрей Молодкин – неудобный и радикальный художник. Многие его работы шокируют. Но за шоком стоит серьезная мысль: в современном мире человек часто оказывается дешевле нефти и картин. Молодкин берет «низкие» материалы – нефть, кровь, дешевую ручку – и делает из них сильное высказывание.

Художник не использует обычные краски: красная краска – это не кровь, черная – это не нефть. Ему нужна настоящая нефть, которая пахнет, и настоящая кровь, которая пугает. Он не хочет имитации. Его метод – погружение в реальность, какой бы страшной она ни была.

Как сказала Анастасия Четверикова в подкасте, «Для сильной идеи нужны сильные методы, для правды – правдивые материалы» [2]. В этом – главный урок творчества Андрея Молодкина.

Список источников и литературы

1. *Энгстрем М.* Нефть в современном российском искусстве // Неприкосновенный запас. 2019. № 4 (126). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/126_nz_4_2019/article/21771/?ysclid=mnd60mp64s529129739#_ftnref1 (дата обращения: 01.02.2026).
2. Четверикова А. (2020). Искусство для пацанчиков. Подкаст. «Кровавый» художник Андрей Молодкин // Podcast.ru. 9 июля. URL: <https://zvuk.com/episode/80763589>. Прослушано: 06.02.2026.
3. Телерадиокомпания Буй-ТВ (2014). Программа «Лицом к лицу» от 13.09.2014 г. Гость в студии художник-авангардист Андрей Молодкин// Одноклассники. 15 сентября. URL: <https://ok.ru/video/16925526615>. Просмотрено: 24.01.2026.
4. Молодкин А. «Черный квадрат», 2007. Смешанная техника, инсталляция (прозрачный пластик, нефть).
5. Молодкин А. «Жидкая современность» (Liquid Modernity), 2009. Смешанная техника, инсталляция. Выставлялась в галерее Orel Art, Лондон.
6. *Сьюрсен М.* «Жидкая современность» в Orel Art. URL: <https://snob.ru/selected/entry/2807/?ysclid=mnd9lq78qw88082098> (дата обращения: 02.03.2026).
7. *Рифкин Х.* Андрей Молодкин: черное золото, красная кровь. URL: <https://www.inopressa.ru/artikle/14apr2009/times/molodkin.html> (дата обращения: 02.03.2026).
8. Молодкин А. «Красное и черное» (Le Rouge et le Noir), 2009. Смешанная техника, инсталляция. Представлена в российском павильоне на 53-й Венецианской биеннале.
9. *Ляхова В.* «Я хочу твоей крови», – говорит русский художник. URL: <https://wsjournal.press/ya-hochu-tvoej-krovi-govorit-russkij-hudozhnik/> (дата обращения: 30.01.2026).
10. *Медвецкая А.* Художник-концептуалист Андрей Молодкин: «Неприемлемо человеку умирать за свободу слова». URL: <https://moskvichmag.ru/lyudi/andrej-molodkin/> (дата обращения: 27.01.2026).

«ИКОНЫ ЯРОСТИ»: ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ БОРЬБЫ ЗА ПРАВА

“ICONS OF RAGE”: FEMALE IMAGES IN ART AS A VISUAL MANIFESTO OF THE STRUGGLE FOR RIGHTS

Р.И. Карпенко

R.I. Karpenko

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Scientific adviser L.E. Mezit

«Иконы ярости», женский протест, визуальный манифест, Артемизия Джентилески, Фрида Кало, Кете Кольвиц, Guerrilla Girls.

Статья посвящена эволюции женских образов ярости и боли в визуальной культуре XVII–XXI вв. и их трансформации из произведений искусства в инструменты политического протеста. Автор приходит к выводу, что визуализация женского гнева, от живописи до цифрового мема, является мощным мобилизационным ресурсом, способным переосмысливать укоренившиеся архетипы и преодолевать культурные барьеры в борьбе за права.

“Icons of rage”, female protest, visual manifesto, Artemisia Gentileschi, Frida Kahlo, Käthe Kollwitz, Guerrilla Girls.

The article examines the evolution of female images of rage and pain in the visual culture of the 17th–21st centuries and their transformation from artworks into tools of political protest. The author concludes that the visualization of female anger, from painting to the digital meme, is a powerful mobilization resource capable of reshaping entrenched archetypes and transcending cultural barriers in the struggle for rights.

В настоящее время визуальный образ становится более эффективным инструментом влияния, чем текст. В политике и борьбе за права для вовлечения аудитории активно применяются художественные архетипы. Мы предполагаем, что визуализация «женской ярости» обладает более мощным мобилизационным потенциалом, чем рациональные политические аргументы, что делает изучение «икон ярости» крайне важным для осмысления современных методов борьбы.

История западного искусства веками выстраивалась вокруг безмолвного женского объекта. Дж. Бёрджер отмечал, что «мужчины действуют, а женщины выглядят» [1, с. 92]. Однако Артемизия Джентилески совершает прорыв, превращая личную травму в эстетическую стратегию. В ее картине «Юдифь, обезглавливающая Олоферна» (около 1620 г.) происходит радикальный иконографический сдвиг. Героиня засучивает рукава и полностью погружена в процесс умерщвления врага. Ключевой деталью является служанка Абра, активно ей помогающая [2]. Так рождается образ «сестринства в ярости», трансформирующий библейский сюжет в политический манифест сопротивления и разрушающий

патриархальный миф о женской слабости. Джентилески создает новый иконографический тип – женщину-героя, чья идентичность определяется не красотой, а решимостью уничтожить угнетателя.

Следующий этап эволюции «иконы ярости» связан с творчеством Фриды Кало, где тело превращается в поле политической битвы. Используя иконографию христианского мученичества (гвозди, пронзающие кожу), она лишает образ религиозного подтекста искупления, предъявляя разрушенное тело как манифест неповиновения эстетическим и медицинским нормам. В «Двух Фридах» (1939) она совершает акт деколонизации собственного образа, противопоставляя европейскому платью традиционный индейский костюм и превращая тело в транспарант, заявляющий о превосходстве аутентичности [3].

Если Кало утверждала субъектность через личную боль, то Кете Кольвиц вывела материнское переживание в пространство гражданского протеста. Традиционная иконография Пьеты (оплакивания) трансформируется ею из символа смирения в манифест социального протеста. В своей скульптуре «Пьета» (1937–1938) она запечатлела мать, которая не просто поддерживает тело сына, а буквально врастает в него, пытаясь закрыть своим телом [4]. Это не боль, а «раздумье», ставшее главным антивоенным манифестом Германии [5]. Она отказывается от романтизации женского тела, изображая его жилистым и искаженным страданием. Кольвиц впервые показывает мать не как пассивную жертву, а как активную политическую силу, обладающую «созидательной яростью» и правом гражданского неповиновения.

Концепция «иконы ярости» получает новое развитие в деятельности Guerrilla Girls, превративших индивидуальный крик в системную институциональную критику. Группа возникла в 1985 г. как реакция на гендерный дисбаланс в Музее современного искусства (МоМА). Она использовала тактику анонимности и иронии. Скрывая лица за масками горилл и беря псевдонимы в честь художниц прошлого, они сместили фокус с личности автора на факты дискриминации [6]. Их знаковый плакат «Должны ли женщины быть голыми, чтобы попасть в Метрополитен-музей?» (1989) сочетал образ классической одалиски с маской и сухой статистикой, высмеивая объективацию и доказывая системное исключение женщин из числа творцов [7].

В XXI в. «икона ярости» окончательно покидает музейные залы и выходит на цифровые баррикады, адаптируя классические архетипы под нужды протеста. Медуза Горгона была переосмыслена в феминистском дискурсе, трансформировавшись в жертву насилия. Она стала символом движения «Me Too» [8]. В Иране жесты протестующих (обрезание волос) и цифровые плакаты с лозунгом «Женщина, жизнь, свобода» мгновенно становились международным достоянием [9].

Таким образом, пройдя путь от картин Джентилески до мемов и акционизма, «икона ярости» превратилась из частного переживания в коллективное политическое действие. Визуальный образ, рожденный из подлинной боли и ярости, доказал свою уникальную способность проникать сквозь культурные и языковые

барьеры, менять общественное сознание и мобилизовать на перемены эффективнее, чем директивные политические лозунги. Ярость в искусстве предстает не как разрушение, а как созидательная сила, утверждающая право быть увиденной и услышанной.

Список источников и литературы

1. Берджер Дж. Искусство видеть. СПб.: Клаудберри, 2012. 216 с.
2. Артемизия Джентилески. «Юдифь, обезглавливающая Олоферна», около 1620. Холст, масло. Галерея Уффици, Флоренция.
3. Фрида Кало. «Две Фриды», 1939. Холст, масло. Музей современного искусства, Мехико.
4. Скульптура «Пьета», 1937–1938. Берлин, Германия.
5. Косякова В.А. «Кете Кольвиц: Искусство как крик». URL: <https://www.rsuh.ru/news/novosti-fakulteta-kulturologii/lektsiya-v-kosyakovoy-sostoyalas-v-tsentre-punktum/#slider1> (дата обращения: 06.04.2026).
6. Is it finally time for the Guerrilla Girls to remove their masks? URL: <https://www.theartnewspaper.com/2026/02/25/is-it-finally-time-for-the-guerrilla-girls-to-remove-their-masks> (access date: 10.04.2026).
7. Guerilla Girls. «Должны ли женщины быть голыми, чтобы попасть в Метрополитен-музей?», 1989. URL: <https://www.tate.org.uk/art/artworks/guerrilla-girls-do-women-have-to-be-naked-to-get-into-the-met-museum-p78793> (дата обращения: 06.04.2026).
8. Кузьмин Ф. Статуя Медузы Горгоны с головой Персея, ставшая символом #MeToo, вызвала критику. URL: <https://daily.afisha.ru/news/42566-statuya-meduzy-gorgony-s-golovoy-perseya-stavshaya-simvolom-metoo-vyzvala-kritiku/> (дата обращения: 06.04.2026).
9. Коростелева К. Дизайнеры делятся плакатами в знак солидарности с иранскими женщинами. URL: <https://skillbox.ru/media/design/dizaynery-delyatsya-plakatami-v-znak-solidarnosti-s-iranskimi-zhenshchinami/> (дата обращения: 28.04.2026).

ФОРМЫ МЕДИЕВАЛИЗМА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЯВЛЕНИЯ: ОТ ЭЛИТАРНОСТИ К ИНТЕРАКТИВНОСТИ

FORMS OF MEDIEVALISM AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON: FROM ELITISM TO INTERACTION

В.В. Климёнова

V.V. Klimenova

Научный руководитель Г.А. Синельникова
Scientific adviser G.A. Sinelnikova

Медиевализм как социокультурное явление, медиевализм как научная дисциплина, Средневековье, элитарная культура, массовая культура, интерактивность.

Статья посвящена рассмотрению эволюции медиевализма как социокультурного явления XVII–XXI вв. Автор приходит к выводу, что медиевализм трансформировался от элитарных практик политической легитимации к массовым формам морального воспитания и, наконец, к интерактивным формам – видеоиграм, где потребитель образа становится его активным соавтором.

Medievalism as a sociocultural phenomenon, medievalism as a scholarly discipline, the Middle Ages, elite culture, mass culture, interactivity.

The article examines the evolution of medievalism as a sociocultural phenomenon from the 17th to the 21st centuries. The author concludes that medievalism has transformed from elite practices of political legitimation to mass forms of moral education, and finally to interactive forms—video games—where the consumer of the image becomes its active co-author.

Медиевализм, оформившийся к рубежу XX–XXI вв. как научная дисциплина, изучающая рецепцию образов Средневековья в культуре последующих эпох, позволил не только осмыслить этот феномен, но и выявить его исторические формы. Междисциплинарный характер дисциплины, дающий возможность использовать наработки широкого круга исследователей, позволяет перейти к осмыслению первичной систематизации этапов развития медиевализма как социокультурного явления. Можно условно выделить несколько хронологических периодов, различающихся по доминирующим формам, функциям и степени вовлеченности аудитории.

На протяжении XVI–XVII вв. формы медиевализма носят преимущественно элитарный характер. Их главным заказчиком выступал монархический двор, а ключевой функцией стала политическая легитимация и социальная репрезентация власти. Рыцарские идеалы и практика турниров, восходящая к Средневековью, были переосмыслены для нужд абсолютистского двора. Так, после гибели Генриха II на турнире в 1559 г. воинские состязания сменяются «рыцарскими каруселями», позволяющими аристократии демонстрировать лояльность, а монарху – позиционировать себя наследником героического прошлого [1, с. 164]. Другой характерный пример – «Балет освобождения Рено» 1617 г., поставленный

при дворе юного Людовика XIII. Сюжет, заимствованный из рыцарской поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», позволил королю заявить о разрыве с опекой матери, Марии Медичи, и утверждении собственной власти [2, с. 249].

Эпоха Просвещения с ее рационализмом и критикой «варварства» не способствовала позитивной рецепции Средневековья, однако именно в этот период возникает такая форма медиевализма, как готический роман, впервые ориентированная на индивидуальное читательское переживание. Роман Г. Уолпола «Замок Отранто» 1764 г. не только задал канон жанра, но и способствовал формированию моды на готику, а также привлек общественное внимание к необходимости сохранения старинных памятников Англии.

Становление эпохи романтизма приводит к расцвету медиевализма. Заказчиком теперь выступает не только элита, но и формирующаяся национальная публика, буржуазия. Функция форм медиевализма этого периода смещается в сторону морального воспитания и эстетического протеста против индустриализации. Литература, прежде всего исторический роман В. Скотта «Айвенго», создает «золотую легенду», представляя Средневековье как «исторический пролог» современной нации и эталон рыцарской добродетели [3, с. 71]. В. Гюго в «Соборе Парижской Богоматери» уравнивает легенду с историей, делая готическую архитектуру главным героем и символом народного духа [4, с. 80]. В живописи прерафаэлиты используют средневековые сюжеты как «маску» для критики викторианской социальной несправедливости. Картина Холмана Ханта «Риенци», посвященная восстанию средневекового трибуна, была прямым откликом на революционные события 1848 г. в Европе [5, с. 22]. В музыке Р. Вагнер доводит романтический медиевализм до апогея: в опере «Кольцо нибелунга» он создает тотальные мифологические миры на основе германского и кельтского эпоса, где прошлое становится языком для философской драмы о гибели индивидуалистической культуры нового времени [6, с. 51].

Вторая половина XX – начало XXI вв. отмечены переходом медиевализма в массовую культуру, где рецепция прошлого обретает многообразие форм. Творчество Дж.Р.Р. Толкина и К.С. Льюиса, создавших «Властелина Колец» и «Хроники Нарнии», заложило фундамент массовой любви к образам рыцарства и средневекового чуда. Кинематограф и телевидение радикально преобразили рецепцию Средневековья, сделав ее поистине глобальной. Такие фильмы, как «Храброе сердце» (1995), «Царство небесное» (2005) или «Король Артур» (2004), надолго закрепили в массовом сознании устойчивые образы рыцарства, крестовых походов и борьбы за свободу.

С появлением и массовым распространением цифровых технологий рецепция Средневековья достигает принципиально нового уровня интерактивности: потребитель образа превращается в его активного соавтора и участника. Наряду с реконструкторским движением и интернет-мемами, ведущей формой медиевализма в этот период становится видеоигра. Именно она обеспечивает наивысшую на сегодняшний день степень вовлеченности аудитории в конструирование

виртуальных миров Средневековья. Так формируются массовые, строящиеся на узнаваемых стереотипах, виртуальные миры, которые становятся пространством для конструирования идентичности игрока [7, p. 86]. Культовые вселенные, заслужившие любовь миллионов, – The Elder Scrolls, The Witcher, Kingdom Come: Deliverance, Dragon Age и т.д. – демонстрируют разные стратегии репрезентации: от условного фэнтези до предельно возможной аутентичности.

Таким образом, обращение к Средневековью эволюционировало от закрытых элитарных практик XVI–XVII вв. к массовым интерактивным формам второй половины XX–XXI вв. Главным итогом этой эволюции стало превращение аудитории из пассивного реципиента готовых образов прошлого в активного соавтора, способного благодаря цифровым технологиям самостоятельно формировать персональный опыт взаимодействия с образами Средневековья.

Список источников и литературы

1. *Никитина О.В.* Костюмы придворных балетов во Франции XVII века // Журнал ВШЭ по искусству и дизайну. 2024. № 3 (3). С. 148–169.
2. *Сидоренко М.А.* Буффонадный балет Людовика XIII и репрезентативная политика кардинала де Ришелье // Средние века. 2015. Т. 76. № 1-2. С. 249–268.
3. *Романова Т.Н., Давлетшина М.Г.* Романтический аспект исторического романа «Айвенго» В. Скотта // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2016. № 12. С. 69–74.
4. *Каршибаева У.Д.* Категории пространства и времени в романах Виктора Гюго // Вестник ТГУ. 2012. № 5. С. 80–84.
5. *Чичкова М.А.* Проблемы современности в творчестве прерафаэлитов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2010. № 2. С. 20–24.
6. *Магомедова Д.М.* Вагнеровские сюжеты в культуре символизма: «Кольцо нибелунга» vs «Парсифаль» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2024. № 2. С. 47–57.
7. *D’Arcens L.* The Cambridge Companion to Medievalism. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 253 p.

ВЛ.М. КРУТОВСКИЙ И В.И. СУРИКОВ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВРАЧА И ХУДОЖНИКА

VL.M. KRUTOVSKY AND V.I. SURIKOV:
THE RELATIONSHIP BETWEEN THE DOCTOR AND THE PAINTER

Т.Е. Крыловецкая T.E. Krylovetskaya

С.В. Кукушкина S.V. Kukushkina

Научный руководитель Д.Ю. Хоменко
Scientific adviser D.Yu. Khomenko

В.И. Суриков, Вл.М. Крутовский, взаимоотношения, некролог, история Красноярска.

Статья посвящена анализу взаимоотношений выдающегося красноярского врача и общественного деятеля Вл.М. Крутовского с великим русским художником В.И. Суриковым. Источниковую базу исследования составили опубликованные материалы. Отдельно освещается позиция Крутовского как гласного Городской думы, который вмешался в равнодушное обсуждение смерти художника и добился создания комиссии по увековечению его памяти. Делается вывод, что Крутовский не только оставил теплые личные воспоминания о художнике, но и сыграл важную роль в сохранении памяти о Сурикове, дав глубокую профессиональную оценку его творчеству.

V.I. Surikov, Vl.M. Krutovsky, relationship, obituary, history of Krasnoyarsk.

The article analyzes the relationship between Vladimir Krutovsky, a prominent Krasnoyarsk physician and public figure, and the great Russian painter Vasily Surikov. The study was based on published materials. Special attention is given to Krutovsky's role as a member of the City Duma, who intervened in the indifferent discussion of the artist's death and succeeded in establishing a commission to perpetuate his memory. It is concluded that Krutovsky not only left warm personal memories of the artist but also played an important role in preserving the memory of Surikov by providing a profound professional assessment of his work.

В 2026 г. исполняется 170 лет со дня рождения Владимира Михайловича Крутовского – выдающегося общественного деятеля, врача, публициста, одного из тех, кто формировал культурную жизнь Красноярска на рубеже XIX–XX вв.

Среди современников Владимира Михайловича был и великий русский художник Василий Иванович Суриков. Известно, что они были знакомы и периодически общались. Цель работы – выявление особенностей взаимоотношений В.И. Сурикова и Вл.М. Крутовского, оценка роли последнего в сохранении памяти о великом художнике. Статья основана на опубликованных источниках, особое внимание уделено оценке некролога В.И. Сурикова, написанного Вл.М. Крутовским.

Общение врача и художника не ограничивалось бытовыми темами. Оба увлекались историей Сибири. Однажды Крутовский передал Сурикову брошюру «Красноярский бунт», посвященную событиям XVII в. В ней упоминались казаки Суриковы – прямые предки Василия Ивановича. Тот был настолько впечатлен,

что загорелся идеей написать картину на этот сюжет. Замысел остался неосуществленным, но сам эпизод показывает, насколько глубоким было их взаимопонимание [1, с. 177; 2, с. 380].

Также известен другой эпизод. Летом 1914 г. художник в очередной раз приехал в Красноярск. Он зашел в городской музей, чтобы взглянуть на свою раннюю работу «Милосердный самарянин», которую некогда подарил золотопромышленнику Кузнецову, а позже дочь мецената передала ее в дар музею. Однако сторож не узнал посетителя и не пустил его.

Вскоре Суриков встретил на улице Крутовского и посетовал, что не смог попасть в музей. Тот в ответ неожиданно заявил: «Ваша картина в кладовой, в пыли и сгнила». Василий Иванович всерьез встревожился и обратился к другому знакомому – Леониду Чернышову, красноярскому архитектору. Тот немедленно отправился в музей, распорядился достать полотно из кладовой и провел туда автора. Разумеется, работа оказалась в полной сохранности. Художник успокоился и попросил оставить ее на прежнем месте.

А.Я. Тугаринов, консерватор Красноярского музея, записавший эту историю, недоумевал: «Что это была за выходка со стороны Крутовского – не понимаю» [3, с. 281–284]. Вероятно, это была своеобразная шутка человека, который чувствовал себя с Суриковым достаточно свободно и близко.

Когда в марте 1916 г. живописец скончался, Вл.М. Крутовский взялся за подготовку материала о нем для своего журнала «Сибирские записки». Он подошел к работе с особой ответственностью: обратился к брату покойного Александру Ивановичу Сурикову, который всю жизнь прожил в Красноярске [2, с. 472].

В своей статье Крутовский не просто перечисляет факты, но и дает высокую оценку творчеству мастера. Он пишет о главной теме его полотен – борьбе: за власть, за веру, за свободу. Владимир Михайлович спорит с теми критиками, которые называли Сурикова «поэтом толпы». По его мнению, толпа у художника – лишь фон, а в центре всегда идея [1, с. 177]. В подтверждение он приводит разбор картин «Меньшиков в Березове», «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни».

Особый интерес представляет воспоминание о том, как однажды Владимир Михайлович увидел у Сурикова небольшую картину «Итальянка на балконе». Крутовский не признал в работе «руку мастера» и поинтересовался, кем же она написана. Работа была выполнена очень тонко и детально, что необычно для Василия Ивановича, который обычно работал в больших полотнах и сознательно оставлял фон лишь намеченным. Суриков объяснил, что это подарок дочерям. Этот случай врач приводит как доказательство высокого технического мастерства и разносторонности живописца [1, с. 178].

Отдельно публицист останавливается на том, как красноярские власти отреагировали на смерть земляка. Он с возмущением описывает заседание Городской думы, где известие о кончине Сурикова было встречено равнодушно и сухо: предложили «принять к сведению», даже не встав для минуты молчания. Владимир Михайлович, присутствовавший на заседании как гласный, вмешался и настоял на том, чтобы решение пересмотрели. В итоге Думе пришлось создать комиссию по увековечению памяти художника [1, с. 180].

Таким образом, Владимир Михайлович Крутовский не просто оставил воспоминания о великом художнике. Он подошел к этой задаче ответственно: собрал свидетельства у семьи, вник в особенности творческого метода мастера и дал собственную оценку его работам. Его публикация стала одним из первых серьезных материалов о жизни и творчестве художника, вышедших на его родине. А забавный случай с «пропавшей» картиной показывает, что их отношения были не только деловыми, но и человечески теплыми.

Список источников и литературы

1. *Крутовский Вл.М.* Василий Иванович Суриков [Некролог] // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 175–181.
2. Суриков без купюр. Письма семьи Суриковых из фондов Красноярского краевого краеведческого музея / под ред. *И.А. Черкасова*. Красноярск: изд-во Поликор, 2024. 580 с.
3. *Комарова Т.С.* Из эпистолярного наследия А.Я. Тугаринова // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 281–284.

КУЛЬТУРНАЯ СТОЙКОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН: ИРКУТСК И СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБМЕН (1960–1962)

CULTURAL RESILIENCE AMID POLITICAL UPHEAVAL: IRKUTSK AND SINO-SOVIET ARTISTIC EXCHANGE (1960–1962)

Лю Дилинь

Liu Dilin

Научный руководитель В.Г. Дацышен
Scientific adviser V.G. Datsyshen

Советско-китайские отношения, художественный обмен, Иркутск, Общество советско-китайской дружбы, культурная стойкость.

В 1960-х гг. советско-китайские отношения охладились, что повлияло на художественный обмен. Иркутское отделение ОСКД продолжало вести народный художественный обмен. В условиях политических перемен это стало ярким примером культурной стойкости.

Sino-Soviet relations, artistic exchange, Irkutsk, Soviet-Chinese Friendship Society, cultural resilience.

In the 1960s Sino-Soviet relations deteriorated, which affected artistic exchange. The Irkutsk branch of the Soviet-Chinese Friendship Society continued to conduct folk artistic exchange. Amid political changes this became a striking example of cultural resilience.

В начале 1960-х гг. советско-китайские отношения постепенно вступили в период охлаждения. После XX съезда КПСС в 1956 г. между двумя странами нарастали разногласия по идеологическим вопросам, национальным интересам и другим ключевым сферам, что привело к разрыву прежнего союзнического согласия. С 1960 г. политическая напряженность распространилась на область культуры и искусства, оказав существенное влияние на советско-китайский художественный обмен.

Сибирь, ранее являвшаяся важным геополитическим узлом и транзитным хабом художественного обмена между двумя странами, а также поставщиком богатого регионального культурного материала, утратила свои позиции. По мере ухудшения отношений связи местных художественных организаций с Китаем резко ослабли. Например, Новосибирский союз художников поддерживал тесные контакты с Союзом художников Китая в 1954–1960 гг., но после 1961 г. взаимодействие полностью прекратилось [1]. Согласно архивным данным, последнее письмо Новосибирского союза художников в адрес китайской стороны – это новогоднее поздравление от 27 декабря 1961 г., после чего двусторонние контакты окончательно прервались [2, л. 50].

Напротив, Иркутское отделение Общества советско-китайской дружбы продолжало осуществлять народный художественный обмен в сложных политических условиях.

В 1961 г. Иркутское отделение Общества советско-китайской дружбы в годовом плане работы предложило обратиться к Центральному комитету ОСКД с просьбой координировать выставочный обмен художниками Иркутска и Китая в области живописи и гравюры, углубить взаимодействие и двусторонний обмен печатной продукцией в сфере знаний, искусства и литературы, регулярно проводить лекции по китайской культуре и искусству, а также расширять китайские тематические выставки в художественных музеях [3, л. 40–42]. Одновременно было решено обновить пропагандистские стенды «Советско-китайская дружба» в Центральном парке культуры и отдыха, создать постоянную экспозиционную зону и организовать небольшие тематические выставки «Китайское искусство» и «Художник Ци Байши» в различных городах и учреждениях, чтобы поддерживать народный художественный обмен в разрозненном и мало-масштабном формате [3, л. 46–47].

Тем не менее эти народные усилия не смогли компенсировать глубокий разрыв в официальном сотрудничестве. По сравнению с предыдущим периодом масштаб, формы и общественное влияние обмена значительно снизились.

В 1962 г. отделение вновь выступило с предложением организовать взаимные выставки современных художников Иркутска и Китая. Г.Ф. Кунгуров направил в центральный аппарат Общества официальную просьбу об утверждении этого выставочного проекта и запрос на дополнительное предоставление пропагандистских материалов: фотографий, художественных журналов, альбомов по изобразительному искусству. Его целью было вернуть советско-китайский художественный обмен к глубокому диалогу и профессиональному взаимодействию. Однако в условиях продолжающегося ухудшения советско-китайских отношений все заявки остались без ответа, и этот ключевой проект сотрудничества окончательно провалился [4, л. 110–118].

Согласно фондам Центра документации новейшей истории – филиала ОГКУ «Государственный архив Иркутской области» (ЦДНИ ГАИО), сохранившиеся записи планов работы Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы датируются лишь 1962 г. Исходя из ситуации с неответом на заявки в 1962 г., можно предположить, что отделение серьезно пострадало из-за потери официальной поддержки и истощения ресурсов, и, вероятнее всего, прекратило формальную деятельность [5, с. 94].

Политический поворот в советско-китайских отношениях оказал решающее воздействие на двусторонний художественный обмен: официальное сотрудничество быстро остановилось и даже прервалось. Усилия Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы по поддержанию артистического взаимодействия на народном уровне стали ярким свидетельством того, что культурная стойкость и гуманитарные связи не угасли полностью в сложных политических условиях.

Список источников и литературы

1. *Лю Д.* Сотрудничество Новосибирского союза художников с Союзом художников Китая, 1954–1960 гг. (по материалам Государственного архива Новосибирской области) // *Наследие и современность*. 2024. Т. 7. № 2. С. 216–229.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1742. Оп. 1. Д. 65. Л. 50.
3. Центр документации новейшей истории – филиал ОГКУ «Государственный архив Иркутской области» (ЦДНИ ГАИО). Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 3. Л. 40–42, 46–47.
4. Центр документации новейшей истории – филиал ОГКУ «Государственный архив Иркутской области» (ЦДНИ ГАИО). Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 110–118.
5. *Дацышен В.Г.* Региональные отделения Общества советско-китайской дружбы на востоке России: этапы истории // *Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XV Международной научно-практической конференции*. Казань: Издательство АН РТ, 2022. С. 91–98.

ДИПЛОМАТИЯ КАК СПЕКТАКЛЬ: ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ТИЛЬЗИТА В ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТИНАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ XIX ВЕКА

DIPLOMACY AS A SPECTACLE: VISUAL IMAGES OF TILZIT IN THE HISTORICAL PAINTINGS OF XIX EUROPEAN ARTISTS

Д.А. Мельников

D.A. Melnikov

Научный руководитель И.В. Цыганова
Scientific adviser I.V. Tsyganova

Историческая живопись, Тильзитский мир, дипломатия, визуальный спектакль, Наполеон I, Александр I.

В статье анализируются художественные интерпретации Тильзитской встречи 1807 г. в работах европейских художников XIX в. Выявлены механизмы превращения реального дипломатического события в идеализированный визуальный спектакль. Автор приходит к выводу, что историческая живопись выступала активным агентом официальной художественной политики, конструируя мифологизированный образ дипломатии.

Historical painting, Treaty of Tilsit, diplomacy, visual performance, Napoleon I, Alexander I.

The article analyzes the artistic interpretations of the 1807 Tilsit meeting in the works of 19th-century European artists. It reveals the mechanisms of transforming a real diplomatic event into an idealized visual spectacle. The author concludes that historical painting acted as an active agent of official artistic policy, constructing a mythologized image of diplomacy.

В истории международных отношений начала XIX в. заключение Тильзитского мира занимает особое место. Встреча двух императоров в 1807 г. на плоту посреди реки Неман была обставлена с уникальной театральностью, призванной продемонстрировать единство главных действующих лиц новой европейской истории. Актуальность темы продиктована методологическим поворотом современной исторической науки в сторону изучения культурной памяти и визуальных источников. Историческая живопись XIX в. выступает не просто иллюстрацией, но и активным инструментом конструирования событий в массовом сознании, формирования устойчивых мифологем. Анализ механизмов этого конструирования позволяет глубже понять, как политическая реальность преобразуется в культурный символ.

В историографии накоплен значительный материал, посвященный дипломатической истории Тильзита (работы Е.В. Тарле [1], А.З. Манфреда [2]). Искусствоведческие исследования В.И. Раздольской [3], Н.С. Мамыриной [4] создают основу для понимания стилистических особенностей живописи начала XIX в.,

но комплексных работ, анализирующих полотна художников как визуальные объекты конструирования образа дипломатии, не создано. Это определяет цель настоящего исследования: на примере работ европейских художников выявить и проанализировать механизмы, с помощью которых авторы превращали реальные дипломатические события Тильзита в идеализированный визуальный спектакль, формируя образы власти и союза.

Источниковую базу исследования составили живописные произведения европейских мастеров XIX в., позволяющие проследить эволюцию визуального нарратива о Тильзите. Наиболее показательно полотно А. Рёна «Встреча Наполеона I и царя Александра I в Тильзите» [5]. Другой важный сюжет – это аудиенция прусской королевы Луизы у Наполеона, запечатленная в работах Ж.-Ш. Тардьё [6] и Н. Госсе [7]. Финал встречи находит отражение в картине Дж. Серанджели «Прощание Наполеона и Александра после заключения Тильзитского мира» [8]. Для понимания визуальной репрезентации важно учитывать официальный контекст создания картин. А. Рён и Ж.-Ш. Тардьё являлись современниками события и создали полотна в 1808 г. для Парижского Салона, а позже они вошли в собрание Версаля. Дж. Серанджели представил свою картину в Салоне в 1810 г. А работа Н. Госсе относится к 1837 г., художник написал ее по заказу короля Луи-Филиппа I для Исторического музея Версаля. Таким образом, произведения Рёна, Тардьё и Серанджели формировали образ Тильзита в режиме текущей наполеоновской пропаганды, а работа Госсе закрепляла его в рамках ретроспективной мифологизации эпохи Июльской монархии. Все рассмотренные картины служили инструментом официальной художественной политики.

Анализ полотен позволяет выделить несколько устойчивых визуальных приемов. Первый из них – это композиционное уравнивание участников. У Рёна императоры изображены как равные партнеры: симметричные фигуры, рукопожатие, торжественный фон, все это как будто бы маскирует реальную иерархию: встреча происходила после разгрома русской армии, и Наполеон диктовал условия с позиции победителя. Второй прием – это исключение «негативных» деталей и акцент на куртуазности. В сценах аудиенции королевы Луизы (Тардьё, Госсе) отсутствуют намеки на унижение прусской монархии со стороны Наполеона, художники, наоборот, изображают галантную светскую сцену. Следуя эстетике ампира, авторы используют приемы, заимствованные из античной скульптуры: статичные позы, идеализированные лица. Как отмечает В.И. Раздольская, наполеоновский классицизм требовал от исторической картины «героизированного образа», «вневременной монументальности» [3, с. 67–70]. Художники тильзитского цикла работали именно в рамках этого жанрового канона, стремясь не к документальности, а к созданию образа, отвечающего критериям «историзма». Третий прием – это создание символического пространства. Плот на Немане у Рёна, интерьеры павильона у Тардьё и Госсе лишены следов военных разрушений, пространство превращается в универсальную сцену, усиливающую ощущение мира между государствами.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что европейская историческая живопись, обращаясь к теме Тильзита, выступала не как средство документальной фиксации, а как активный инструмент конструирования мифологизированного образа дипломатии. Картины Рёна, Тардье и Серанджели формировали этот образ в контексте актуальной наполеоновской пропаганды, а работа Госсе закрепляла его в исторической памяти Июльской монархии. Основными механизмами превращения реального события в визуальный спектакль стали композиционное уравнивание участников, исключение «негативных» деталей и создание символического пространства, свободного от исторической конкретики. Визуальные образы Тильзитской встречи представляют собой культурный конструкт, в котором реальная политика уступает место идеальной репрезентации. Выявление этих механизмов важно для понимания того, как историческая живопись XIX в. участвовала в формировании массовых представлений о власти и международных отношениях.

Список источников и литературы

1. *Тарле Е.В.* Наполеон. М.: Издательство АН СССР, 1957. 467 с.
2. *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1971. 724 с.
3. *Раздольская В.И.* Европейское искусство XIX века: классицизм, романтизм. СПб.: Азбука-классика, 2005. 365 с.
4. *Мамырина Н.С.* Специфика исторической картины как жанра станковой живописи // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 1 (4). С. 74–75.
5. Адольф Рён. «Встреча Наполеона I и царя Александра I в Тильзите», 1808. Холст, масло. Версальский дворец, Версаль.
6. Жан-Шарль Тардье. «Наполеон принимает королеву Пруссии в Тильзите», 1808. Холст, масло. Музей истории Франции, Версаль.
7. Николя Луи Франсуа Госсе. «Наполеон принимает королеву Пруссии в Тильзите», 1837. Холст, масло. Версальский дворец, Версаль.
8. Джоаккино Джузеппе Серанджели. «Прощание Наполеона и Александра после заключения Тильзитского мира», 1810. Холст, масло. Версальский дворец, Версаль.

ИСКУССТВО И ТИРАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ART AND TYRANNY: FEATURES OF INTERACTION

Е.Д. Морозова

E.D. Morozova

Научный руководитель Д.В. Григорьев

Scientific adviser D.V. Grigoriev

Старшая тирания, искусство, пропаганда, вазопись, поэзия.

Статья посвящена взаимодействию искусства и тиранической власти в Греции VII–VI вв. до н. э. Автор приходит к выводу, что искусство было подчинено политическим задачам тиранов: оно создавало образы тирана-победителя и тирана-благодетеля. Культурная политика тиранов выходила за рамки личной пропаганды, однако искусство сохраняло не-самостоятельный характер.

Early tyranny, art, propaganda, vase painting, poetry.

The article focuses on the interaction between art and tyrannical power in Greece during the 7th and 6th centuries BC. The author concludes that art was subordinated to the political objectives of the tyrants, creating images of the victorious tyrant and the benevolent tyrant. The cultural policies of the tyrants went beyond personal propaganda, but art remained dependent on their authority.

В современной историографии вопрос о значении искусства в политике древнегреческих тиранов VII–VI вв. до н. э. до сих пор является дискуссионным. Это связано с тем, что среди историков по-разному оценивается как степень вовлеченности тиранов в культурную деятельность полисов, так и значение этой деятельности для укрепления их власти.

На сегодняшний день в науке сложилось два основных подхода. Представители первого (Х. Туманс, А.В. Михайленко) рассматривают культурную деятельность тиранов как важнейший источник пропаганды [1, с. 24–25; 2, с. 46]. Другие исследователи, такие как И.А. Макаров, считают, что культурная деятельность имела минимальное значение в пропаганде идеологии тиранов, акцентируя больше внимания на традиционных аристократических ценностях [3].

Цель статьи – определить особенности взаимодействия искусства и тиранической власти в Греции VII–VI вв. до н. э. Источниками послужили сохранившийся фрагмент «Энкомия Поликрату» Ивика, а также свидетельства Геродота, Страбона, Павсания и Клавдия Элиана. Эти тексты содержат сведения о поэтах при дворах тиранов и об отдельных культурных проектах. На их основе возможно рассмотреть конкретные формы участия искусства в политической жизни архаической Греции при тирании.

Пропагандистский характер искусства особенно заметен в аттической вазописи второй половины VI в. до н. э. Как показал Х. Туманс, в этот период в Афинах распространяются сюжеты, связанные с восхождением Геракла на Олимп

в сопровождении Афины [1, с. 27]. Эти сцены должны были вызывать у афинских граждан ассоциации с въездом Писистрата в город в сопровождении женщины, переодетой в богиню Афину [4, I. 60]. И.А. Макаров к этой трактовке относится скептически, считая, что для отождествления Писистрата с Гераклом у историков недостаточно сведений о культе самого Геракла в указанный период [3, с. 37]. Независимо от реального существования культа Геракла, сам образ великого героя, восходящего на Олимп, служил средством возвышения тирана в глазах сограждан.

Еще одним популярным героем в афинской вазописи был Триптолем, изображаемый на троне-колеснице с колосьями хлеба в руках [1, с. 28]. Х. Туманс указывает трактовку П. Шпана, исходя из которой изображения Триптолема должны были ассоциироваться с внутренней политикой тирана. Как мы помним из «Афинской политики» Аристотеля, Писистрат ввел ссуды для крестьян и лично разъезжал по Аттике [5, 16. (2)]. То есть, говоря прямой цитатой из текста Туманса: «Афиняне должны были узнавать своего царя-благодетеля, который являлся для них как бы новым Триптолемом – подателем зерна» [1, с. 29]. Так, мифологический образ работал на укрепление образа тирана как заботливого правителя.

Кроме того, в вазописи того периода появляются изображения Тесея. Некоторые исследователи высказывали мысль, что изображения победы Тесея над Минотавром должны были вызывать ассоциации с победой Писистрата в битве при Паллениде [1, с.29]. Это видение было подвергнуто критике, хотя тот же Туманс считает, что отказываться от этой трактовки полностью не стоит. Возможно, в этих сюжетах отразились общие успехи тирана во внешней политике, а образ Минотавра символизировал внешнюю угрожающую силу, которую Писистрат побеждал.

В ряде античных источников также упоминается, что при дворах тиранов творили известные поэты, прославляя своих покровителей в песнях [6, XIV, 1, 16; 7, I, 2. (3); 4, III. 121]. До наших дней также дошел «Энкомий Поликрату» под авторством поэта Ивика [8, с. 55], который сообщает самосскому тирану, что его слава будет зависеть от славы песен самого поэта [9, с. 197]. При дворе Поликрата жил и мелический поэт Анакреонт, который согласно Страбону воспевал тирана в своих песнях [6, XIV, 1, 16]. Стоит упомянуть и деятельность афинских тиранов, в чьи заслуги древние авторы и современные историки приписывают редакцию гомеровских поэм [6, IX, 1, 10; 7, VII, 26. (13); 10, XIII, 14; 11, с. 207–208], учреждение дифирамбических и рапсодических агонов на Панафинях [9, с. 188–189].

Таким образом, особенности взаимодействия искусства и тирании в архаической Греции можно свести к следующему. В Афинах при Писистрате героические сюжеты в вазописи использовались для создания образа тирана-благодетеля, тирана-победителя. При дворе Поликрата на Самосе поэзия служила средством прославления правителя. Наконец, культурные проекты афинских тиранов показывают, что их интерес к культуре мог выходить за рамки личной пропаганды.

Показательно, что пропаганда Писистрата апеллировала к мотиву «золотого века Кронаса» [1, с. 35], что подчеркивает несамостоятельность культуры в архаический период и ее зависимость от политических задач. Несмотря на дискуссионность вопроса, искусство занимало важное место в политике раннегреческих тиранов.

Список источников и литературы

1. Туманс Х. Идеологические аспекты власти Писистрата // Вестник древней истории. 2001. № 4 (239). С. 12–45.
2. Михайленко А.В. Достижения изобразительного искусства в эпоху Писистрата и его сыновей // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 3. С. 43–46.
3. Макаров И.А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // Вестник древней истории. 1997. № 2 (221). С. 25–41.
4. Геродот. История в девяти книгах. СПб.: Азбука, 2025. 672 с.
5. Аристотель. Афинская Полития // Ранняя греческая тирания: хрестоматия / сост. и науч. ред. С.М. Жестоканов. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. С. 180–189.
6. Страбон. География // Ранняя греческая тирания: хрестоматия / сост. и науч. ред. С.М. Жестоканов. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. С. 248–253.
7. Павсаний. Описание Эллады // Ранняя греческая тирания: хрестоматия / сост. и науч. ред. С.М. Жестоканов. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. С. 313–322.
8. Ивик. Энкомий Поликрату // Ранняя греческая тирания: хрестоматия / сост. и науч. ред. С.М. Жестоканов. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. С. 55.
9. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 320 с.
10. Клавдий Элиан. Пестрые рассказы // Ранняя греческая тирания: хрестоматия / сост. и науч. ред. С.М. Жестоканов. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. С. 342–347.
11. Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М.: Наука, 2005. 351 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АТОМНОЙ БОМБАРДИРОВКИ ХИРОСИМЫ И НАГАСАКИ В ЯПОНСКОЙ МАНГЕ

REPRESENTATION OF THE ATOMIC BOMBINGS OF HIROSHIMA AND NAGASAKI IN JAPANESE MANGA

И.И. Поваров

I.I. Povarov

Атомная бомбардировка, Хиросима, Нагасаки, японская манга, репрезентация.

В статье анализируется репрезентация атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в японской манге. Автор приходит к выводу, что свидетель событий и современный автор по-разному подходят к анализу данного события.

Atomic bombing, Hiroshima, Nagasaki, Japanese manga, representation.

The article analyzes the representation of the atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki in Japanese manga. The author concludes that the eyewitness and the contemporary author approach the analysis of this event differently.

6 и 9 августа 2025 г. – даты восьмидесятилетия со дня атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Эта трагедия оставила тяжкий след не только в истории Японии, но и стала важным уроком для всего мира, к изучению которого важно обращаться, чтобы не допустить аналогичных событий в будущем.

В связи с восьмидесятилетием данной трагедии в последний год наблюдается рост исследований на тему визуальной репрезентации атомной бомбардировки японских городов, но чаще они носят фрагментарный характер [1, с. 33]. Особый интерес вызывает статья Е.В. Аргунова «Память о Второй мировой войне в японской манге», в которой также рассматривается репрезентация взрывов в Хиросиме и Нагасаки [2, с. 59–61].

Цель статьи – анализ и сравнение подходов к репрезентации атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в японской манге с точки зрения как свидетеля событий, так и современного автора. Для достижения поставленной цели были использованы визуальные новеллы Кэйдзи Наказдавы и Фумиё Коно.

Исторически мангаки редко обращаются к теме атомной бомбардировки, делая это в основном с помощью метафор или завуалированно, как, например, в «Акире» Кацухиро Отомо [2, с. 62]. Во-первых, это было вызвано тем, что манга стремилась отвлечь людей от бед недавнего прошлого. Во-вторых, на протяжении десятилетий существовало негласное табу на упоминание темы. В-третьих, свою роль сыграл и новый виток японо-американских отношений после войны и чувство вины японцев за содеянное их предками [2, с. 63].

Первым мангакой, который напрямую обратился к табуированной теме, стал Кэйдзи Накадзава, переживший в детстве взрыв в Хиросиме. В конце 1960-х гг. он создает сборник под названием «Жертвы черного неба». К. Накадзава через своих персонажей, чьи диалоги напоминают политические манифесты, открыто обвиняет

как американцев за бесчеловечность к мирному населению, так и японское правительство за умалчивание значимости трагедии [3, с. 14–15, 20–21]. Автор рассматривает чувство вины за собственное выживание, последствия несущей медленную смерть лучевой болезни и социальную стигматизацию переживших атомные взрывы. Несмотря на мультяшный визуальный стиль, подход к темам отличается реализмом.

Рассуждения на тему атомной бомбардировки К. Накадзава продолжил в своем главном труде под названием «Босоногий Гэн», который публиковался с 1973 г. Данная манга концентрируется на судьбе мальчика Гэна из семьи Накаока, а 6 августа 1945 г. показан как обычный день. Жители Хиросимы, привыкшие к сиренам и налетам, никак не ожидали скорого наступления ядерного ада. Чудом выживший Гэн оказывается в мире, напоминающем зомби-апокалипсис с живыми обугленными мертвецами, обезумевшими людьми и фурами, вывозящими горы трупов. Подход автора остается реалистичным и бескомпромиссным. По сюжету Гэн теряет почти всю свою семью, кроме мамы, и скитается по Хиросиме, встречая разные покалеченные судьбы. Так, ему не удается спасти солдата, страдающего от лучевой болезни, которая вскоре проявляется и у Гэна. Помимо свойственных автору тематик, К. Накадзава в своей критике уходит еще дальше, возлагая устами матери Гэна ответственность лично на императора: «Если он понимал, что Япония проиграет, почему не прекратил войну раньше? Проклятый император... Если бы война закончилась на неделю раньше, на Хиросиму и Нагасаки не сбросили бы эти бомбы» [4, с. 197].

В XXI в. обсуждение темы Хиросимы и Нагасаки становится более открытым и не табуированным, меняется и подход к теме в популярной культуре. Особняком тут стоит творчество Фумиё Коно. Не являясь свидетельницей событий, она открыто признает, что не понимает до конца чувство трагедии, которую пережили японцы в 1945 г. И если К. Накадзава скорее выплескивает душевную боль от пережитого, то Ф. Коно через своих персонажей пытается понять, что чувствовали люди, ставшие жертвами атомных взрывов. Ее подход направлен в первую очередь не на поиск виновных или критику правительства, а на сохранение исторической памяти.

Ярко это проявляется в манге «Страна, где расцветает сакура» (2003–2004). Нанами вместе с подругой преследует своего отца до Хиросимы, где натывается на могилу родни, которая погибла от атомных взрывов. Ее отец, в свою очередь искал людей, знавших его сестру, погибшую в августе 1945 г. [5, с. 96–97].

Ф. Коно, в отличие от К. Накадзавы, практически не показывает атомные взрывы, уделяя больше внимания событиям вокруг, предыстории и последствиям. В манге «В этом уголке мира» (2007–2009) автор анализирует, какие чувства переживала девушка Судзу в условиях военных лет. Но интересно, что после атомного взрыва и пережитого героиня не может принять поражение Японии, но затем осознает, что ее страна не сражалась за великие идеи и подчиняла других силой, от которой и потерпела поражение (в манге даже демонстрируется корейский флаг после поражения Японии) [6, с. 372–376].

Манга Ф. Коно «Город, где вечером стихает ветер» (2003–2004), пожалуй, больше всего схожа с подходом К. Накадзавы. В ней присутствует не только тема вины, но и медленная смерть от последствий лучевой болезни. Девушка Мидори живет в мирной Хиросиме. Внешне она жизнерадостна, но в душе винит себя за то, что выжила. Последними словами Мидори перед смертью становятся следующие: «Прошло десять лет, и теперь сбросившие бомбу, увидев меня, могут радоваться: «Ура! Мы, наконец, убили еще одну» [5, с. 32–33]. То есть в этой работе единственный раз у Ф. Коно можно заметить попытку поиска виновников трагедии.

Таким образом, тема атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, несмотря на видное место в японской культуре, в манге представлена не столь обширно. Однако прослеживаются разные подходы к репрезентации событий. С точки зрения современника бомбардировки, на примере К. Накадзавы ярко прослеживается тема критики США и японского правительства, а также остросоциальный вопрос. В наши же дни Ф. Коно, придерживаясь нейтралитета, скорее опирается на анализ внутренних переживаний и причинно-следственных связей с целью сохранения исторической памяти.

Список источников и литературы

1. Кириченко М.А., Плевако Е.С. 80-летие атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки: средства мемориализации в Японии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 1. С. 24–47.
2. Аргунов Е.В. Память о Второй мировой войне в японской манге // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 58–70.
3. Накадзава К. Жертвы черного дождя. М.: Alt Graph, 2017. 232 с.
4. Накадзава К. Босоногий Гэн. Т. 1. URL: Bosonogiy_Gen_1.pdf (дата обращения: 04.04.2026).
5. Коно Ф. Город, где вечером стихает ветер. Страна, где расцветает сакура. М.: Alt Graph, 2019. 104 с.
6. Коно Ф. В этом уголке мира. М.: Alt Graph, 2022. 456 с.

ОБРАЗ КЕЛЬНСКОГО АРХИЕПИСКОПА КОНРАДА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

THE IMAGE OF ARCHBISHOP KONRAD IN CONTEMPORARY PUBLIC CONSCIOUSNESS

К.В. Рябцев

K.V. Ryabtsev

Научный руководитель А.Г. Канаев
Scientific adviser A.G. Kanaev

Кельнская ратуша, архиепископ Конрад, современное общественное сознание, интерпретация, социальная сеть.

В статье автор рассматривает репрезентации образа архиепископа Конрада в современном общественном сознании на основе трактовок его памятника, установленного на Кельнской ратуше. Автор статьи приходит к выводу, что исследуя все популярные интерпретации смысла статуи, большинство из версий не учитывают неблагоприятный образ епископа для кельнских граждан.

Cologne City Hall, archbishop Konrad, contemporary public consciousness, interpretation, social network.

In the article, the author examines the representations of the image of Archbishop Konrad in contemporary public consciousness, based on interpretations of his monument installed at the Cologne City Hall. The author concludes that, when examining all popular interpretations of the statue's meaning, most versions do not take into account the unfavorable image of the bishop for the citizens of Cologne.

Архиепископ Конрад в основном известен как создатель Кельнского собора, а на Кельнской ратуше еще в XV в. была воздвигнута его статуя. Она стала популярной в интернет-пространстве в 2019 г. благодаря сообщению в паблике Whores of Yore [1], которое менее чем за неделю собрало практически 40 тыс. лайков.

Биография архиепископа Конрада, написанная Якобом Буркхардтом [2], помогает дать подробный анализ политики архиепископа в отношении города через призму исторической науки XIX в.

Цель работы – анализ фигуры Конрада в современном общественном сознании, отраженном в интернет-пространстве. Методологическую основу исследования составляет имагологический подход. В ходе исследования были использованы такие методы, как контент-анализ и исторический контекстуализм. Главным источником работы выступает статуя архиепископа Конрада – вещественный источник, согласно классификации И.Д. Ковальченко [3]. Также используются массовые письменные источники, представленные интернет-сайтами [4; 5; 6] и постами в социальных сетях [1; 7].

Поводом к построению 61-метровой башни ратуши послужила победа цехов и гильдий над патрициатом в 1396 г. Уже с начала XV в. каменные скульптуры украшали внешние стены вместе с фигурой Конрада. Значительная их часть была уничтожена в ходе Второй мировой войны [8, S. 15].

Благодаря пожертвованиям кельнских горожан фигура Конрада и остальные статуи были восстановлены после реконструкции в 2008 г. [8, S. 15]. Скульптором, который реставрировал фигуру архиепископа, является Райнер Вальк [9, S. 11], при этом имя автора средневековых статуй неизвестно.

Конрад представлен облаченным в богатое одеяние. На голове надета митра, которая подчеркивает его церковный сан. Он держит в руке свиток бумаги. Общественный резонанс вызвала нижняя часть статуи, где запечатлен мужчина, совершающий неприличное действие.

В современном общественном дискурсе доминируют следующие трактовки. Одни интерпретаторы подмечают сходство с другими статуями подобного рода, что для того времени было допустимо [1; 5; 7]. Другие толкователи пишут, что данные скульптуры преподносились неграмотным горожанам как каменные проповеди, обличавшие грех похоти [1; 3; 7]. В частности, эту версию озвучил Вальтер Гейс из Кельнского управления по сохранению памятников [4]. Есть интерпретация, связанная с непопулярностью архиепископа у резчиков по камню из-за высокого налога на хмель. Данную гипотезу озвучил глава паблика Whores of Yore [1]. Многие отмечают, что это просто забавная провокация и реставратор мог посмеяться над оригинальным скульптором. Такую версию поддержала Барбара Шок-Вернер, много лет занимавшаяся реставрацией Кельнского собора [4]. Кроме того, существует мнение бывшего городского реставратора Ульриха Крингса, который считал, что непристойность таких средневековых статуй показывает, что людям того времени мораль была безразлична, как и авторитет властей. Он считал, что местные власти закрывали глаза на такие издевательские статуи при условии, что их не будет видно: например, если они будут установлены на высоких зданиях, в темных углах или под более крупными статуями [4].

На наш взгляд, скульптор изобразил архиепископа Конрада, чтобы подчеркнуть его неблагоприятную по отношению к жителям Кельна политику. Город вступал в открытые конфликты с Конрадом, известна битва при Фрехене [2, S. 103–107]. Итогом конфликтов было заключенное при участии третейских арбитров Великое примирение в 1258 г. между городом и Конрадом [2, S. 132–135]. Большая часть условий этого договора была в пользу архиепископа. Город должен был выплатить архиепископу компенсацию в размере 6000 марок, что являлось обременительной суммой для горожан [2, S. 136]. Эти события в жизни города подчеркивали недоброжелательное отношение города к Конраду, что и получило отражение в данной скульптуре.

Таким образом, только одна версия в современном общественном дискурсе учитывает его самовластный характер и отношения с горожанами, что повлияло на изображение статуи архиепископа Конрада средневековым строителем городской ратуши.

Список источников и литературы

1. Whores of Yore. URL: https://x.com/WhoresofYore/status/1111258837472948225?refsrc=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E1111258837472948225%7Ctwgr%5E696dc062eb3e262168dfa4f7136aeeebc03d0927%7Ctwcon%5Es1_&ref_url=https%3A%2F%2Fwww.mako.co.il%2Fhix-history%2FArticle7eed47473a2e961006.htm (access date: 18.03.2026).
2. *Burckhardt J.* Conrad von Hochstaden, Erzbischof von Köln 1238–1261. Bonn, Verlag von T. Habicht, 1843. 157 S.
3. Конрад фон Гохштаден. URL: https://vk.com/wall-81668509_44769 (дата обращения: 18.03.2026).
4. The Irish Sun. URL: <https://www.thesun.ie/news/3941018/bizarre-story-behind-600-year-old-statue-of-gargoyle-giving-himself-oral-sex-finally-revealed-as-holiday-snap-goes-viral/> (access date: 18.03.2026).
5. Кельнская ратуша – фигуры. URL: <https://masimovasif.net/кельнская-ратуша-мужичок-с-гениталия/> (дата обращения: 27.03.2026).
6. Конрад фон Гохштаден. Статуя со смутным смыслом. URL: <https://historystack.livejournal.com/2598.html> (дата обращения: 27.03.2026).
7. Новости истории и археологии. URL: https://t.me/arch_history_news/5906 (дата обращения: 27.03.2026).
8. Das Kölner Rathaus. URL: https://disk.yandex.ru/i/EPOHT0QH9j_c3w (datum des zugriffs: 18.03.2026).
9. Der Ratsturm. URL: <https://disk.yandex.ru/i/Gyi95sRQOwCHTA> (datum des zugriffs: 18.03.2026).

ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ПОЛИСЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНИНА И КУЛЬТУРНОГО ИДЕАЛА

GAMING PRACTICES IN THE ANCIENT GREEK POLIS AS THE BASIS FOR FORMATION OF A CITIZEN AND A CULTURAL IDEAL

С.С. Светус

S.S. Svetus

Научный руководитель С.В. Прищенко
Scientific adviser S.V. Prischenko

Древнегреческий полис, агон, мимесис, калокагатия, пайдейя, гражданское воспитание, античная трагедия, состязательность.

Статья посвящена анализу игровых практик в древнегреческом полисе как ключевому механизму формирования гражданина и трансляции культурного идеала. Автор приходит к выводу, что через синтез агона (состязательности), мимесиса (подражания) и идеала калокагатии в полисе выстраивалась система воспитания (пайдейя), в которой личное совершенствование, общественное признание и служение полису были неразрывно связаны.

Ancient Greek polis, agon, mimesis, kalokagathia, paideia, civic education, ancient tragedy, competitiveness.

The article is devoted to the analysis of gaming practices in the ancient Greek polis as a key mechanism for shaping the citizen and transmitting the cultural ideal. The author concludes that through the synthesis of agon (competitiveness), mimesis (imitation) and the ideal of kalokagathia, the polis built an education system (paideia) in which personal improvement, public recognition and service to the polis were inextricably linked.

Статья посвящена анализу игровых практик в древнегреческом полисе как ключевому механизму формирования гражданина. Под игровыми практиками понимаются институционализированные формы состязательности (агон), подражательные действия (мимесис), а также их синтез, воплощенный в идеале калокагатии, – гармоническом единстве духовного и физического совершенства. Цель работы – показать, что именно через игру как универсальный принцип организации жизни [1, с. 12] полис выстраивал эффективную систему воспитания – пайдейю.

Агональность была фундаментальной чертой греческой цивилизации. Институтами агона являлись палестры и гимнасии [2, с. 122]. Платон в диалоге «Законы» прямо связывает способность гражданина побеждать и проигрывать в состязаниях с его готовностью подчиняться закону и защищать полис. Агон выступал не как развлечение, а как инструмент добродетели, формирующий стойкость

и чувство меры [3, с. 18–19]. Как показал А.И. Зайцев, агональная установка, изначально характерная для гомеровской аристократии [4, с. 290], в архаическую эпоху, в условиях социальных перемен, распространилась на более широкие круги гражданского коллектива и на новые сферы деятельности. [4, с. 161–162]. Регулярные тренировки, дисциплина, умение стойко переносить поражение формировали качества, необходимые гопплиту и члену народного собрания: стойкость, самообладание, уважение к закону и противнику. Агон был способом формирования воинской доблести и полисной идентичности.

Если агон учил гражданина соревноваться и побеждать, то мимесис давал возможность осмыслить мир богов, героев и самого себя. Наиболее развитой формой мимесиса стал театр, прежде всего трагедия. В Афинах V в. до н.э. театр был государственным институтом, подчиненным полисной организации. Состязания трех поэтов на Великих Дионисиях «были крупнейшим событием в жизни города, которое обсуждалось задолго до представлений и многие месяцы после них, вызывая ожесточенные споры» [2, с. 260]. Организатором выступал архонт-эпоним, а расходы несли богатые граждане (хореги) в порядке общественной повинности.

Через мимесис мифа зритель-гражданин погружался в мир судьбы и человеческих страстей. Например, Зевс в «Прометее прикованном» пробуждал воспоминания о тирании, а царь Пеласг в трагедии «Умоляющие» напоминал афинянам их государственных деятелей, так как он сообразовывал свои действия с мнением Народного собрания [2, с. 262]. Важнейшим элементом воздействия трагедии был катарсис – очищение страхом и состраданием. Согласно Аристотелю, трагедия должна одновременно вызывать ужас и сострадание [2, с. 260]. Именно через страдание героя зритель обретал истинное понимание мира и самого себя.

Агон и мимесис не существовали изолированно. Их взаимодействие рождало высшую цель античного воспитания – калокагатию, идеал гармонического единства физического и духовного совершенства. Идеальный гражданин не мыслился ни как атлет с одной лишь телесной силой, ни как оратор, искушенный только в словесных состязаниях. Полноценный член гражданской общины должен был соединять выносливость воина, развитую в палестре и гимнасии, с тонкостью восприятия, обретенной через мусические искусства и театр.

Важнейшим механизмом трансляции этого идеала было общественное признание. Успех в состязаниях – атлетических, политических или ораторских – становился зримым подтверждением калокагатии. Победитель общегреческих игр возвращался в родной полис не как частное лицо, а как герой, воплотивший лучшие качества общины. Сама победа приносила славу не столько ему лично, сколько всему полису.

Таким образом, игровые практики в древнегреческом полисе – от физических состязаний (агон) в палестрах до театральных представлений (мимесис) – были неотъемлемой и системообразующей частью пайдеи. Они формировали

комплекс качеств, необходимых для жизни в полисе. Через агон воспитывались состязательный дух, стойкость, дисциплина, уважение к закону и противнику, чувство коллективной ответственности. Через мимесис развивались понимание этических основ полиса, способность к рефлексии и эмпатии (катарсис), умение видеть последствия своих действий. Через синтез агона и мимесиса формировался идеал калокагатии – гармонически развитой личности, сочетающей физическую доблесть воина с нравственной зрелостью гражданина. В неразрывном единстве личного совершенствования, общественного признания и служения полису заключался уникальный воспитательный механизм древнегреческой цивилизации.

Список источников и литературы

1. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указатель Д.Э. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
2. Колобова К.М., Глускина Л.М. Очерки истории Древней Греции. Л.: Учпедгиз, 1958. 348 с.
3. Полное собрание творений Платона. В 15 т. Т. XIII. Законы / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. Петербург: Academia, 1923. 224 с.
4. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 320 с.

СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ВИДЕОИГР (НА ПРИМЕРЕ ВИЗУАЛЬНОЙ НОВЕЛЛЫ «БАЛЛАДА ОБ АТАМАНЕ»)

CREATION OF EDUCATIONAL HISTORICAL VIDEO GAMES BASED ON THE EXAMPLE OF THE VISUAL NOVEL “THE BALLAD OF THE CHIEFTAIN”

**А.М. Стеблинский, А.А. Данилин
И.И. Поваров, Н.К. Гурова
А.П. Анциферова, В.Г. Соколова**

**A.M. Steblinsky, A.A. Danilin
I.I. Povarov, N.K. Gurova
A.P. Antsiferova, V.G. Sokolova**

Степан Разин, видеоигры, образование, Суриков, визуальная новелла, живопись.

В статье рассматривается создание образовательных видеоигр в жанре визуальная новелла на примере проекта «Баллада об атамане» по мотивам картины В.И. Сурикова «Степан Разин». Авторы пришли к выводу, что данная визуальная новелла благодаря жанровой специфике и хронометражу позволяет использовать ее в ходе учебного процесса в 7 классе при изучении событий восстания Степана Разина.

Stepan Razin, video games, education, Surikov, visual novel, painting.

The article discusses the creation of educational video games in the genre of visual novel, using the example of the project “The Ballad of the Chieftain” based on the painting by V.I. Surikov “Stepan Razin”. The authors concluded that this visual novel, due to its genre specificity and length, can be used in the educational process in the 7th grade when studying the events of the Stepan Razin Uprising.

Современная образовательная система направлена на системно-деятельностный подход. И теперь перед учителем ставится задача не только вовлечения ребенка в учебный процесс, но и организации образовательной деятельности. Доминирующим в данном случае становится использование активных форм обучения, в том числе игровых. В связи с широкой цифровизацией наиболее эффективными игровыми формами обучения являются образовательные видеоигры.

В рамках Зимнего Суриковского фестиваля искусств МБУК «Музей-усадьба В. И. Сурикова» совместно с ИФиЯК СФУ был разработан ряд мультимедийных интернет-проектов на платформе Tilda, посвященных творчеству художника и истории этого фестиваля. Одним из них является сайт, посвященный картине «Степан Разин», основным элементом которого является видеоигра «Баллада об атамане» в жанре визуальная новелла [1].

Визуальная новелла – жанр компьютерных игр, в котором зрителю демонстрируется история при помощи вывода на экран текста, статичных (либо анимированных) изображений, а также звукового и музыкального сопровождения. Визуальные новеллы отличает низкая интерактивность, так как от игрока требуется лишь нажатие определенной кнопки для перехода к следующей сцене. Но такой максимально упрощенный игровой процесс позволяет эффективней

использовать их в образовательном процессе за счет более эффективного и быстрого освоения учениками геймплея.

Сюжет подавался в формате общения старика с детьми, рассказывающего об истории и быте казачества, причинах и ходе восстания под предводительством Степана Разина. Для ориентирования повествования на школьную аудиторию использовалось описание причин и хода восстания из школьного учебника истории для 7 класса [2, с. 200–208].

Для создания новеллы нами использовался онлайн-ресурс makeon.ru, позволяющий создавать визуальные новеллы без использования языков программирования и адаптированные для просмотра как на персональных компьютерах и ноутбуках, так и на мобильных устройствах. При создании заднего фона и персонажей использовались нейросети, что позволило избежать необходимости искать профессиональных художников и, соответственно, минимизировать финансовые расходы. Важно отметить, что визуальные образы Степана Разина и его казаков основывались на вышеупомянутой картине Сурикова [3].

Итоговый продукт был представлен потенциальным пользователям в рамках постов в группе Музея-усадьбы В.И. Сурикова и статей в СМИ. Практической апробации в рамках школьных уроков или внеучебных занятий на данный момент не проводилось [3; 4; 5].

Таким образом, на основании вышесказанного мы можем сделать следующие выводы. Системно-деятельностный подход в современном образовании ставит перед педагогом задачу активного использования игровых форм обучения. В связи с широкой цифровизацией наиболее эффективными игровыми формами обучения являются образовательные видеоигры. В рамках Зимнего Суриковского фестиваля искусств МБУК «Музей-усадьба В.И. Сурикова» совместно с ИФиЯК СФУ была разработана видеоигра в жанре визуальная новелла – «Баллада об атамане», сюжетно основанная на картине В.И. Сурикова «Степан Разин». Жанровая специфика и хронометраж прохождения в 10 минут позволяет использовать ее в ходе учебного процесса в 7 классе при изучении событий восстания Степана Разина. Однако стоит отметить, что практических результатов апробации готового продукта в ходе школьных уроков или внеучебных занятий не проводилось.

Список источников

1. Баллада об атамане. URL: <https://makeon.ru/stories/search.php?id=1455> (дата обращения: 02.04.2026).
2. *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* История. История России. XVI–XVII вв. М.: Просвещение, 2024. 271 с.
3. Сказ о казаках. URL: <https://festivalsurikova.tilda.ws/stepanrazin> (дата обращения: 02.04.2026).
4. Картина, в которую можно сыграть! URL: https://vk.com/wall-73964_88_82680 (дата обращения: 02.04.2026).
5. Красноярские студенты при помощи ИИ оживили картины Сурикова. URL: https://vk.com/wall-44499956_386294 (дата обращения: 02.04.2026).
6. Музей-усадьба Сурикова и студенты СФУ презентовали медиапроекты, посвященные творчеству Василия Ивановича. URL: https://vk.com/wall-89881522_36034 (дата обращения: 02.04.2026).

ПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЕЛИЗАВЕТЫ I В ПРИДВОРНОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

CEREMONIAL PORTRAIT AS A MEANS OF VISUAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF ELIZABETH I IN COURT PAINTING OF THE SECOND HALF OF THE 16TH CENTURY

А.С. Франк

A.S. Frank

Научный руководитель И.В. Цыганова
Scientific adviser I.V. Tsyganova

Елизавета I Тюдор, парадный портрет, визуальная репрезентация, придворная живопись, символизм, аллегория.

Статья посвящена анализу парадного портрета как ключевого инструмента конструирования и трансляции образа королевы Елизаветы I Тюдор в придворной живописи Англии второй половины XVI в. Автор приходит к выводу, что портрет выступал не пассивной фиксацией внешности, а активным инструментом целенаправленной визуальной политики, направленной на сакрализацию власти, легитимацию женского правления и создание вневременного иконического символа монарха.

Elizabeth I Tudor, ceremonial portrait, visual representation, symbolism, allegory.

The article analyzes the ceremonial portrait as a key tool for constructing and broadcasting the image of Queen Elizabeth I Tudor in the court paintings of England in the second half of the 16th century. The author concludes that the portrait was not a passive representation of appearance, but an active tool for purposeful visual politics aimed at the sacralization of power, the legitimization of female rule, and the creation of a timeless iconic symbol of the monarch.

Парадный портрет раннего Нового времени транслировал идеи власти, а не внешность монарха. Именно при Елизавете I формирование публичного образа правителя впервые стало продуманной государственной политикой. Портреты помогали укрепить легитимность власти, сплотить нацию и заявить об имперских амбициях Англии. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в историографии целостного анализа портретов как последовательной визуальной стратегии, сознательно разработанной королевой для решения конкретных политических задач. В работах западных и отечественных авторов анализируются формальная эволюция стиля (Р. Стронг) [1], религиозно-мифологические аллегории (Фр. Йейтс) [2], исследуется визуальная риторика портретов королевы (О.В. Дмитриева, А.В. Нестеров, А.А. Троицкая) [3; 4; 5]. Цель данной работы – выявление и анализ изобразительных приемов и языка символов

в парадных портретах Елизаветы I, посредством которых конструируется и транслируется образ монарха. Источниками для исследования послужили пять ключевых портретов королевы: «Коронационный портрет» (копия с оригинала 1559 г.), «Портрет с пеликаном» (около 1575 г.), «Портрет Армады» (1588 г.), «Из Дичли» (1592 г.); «Портрет с радугой» (около 1600–1602 гг.).

В начале правления Елизавета должна была устранить сомнения в легитимности своей власти. «Коронационный портрет» [6] транслирует идею – вопроса о законности не существует. Золотая мантия, расшитая розами Тюдоров и французскими лилиями, провозглашает двойную преемственность – связь с отцовской династией и права на французскую корону [1, р. 163]. Регалии и темный фон превращают королеву в олицетворение власти. Этот портрет заложил визуальный канон, тиражировавшийся на печатях.

Отлучение от церкви в 1570 г. продиктовало необходимость создания нового образа королевы – главы англиканской церкви и божественной избранницы. В «Портрете с пеликаном» [7] Н. Хиллиард обращается к христианской символике: пеликан, раздирающий себе грудь ради птенцов, здесь уподоблен жертвенной любви Христа [4, с. 248–249]. Красное платье (цвет крови) и ягоды черешни (евхаристический символ) закрепляют сакральный статус правительницы [5, с. 638]. Так формируется образ «королевы-девственницы», жертвующей собой ради народа, подобно Христу.

Очередной вехой, потребовавшей репрезентации, стала победа над испанской Армадой в 1588 г. «Портрет Армады» [8] создает образ королевы-триумфатора. Императорская корона уподобляет ее властителям Священной Римской империи, а рука, лежащая на глобусе и указывающая на Америку, провозглашает имперские притязания Англии. Фон с гибнущими испанскими кораблями превращает событие в божественный суд, а русалки на троне символизируют морскую власть [3, с. 187]. Ту же задачу решает «Портрет из Дичли» [9] М. Гирердса Младшего. Гигантская фигура королевы возвышается над картой Англии, стопы покоятся на графстве Оксфордшир – землях заказчика сэра Генри Ли. Этим жестом портрет утверждает, что вся страна под властью Елизаветы и вассалы получают величие лишь благодаря ее присутствию. Контраст грозовой и ясной половин неба служит метафорой [5, с. 638]. Девизы «Дает и не ожидает возврата» и «Может, но не наказывает» подчеркивают божественную прерогативу. Королева – источник милости, предпочитающий милосердие [4, с. 231]. Так портрет становится манифестом абсолютной власти.

К 1580-м гг. Елизавета старела, но образ «королевы-девственницы» не должен был увядать. Поэтому королева и ее художники ввели жесткий канон – «маску»: бледное лицо, рыжие волосы, черно-белая гамма. Любое отступление немедленно пресекалось. Апофеозом мифа стал «Портрет с радугой» [10]. Королева с полумесяцем (Цинтия) и змеей (мудрость) держит радугу с надписью «Нет радуги без солнца» [3, с. 190]. Совмещение изображения и латинского текста создает риторический эффект смыслового сдвига [5, с. 639]. Образ закрепляет миф, что Елизавета – солнце, источник процветания, не меркнущее с годами.

Таким образом, через систему символов (регалии, геральдика, медальоны), аллегорические фоны, телесные жесты и латинские инскрипции портреты конструировали целостный образ монарха – от легитимной наследницы до сакральной «королевы-девственницы» и владычицы морей. Парадный портрет в елизаветинской Англии был инструментом визуальной политики, решавшим задачи утверждения власти, национального единства и имперского статуса.

Список источников и литературы

1. *Strong R.* Gloriana: The Portraits of Queen Elizabeth I. London: Thames and Hudson, 1987. 180 p.
2. *Йейтс Ф.* Астрей: имперский символизм в XVI веке. М.: Циолковский, 2020. 416 с.
3. *Дмитриева О.В.* Елизавета Тюдор. М.: Молодая гвардия, 2012. 320 с.
4. *Нестеров А.В.* Изображения Елизаветы I Тюдор: искусство портрета как искусство политики // Искусствознание. 2007. № 1-2. С. 228–259.
5. *Троицкая А.А.* Визуальная риторика английского ренессансного портрета: контексты и интерпретации // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2021. № 11. С. 635–646.
6. «Коронационный портрет» (копия с оригинала 1559 г.), около 1600. Дерево, масло. Национальная портретная галерея, Лондон.
7. Николас Хиллиард. «Портрет с пеликаном», около 1575. Дерево, масло. Художественная галерея Уокера, Ливерпуль.
8. «Портрет Армады», 1588. Масло на дубовой панели. Аббатство Воберн, Бедфордшир.
9. Маркус Гирердс Младший. «Портрет из Дичли», около 1592. Холст, масло. Национальная портретная галерея, Лондон.
10. Исаак Оливер (атрибуция). «Портрет с радугой», около 1600–1602. Холст, масло. Хатфилд-хаус, коллекция маркиза Солсбери.

ВСТРЕЧА С ИСКУССТВОМ: ВЫСТАВКА КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 80-е ГОДЫ

MEETING WITH ART:
EXHIBITION OF CHINESE PAINTING
IN THE KRASNOYARSK REGION IN THE 1980

Фэн Исинь

Feng Yixin

Научный руководитель В.Г. Дацышен
Scientific adviser V.G. Datsyshen

Цзян Шилунь, Красноярский край, советско-китайские отношения, живопись тушью, культурный обмен.

В статье анализируется персональная выставка китайского художника Цзян Шилуня, состоявшаяся в 1984 г. в Красноярском крае. Экспозиция, представившая традиционную живопись тушью, стала важным инструментом народной дипломатии, заложив фундамент для культурного «потепления» и восстановления связей между СССР и Китаем.

Jiang Shilun, Krasnoyarsk Krai, Sino-Soviet Relations, Ink Wash Painting, Cultural Exchange.
This paper examines the 1984 solo exhibition of Chinese artist Jiang Shilun in the Krasnoyarsk region as a pivotal moment in Sino-Soviet cultural history. By presenting traditional ink wash painting to Soviet audiences, the exhibition served as a form of grassroots diplomacy that bridged ideological divides during the Cold War. Ultimately, the event is highlighted as a significant precursor to the normalization of relations, laying the groundwork for future artistic collaboration between the two nations.

В 1980-е гг. в структуре международных отношений эпохи холодной войны наметилась осторожная разрядка, а отношения между Китаем и Советским Союзом начали постепенно переходить от длительного противостояния к потеплению. В этом историческом процессе культура и искусство, благодаря своей способности создавать эмоциональные связи и проявлять народную дипломатию, выходящую за рамки идеологии, стали «авангардом» в восстановлении двусторонних отношений. Художественные обмены, используя наглядный визуальный язык для преодоления барьеров,несли народам обеих стран добрую волю и взаимопонимание. Именно в контексте этих исторических перемен художник Цзян Шилунь, родившийся в Шэньяне (Китай) и впоследствии переехавший в СССР, благодаря своему глубокому мастерству в традиционной китайской живописи и уникальному двойному культурному опыту, организовал в 1984 г. персональную выставку, ставшую знаковым событием в Красноярском крае. Эта экспозиция не только продемонстрировала традиционное китайское искусство туши, но и стала конкретной практикой «оттепели» в китайско-советских культурных связях, оставив яркий след в истории художественных обменов двух стран.

Цзян Шилунь происходит из семьи интеллигентов и художников: его отец, лингвист и каллиграф, с детства обучал его искусству каллиграфии и отдал в специализированное художественное училище. Впоследствии Цзян Шилунь поступил на факультет искусств Северо-Восточного университета, который он окончил с отличием в 1948 г. В 1955 г. он переехал в Ленинград. В 1977 г. он получил советское гражданство, а в 1979 г. был принят в Союз художников СССР. В 2002 г. он был удостоен звания почетного профессора Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина, а в 2003 г. – почетного доктора искусств РГПУ им. А.И. Герцена. В 2011 г. он открыл «Художественную галерею Шилунь» в Санкт-Петербурге [1].

Как художник, глубоко погруженный в сферу традиционной китайской живописи, Цзян Шилунь всегда придерживался ее основных духовных принципов, интегрируя поэтическую атмосферу поэтов эпох Тан и Сун, таких как Ван Вэй и Линь Бу, в свои работы в технике «шуймо» (тушь и вода), сформировав уникальный стиль, характеризующийся «единством поэзии и живописи, глубиной и дальностью художественного замысла». Он активно участвовал во всесоюзных выставках акварели и выставках местных художников. Его работы, сохраняя эстетическую особенность китайской живописи «вэньжэньхуа» «передавать дух через форму», благодаря его межкультурному опыту приобрели более широкое измерение выражения, став важным связующим звеном в художественных обменах между Китаем и Советским Союзом.

С июля по октябрь 1984 г. Цзян Шилунь провел персональную выставку в Красноярском крае. Она носила передвижной характер и охватила ряд городов, а также площадки важнейших всесоюзных строек. Маршрут выставки включал следующие пункты. 9 июля – совхоз «Сибирь», поселок Синеборск (передвижная выставка). 20 июля – 10 августа – кинотеатр «Искра», поселок Шушенское. 11 августа – 1 сентября – Дворец культуры «Энергетик», поселок Черемушки. Выставка проходила на площадке Всесоюзной ударной комсомольской стройки Саяно-Шушенской ГЭС. Сентябрь – кинотеатр «Россия», город Минусинск. Октябрь – передвижная выставка на Всесоюзной ударной комсомольской стройке КАТЭК (Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс) [2, л. 19–21].

На выставке было представлено 25 работ, центральное место среди которых занимала традиционная китайская живопись тушью. Произведениям Цзян Шилуня свойственна глубокая философия «выражать чувства через пейзаж и нести истину посредством туши». Так, в работе «Зима» [3], вдохновленной поэтическими образами Лю Чанцина, с помощью лаконичной техники тушевых мазков (цунь) создан образ пустынного и отстраненного зимнего горного пейзажа. Меланхолия горных хребтов и созерцательная тишина воды здесь перекликаются с атмосферой одиночества, присущей оригинальным стихам. В свою очередь, работа «Пионы» [4] воплощает знаменитые строки Ван Вэя: «Мирно спокоен убор зеленый цветка. Разных оттенков алого платья шелка. Венчик в тоске вот-вот разорваться готов... Разве душа есть у вешних цветов?» [5]. Используя тончайшую игру

тонов и выверенную форму, художник не только передает величественный дух цветка, но и, следуя принципу «единства поэзии и живописи», трансформирует литературный образ в визуальный язык. Все представленные работы продолжают традиции китайской живописи «вэньжэньхуа» (картины ученых), объединяя поэзию, каллиграфию и живопись. Интеграция стихов Ван Вэя и Линь Бу непосредственно в композицию превращает тушь и кисть из простых инструментов создания формы в мощный носитель философской мысли и эмоций.

Как художник, обладающий уникальным двойным культурным кругозором, Цзян Шилунь придал этой выставке значение, выходящее далеко за рамки обычного художественного смотра. Используя живопись гохуа – наиболее знаковую форму китайского искусства – как проводник, он привнес в Красноярский край «философскую глубину» и «лиризм» традиционной китайской эстетики, позволив местным жителям через визуальные образы ощутить уникальное восприятие природы и души в китайском искусстве. Однако главное значение выставки заключалось в том, что она стала конкретным воплощением культурной «оттепели» на начальном этапе потепления советско-китайских отношений. В период, когда официальные межгосударственные контакты еще не были полностью восстановлены, эта персональная экспозиция в формате народного культурного обмена построила мост эмоциональной связи между художественными кругами и населением двух стран, заложив тем самым прочный фундамент для последующего официального сотрудничества в сфере изобразительного искусства.

Список источников и литературы

1. Цзян Шилунь. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B7%D1%8F%D0%BD_%D0%A8%D0%B8%D0%BB%D1%83%D0%BD%D1%8C (дата обращения: 29.03.2026).
2. ГАКК Ф.П-1006. Оп. 1. Д. 313. Л. 19–21.
3. Цзян Шилунь. «Зима», 1980. Шелк, акварель. 95 × 55 см. Шушенская народная картинная галерея профсоюзов, Шушенское.
4. Цзян Шилунь. «Пионы», 1984. Рисовая бумага, акварель. 42 × 30 см. Шушенская народная картинная галерея профсоюзов, Шушенское.
5. Ван Вэй. Красный пион. URL: <https://stihi.ru/diary/alemoskva/2009-03-28> (дата обращения: 03.04.2026).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КИНЕМАТОГРАФЕ.
МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
КАК ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ
НА УРОКАХ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЯПОНСКИМ КИНЕМАТОГРАФОМ ОПЫТА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

JAPANESE CINEMATOGRAPHER'S RECONCILIATION OF THE EXPERIENCE OF WORLD WAR II IN THE FIRST POST-WAR DECADES

Э.С. Авдеева

E.S. Avdeeva

Научный руководитель А.В. Буденкова
Scientific adviser A.V. Budenkova

Японский кинематограф, Вторая мировая война, цензура, доблестные герои, трагедия Хиросимы и Нагасаки.

В статье рассматриваются тенденции в переосмыслении японским кинематографом травматического опыта событий Второй мировой войны в первые послевоенные десятилетия. Автор приходит к выводу, что в фильмах происходит трансформация от прославления милитаризма военного периода к образам мученичества, предательства и послевоенной травмы.

Japanese cinema, World War II, censorship, valiant heroes, the tragedy of Hiroshima and Nagasaki.
The article examines the trends of Japanese cinema's reinterpretation of the traumatic experience of World War II in the first post-war decades. The author concludes that the films undergo a transformation from the glorification of wartime militarism to images of martyrdom, betrayal, and post-war trauma.

После подписания Японией Акта о капитуляции в 1945 г. и окончания войны произошла глобальная трансформация общества, что привело к переосмыслению роли искусства в жизни людей в послевоенное время. Кинематограф также не остался в стороне. Анализ его эволюции актуален и в наши дни, что позволяет увидеть, как общество переживало коллективную травму и меняло взгляд на недавнее прошлое.

Проблема переосмысления событий Второй мировой войны японским кинематографом нашла отклик в работах японских исследователей (А. Ивасаки), западных (Ж. Садуль) и российских (М.И. Романова, Н. Фоломов) [1, с. 115–166; 2, с. 359–375; 3, с. 157–165; 4]. Цель статьи – выявление и анализ ключевых тенденций переосмысления японским кинематографом событий Второй мировой войны в первые послевоенные десятилетия.

Японские фильмы о Второй мировой войне можно разделить на три основные категории: фильмы, изображающие Японию как героического борца, киноленты-покаяние, сюжеты, посвященные последствиям атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки [4].

Японский кинематограф военного времени служил ярким примером милитаристской пропаганды. Большинство фильмов создавались по заказу властей и использовались для моральной поддержки населения [2, с. 359]. Например, фильм «Пять разведчиков» 1938 г. режиссера Томотака Тасаки повествует о группе солдат, выполняющих разведывательную миссию в Китае [5]. Кинолента демонстрирует верность долгу, дисциплинированность и готовность к самопожертвованию, тем самым усиливая пропагандистское воздействие на зрителей [0:30:00-0:73:00]. Правительство Японии начало активно использовать кино как инструмент пропаганды в 1930-х гг. Со временем в кинотеатрах начали демонстрировать документальные фильмы, которые объясняли зрителям действия властей в области внешней политики. Одним из примеров является картина «Шанхай» 1938 г. режиссера Фумио Камэи [6].

Атака на Хиросиму и Нагасаки в августе 1945 г. завершила Вторую мировую войну. Вскоре началась оккупация Японии союзными силами, что привело к введению строгой цензуры [1, с. 154]. К 1952 г., когда оккупация закончилась, местная киноиндустрия начала восстанавливаться. Первое послевоенное десятилетие охарактеризовали «золотым веком» японского кино. В 1950–1960-х гг. в прокат выходили картины, прославлявшие японских героев Второй мировой войны. В отличие от пропагандистских фильмов военных лет вместо образа бесстрашных освободителей японцы стали репрезентоваться как жертвы. Фильмы затрагивали тему предательства высшего командования или указывали на корыстные мотивы местной элиты, втянувшей страну в войну. Эти тенденции нашли отражение во многих популярных фильмах данного периода. Например, в 1953 г. на экраны вышел фильм «Орел Тихого океана», снятый режиссером Исиро Хондой, посвященный биографии знаменитого японского адмирала Исороку Ямамото [3, с. 159; 7]. Фильм «Битва за Окинаву» режиссера Кихати Окамото 1971 г. выделяется особенно глубоким и правдивым изображением страданий японского мирного населения [8]. В киноленте открыто критикуются японские лидеры того времени, обвиняются в недостаточной поддержке своих войск [1:26:00-1:30:00]. Защитники острова, напротив, представлены как герои, совершившие самопожертвование ради страны [2:00:00-2:29:00].

В противовес героизации японских действий в период Второй мировой войны некоторые режиссеры создавали фильмы с антивоенным посылом. В центре их внимания оказывались страдания и трудности, с которыми столкнулись все, кого коснулась война [3, с. 163]. Среди таких работ выделяется трилогия Масаки Кобаяси «Удел человеческий» 1959–1961 гг., в которой главный герой, будучи солдатом японской армии, оказывается перед выбором: раствориться в безличной военной системе или сохранить свою человечность [4; 9]. Переломный момент показан в конце второй части, где герой после убийства солдата осознает, как война сломала его [2:56:00].

В развитии антивоенного кино заметную роль сыграл Кон Итикава с картинами «Бирманская арфа» 1956 г. и «Полевые огни» 1959 г. [10; 11]. Первая лента раскрывает, как смирилась некогда непобедимая японская армия [1:33:00],

а вторая показывает ужасы войны от полного равнодушия людей друг к другу [0:19:00] до случаев каннибализма [1:20:00].

Скрытая цензура на отображение ядерных атак на Хиросиму и Нагасаки была введена японским правительством в первые годы после американской оккупации. Власти оказывали давление на большие кинокомпании, из-за чего те не решались выпускать фильмы на эту тему или показывали их только в малоизвестных кинотеатрах [2, с. 374]. Восприятие бомбардировки Хиросимы в японском кино прошло определенную эволюцию. Поначалу ее показывали как трагедию без указания на преднамеренность военного удара. С окончанием оккупации наметился сдвиг в трактовке событий. Поворотной точкой стал фильм Хидео Сэгигавы 1953 г. «Хиросима», в котором впервые открыто говорилось о роли США в этой катастрофе [0:54:00-1:40:00] [3, с. 162; 12].

Таким образом, переосмысление опыта Второй мировой войны в японском кинематографе в первые послевоенные десятилетия выглядит как переход от прославления войны в кино к изображению ее разрушительных последствий, став средством проработки национальной травмы и поиска новых смыслов.

Список источников и литературы

1. *Ивасаки А.* История японского кино. М.: Прогресс, 1966. 330 с.
2. *Садуль Ж.* Всеобщая история кино. Т. 6. Кино в период войны 1939–1945. М.: Искусство, 1963. 469 с.
3. *Романова М.И.* Отражение исторической памяти о Второй мировой войне в японском кинематографе // *Этнодиалоги*. 2024. № 2 (73). С. 157–167.
4. *Фоломов Н.* Плач непобедимой нации. Как японский кинематограф переосмыслял травматический опыт войны. URL: <https://knife.media/crying-japan> (дата обращения: 30.03.2026).
5. «Gonin no sekkohei» (реж. Томотака Тасака, 1938).
6. «Shanghai» (реж. Фумио Камэи, 1938).
7. «Орел Тихого океана» («Taihei-yô no washi», реж. Исиро Хонда, 1953).
8. «Битва за Окинаву» («Gekidô no Shôwa-shi: Okinawa kessen», реж. Кихати Окамото, 1971).
9. «Удел человеческий» («Ningen no joken», реж. Масаки Кобаяси, 1959–1961).
10. «Бирманская арфа» («Biruma no tategoto», реж. Кон Итикава, 1956).
11. «Полевые огни» («Nobi», реж. Кон Итикава, 1959).
12. «Хиросима» («Hiroshima», реж. Хидео Сэгигавы, 1953).

КАК КУЛЬТУРА СТАНОВИТСЯ ПОЛИТИКОЙ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО КУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ СТРАН В 1930-е гг. ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

THE METHODOLOGICAL POTENTIAL OF VISUAL SOURCES ON CULTURAL INTERACTION BETWEEN COUNTRIES IN THE 1930S FOR DEVELOPING GLOBAL THINKING IN HISTORY LESSONS

В.А. Василенко

V.A. Vasilenko

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Scientific adviser E.L. Zberovskaya

Визуальные источники, глобальное мышление, культурное взаимодействие, 1930-е гг., методика преподавания истории.

В статье рассматривается методический потенциал визуальных источников по культурному взаимодействию стран в 1930-е гг. для развития глобального мышления на уроках истории. Автор показывает, как их анализ помогает обучающимся понять связь культуры и политики, формировать навыки сравнительного анализа и критического осмысления исторических процессов, а также предлагает конкретный кейс и прием для школьной практики.

Visual sources, global thinking, cultural interaction, 1930s, history teaching methods.

The article examines the methodological potential of visual sources on cultural interaction between countries in the 1930s for developing global thinking in history lessons. The author demonstrates how their analysis helps students understand the connection between culture and politics, develop skills in comparative analysis and critical assessment of historical processes, and offers a specific case study and a practical technique for school use.

В современном образовании большое внимание уделяется формированию и развитию глобальных компетенций обучающихся [1], что «проявляется в стремлении личности к получению «новых знаний о мире и социальных взаимодействиях», способности рассматривать с разных сторон проблемы глобального характера и межкультурного взаимодействия, понимании и оценке различных точек зрения» [2, с. 15]. Ключевым элементом, лежащим в основе формирования этих умений, выступает глобальное мышление [3, с. 114].

Период 1930-х гг. выделяется как время интенсивного и зачастую напряженного культурного взаимодействия, которое одновременно формировало и отражало глобальную политическую повестку. В статье раскрываются возможности использования визуальных источников для формирования у обучающихся глобального мышления.

Культура в 1930-е гг. стала ярким отражением политической жизни. Государства использовали культуру для пропаганды своих идей, формирования национального самосознания и идеологической борьбы. В этом контексте культурное взаимодействие в 1930-е гг. можно рассматривать как инструмент «мягкой силы», как поле для идеологической конкуренции.

Среди источников, привлекаемых для формирования глобального мышления по избранной теме, можно отметить визуальные. Например, анализ фотографий с международных выставок позволяет обучающимся выявлять стереотипы, пропагандистские приемы. Например, Парижская выставка 1937 г., Всемирная выставка в Нью-Йорке 1939 г. – это гигантские площадки для демонстрации достижений, идеологий и культурной мощи. Анализ фотографий павильонов позволяет сравнить архитектуры экспозиций разных стран, выявить культурное соперничество.

В качестве примера рассмотрим использование фотографий советского и немецкого павильонов на Всемирной выставке 1937 г. в Париже [4, с. 258; 5].

Задание – сравнить два павильона, представленные СССР и Германией, и заполнить таблицу.

Критерий	Павильон СССР	Павильон Германии
Архитектурный стиль		
Основные материалы		
Символика и скульптуры		
Идеологический посыл		

Путем анализа фотографий павильонов и сравнительной таблицы попробуйте ответить на вопросы: 1. Как авторы павильонов хотели представить свою страну? 2. Почему павильоны СССР и Германии расположили друг напротив друга? Какую роль это играло в общей атмосфере выставки? 3. Какие эмоции и ассоциации должны были вызывать у посетителей эти сооружения? 4. Как выставка отразила международную обстановку накануне Второй мировой войны?

Рис. 1. «Павильон Германии» (А. Шнеер)

Рис. 2. Павильон СССР
«Рабочий и колхозница» (В. Мухина)

Задание позволяет развивать навыки визуального анализа, критического мышления, умения работы с историческим контекстом. Оно дает возможность обучающимся увидеть, как искусство становится инструментом государственной политики и пропаганды.

Таким образом, использование визуальных источников позволяет сделать урок истории более интересным, так как они обладают высоким методическим потенциалом для развития глобального мышления. Такой подход превращает урок истории в пространство для воспитания ответственной гражданской позиции, что особенно актуально в современном информационном мире.

Список источников и литературы

1. Приказ Министерства Просвещения РФ «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования» № 371 от 18.05.2023. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2024/08/00012023071300_17.pdf (дата обращения: 30.04.2026).
2. *Асхадуллина Н.Н., Вильданова Д.Р.* Глобальные компетенции личности как императив социальной устойчивости: дидактический аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-2. С. 15–19.
3. *Коваль Т.В.* Глобальные компетенции – новый компонент функциональной грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. № 4 (61). С. 112–123.
4. *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* История. История России. 1914–1945 годы. 10 класс: базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2024. 496 с.
5. Архитектура СССР. 1937. № 9. Сентябрь. URL: <https://www.prilib.ru/item/1845169> (дата обращения: 10.04.2026).

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА УРОКАХ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

GAME TECHNOLOGIES AS A MEANS OF FORMING UNIVERSAL LEARNING ACTIVITIES IN MEDIEVAL HISTORY LESSONS

А.С. Гронская

A.S. Gronskaia

Научный руководитель А.Г. Канаев
Scientific adviser A.G. Kanaev

Игровые технологии, 6 класс, ФГОС основного общего образования, универсальные учебные действия (УУД), уроки истории, Средние века.

Статья рассматривает использование игровых технологий на уроках истории Средних веков для формирования универсальных учебных действий. Автор обосновывает актуальность игр снижением интереса к традиционным методам обучения и необходимостью развития познавательных, регулятивных, коммуникативных и личностных навыков.

Game technologies, 6th grade, Federal State Educational Standard of Basic General Education, universal learning actions (ULAs), history lessons, Middle Ages.

The article discusses the use of game technologies in history lessons on the Middle Ages to form universal learning actions. The author substantiates the relevance of games by the decrease in interest in traditional teaching methods and the need to develop cognitive, regulatory, communicative, and personal skills.

Современная школа стоит перед сложной задачей: как научить ученика не только запоминать даты и события, но и думать, анализировать, работать в команде и самостоятельно искать знания. Почему сегодня особенно актуален вопрос использования игровых технологий на уроках истории? Существует несколько причин: 1) снижение интереса к учебе: традиционные методы (лекции, пересказы, заучивание дат) вызывают скуку и нежелание учиться; 2) требования ФГОС: в рамках системно-деятельностного подхода ученик не просто усваивает знания, но самостоятельно ищет, преобразует и применяет их [1]; 3) особенности курса истории Средних веков (6 класс): абстрактное мышление только формируется, игровые технологии создают «активную обучающую среду» для погружения в эпоху.

Новизна заключается не в самом факте использования игр на уроках, а в новом уровне их интеграции в образовательный процесс. Во-первых, игра трансформируется из способа закрепления материала в средство развития всех УУД. Как пример приведем исторический детектив по теме «Византийская империя и ее соседи» (восстание «Ника», 532 г.). Ученики – тайные агенты: составляют

досье на Юстиниана, оценивают его реформы [2, с. 79–82]. Получаем работу с источниками, планирование, командную работу, выражение мыслей, критическое мышление.

Во-вторых, технологическое развитие дало множество цифровых платформ для создания обучающих игр. В своей практике мы используем следующие платформы. 1) *LearningApps* [3] – сервис с шаблонами для интерактивных заданий. Приведем пример по теме «Русские земли в середине XIII–XIV вв.»: имеем распределение портретов, годов правления и событий по князьям (Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской) [4]. 2) *Квестомодел* – бесплатный российский конструктор квестов. Не требует регистрации, удобен для создания ребусов [5]. 3) *Wordwall* – сервис для интерактивных игр. В пробной версии имеется ограничение на количество создаваемых игр. Фиксирует результаты каждого игрока для отслеживания усвоения материала [6].

В-третьих, игровые технологии внедряются в оценку образовательных результатов, они отслеживают прогресс учеников, фиксируют точность и время выполнения заданий. ФГИС «Моя школа» предлагает разнообразные задания и отправляет результаты учителям [7].

Игровые технологии позволяют целенаправленно формировать все группы универсальных учебных действий как вместе, так и по отдельности. Рассмотрим это на примерах из практики преподавания истории Средних веков. 1. Познавательные УУД формирует, например, «Историческое домино». Происходит сопоставление дат и событий, терминов и определений. Игра развивает логику и обеспечивает синтез информации [8]. 2. На регулятивные УУД работает, например, игра «Знатоки истории раннего Средневековья» (автор – Е.В. Сагитова из Оренбурга). Она включает задания на знание терминов (феод, сеньор), личностей (Карл Великий), быта Средневековья. Учит действовать по правилам, анализировать и корректировать свои действия [9]. 3. Коммуникативные УУД реализует прием «историческая марионетка»: один ученик играет роль исторического персонажа (Ричарда Львиное Сердце, Жанны д'Арк), остальные задают вопросы. Игра развивает коммуникацию и эмпатию [10]. 4. Личностные УУД обеспечивает «Герб ценностей» на тему «Сеньоры и вассалы». Предполагается создание личного герба с тремя качествами при использовании средневековых символов (лев – отвага, голубь – чистота, меч – правосудие) с объяснением выбора [2, с. 22–24].

Как и любой педагогический инструмент, игровые технологии имеют свои преимущества (повышение учебной мотивации и вовлеченности, снижение учебного стресса (ошибка воспринимается как часть игры, а не неудача), индивидуализация обучения) и недостатки (значительные временные затраты на подготовку и проведение, технические и организационные сложности, неприятие соревновательного элемента некоторыми обучающимися (стресс вместо стимула). Условия успешного применения игровых технологий следующие. 1. Целесообразность. Игра как средство, а не самоцель. Короткие игровые задания эффективнее,

чем игра на весь урок. 2. Четкая методическая проработка. Учитель должен знать, какие УУД формируются на каждом этапе игры, связывать это с тематическим планированием. 3. Сочетание с другими методами. Игровые технологии дополняют традиционные формы работы. 4. Постоянная рефлексия – анализ игрового процесса и его результатов.

Таким образом, игровые технологии на уроках истории Средних веков могут выступать эффективным средством формирования УУД.

Список источников и литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <https://classinform.ru/fgos/1.3-osnovnoe-obshchee-obrazovanie-5-9-class.html> (дата обращения: 20.03.2026).
2. *Мединский В.Р., Чубарьян А.О.* История. Всеобщая история. История Средних веков: 6-й класс: учебник. М.: Просвещение, 2025. 255 с.
3. LearningApps. URL: <https://learningapps.org/> (дата обращения: 13.04.2026).
4. Русские земли в середине XIII–XIV в. URL: <https://learningapps.org/display?v=pmiijtuvk26> (дата обращения: 13.04.2026).
5. Квестодел. URL: <https://kvestodel.ru/> (дата обращения: 13.04.2026).
6. Wordwall. URL: <https://wordwall.net/ru/create/picktemplate> (дата обращения: 13.04.2026).
7. ФГИС «Моя Школа». URL: <https://tests.myschool.edu.ru/tests?page=1&status=PUBLISHED> (дата обращения: 13.04.2026).
8. *Алендеева Н.Е.* Дидактические игры на уроках истории // Школьная педагогика. 2022. № 1 (23). С. 50–55. URL: <https://moluch.ru/th/2/archive/212/6968> (дата обращения: 13.04.2026).
9. *Сагитова Е.В.* Историческая игра «Знатоки истории раннего Средневековья». URL: <https://xn--d1abbusdciv.xn--p1ai/edu-10-2025-pb-196305/> (дата обращения: 14.04.2026).
10. *Куртова М.А.* Приемы и способы формирования коммуникативных УУД на уроках истории посредством применения игровых технологий. URL: <https://www.lurok.ru/categories/8/articles/25691> (дата обращения: 14.04.2026).

БЛЭКВОШИНГ В КИНОИНДУСТРИИ КАК СИМПТОМ ОТРИЦАНИЯ РАСИЗМА

BLACKWASHING AS SYMPTOM OF RACISM DENIAL

А.В. Дмитриенко

A.V. Dmitrienko

Научный руководитель М.В. Эберхардт
Scientific adviser M.V. Eberhardt

Блэквошинг, блэксплотейшн, дискурс, отрицание расизма, киноиндустрия.

В статье в рамках дискурса «отрицания расизма», представленного в труде Тёна ван Дейка «Дискурс и власть», рассматривается такой процесс в американской культуре, как блэквошинг. Автор приходит к выводу о том, что блэквошинг в руках белых элит становится политически обусловленным искажением действительности в угоду актуальной повестке общества, находящегося в состоянии острого социального кризиса.

Blackwashing, blaxploitation, discourse, denial of racism, film industry.

The article examines such a process in American culture as blackwashing within the framework of the discourse of “denial of racism” presented in the work of Teun Van Dijk “Discourse and Power”. The author concludes that blackwashing in the hands of white elites becomes a politically motivated distortion of reality in order to meet the current agenda of a society in a state of acute social crisis.

В социологическом труде «Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации» нидерландский лингвист Тён ван Дейк рассматривает понятие «отрицание расизма» сквозь призму речевых конструкций, используемых в частном и публичном пространстве. Один из выводов, к которому он приходит, заключается в том, что отрицание есть глобальная стратегия управления, которая позволяет контролировать националистическое противостояние и нивелировать проблемы расово и этнически многообразного общества [1, с. 151]. Однако если расширить это отрицание и вывести за лингвистические рамки, то мы сможем обнаружить примеры подобного явления в других системах. Например, в сфере киноиндустрии. И начать разбираться стоит с такого понятия, как «блэквошинг».

Блэквошинг как понятие развилось и закрепились в узких кругах любителей и критиков кино как антипод термину «вайтвошинг», впервые упомянутому в 1997 г. американским исследователем Уилли А. Холлом в газете Afro-American Red Star [2]. Вайтвошинг дословно переводится как «обеление» и обозначает практику исполнения ролей расовых и национальных меньшинств белыми актерами. Он активно используется в исследовательских и масс-медийных работах, становится предметом активного обсуждения в обществе, культуре и политике. Обратное ему явление, которое также имеет место, лишь в последние годы обратило на себя пристальное внимание киноведов и обычных зрителей. Сам термин «блэквошинг» стал активно использоваться в конце 2010-х гг., что может быть

связано с активизацией дискуссии в обществе по поводу смены цвета канонически белых персонажей. Ниже попробуем разобраться, почему подобное киноявление можно считать симптомом отрицания расизма.

Блэквошинг можно рассматривать как эволюцию феномена «блэксплотейшн» – жанра эксплуатационного кино, в центре которого находятся чернокожие персонажи и раскрываются расово-социальные проблемы. Расцвет его пришелся на 70-е гг. XX в., а сами фильмы, хоть и в меньшем количестве, выходят и по сей день [3]. Блэквошинг – это механизм, обратный вайтвошингу. И его активное развитие приходится на конец 2010 – первую половину 2020-х гг. Замена расовой принадлежности исконно белых исторических и вымышленных персонажей связана скорее с общей ситуацией в киноиндустрии, когда оригинальные фильмы окупаются гораздо хуже, чем ремейки, в связи с чем тенденции к переосмыслению пересекаются с необходимостью положительной репрезентации чернокожего населения. А особенно ярко эта идея получила развитие после событий 2020 г. (убийства Джорджа Флойда и активизации протестных движений в защиту чернокожего населения), однако первые ее проявления наметились ранее. Как отмечают критики и зрители, это может быть связано с фильмом, получившим премию Оскар в 2017 г., «Лунный свет», поднимающим проблемы сексуальной идентичности и расовой принадлежности. Этот год запомнится также решением Американской киноакадемии о введении требований для фильмов-номинантов на премию «Оскар» [4], связанных с квотами на инклюзивность, гендер и расу. В прокат каждый год выходят все новые фильмы и сериалы, которые подвергаются критике за использование блэквошинга (2019 г. – адаптация книжной и игровой серии «Ведьмак», 2021 г. – «Анна Болейн», 2022 г. – «Кольца власти» и «Дом дракона», 2023 г. – «Царица Клеопатра» и др.), а в общественном и политическом дискурсе ведется острая полемика между представителями консервативного и либерального блока.

Было бы неправильно рассматривать данное явление в отрыве от общих тенденций развития расовых отношений в конце 2010-х – начале 2020-х гг. Обострившиеся в американском обществе противоречия уже нельзя было игнорировать. И прежде были резонансные случаи проявления расизма, однако общественная реакция на них в современном нам обществе оказалась гораздо острее, чем раньше. Для примера можно сравнить массовость и значение протестов после убийства Джорджа Флойда, которые продолжались с конца мая 2020 и практически весь 2021 г., и беспорядки в Лос-Анджелесе в 1992 г., длившиеся с 29 апреля по 3 мая. Причиной беспорядков что в одном, что в другом случае было недовольство проводимой в отношении расовых меньшинств политикой, а поводом – произвол со стороны полиции (1992 г. – оправдание полицейских, которые участвовали в задержании афроамериканского правонарушителя Родни Кинга с применением крайне жестких методов). И пусть в 1992 г. подобное также вызывало резонанс, однако он не был таким всеобъемлющим, как в 2020 г. Власть в этой ситуации не может отрицать наличие глубокого кризиса, но при этом начинает использовать весь потенциал протестных настроений для собственного продвижения. Укрепление Демократической партии на фоне «отстаивания интересов» чернокожего населения не может

сопровождаться лишь газетными заголовками и голосами СМИ. Кино здесь также может выступать в качестве транслятора идей. Оно, как средство, самое доступное для понимания широкими массами, должно работать на создание позитивного образа прогрессивной части общества, выступающей за передачу части собственных привилегий в руки нацменьшинств. Отрицание расизма в данном случае проходит процесс трансформации точно так же, как и когда-то блэксплотейшн. Если в исследовании «Дискурс и власть» автор доказывал, что имеет место позитивная саморепрезентация белых элит за счет негативного позиционирования представителей иных этнических групп, то теперь можно говорить о том, что она основывается на мнимой поддержке последних для того, чтобы привлечь на свою сторону сочувствующий проблемам этих групп электорат. И новые тенденции в кино, пусть и невольно, становятся проводниками этого отрицания. Квотирование премий и рабочих мест в конкретных организациях и компаниях не изменит общей ситуации на рынке труда. В 2025 г. уровень безработицы среди чернокожего населения почти в два раза превышает ее общий уровень в стране [5]. Замена исторической репрезентации никак не отменит событий прошлого, однако вызовет сопротивление той части зрителей, которые пришли посмотреть фильм, а не политическую агитку белого большинства. Положение этнических меньшинств в современных нам США еще требует более тщательного анализа и структуризации всех имеющихся данных, однако уже сейчас можно утверждать, что все те полумеры, которыми маскируются межэтнические проблемы, являются фиговым листком на теле демократии. И одной из таких полумер невольно стал и блэквошинг. Его активно используют для переключения внимания с реальных расовых проблем, которые имеют место в современном американском обществе, однако подобный нарратив гораздо лучше ложится на маскировку этих проблем в самый разгар активных общественных недовольств, чем реально помогает их решению.

Список источников и литературы

1. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
2. A New Meaning of 'Whitewashing'. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/happy-birthday-serendipity> (access date: 18.03.2026).
3. Соколов А. Гид по блэксплотейшну: как чернокожие герои пришли в Голливуд, чтобы остаться навсегда. URL: <https://disgustingmen.com/kino/blaxploitation/> (дата обращения: 18.03.2026).
4. Куандыкова Ж. Not So White: «Оскар» вводит новые требования для фильмов-номинантов, касающиеся инклюзивности, гендера и расы. Что это значит для кино? URL: https://www.pravilamag.ru/entertainment/206003-not-so-white-oskar-vvodit-novye-trebovaniya-dlya-filmov-nominantov-kasayushchiesya-inklyuzivnosti-gendera-i-rasy-cto-eto-znachit-dlya-kino/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 18.03.2026).
5. Уровень безработицы среди чернокожих в США достиг почти трехлетнего максимума, вызывая экономическое предупреждение. URL: <https://www.bitget.com/ru/news/detail/12560604944330> (дата обращения: 18.03.2026).

ТРИЛОГИЯ ЭРНСТА МАРИШКИ ОБ ИМПЕРАТРИЦЕ СИССИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

ERNST MARISCHKA'S TRILOGY ABOUT EMPRESS SISSI AS A HISTORICAL SOURCE FOR STUDY OF CULTURAL MEMORY

И.В. Зайцева

I.V. Zaitseva

Научный руководитель Е.С. Меер
Scientific adviser E.S. Meer

Елизавета Баварская, культурная память, потестарная имагология, австрийский кинематограф, символы власти.

Статья посвящена анализу трилогии Эрнста Маришки об императрице Сисси в контексте теории культурной памяти. Автор приходит к выводу, что в образе Елизаветы Баварской идеализируются идеи народа, семьи и нации в соответствии с потребностями австрийского послевоенного общества.

Elisabeth of Bavaria, cultural memory, potestary imagology, Austrian cinema, images of power.

The article is devoted to the analysis of Ernst Marischka's trilogy about Empress Sissi in the context of the theory of cultural memory. The author concludes that the image of Elizabeth of Bavaria idealizes the ideas of the people, family, and nation in accordance with the needs of Austrian post-war society.

Елизавета Баварская (1837–1898), известная как Сисси, является одной из самых известных женщин Австрии наряду с Марией Терезией (1717–1780). Она была супругой австро-венгерского императора Франца Иосифа I, правившего в 1848–1916 гг. Ее образ занимает значительное место в массовой культуре. Существенную роль в его формировании сыграл кинематограф, прежде всего трилогия фильмов австрийского режиссера Э. Маришки.

На русском языке имеются переведенные биографии Елизаветы Баварской Эгона Цезаря Конте Корти [1] и Ренате Штефан [2], из которых можно узнать о жизненном пути императрицы. Что же касается трилогии Э. Маришки, то ее исследование носит фрагментарный характер в рамках более общих сюжетов (статьи И.В. Крючкова, Н.Д. Крючковой, А.А. Петросян, П.О. Пронькиной, К. Реутовой) [3, с. 95; 4, с. 279–281; 5, с. 127; 6].

Цель данной статьи – анализ трилогии Эрнста Маришки о Сисси как исторического источника для изучения культурной памяти о Елизавете Баварской. Методологическую основу исследования составляет концепция культурной памяти А. Ассман, в рамках которой трилогия интерпретирована как форма функциональной культурной памяти [7, с. 55–59]. Используется классификация символов власти М. Бойцова, представленная в рамках потестарной имагологии [8, с. 15–20]. Источниковую базу составляют три австрийских

фильма Э. Маришки «Сисси» (1955), «Сисси – молодая императрица» (1956), «Сисси: Трудные годы императрицы» (1957) [9; 10; 11], отражающие ценности и идеологические установки послевоенного времени.

Анализ показывает, что в трилогии формируется образ Сисси как носительницы естественности, моральной чистоты и подлинной «народности». Уже в первой части героиня представлена в природной среде Баварии: она ловит рыбу в горной реке, гуляет по альпийским лугам, кормит птиц, поит молоком из бутылочки спасенного олененка, общается с домашними животными, что сближает ее с архетипом сказочной героини, подобной Белоснежке в диснеевском анимационном фильме 1937 г., и подчеркивает ее противопоставление искусственному и лицемерному придворному миру Вены. В отличие от эрцгерцогини Софи Баварской (1805–1872), матери Франца Иосифа I, которая воспринимает подданных как безликую массу, Сисси общается с крестьянами, горожанами, слугами как с равными. Она отказывается от части церемониала, свободно покидает дворец.

Особое значение имеет образ семьи. Родительский дом Сисси в Поссинхофене, где она живет с родителями (герцогом Максимилианом Баварским и герцогиней Людовикой), изображен как пространство гармонии и простоты, несмотря на аристократический статус. После замужества героиня сохраняет эту модель, что проявляется в сценах заботы о муже: она чистит его обувь, уезжает с ним в горы, чтоб он мог отдохнуть от придворного давления, поддерживает его в моменты политических сомнений. Это подчеркивает идею равенства и эмоциональной близости супругов. Антитезой опять же выступает образ свекрови, она олицетворяет приоритет государственных интересов над личными чувствами и браки по расчету.

Национальный аспект играет важную роль в трилогии. Радуют глаз горные пейзажи Баварии и Австрии как образы родины для Сисси и зрителя – «той самой» доиндустриальной, патриархальной земли, чья идентичность конструируется через природу. Особенно это видно в сценах, связанных с Венгрией, где Сисси предстает как «национальная» императрица, несмотря на отсутствие четкого исторического обоснования данной популярности. Во втором фильме трилогии широко представлены визуальные и синтетические образы власти. Присутствуют инсигнии и геральдика: корона, держава, скипетр, гербы Австрии и Венгрии. Во время коронации в Будапеште крупным планом показаны венгерский герб и корона Святого Стефана. Платье Сисси во время визита к графу Дьюле Андраши выполнено в цветах венгерского флага – зеленый, красный, белый. Сам граф Андраши также появляется в костюме, где доминируют эти же цвета. На голове Франца Иосифа I можно заметить плюмаж из зеленых перьев – элемент парадной военной формы, который в контексте венгерских сцен также отсылает к венгерской национальной символике. Подробно продемонстрирована церемония коронации в Будапеште (8 июня 1867 г.), сцена, где символы власти показаны наиболее концентрированно. Коронация представлена как акт легитимности и примирения австрийской короны с венгерской нацией. Ритуал показан как зрелищное действо – торжественное шествие, возложение короны, присяга, а участие ликующего народа – как символ единства монарха и нации.

Таким образом, в трилогии Сисси предстает как «народная» и «национальная» императрица, а также любящая жена, образ, импонировавший простому зрителю послевоенного времени, заставляющий вздыхать о старых якобы золотых временах. Трилогия обрывается на мажорной ноте. Зрителю не показывают самые трагические события: смерть дочери Софии (1857), самоубийство сына Рудольфа (1889), убийство самой Сисси (1898). Маришка исключает ключевые травматические моменты истории императрицы или смягчает их. То, что трилогия по-прежнему выходит в Австрии на Рождество, говорит о неизжитой потребности общества в идеализированном, «компенсаторном» образе прошлого.

Список источников и литературы

1. Корти Э.Ц.К. Елизавета I Австрийская. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 608 с.
2. Штефан Р. Императрица Елизавета Австрийская, 1837–1898 гг.: Судьба женщины в тисках императорского двора: Документация в 130 картинах. Вена: Изд-во Др. Ренате Хофбауер, 1998. 128 с.
3. Крючков И.В., Крючкова Н.Д. Историческая память и габсбургский миф: посттравматический синдром человека XX века и товар общества массового потребления // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 86–99.
4. Петросян А.А. Об актуализации культурно-исторического наследия в липецком кино-клубе «Ностальгия» (на примере фильма Эрнста Маришки «Сисси») // Региональная культура как компонент содержания непрерывного образования: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Липецк, 20–21 мая 2021 года / отв. ред. В.В. Абрамова. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 278–281.
5. Пронькина П.О. Образ Елизаветы Баварской и его отражение в искусстве // Эстетические, педагогические и социокультурные аспекты непрерывного образования в сфере музыки и театра: современные стратегии и практики: материалы международной научно-практической конференции. Владимир, 12 ноября 2024 г. / отв. ред. А.В. Данилова. Владимир: Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Высшая школа музыки и театра, 2024. С. 124–129.
6. Реутова К. Гибель богов: кто такая Сисси и почему шоураннеры бьются за экранизацию ее истории. URL: https://www.kinopoisk.ru/media/article/4006856/?utm_referrer=away.vk.com (дата обращения: 07.05.2026).
7. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
8. Бойцов М. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–37.
9. «Сисси» («Sissi», реж. Э. Маришка, 1955).
10. «Сисси – молодая императрица» («Die junge Kaiserin», реж. Э. Маришка, 1956).
11. «Сисси: Трудные годы императрицы» («Sissi – Schicksalsjahre einer Kaiserin», реж. Э. Маришка, 1957).

ОБРАЗЫ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В КИНО

IMAGES OF THE DECEMBRISTS' WIVES IN FILM

К.В. Кобова

K.V. Kobova

Научный руководитель Е.С. Меер

Research adviser E.S. Meer

Жены декабристов, образы в исторической памяти, учебное кино, художественное кино, сериал, документальное кино.

Статья посвящена изучению образов жен декабристов в советском и российском кино на материале разножанровых фильмов. Сделан вывод о избирательном внимании к отдельным героиням, романтизации подвига в советский период и тенденции к снижению значимости темы в современном кинематографе.

Decembrists' wives, images in historical memory, educational films, feature films, series, documentary films.

The article is devoted to the study of the images of the Decembrists' wives in Soviet and Russian cinema, based on films of various genres. A conclusion was made about selective attention to individual heroines, the romanticization of heroism in the Soviet period, and the tendency to reduce the significance of the theme in modern cinema.

Жены декабристов – 11 женщин, добровольно отправившихся за своими мужьями-каторжниками в Сибирь. Еще в XIX в. они стали символом супружеской верности и нравственной силы. Их образы получили определенное отражение и в отечественном кинематографе. Отдельные аспекты этой репрезентации представлены в статьях Н.А. Адаменко, А.И. Махонько и Е.В. Петраш, Н.В. Мордовина и т.д. [1, с. 18; 2, с. 63–64; 3, с. 397], но системного анализа в научной литературе нами не обнаружено. В данной статье мы попытаемся проследить, как создавались и менялись образы жен декабристов в советском и российском кино на примере фильмов, снятых с 1970-х по 2020-е гг. Представим историко-сравнительный анализ кинопроизведений с учетом жанровой специфики и социокультурного контекста создания лент.

Источниковую базу исследования составляют следующие кинопродукты. Это учебный фильм «Декабристы» («Леннаучфильм», 1971 г.) [4], предназначенный для демонстрации в образовательных учреждениях, что определяет его лаконичность и отчетливую дидактическую направленность. Художественный фильм «Звезда пленительного счастья» («Ленфильм», 1975 г.) [5] представляет собой классику советского историко-романтического кино, оказавшую решающее влияние на формирование канонического образа декабристок в массовом сознании. Проект «Дело декабристов» (телеканал «Россия», 2016 г.) [6] является примером современного документального расследования, отражающим тенденции переосмотра декабристского мифа в постсоветский период. Художественный фильм «Союз спасения» («Первый канал», 2019 г.) [7] и его сериальное продолжение

и расширенная версия «Союз спасения. Время гнева» (2022–2023 гг.) [8] воплощают собой масштабный исторический кинопроект о заговоре декабристов.

Черно-белая кинолента «Декабристы» (1971) [4] посвящена причинам восстания, хронике 14 декабря и суду над заговорщиками. Женщины здесь не являются основными персонажами, однако портреты А. Муравьевой, М. Волконской и Е. Трубецкой возникают в самый эмоциональный момент – сразу после зачитывания приговора закадровым голосом. Имена героинь не подписаны, но параллельно демонстрации их лиц идут реплики от первого лица: «Я, Александра Муравьева...», «Я, Мария Волконская...», «Я, Екатерина Трубецкая...» с цитированием условий документа, который они подписывали для следования в Сибирь за мужьями. Отказ от дворянских привилегий подается как ключевой маркер подвига. Благодаря этому фильму в исторической памяти зрителя закреплялся образ декабристок как смелых женщин, а не пассивных жертв обстоятельств, однако из 11 жен упоминаются лишь 3.

Фильм «Звезда пленительного счастья» (1975) [5] с первых кадров заявляет о своей основной идее: титры заканчиваются словами «Женщинам России посвящается». Здесь жены декабристов являются центром повествования. Выстраиваются параллельные сюжетные линии героинь: Екатерины Трубецкой, Марии Волконской и Полины Гебль (Анненковой). Е. Трубецкая, первой отправляющаяся в Сибирь, решительно справилась со всеми препятствиями, продемонстрировав упорство и преданность. М. Волконская проходит через самое тяжелое испытание – мучительное прощание с малолетним сыном, оставляемым на попечение родных, что подчеркивает трагический разрыв материнских уз во имя супружеского долга. Линия Полины Гебль, еще не ставшей законной женой Анненкова, выводит подвиг за пределы формального брака. Она заявляет о готовности навсегда отказаться от родины, чтобы разделить участь русского каторжника. Именно этот фильм закрепил в исторической памяти канонический образ декабристок как женщин, совершивших глубоко личный, жертвенный выбор во имя любви и верности, и сформировал устойчивое представление о подвиге. Репрезентации глубокие, подробные, но акцент снова сделан на 3 женщинах, даже если эта триада немного другая.

В «Деле декабристов» (2016) [6] мы видим максимально достоверную, пошаговую реконструкцию событий 14 декабря 1825 г. и последующего за ними следствия. Авторы стремятся восстановить хронологию событий с наибольшей точностью, но места женам декабристов в этом историческом расследовании почти не находится. О них упоминается лишь раз в контексте фактических данных: уехали за осужденными 11 жен, 8 сестер и матерей. Портреты жен представляют собой быстро сменяющийся визуальный ряд с подписанными именами. Про их подвиг и трудности, которые им пришлось пережить, не упоминается. При этом подробно показан образ императрицы, ее болезнь и семейные отношения. Это свидетельствует о сознательном умолчании о подвиге декабристок. В современной трактовке акцент смещается на государственное преступление декабристов, и личная судьба их спутниц теряет значимость. В отличие от романтического

настроения советского кино 1970-х гг., где подвиг жен был созвучен идее жертвенности во имя идеалов, акцент смещается в сторону государственного преступления самих декабристов, на фоне которого «личное дело» их спутниц теряет значимость. Их судьба отодвигается, уступая место трагедии царя и его дома.

В «Союзе спасения» (2019) [7] отрывочно реконструируются события заговора декабристов до момента казни. Для эмоциональности добавлен вымышленный персонаж – Анна Бельская, возлюбленная Сергея Муравьева-Апостола. Жен декабристов в сюжете нет. В расширенном варианте «Союз спасения. Время гнева» (2022–2023) [8] ситуация немного меняется. В сюжете появляется Е. Трубецкая, но всего в нескольких эпизодах. Она предстает перед зрителем как любящая и понимающая жена, которая во время ареста мужа готова поддержать его в любом решении (скрыться в Европе или сдать). Про ссылку и подвиг женщин речи не идет. Роль женщин воспринимается как вспомогательная, в качестве эмоционального фона для мужских персонажей.

Проведенный анализ показывает, что образы жен декабристов в отечественном кинематографе жанрово и идеологически обусловлены. В советском учебном кино представлена героическая иллюстрация, в художественном фильме того же периода – романтическая канонизация. В современном документальном проекте образ почти полностью исчезает, а в историческом боевике «Союз спасения» и его сериальной версии либо отсутствует вовсе, либо представлен фрагментарно и лишен самостоятельной значимости. Устойчивой особенностью остается избирательность: из 11 женщин экранное воплощение получают преимущественно Трубецкая, Волконская и Анненкова (или Муравьева), что способствует формированию коллективного, но неполного образа подвига. Ключевая тенденция заключается в смещении акцента с нравственного подвига женщин на политическую оценку самого декабристского движения.

Список источников и литературы

1. Адаменко Н.А. Работа кинооператора-универсала в создании кинопортрета (на материале фильма «Звезда пленительного счастья») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 76-1. С. 17–20.
2. Махонько А.И., Петраш Е.В. Основные аспекты восприятия исторического события «Восстания декабристов» через призму российского кинематографа // ИТНОУ: Информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2023. № 2-21. С. 60–65.
3. Мордовин Н.В. Исторический художественный фильм как средство формирования исторического сознания (на примере фильмов о декабристах) // LIII итоговая студенческая научная конференция Удмуртского государственного университета: материалы всерос. конф. (апрель, 2025). Т. 1 / сост.: О.И. Смирнова; отв. ред. А.М. Макаров. Ижевск: Удмуртский университет, 2025. С. 396–398. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=88974598> (дата обращения: 04.04.2026).
4. «Декабристы» (реж. И. Чаплина, 1971).
5. «Звезда пленительного счастья» (реж. В. Мотыль, 1975).
6. «Дело декабристов» (реж. С. Кожевников, 2016).
7. «Союз спасения» (реж. А. Кравчук, 2019).
8. «Союз спасения. Время гнева» (реж. Н. Высоцкий, И. Лебедев, 2022–2023).

МУЛЬТСЕРИАЛ «ВОКРУГ СВЕТА С ВИЛЛИ ФОГОМ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ

THE ANIMATED SERIES “AROUND THE WORLD WITH WILLIE FOG” IN THE CONTEXT OF HISTORICAL IMAGODOLOGY

В.П. Оттева

V.P. Otteva

Научный руководитель Е.С. Меер
Scientific adviser E.S. Meer

«Вокруг света с Вилли Фогом», мультсериал, историческая имагология, образ «Другого», стереотип.

В статье представлен историко-имагологический анализ испано-японского мультсериала «Вокруг света с Вилли Фогом» (1983 г.). Автор приходит к выводу, что он как просвещает детей в отношении других стран и культур, так и закрепляет стереотипы о них.

“Around the World with Willy Fog”, animated series, historical imagology, image of the “Other”, stereotype.

The article presents a historical and imagological analysis of the Spanish-Japanese animated series “Around the World with Willy Fog” (1983). The author concludes that it both educates children about other countries and cultures and reinforces stereotypes about them.

В современной гуманитарной науке наблюдается устойчивый рост интереса к исторической имагологии, изучающей образы других стран и культур в массовом сознании. Л.А. Лапина отмечает, что этот интерес вызван тем, что визуальные образы вытеснили текст как главный способ передачи информации в современной культуре [1, с. 28]. В этой связи анализ экранных адаптаций классических текстов, формирующих у массового зрителя образы «чужих» культур, может быть перспективной задачей. Мультсериал «Вокруг света с Вилли Фогом» является одновременно ретранслятором научно-просветительских идей Жюль Верна и продуктом массовой визуальной культуры, оперирующей узнаваемыми образами-штампами.

Творчество Ж. Верна в нашей стране исследовано Е.П. Брандисом. Он детально анализирует творческий метод писателя, его интерес к науке, географии и различным культурам [2; 3; 4]. Брандис подчеркивает, что романы Ж. Верна представляют собой «универсальный географический очерк земного шара» [3, с. 20], где герои посещают разные страны, а автор знакомит читателей с нравами и обычаями народов планеты. Там же раскрыт контекст создания романа «Вокруг света за восемьдесят дней». Однако сам мультсериал в указанных выше трудах не рассматривался, что определяет новизну данной работы.

Цель данной статьи – применение категорий исторической имагологии к анализу мультсериала «Вокруг света с Вилли Фогом». Мы опираемся на материал статей Л.А. Лапиной и Е.Ю. Дубовиковой, где образ «Другого» выступает

отправной точкой самоидентификации, стереотип – это устойчивое, но неполное представление, отмечена роль визуального образа в понимании эпохи [1, с. 28, 30; 5, с. 39].

Мультсериал «Вокруг света с Вилли Фогом» (1983 г.) [6], прежде всего исследуемый в работе, представляет собой аудиовизуальный исторический источник, подвид кинематографа – мультипликацию. Он отражает не столько реалии XIX в., сколько ценности и идеологические установки эпохи своего создания (начало 1980-х гг.) и культурные особенности стран-производителей (Испания, Япония). Мультсериал формирует у зрителя устойчивые визуальные и эмоциональные образы различных стран и народов. Лежащий в его основе роман Ж. Верна «Вокруг света за восемьдесят дней» (1872 г.) – это письменный исторический источник, литературный памятник эпохи. Будучи первичным по отношению к мультсериалу, он задает исходную сюжетную и географическую основу, отражает научно-просветительские идеи XIX в. (веру в прогресс, интерес к географии и технике), а также характерные для своего времени культурные стереотипы о жителях разных стран [7].

Роман Ж. Верна изначально строится на столкновении национальных характеров. Мультсериал переводит эти текстовые описания в визуальные образы, которые в силу специфики жанра (анимация, детская аудитория) становятся более яркими, гиперболизированными и упрощенными. Ключевым приемом визуализации национальных стереотипов становится наделение персонажей чертами животных, символически связанных с определенными странами. Например, главный герой романа Филеас Фогг – воплощение английской флегматичности и точности, а его слуга Паспарту – олицетворение французской находчивости и живости [7, с. 17]. Центральный герой мультсериала – Вилли Фог (аналог Филеаса Фогга). Его облик отсылает к образу льва. Лев традиционно является геральдическим символом Великобритании, олицетворяя королевское достоинство, силу и невозмутимость. В мультсериале Фог сохраняет все черты «английского бесстрастия» – он пунктуален, немногословен, всегда собран и действует с холодной решительностью. Его слуга Ригодон (аналог Паспарту) представляет Францию. Ригодон наделен обликом кота. Кот – домашнее, ловкое и независимое животное. Символизирует французскую живость, хитрость и практическую смекалку. В отличие от львиной величественности, кошачья пластика и грация Ригодона подчеркивают его бытовую природу, близость к «человеческому» миру в противовес символической «львиной» сущности хозяина. Вместе они образуют противопоставление «Свой» (европеец–англичанин) и «Свой, но иной» (европеец–француз), что восходит к литературному первоисточнику, где автор противопоставлял английскому «бесстрастию» французскую «живость и остроумие» [7, с. 15]. Показательным в отношении Индии является персонаж принцессы Роми (аналог индианки Ауды из романа) [7, с. 87], воплощенный в образе пантеры. Пантера – грациозный, но хищный и загадочный зверь, обитающий в индийских джунглях. В отличие от льва (символ имперской власти) и кота (символ домашнего уюта) пантера олицетворяет «экзотическую», «дикую» красоту Востока. Этот выбор

образа закрепляет оппозицию «Свой – Чужой»: европейские персонажи ассоциируются с «понятными» животными (лев – король зверей, кот – домашний любимец), тогда как представительница Индии – с хищником, чья природа остается загадочной и потенциально опасной для европейца.

В серии «В цирке Йокогамы» Япония изображается через традиционные маркеры: кимоно, самураи, пагоды, иероглифы. Местные жители показаны как вежливые, церемонные, но при этом «непостижимые» для европейцев. В отличие от индийских персонажей, японцы не нуждаются в спасении. Они скорее представляют собой «закрытую», самодостаточную культуру. В серии «Дорога в Сан-Франциско» Мексика изображается через стереотипные маркеры «дикого Запада» в его латиноамериканском варианте: сомбреро, пончо, кактусы, конные всадники. Мексиканские персонажи, в отличие от европейцев, показаны как более импульсивные, темпераментные, но при этом «гостеприимные». Оппозиция «Свой – Чужой» здесь строится на противопоставлении рационального, технологичного Фога и «стихийного», традиционного мексиканского мира.

Таким образом, мультсериал переводит национальные характеры из романа Ж. Верна в систему зооморфных образов: лев символизирует Англию, кот – Францию, пантера – Индию. При этом разные страны представлены по-разному: Индия с ее пантерой-принцессой и джунглями показана как мир, нуждающийся в спасении, Япония – как закрытая и загадочная культура, Мексика – как стихийная и темпераментная. География путешествия превращается в карту стереотипов, где за каждой страной закреплен набор визуальных маркеров. Мультсериал, с одной стороны, знакомит детей с миром (просветительская функция), с другой, транслирует упрощенные, но яркие и запоминающиеся образы разных культур, что соответствует логике массовой визуальной культуры.

Список источников и литературы

1. *Лапина Л.А.* Историческая имагология: проблема методов и категорий // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4 (85). С. 28–32.
2. *Брандис Е.П.* Впередсмотрящий. Повесть о великом мечтателе (Жюль Верн). М.: Молодая гвардия, 1976. 224 с.
3. *Брандис Е.П.* Жюль Верн и вопросы развития научно-фантастического романа. Л.: Ленинградское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, 1955. 44 с.
4. *Брандис Е.П.* Рядом с Жюлем Верном: Документальные очерки. Л.: Дет. лит., 1981. 222 с.
5. *Дубовикова Е.Ю.* Особенности современной исторической имагологии // Череповецкие научные чтения – 2017: материалы Всероссийской научно-практической конференции (21–22 октября 2017 г.): в 3 ч. Ч. 1. Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология, художественное образование / отв. ред. *Е.В. Целикова*. Череповец: ЧГУ, 2018. С. 38–40.
6. «Вокруг света с Вилли Фогом» («La vuelta al mundo de Willy Fog», реж. Луис Бальестер Бустос, Фумио Курокава, 1983).
7. *Верн Ж.* Вокруг света в 80 дней: роман / пер. с фр. *Н.С. Габинского*. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. 272 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

REPRESENTATION OF THE PARIS COMMUNE IN FRENCH CINEMA

А.Е. Плат

А.Е. Plat

Научный руководитель А.В. Вячистая
Scientific advisor A.V. Vyachistaya

Французский кинематограф, «Когда б Париж поведал нам», Саша Гитри, «Коммуна (Париж, 1871)», Питер Уоткинс, Парижская коммуна.

В статье рассматриваются два полнометражных фильма французского производства, затрагивающих тему Парижской коммуны 1871 г. Автор приходит к выводу о малой степени представленности указанного периода во французском кинематографе. Обосновывается тезис о роли Парижской коммуны как акта «холодной» памяти французского общества, воспоминания о которой актуализируются для идейной мобилизации протестного движения.

French cinema, «Si Paris nous était conté», Sasha Guitry, «La Commune (Paris, 1871)», Peter Watkins, Paris commune.

The article discusses two full-length films of French industry that are connected with a theme of the Paris Commune of 1871. The author comes to the conclusion that this period is under-represented in French cinema. The thesis about the role of Paris Commune as an act of «cold» memory of French society is substantiated, memories of which are actualized for the ideological mobilization of the protest movement.

Кинематограф – это инструмент эмоционального воздействия на зрителя, с помощью которого заинтересованные группы, например, государство или крупные кинокомпании, способны конструировать дискурс [1]. Тема Парижской коммуны остается мало освещенной во французском кинематографе. Из этого следует необходимость охарактеризовать создаваемые авторами и индустрией образы Коммуны на примере полнометражных фильмов «Когда б Париж поведал нам» (1956) [2] и «Коммуна (Париж, 1871)» (2000) [3].

«Когда б Париж поведал нам» («Si Paris nous était conté») [2] – художественный фильм в жанре исторической комедии, вышедший в прокат во Франции в 1956 г. Режиссером выступает Саша Гитри. Созданием фильма занимались компании Courts et Longs Métrages, Franco-London Film и SNE Gaumont [4].

Фильм охватывает историю Парижа с основания и до 1955 г. Франко-прусская война представлена, со слов Луи Адольфа Тьера, как «самый тяжелый, самый трагический период» в истории Франции, который сменился Коммуной, период «возможно, более страшный, чем война». Описание Коммуны в одном монологе сопровождается кадрами с коммунарами на баррикадах, отстреливающимися

от версальской армии, которая находится за кадром [2]. Данное описание не способно объективно отразить историю парижского восстания коммунаров. Поскольку производством кинокартины занимались крупные компании, связанные с правым правительством Рене Коти, можно предположить, что авторы фильма были заинтересованы в представлении Коммуны лишь через комментарий противоборствующей стороны. На премьере фильм собрал 2 813 682 чел., что демонстрирует успех киноленты на момент выхода. Современные зрительские оценки составляют 6,3/10 на IMDb, оценку поставили лишь 308 человек, что свидетельствует о небольшой популярности данной киноленты в наши дни [4].

«Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris, 1871)») [3] – черно-белый документальный фильм английского режиссера Питера Уоткинса в жанре мокьюментари с выраженным политическим подтекстом, выпущенный в 2000 г. В фильм в контекст истории Коммуны вписано телевидение для выражения протеста против современных СМИ. Сюжет фильма пересказывает историю Парижской коммуны, в частности 11-го Округа Парижа. Фильм опирался на консультации и работы историков Эдит Тома, Мишеля Кордильо, Марселя Серф, Жака Ружери, Роберта Томбса и владельца архива материалов о Парижской коммуне Луи Бретоньера. Из-за внешнего давления фильм укорачивали, удаляя все больше сцен, пока продюсер Пол Саадун и режиссер П. Уоткинс не сообщили, что монтаж завершен. Компания согласилась на выпуск сокращенной версии, однако передумала и показала полную версию фильма по телевидению в ночь с 26 на 27 мая 2000 г. с 22:00 до 04:00, вследствие чего большинство потенциальных зрителей фильм не увидело. Фильм был выпущен во французских кинотеатрах только 7 ноября 2007 г. [5]. Таким образом, фильм П. Уоткинса столкнулся с корпоративным противодействием в медиа, связанным с посылом самой кинокартины и с темой Коммуны.

История Коммуны в фильме показана подробно. Режиссером героизируются коммунары, а история Коммуны расценивается как важный опыт для современного сопротивления несправедливости и неравенству, однако представлены разные слои общества Франции 1871 г. и их позиции, показана многогранность событий, сами зрители могут выбирать «сторону». Изначально фильм демонстрировался ограниченно: лишь однажды в ночном эфире, на нескольких кинофестивалях и в музее Орсе во время выставки. Пресса высказывала различные мнения: часть издательств называла фильм политически ангажированным, другие хвалили фильм за изобретательность и замысел. Посетители малых кинозалов в основном высказывались о фильме положительно [5], впоследствии фильм завоевал зрительские симпатии (8/10 на IMDb среди зрителей [6], 100% среди критиков на RottenTomatoes [7]).

Данные фильмы направлены на французского гражданина и являются продуктами своих эпох. «Когда б Париж поведал нам» [2] – пример кинокартины 1950-х гг. Легкий комедийный жанр отражает деполитизацию интересов становящегося общества потребления во Франции и стремление объединить французов с правительством посредством национального мифа о многовековой единой Франции, в которую Коммуна не вписывается.

«Коммуна (Париж, 1871)» [3] отражает тренд на политизацию и рост протестных настроений во французском обществе против ухудшения положения граждан из-за негативных последствий глобализации, неолиберальной политики, господства масс-медиа и мейнстримных СМИ в инфополе и нерешенных проблем бедности, неравенства, расовой дискриминации и т.д. Парижская коммуна является в картине объектом исторической хроники и средством для проведения аналогии между идеями коммунаров и современным кризисом. Со временем фильм обрел зрителя и получил положительные оценки, что свидетельствует о запросе зрителя на актуализацию темы Коммуны. При этом период Парижской коммуны со стороны системы образования, киноиндустрии и правительства практически не освещался во Франции 2000 г., что подтверждает вывод о «холодном» отношении мейнстримного дискурса в отношении Коммуны.

Список источников и литературы

1. *Егоров С.О.* Кино, история, идеология: возможные подходы к интерпретации кинотекста // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 11–20. URL: <https://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-01.pdf>. (дата обращения: 22.04.2026).
2. «Когда б Париж поведал нам» («Si Paris nous était conté», реж. Саша Гитри, 1956).
3. «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris, 1871)», реж. Питер Уоткинс, 2000).
4. Si Paris nous était conté, 1956. Director: Sacha Guitry. URL: <https://www.imdb.com/fr/title/tt0048616/> (access date: 22.04.2026).
5. La Commune (Paris, 1871), 2000. Director: Peter Watkins. URL: <http://pwatkins.mnsi.net/commune.htm> (access date: 22.04.2026).
6. La Commune (Paris, 1871), 2000. Director: Peter Watkins. URL: <http://pwatkins.mnsi.net/commune.htm> (access date: 22.04.2026).
7. La Commune (Paris, 1871), 2000. Director: Peter Watkins. URL: https://www.rottentomatoes.com/m/la_commune_paris_1871 (access date: 22.04.2026).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

THE USE OF MATERIAL ARTIFACTS IN TEACHING HISTORY AND SOCIAL STUDIES THROUGH THE LENS OF CHARACTER EDUCATION

Ю.О. Поздняков

Yu.O. Pozdnyakov

Научный руководитель С.П. Штумпф
Scientific adviser S.P. Shtumpf

Материальные артефакты, культурная память, живая история, патриотическое воспитание.

Рассмотрены инновационные подходы к преподаванию истории и обществознания, направленные на преодоление ограничений традиционных методов обучения в образовательной практике МБОУ «Лицей № 10» г. Красноярск. Обосновано, что тактильное взаимодействие с историческими артефактами и привлечение экспертов-реконструкторов способствуют формированию глубокой культурной памяти, усилению эмоциональной вовлеченности обучающихся и эффективному решению задач патриотического воспитания.

Material artifacts, cultural memory, living history, patriotic education.

Innovative approaches to teaching history and social studies aimed at overcoming the limitations of traditional teaching methods in the educational practice of MBOU Lyceum No. 10, Krasnoyarsk, are examined. It is substantiated that tactile interaction with historical artifacts and the involvement of historical reconstruction experts contribute to the formation of deep cultural memory, enhanced emotional engagement among students, and the effective implementation of patriotic education objectives.

В современных условиях преподавание истории и обществознания сталкивается с вызовами, связанными с трансформацией информационного пространства и изменением восприятия прошлого у подрастающего поколения. Традиционные методы обучения, опирающиеся преимущественно на текстовые документы и визуальные ряды, зачастую оказываются недостаточно эффективными для формирования глубокой культурной памяти. Одним из наиболее перспективных направлений в этой сфере является работа с материальными источниками истории в формате «живой истории» [1]. Предметы быта, вооружение, элементы униформы выступают в роли мощных коммуникаторов, способных преодолеть временной барьер. Использование материальных источников в учебном процессе базируется на принципе наглядности, доведенном до уровня погружения. Когда ученик держит в руках каску, флягу или оружие той эпохи, включаются иные механизмы восприятия. Тактильный контакт с артефактом

порождает эмпатию: обучающийся начинает осознавать вес экипировки, холод металла, неудобство бытовых условий. Это трансформирует абстрактное понятие «война» в личностно значимый опыт.

В рамках курса обществознания работа с такими источниками позволяет обсуждать вопросы гражданственности, долга, защиты Отечества на конкретных примерах. Посредниками в этом процессе выступают эксперты-реконструкторы, выполняющие функцию «трансляторов памяти», обладающие глубокими знаниями материальной культуры и умеющие донести их до современной аудитории языком, понятным молодежи [2].

Работа в МБОУ «Лицей № 10» была выстроена системно, охватывая ключевые памятные даты зимнего периода учебного года с привязкой к значимым государственным праздникам. 2025 г. был объявлен Годом защитника Отечества и посвящен 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, что задало высокий смысловой тон мероприятиям.

В данном ключе в Лицее № 10 автором был разработан и реализован проект «Молодые реконструкторы на страже памяти ВОВ».

Первым этапом его реализации стало мероприятие 15.12.2025, проведенное представителями Красноярского общества любителей военной истории Е. Власенко и Е. Загарских [3]. Обучающимся была представлена лекция о быте и форме солдат времен Великой Отечественной войны с практической частью: лицеисты получили возможность прикоснуться к оригинальной амуниции и оружию той эпохи. Это действие разрушило барьер между «музейным экспонатом» и «реальностью», позволив оценить условия, в которых приходилось выживать и воевать их предкам.

Следующий шаг углубил историческое знание. 12.02.2026 состоялся урок живой истории «Память о Сталинграде», посвященный одной из самых героических страниц отечественной истории. Урок позволил обучающимся через подлинные детали, рассказы и артефакты оживить эпоху, акцентируя внимание на человеческом факторе. Артефакты служили иллюстрацией условий выживания, превращая встречу в мост между прошлым и настоящим, помогающим сохранить правду о подвиге предков.

Преемственность поколений показало мероприятие 17.02.2026. В лицее состоялся урок живой истории «Афганистан», посвященный Дню памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества. Занятие, ориентированное на одиннадцатиклассников, позволило обучающимся познакомиться с ключевыми аспектами Афганской войны и прикоснуться к амуниции советского солдата. Сравнение экипировки разных периодов позволило увидеть эволюцию военного дела и неизменность человеческой стойкости, выведя дискуссию о локальных конфликтах в плоскость человеческого подвига.

В качестве интерактивного закрепления 20.02.2026 состоялся тематический квиз «Вещмешок Победы», организованный совместно с Красноярским клубом любителей военной истории. В отличие от лекций, квиз потребовал от участников активной интеллектуальной работы и командного взаимодействия.

Формат вызвал большой интерес, подтвердив гипотезу о высокой эффективности геймификации в историческом образовании. Важным аспектом стало участие команд из других образовательных учреждений, способствующее консолидации молодежи вокруг патриотических ценностей.

Подведем итоги проведенных мероприятий. Во-первых, использование материальных артефактов выступает мощным катализатором эмоционального отклика, позволяя преодолеть скептицизм современной молодежи и придать историческим событиям личностную значимость. Тактильный контакт с артефактами создал эффект сопричастности, недостижимый при работе только с учебником. Во-вторых, системность подхода имеет ключевое значение: мероприятия выстраивались в логическую цепочку, охватывающую разные периоды военной истории и приуроченную к значимым государственным памятным датам. В-третьих, варьирование форматов позволяет охватить разные каналы восприятия информации и удерживать интерес аудитории. Привлечение внешних экспертов-реконструкторов обеспечивает высокую степень аутентичности и профессионализма подачи материала. В-четвертых, данные мероприятия эффективно интегрируются в учебные планы по истории и обществознанию, служа иллюстративным материалом к темам о войнах, правах гражданина, патриотизме и национальной безопасности.

Список источников и литературы

1. *Лазукова Н.Н.* Проектирование процесса развития межпредметных умений в обучении истории // Преподавание истории в школе. 2020. № 1. С. 3–9.
2. *Багдасарьян Н.Г., Оплетина Н.В., Коган Е.А.* Великая Отечественная в зеркале исторической памяти: герои и героическое глазами студенческой молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2025. № 4. С. 143–155.
3. Красноярское общество любителей военной истории: официальная группа ВКонтакте. URL: <https://vk.com/krookolvi> (дата обращения: 25.03.2026).

ОБРАЗ ВОИНА-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

THE IMAGE OF AN INTERNATIONALIST SOLDIER IN THE SPANISH CIVIL WAR IN SOVIET CINEMA

А.И. Салаходина

A.I. Salachodina

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Scientific adviser E.L. Zberovskaya

Гражданская война в Испании, интернационалисты, интербригады, советский кинематограф, образ героя, идеология.

В статье анализируется советский кинематограф, раскрывающий образ воина-интернационалиста – участника Гражданской войны в Испании (1936–1939). Рассматриваются фильмы разных периодов советской истории, отражение идеологии в кинематографе. Автор приходит к выводу, что экранный образ интернационалиста представляет собой героизированный и идеологически выверенный миф, в то время как реальная история интербригад была более противоречивой и трагичной.

Spanish Civil War, internationalists, International Brigades, Soviet cinema, image of a hero, ideology.

The article analyzes Soviet cinema that reveals the image of an internationalist soldier – a participant in the Spanish Civil War (1936–1939). The article examines films from different periods of Soviet history and the reflection of ideology in cinema. The author concludes that the screen image of an internationalist is a heroic and ideologically verified myth, while the real history of the International Brigades was more controversial and tragic.

Тема борьбы с фашизмом остается одной из наиболее значимых в мировой культуре и истории. В этой связи Гражданская война в Испании всегда вызвала интерес у зарубежных и советских авторов. М.В. Новиков отмечает: «Зарубежная историография, так же, как и советская, закладывалась очевидцами и участниками испанских событий. С самого начала в зарубежной историографии были представлены разные точки зрения: от крайне правой, профашистской, до крайне левой, троцкистской и анархистской» [1, с. 3]. Она насчитывает около 20 тысяч работ, среди которых работы британца П. Престона, испанца А. Виньяса, а также отечественных авторов С.П. Пожарской и М.Т. Мещерякова, пересмотревших впоследствии советские оценки Гражданской войны [1, с. 50–51].

Гражданская война в Испании нашла воплощение и в кинематографе, который выступает мощным инструментом конструирования исторической памяти, формирования нравственных ориентиров и воспитания патриотизма. Советский кинематограф превратил фигуру героя-интернационалиста – человека,

добровольно сражающегося за свободу чужой страны, – в один из самых романтизированных образов XX в. Цель данной работы – характеристика особенностей репрезентации образа воина-интернационалиста, участника Гражданской войны в Испании (1936–1939), в советском кинематографе. Также в создании художественных лент об интернационалистах активное участие принимали кинематографисты братских социалистических стран [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Гражданская война в Испании находит свое отражение более чем в 80 фильмах европейского производства. В отечественном кинематографе снято более 20 фильмов об испанской войне. Рассмотрим наиболее яркие фильмы, отражающие образ воина-интернационалиста.

В «Парне из нашего города» (1942 г.) главный герой Сергей Луконин предстает как «свой парень» – простой, но принципиальный советский человек, сохраняющий верность убеждениям даже вдали от дома [8]. Фильм подчеркивает личную инициативу и техническую подготовку героя, делая акцент на том, что интернационализм – это продолжение советского характера.

Фильм «Комсомольцы-добровольцы» (1958, другое название – «Добровольцы») также содержит сюжетную линию, связанную с Гражданской войной в Испании. В отличие от профессиональных военных из «Офицеров», здесь интернационалист – это обычный советский юноша, для которого поездка в Испанию становится актом личной доблести [9].

Картина, которая наиболее ярко отражает идеологический аспект образа интернационалиста, – фильм «Офицеры» (1971 г.). Алексей Трофимов отправляется в Испанию добровольцем, проявляя себя как надежный товарищ и солдат, для которого борьба с фашизмом за пределами СССР – такое же святое дело, как защита своей страны [10].

В фильме «Бархатный сезон» (1978 г.) интернационалисты представлены «волонтерами свободы». Здесь показана судьба добровольцев после войны: русский Шухов, француз Анри и американка Лиз помогают переправить детей испанских республиканцев на Корсику [11].

В советском кинематографе интербригады представлены как стихийное движение свободы. Однако реальность была сложнее: внутренние разногласия, устранение инакомыслящих, подчиненность Москве. «В ноябре 1936 г. нарком финансов Г. Гринько, заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский и посол республиканской Испании в Москве М. Паскуа подписали акт о передаче на хранение в СССР 510 тонн золота, что составляло 3/4 всего золотого запаса Испании, как гарантии для представления кредитов на поставку вооружения» [12, с. 13]. Так за романтическим экранным образом скрывалась экономическая реальность. Трагичны и судьбы командиров интербригад: генерал Клебер, командир 11-й интербригады, «вскоре по возвращении в Москву был репрессирован и погиб в лагере» [12, с. 14].

Таким образом, история интербригад в Гражданской войне в Испании – это сложная, противоречивая и часто трагическая реальность, которая в советском

кинематографе была преобразована в выверенный идеологический сюжет. Образ интернационалиста раскрывается для зрителя как героический, самоотверженный и готовый бороться с фашизмом даже за пределами своей страны, намеренно обходя сложности, внутренние разногласия и политические репрессии, имевшие место в действительности.

Список источников и литературы

1. *Новиков М.В.* Советская и российская историография Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Ярославль: ЯГПУ, 2014. 133 с.
2. «Они не пройдут» (реж. Зигфрид Кюн, 1965).
3. «Ноктюрн» (реж. Ростислав Горяев, 1966).
4. «Между Днем и Ночью» («Zwischen Nacht und Tag», реж. Хорст Э. Брандт, 1975).
5. «Псевдоним Лукач» («Fedneve: Lukács», реж. Манос Захариас, Шандор Кё, 1976).
6. «Бархатный сезон» (реж. Владимир Павлович, 1978).
7. «Верными останемся» (реж. Андрей Малюков, 1988).
8. «Парень из нашего города» (реж. Александр Столпер, Борис Иванов, 1942).
9. «Добровольцы» (Комсомольцы-добровольцы) (реж. Юрий Егоров, 1958).
10. «Офицеры» (реж. Владимир Роговой, 1971).
11. «Бархатный сезон» (реж. Владимир Павлович, 1978).
12. Коминтерн и Гражданская война в Испании / под ред. *С.П. Пожарской*. М.: Наука, 2001. 528 с.

ВАРГЕЙМЫ КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

WARGAMES AS A DIDACTIC TOOL FOR STUDYING THE RUSSIAN CIVIL WAR (1917–1922): EDUCATIONAL POTENTIAL AND METHODOLOGICAL LIMITATIONS

С.С. Самсонов

S.S. Samsonov

Научный руководитель Н.В. Ворошилова
Scientific adviser N.V. Voroshilova

Варгейм, гражданская война в России, историческая симуляция, геймификация образования, методика преподавания истории, настольные игры.

В статье рассматриваются дидактические возможности и ограничения настольных варгеймов при изучении темы «Гражданская война в России 1917–1922 гг.». Автор приходит к выводу, что они способствуют формированию системного понимания исторических процессов, однако их применение требует тщательной методической подготовки и учета временных и этических ограничений.

Wargame, Russian Civil War, historical simulation, gamification of education, methods of teaching history, board games.

The article examines the didactic possibilities and limitations of board wargames in studying the topic «The Russian Civil War of 1917–1922». The author concludes that they contribute to the formation of a systematic understanding of historical processes, but their application requires careful methodological preparation and consideration of time and ethical constraints.

Преподавание истории гражданской войны в школе сталкивается с ее мозаичностью и политическим накалом. Обычных средств (лекции, чтения учебника, разбора документов) часто не хватает, чтобы подросток уловил логику братоубийственной смуты [1, с. 345]. Отсюда интерес к настольным варгеймам, воссоздающим военно-политические коллизии на достоверной фактической основе. Цель данного исследования – выявление педагогического потенциала и вместе с тем ограничений использования варгеймов в изучении этой сложной темы. Теоретическую базу составляют современная российская историография, ушедшая от идеологических трафаретов [2], и западные Game Studies [3, р. 439–455; 4, р. 4–5, 15]. Геймификация в отечественной науке затронута пока слабо [5, с. 76], а предметного разбора варгеймов на тематике 1917–1922 гг.

вовсе не было, в этом заключается новизна исследования. Дается разбор трех игр: «Russian Civil War 1918–1922» (1976 г.), «Reds! The Russian Civil War 1918–1921» (2001 г.) и «Revolution Under Siege Gold» (2011 г.). Их механика – случайная активация жетонами или ставка на личность командиров – передает хаос войны и разобщенность белых сил.

Варгейм дает несколько учебных выигрышей. Происходит погружение: управляя фракцией, школьник вынужден отслеживать пути сообщений, подвоз боепитания, настроения частей и населения. Конфликт перестает быть плакатом и предстает сложным организмом [9]. Игра рушит схему «красные–белые»: на карте «оживают» махновцы, интервенты, национальные окраины, казаки со своими целями и требованиями. Тренируются стратегическое мышление и умение решать задачи при нехватке данных. Наконец, можно «прожить» альтернативу: скажем, насколько скоординированные действия Колчака и Деникина изменили бы картину [10, с. 215]. Соревновательный импульс подстегивает мотивацию, особенно у тех, кому скучен обычный урок.

Ограничений у варгеймов тоже немало, главное из них – время: партия идет три-четыре часа, поэтому необходимы короткие сценарии или применение игр в факультативной или внеурочной работе. Высок порог вхождения: сложные правила требуют от учителя не только знания механик, но и умения переводить ход в исторический анализ. Модель неизбежно редуцирует прошлое: операции видны, быт и психология нет, и дефицит надо заполнять дополнительными источниками. Немаловажны этические ограничения: азарт превращает трагедию в спорт с победителями, поэтому педагог обязан удерживать фокус на гуманитарных ранах. Свои препоны добавляют цена, хрупкость компонентов и зарубежное происхождение игр, требующее критического разбора заложенных схем.

Варгеймы способны системно показать гражданскую войну, развить анализ и усилить интерес к изучаемому предмету. Но включение их в учебный процесс требует жесткого методического расчета и трезвого понимания временных, этических и организационных слабостей. Наиболее здравая схема – игра как надстройка к традиционным методам, встроенная в трехшаговый цикл: подготовка, само игровое действие и общая рефлексия. Представляется, что будущее – за российскими учебными варгеймами с компактными сценариями, подкрепленными методическими рекомендациями.

Список источников и литературы

1. Фесик К.А., Мочалова Н.Ю. Применение настольных игр как интерактивного метода в обучении истории // Молодой ученый. 2024. № 23 (522). С. 345–348.
2. История России: в 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 1: Историография. Источники. Теоретические подходы / под ред. В.В. Кондрашина, В.И. Голдина. М.: Наука, 2024. 624 с.
3. Harrigan P., Kirschenbaum M.G. (ed.) *Zones of Control: Perspectives on Wargaming*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2016. 848 p.
4. Spanos A. *Games of History: Games and Gaming as Historical Sources*. London: Routledge, 2021. 200 p.

5. *Поваляев В.Г.* Образ исторического процесса в настольно-печатных играх // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2 (34). С. 74–82.
6. «Russian Civil War 1918–1922» (Simulations Publications Inc. (SPI), 1976).
7. «Reds! The Russian Civil War 1918–1921» (GMT Games, 2001).
8. «Revolution Under Siege Gold» (Developer AGEOD, 2011).
9. *McCabe H.* Civil war: A board game as pedagogy and critique // Studies in Health Technology and Informatics. 2018. Vol. 256. P. 185–192.
10. *Голдин В.И.* Гражданская война в России: современная историография и новейшая концепция. М.: Политическая энциклопедия, 2025. 416 с.

ИГРОВЫЕ ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ: КАК КАРТОЧНЫЕ МЕХАНИКИ СПОСОБСТВУЮТ ФОРМИРОВАНИЮ ПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

GAME TECHNIQUES FOR STUDYING ARCHITECTURE:
HOW CARD MACHANICS CONTRIBUTE
TO THE FORMATION OF SUBJECT COMPETENCIES
IN THE STUDY OF CULTURAL MONUMENTS

А.В. Шпейтер

A.V. Shpeyter

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Scientific adviser E.L. Zberovskaya

Карточные игры, методика преподавания истории, предметные компетенции, геймификация, подготовка к ЕГЭ, архитектура.

В статье рассматривается дидактический потенциал карточных игр как инструмента формирования предметных компетенций у старшеклассников при изучении архитектурного наследия. Автор приходит к выводу, что использование карточных механик на уроках истории позволяет трансформировать традиционное запоминание памятников культуры в контекстуально-ассоциативное усвоение, что позволяет подготовить обучающихся к выполнению заданий ЕГЭ по культуре и способствует пониманию архитектуры как отражения государственной культурной политики.

Card games, history teaching methodology, subject competencies, gamification, USE preparation, architecture.

The article examines the didactic potential of card games as a tool for developing subject competencies in high school students studying architectural heritage. The author concludes that using card mechanics in history lessons allows transforming traditional memorization of cultural monuments into contextual-associative learning, which helps prepare students for completing USE (Unified State Exam) tasks on culture and promotes understanding of architecture as a reflection of state cultural policy.

Актуальность темы обусловлена устойчивыми затруднениями выпускников школ при выполнении заданий культурологического блока ЕГЭ по истории. Работа с изображениями памятников архитектуры требует не только визуальной атрибуции, но и выявления стилевых особенностей, исторического контекста и идеологического подтекста, что предполагает развитое историко-культурное мышление. В условиях реализации ФГОС СОО актуализируется поиск методов, способных обеспечить глубокое, осмысленное закрепление материала и формирование навыков анализа визуальных источников [1].

Методика изучения истории культуры остается в центре внимания педагогов и ученых. Об этом свидетельствует высокий интерес исследователей к применению игровых технологий на уроках истории [2, с. 9; 3, с. 28]. Цель статьи – обоснование эффективности карточных игровых механик как инструмента формирования предметных компетенций на примере изучения российской архитектуры XVIII–XIX вв. Федеральный государственный образовательный стандарт, материалы демоверсии ЕГЭ по истории стали отправными документами для определения предметных компетенций при написании статьи [1; 4].

Карточная игра направлена на формирование следующих предметных компетенций: умение работать с визуальными историческими источниками, умение устанавливать причинно-следственные связи, умение аргументированно излагать исторический материал.

В процессе педагогической деятельности автором статьи был разработан алгоритм карточной игры при изучении памятников русской архитектуры XVIII–XIX вв. В основе игры лежит работа с карточной колодой, которая разделена на три функциональных блока: 1) объект (изображение, автор, датировка, локация); 2) контекст (изображение, эпоха, правитель, идеология); 3) признак (изображение, стилевые характеристики, конструктивные особенности, символическое значение) [5, с. 55–59, 469–475, 477–479]. Игровой процесс строится на механике сопоставления, выстраивания хронологических рядов и аргументации выбора. Подобная структура помогает обучающимся выстраивать логические цепочки от визуального распознавания до анализа использования архитектуры как символа власти [6, с. 112–118].

Игровой процесс выстраивается через работу с колодой из 36 карт (по 12 карт на каждый блок). В начале партии участники игры получают по 3 карты. Ход строится по схеме «вопрос–ответ–проверка»: игрок зачитывает формулировку задания соседу, дается время на ответ (от 30 до 60 секунд, время определяется перед началом игры), сверка ответа с ключом на карте (ответ на карте перевернут на 180 градусов). Верный ответ приносит балл отвечающему (карту забирает себе), неверный – карта в сброс. После полного круга происходит добор карт из колоды. Игра заканчивается либо по исчерпанию колоды, либо при достижении одним из игроков 10 баллов. Игру можно адаптировать под разные форматы: сольный режим, командный режим и тематический режим.

Игровой урок проходит в три этапа: 1) вводный, на котором происходит актуализация знаний и знакомство с правилами игры; 2) основной, на котором непосредственно осуществляется игра и помощь учителя в устранении ошибок; 3) завершающий, который отведен для рефлексии и проекции результатов на задания формата ЕГЭ [2, с. 34–38].

Исследования показывают, что карточные механики трансформируют процесс усвоения материала из репродуктивного в продуктивный. Систематическое использование карточной игры способствует устойчивому запоминанию визуальных образов и развитию навыков исторического анализа.

Список источников и литературы

1. Приказ Министерства просвещения РФ № 371 от 18.05.2023 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования». URL: <https://edsoo.ru/normativnye-dokumenty/> (дата обращения: 24.04.2026).
2. *Студеникин М.Т.* Современные технологии преподавания истории в школе: пособие для учителей и студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2007. 79 с.
3. *Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю.* Методические рекомендации учителю истории: Основы профессионального мастерства: практ. пособие. М.: ВЛАДОС, 2001. 160 с.
4. Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена 2026 г. по истории / ФИПИ. URL: <https://fipi.ru/egge/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-7> (дата обращения: 24.04.2026).
5. *Власов В.Г.* Стили в искусстве: Архитектура, графика, декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура: словарь в 3 т. Т. 1: А-К. СПб.: Кольна, 1998. 671 с.
6. Методика обучения истории: учебник / под ред. *В.В. Баранова, Н.Н. Лазуковой*. М.: Академия, 2013. 416 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ В РАМКАХ ЖАНРА НОН-ФИКШН

«БУДТО БЫ ВОВСЕ И НЕ ЦАРЬ...»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ВАСИЛИЯ II В «ХРОНОГРАФИИ» МИХАИЛА ПСЕЛЛА

“AS IF HE WERE NOT A TSAR AT ALL...”: REPRESENTATION OF THE IMAGE OF BASIL II IN THE “CHRONOGRAPHY” OF MICHAEL PSELLOS

А.В. Адаменко

A.V. Adamenko

Научный руководитель Г.А. Синельникова
Scientific adviser G.A. Sinelnikova

Репрезентация образа, византийский император, Василий II Болгаробойца, «Хронография» Михаила Пселла.

В статье выявляется особенность репрезентации образа императора Василия II (958–1025), представленная в «Хронографии» Михаила Пселла. Автор приходит к выводу, что византийский историк изображает императора как не соответствующего сложившимся представлениям об императорской власти, при этом полностью игнорируя вопросы о религиозности Василия II и его роли Болгаробойцы.

Representation of the image, Byzantine emperor, Basil II the Bulgar-Slayer, the “Chronography” of Michael Psellos.

The article reveals a particular feature of the representation of Emperor Basil II (958–1025) as presented in the “Chronography” of Michael Psellos. The author concludes that the Byzantine historian represents the emperor as failing to conform to established notions of imperial authority, while completely ignoring questions of Basil II’s religiosity and his role as Bulgar-Slayer.

Правление Македонской династии (867–1054) характеризуется как время наивысшего могущества Византии, когда, выйдя из внутреннего кризиса, империя вновь утвердилась в статусе влиятельной державы. Именно в этот период завершилось формирование основных институтов византийской государственности, в том числе института императорской власти. При этом правление Василия II (976–1025) в историографии оценивается как момент наивысшей силы и славы [1, с. 399].

В этой связи особый интерес представляет труд Михаила Пселла «Хронография», содержащий неоднозначную характеристику правления Василия II, значительно расходящуюся с устоявшимися представлениями о нем как о правителе, при котором византийская государственность достигла своего расцвета. Поскольку сам автор родился лишь в 1018 г., его описание императора основано на свидетельствах современников и сложившейся исторической традиции, что позволяет судить не столько о личных представлениях автора, сколько об актуальных для интеллектуального класса того времени представлениях об императорской власти.

В «Хронографии» Михаил Пселл описывает трансформацию личности Василия II, проходящую в атмосфере непрекращающейся внутриэлитной борьбы. Так, вначале император предстает человеком неопытным, предающимся отдыху, используя царское положение: бражничество, пиры, любовные утехы [2, с. 9]. Однако после угрозы захвата трона со стороны Склира, а затем Варды Фоки, основной чертой личности становится подозрительность и суровость. Приобретенные черты характера объясняются желанием править единолично: «Будто бы вовсе и не царь, а делю власть с кем-то еще и занимаю в государстве второе место» [2, с. 13].

В дальнейшем автор иллюстрирует последствия таких изменений: император жестким образом избавляется от своего приближенного паракимомена Василия, помимо этого, с пренебрежением начал относиться и к своему брату [2, с. 15]. Как отмечается в научной литературе, Пселл сознательно искажает хронологию событий, помещая изгнание фаворита после мятежа Варды Фоки, хотя в действительности оно произошло на четыре года раньше. В первую очередь это объясняется заинтересованностью автора, поскольку его политическая группировка была близка бывшему паракимомену [3, с. 222]. Таким образом, предложенная Пселлом концепция изменения характера Василия II от неопытного правителя к подозрительному деспоту служит основой для дальнейшей репрезентации образа.

Любопытно, что Пселл, описывая внешность Василия II, репрезентует его как античного героя: «Внешность Василия свидетельствовала о благородстве его природы. Лицо было выточено, как идеальный, проведенный из центра круг...», брови, «выдающие гордый нрав мужа», глаза «сияли мужественным блеском» [2, с. 19], что в общем создает образ гармоничного правителя. Однако как воин император представлен негативно. Автор показывает, что в начале правления Василий II не осмелился самостоятельно идти против восстания Склира, позвав вместо себя Варда Фоку, аргументируя это отсутствием военного опыта [2, с. 8]. В дальнейшем участие в военных действиях стало для него необходимостью, он компенсировал природную осторожность изучением теории. Однако автор показывает, что император не проявлял храбрость: «До самого дела не очень охоч, ибо опасался, как бы не пришлось бежать от противника... поэтому и занят он большей частью был тем, что располагал в засаде отряды» [2, с. 18]. Таким образом, Пселл создает портрет осторожного и расчетливого полководца, для которого важнее была не личная слава, а гарантированная победа с минимальным риском.

Отношение императора к образованию было прагматичным, основанным на нуждах власти. Так, для военного дела он досконально изучил способы построения войска [2, с. 18]. Однако это частное обращение к книгам не означало уважения к учености как таковой. По мере укрепления единоличной власти презрение к интеллектуалам только росло: управление он осуществлял, опираясь на «неписанные установления своей необыкновенно одаренной от природы души» [2, с. 17]. Это пренебрежение к образованной элите проявлялось и в быту: его речь была косноязычной и грубой, как у деревенщины [2, с. 20], а царские указы

были просты [2, с. 17]. Из этого следует, что малообразованность императора объясняется отсутствием мудрых советников в окружении Василия II, который решил править единолично.

В описании экономической политики Пселл акцентирует внимание на склонность к контролю и личную скупость императора. Автор подчеркивает, что, собрав богатства со всей империи и у побежденных врагов, Василий II «никому ничего не давал», «своими сокровищами не пользовался», и они лежали «сваленные на полу» [2, с. 17]. Эта политика, по оценке автора, хотя и привела к беспрецедентному наполнению казны, морально опустошала страну, так как была лишена социальной направленности и еще больше отдаляла василевса от его подданных.

В конечном итоге Михаил Пселл последовательно доказывает, что Василий II, несмотря на обладание царским саном, а также на то, что его правление было одним из самых продолжительных в истории династии, не соответствует ни одному из сущностных критериев, которые для самого историка составляют представления об идеальном императоре: он не воин по призванию, не покровитель наук и мудрости, не щедрый распорядитель казны, не правитель, опирающийся на согласие элиты. Более того, репрезентация носит светский характер, автор полностью игнорирует религиозную составляющую власти, а также полностью умалчивает о военных походах против болгар и роли Василия II как Болгаробойцы, тогда как в византийской традиции эти аспекты были значимыми для легитимации императора. Отсутствие этого в «Хронографии» делает образ Василия II принципиально неполным с точки зрения византийской идеологии. Именно поэтому формула «будто бы вовсе и не царь» становится осознанным приемом репрезентации. Пселл показывает, что реальное правление Василия II, при всех его внешних успехах, оказалось далеко от идеала, который сам историк считал необходимым для истинного василевса ромеев.

Список источников и литературы

1. *Васильев А.А.* История Византийской империи. СПб.: Алетейя, 1998. 490 с.
2. *Пселл М.* Хронография. Краткая история / пер., статья, примечания *Я.Н. Любарского*; пер. *Д.А. Черноглазова, Д.Р. Абдрахмановой*. СПб.: Алетейя, 2003. 397 с.
3. *Капсалыкова К.Р.* Представление о войне и армии в Византии (середина IX–XI в.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Капсалыкова Карина Рамазановна. М., 2017. 352 с.

КАТОЛИЧЕСКИЙ ВОПРОС В ВОЗЗРЕНИЯХ БРИТАНСКОГО ПОЭТА УИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА

THE CATHOLIC QUESTION IN THE VIEWS OF THE BRITISH POET WILLIAM WORDSWORTH

А.А. Вихорев

A.A. Vihorev

Уильям Вордсворт, Католический вопрос, романтизм, Озерная школа, Акт об эмансипации. В статье рассматриваются основные идеи британского поэта Уильяма Вордсворта по поводу положения католиков в Великобритании и их места в культуре страны. Автор приходит к выводу, что Вордсворт выступал против предоставления католикам политических и гражданских прав, что было связано с его консервативными взглядами, которые сформировались в поздний период творчества. При этом поэт интересовался и даже вдохновлялся католическим культурным наследием.

William Wordsworth, the Catholic Question, Romanticism, the Lake School, The Emancipation Act. The article examines the British poet William Wordsworth's key ideas regarding the status of Catholics in Britain and their place in the country's culture. The author concludes that Wordsworth opposed granting political and civil rights to Catholics, reflecting his conservative views, which developed in his later years. At the same time, the poet was interested in, and even inspired by, Catholic cultural heritage.

Уильям Вордсворт (1770–1850) – один из наиболее влиятельных поэтов Британии первой половины XIX в. Он оказал значительное влияние на развитие английской поэзии, выступив против возвышенных идеалов эпохи классицизма и провозгласив принципы наступающей культуры романтизма. Между тем Вордсворт был публицистом, размышлявшим о наилучших формах взаимодействия государства, церкви и общества. Его поэтические и публицистические работы оказали значительное влияние на британскую общественную мысль второй половины XIX – начала XX в. Изучение взглядов Вордсворта по католическому вопросу поможет не только лучше понять основы его индивидуального мировоззрения, но и позволит определить место религии в романтической философии.

В отечественной науке данный аспект воззрений британского поэта исследователи часто обходили вниманием, так как в основном ориентировались на его литературные приемы. В зарубежной же историографии не сложилось единого мнения о сущности религиозных взглядов романтика. Отдельного внимания заслуживает работа британского исследователя М. Томко «Британский романтизм и католический вопрос: религия, история и национальная идентичность, 1778–1829». Автор утверждает, что Акт о католической эмансипации 1829 г. кардинально изменил подход британской интеллектуальной элиты к религиозным меньшинствам, став поворотным моментом в истории английского романтизма [1, p. 115].

Цель данной статьи – комплексный анализ основных воззрений Уильяма Вордсворта по Католическому вопросу в Британии и их отражения в интеллектуальном наследии романтика.

Среди источников, позволяющих нам достигнуть поставленной цели, особое место занимает публицистическая работа поэта «Постскриптум», опубликованная в 1835 г. в качестве приложения к сборнику его поэтических произведений «Возвращение к тысячелистнику и другие стихотворения». В ней Вордсворт размышлял о церковной реформе, направленной на либерализацию положения католиков и диссентеров в Англии. Несмотря на то что «Постскриптум» не смог помешать проведению этой реформы, предполагается, что ее критика Вордсвортом усилила оппозиционные настроения в обществе. В большей же степени свое отношение к католицизму поэт излагал в многочисленных письмах друзьям и родственникам, а также стихотворениях, которые также использовались при написании статьи.

Рассуждать о судьбе британских католиков Вордсворт начал еще во времена Наполеоновских войн. В письме 1809 г. священнику Ф. Рэнгэму романтик восклицал: «С методистами, с одной стороны, и католиками, с другой – что станет с бедной Церковью и народом Англии!» [2, р. 428]. Через несколько лет Вордсворт заручился поддержкой крупного землевладельца лорда Лоутера, выступавшего против католической эмансипации. С этого времени нападки поэта на сторонников расширения политических прав католиков лишь усиливались. Вордсворт сомневался, что последние «будут спокойны, когда добьются своей цели, потому что они терпеливо переносили свои долгие лишения, но разве все возможные уступки с нашей стороны не были использованы ими для получения выгодной позиции для новой атаки?» [3, р. 148].

Первым крупным произведением Вордсворта, в котором отмечалась католическая угроза для Англии, стала философская поэма «Экскурсия». Один из главных героев, Отшельник, указывает, что обращение к суевериям может привести к появлению пагубных «сорняков римской фантазии», которые отменят Реформацию и снова заполонят Шотландию святыми идолами, возродят священство с его пышными представлениями и нарядами, а также вернут себе церковную собственность [3, р. 103]. Именно католичество и папизм, а не республиканцы и диссентеры, представлялись романтику наиболее существенными угрозами для британской нации после ее триумфальной победы над наполеоновской Францией. Больше всего поэт опасался, что усиление позиций католиков приведет к свержению протестантского истеблишмента в Ирландии, следствием чего станет полная независимость региона от Лондона [3, р. 366].

При этом творчество Вордсворта отражает интерес к католическому культурному и историческому наследию. В его сонетах встречаются описания католических храмов, монастырей и произведений искусства, связанных с католической традицией. Руины католических обителей часто представляются им символом утраченного духовного наследия. Все это становится для поэта поводом для размышлений на религиозные темы [4, р. 821].

Таким образом, Вордсворт, несмотря на интерес к культурному наследию, открыто критиковал католическую церковь. Поэт презрительно относился к тираническому характеру католицизма, подавлявшего свободу, но при этом сам выступал против уравнивания в политических правах представителей всех религиозных течений Англии. Такую неоднозначную позицию романтика ирландский священник Стэпфорд Брук обозначил как «странная либеральность, которая, стремясь к свободе, нарушает ее» [5, р. 231]. Хотя Вордсворт оставался консерваторм, к концу жизни его позиция смягчилась. После принятия Акта об эмансипации католиков (1829) он признал необходимость адаптации. В поздних работах он делал акцент не на религиозных различиях, а на нравственном воспитании как основе гражданского общества. Это соответствовало его романтическим идеям о роли поэзии и природы в формировании моральных ценностей.

Список источников и литературы

1. *Tomko M.* British Romanticism and the Catholic Question: Religion, History and National Identity, 1778–1829. Villanova: Palgrave Macmillan, 2011. 224 p.
2. Letters of the Wordsworth Family: in 3 vols. Vol. 1. / col. and ed. by *W. Knight*. Boston: Gill and Company, 1907. 581 p.
3. Letters of the Wordsworth Family: in 3 vols. Vol. 2. / col. and ed. by *W. Knight*. Boston: Gill and Company, 1907. 545 p.
4. *Moutray T.* Remodeling Catholic Ruins in William Wordsworth's Poetry // *European Romantic Review*. 2011. Vol. 22 (6). P. 819–831.
5. *Brooke S.A.* Theology in the English Poets: Cowper-Coleridge-Wordsworth and Burns. London: Kegan Paul, Trench, Trübner, 1904. 339 p.

**МЕТОДИКА АДАПТАЦИИ СИСТЕМЫ D&D
ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛЕВОЙ ИГРЫ
«СУД В ИНСБРУКЕ, 1485 ГОД»
(ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, 6–9 КЛАССЫ)**

**METHODS OF ADAPTING THE D&D SYSTEM
FOR THE HISTORICAL ROLE-PLAYING GAME
“THE INNSBRUCK TRIAL, 1485”
(EXTRACURRICULAR ACTIVITIES, GRADES 6–9)**

Д.В. Гордиенко

D.V. Gordienko

Научный руководитель **М.В. Эберхардт**
Scientific adviser **M.V. Eberhardt**

Методика преподавания истории, внеурочная деятельность, ролевая игра, игровые технологии, Инсбрукский процесс, историческое мышление.

В статье представлена методика проведения исторической ролевой игры во внеурочной деятельности 6–9 классов на материале Инсбрукского процесса 1485 г. Раскрываются педагогические условия применения игровых технологий, соответствие требованиям ФГОС, а также методы формирования критического мышления, социальной эмпатии и навыков работы с источниками. Описаны структура занятия, роль педагога и ключевые игровые механики в их дидактическом преломлении.

Methods of teaching history, extracurricular activities, role-playing game, gaming technologies, Innsbruck trial, historical thinking.

The article presents a methodology for conducting a historical role-playing game in extracurricular activities for grades 6–9, based on the 1485 Innsbruck trial. It reveals the pedagogical conditions for using gaming technologies, compliance with the requirements of the Federal State Educational Standard, as well as methods for developing critical thinking, social empathy, and source analysis skills. The structure of the session, the teacher’s role, and the key game mechanics in their didactic refraction are described.

Современный этап исторического образования в РФ характеризуется переходом от знаниевой парадигмы к компетентностной. ФГОС основного общего образования (приказ № 287 от 31.05.2021) требует развития критического мышления, анализа источников и личностного отношения к прошлому [1, п. 4, 43.1]. Внеурочная деятельность (ВУД) является неотъемлемой частью основной образовательной программы, причем доля аудиторных занятий в ней не должна превышать 50%. Приоритет отдается активным формам: деловым, ролевым играм, проектной деятельности [2, п. 27]. Однако традиционные формы ВУД (лекции, викторины, экскурсии) не всегда обеспечивают вовлеченность обучающихся 6–9 классов, чьи возрастные особенности предполагают потребность в активном социальном взаимодействии и эмоциональном проживании материала.

Как отмечает Т. Бьёрнер, «историческое образование страдает из-за того, что прошлое нуждается в непосредственной демонстрации и переживании» [3, р. 1]. Обращение к исторической ролевой игре (ИРИ) позволяет компенсировать отсутствие прямого опыта взаимодействия с исторической реальностью.

Разработанная нами ИРИ «Суд в Инсбруке, 1485 год» базируется на принципе исторически обоснованной реконструкции. Первичным источником послужила публикация Х. Амманна, введшая в научный оборот архивные материалы процесса: протоколы допросов, обвинительные заключения, письма участников [4]. Выбор этого дела обусловлен его высокой степенью документированности и «пограничным» характером, так как обвинения строятся на бытовых конфликтах, а не на развернутой демонологии, что дает «чистый» материал для анализа социальных механизмов. Все персонажи имеют реальных исторических прототипов, их личные цели и мотивации реконструированы на основе свидетельских показаний. В основе игровой системы лежат адаптированные механики настольной ролевой игры Dungeons & Dragons (D&D). Выбор D&D обусловлен ее широкой известностью, формализованной системой проверок и ролевой моделью «Мастер–игроки», оптимальной для образовательных целей.

Главная задача адаптации – замена парадигмы физического противостояния на социальное взаимодействие. Показатели «репутация» и «влияние» заменяют традиционные «хиты». Репутация отражает доверие окружающих и может снижаться при разоблачении лжи или публичном фиаско. Влияние – статичная характеристика социального веса персонажа. Педагогический эффект: обучающиеся на уровне игровой механики осваивают ключевую историческую концепцию, а именно зависимость доступа к правосудию от социального статуса. Механика «слухов» и «улик» воссоздает центральную эпистемологическую проблему средневекового суда: противостояние объективного доказательства и устного слова. Правдивость слуха известна только Мастеру. Улики бывают косвенными, прямыми и опровергающими. Так школьники учатся критически оценивать информацию, отличать факты от интерпретаций, понимать природу слухов в устной культуре. «Козыри» – уникальные одноразовые способности персонажей, дающие автоматический успех. Педагогический эффект здесь – демонстрация того, что в средневековом обществе доступ к власти и информации часто значил больше, чем формальные доказательства.

Таблица 1

Формируемые компетенции и игровые механики

Компетенция	Игровая механика	Педагогический эффект
Анализ источников	Поиск и проверка улики	Различение фактов и интерпретаций
Критическое мышление	Различение правдивых и ложных слухов	Понимание природы fama в устной культуре
Социальная эмпатия	Отыгрыш роли с личной целью и секретом	Принятие позиции исторического персонажа
Коммуникация	Убеждение, переговоры, шантаж	Развитие аргументации и риторики
Рефлексия	Последствия решений (потеря репутации)	Осознание социальной ответственности

Подготовка и проведение ИРИ включают девять этапов: соответствие теме, целеполагание, выбор технологии с учетом возраста, разработку сценария, подготовку карточек персонажей и улик, организацию пространства, распределение ролей, проведение игры и рефлексия [5, с. 89].

Общая продолжительность – 2–2,5 часа. 1. Свободная фаза (45–60 мин.). Обучающиеся собирают информацию, распускают слухи, ищут улики, договариваются и заключают союзы. Мастер отыгрывает второстепенных персонажей и управляет временем с помощью реплик-маячков. 2. Судебное заседание (30–40 мин.). Стороны излагают позиции, предъявляют улики, допрашивают свидетелей. Порядок строго соблюдается, решения принимаются на основе представленных доказательств. 3. Рефлексия (10–15 мин.).

Ключевая фигура – педагог как Мастер игры. Он выступает фасилитатором, арбитром и со-творцом нарратива. Его функции: управление второстепенными персонажами, интерпретация правил в спорных ситуациях, создание «безопасного пространства» для экспериментирования (ошибка персонажа не влечет реальных последствий) и удержание образовательного вектора [6, с. 235].

Предложенная методика позволяет эффективно решать задачи, поставленные ФГОС перед внеурочной деятельностью. Игра формирует критическое мышление, социальную эмпатию и коммуникативные навыки через эмоциональное проживание исторического контекста. Методика может быть тиражирована для других документированных судебных процессов XV–XVI вв. и служит примером эффективной интеграции игровых технологий в школьное историческое образование.

Список источников и литературы

1. Минпросвещения России. Об утверждении ФГОС основного общего образования: приказ от 31 мая 2021 г. № 287. М., 2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/ (дата обращения: 03.04.2026).
2. Минпросвещения России. О направлении методических рекомендаций: письмо от 5 июля 2022 г. № ТВ-1290/03. М., 2022. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_423032/ (дата обращения: 03.04.2026).
3. *Bjørner T. A.* Systematic Review of Examples and the Effectiveness of Game-Based Learning Used To Teach History in K-12 Education. Aalborg: Aalborg University, 2024. 8 p. URL: https://vbn.aau.dk/ws/portalfiles/portal/747969539/2024_Systematic_review_effectiveness_of_GBL_History_K12_education.pdf (access date: 09.03.2026).
4. *Ammann H.* Der Innsbrucker Hexenprocess von 1485. Innsbruck: Selbstverlag des Ferdinandeums, 1890. 87 S.
5. *Колокольникова З.У.* Игровые технологии: учеб. пособие. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2020. 164 с.
6. Книга мастера D&D / Wizards of the Coast; перевод русскоязычного сообщества. Электрон. дан.: Студия фэнтези PHantom, 2016. 320 с. URL: <https://clck.ru/3Ss8Ag> (дата обращения: 01.04.2026).

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСОВ XV в. ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ШКОЛЬНОЙ РОЛЕВОЙ ИГРЕ

APPLICATION OF 15TH-CENTURY INTERROGATION PROTOCOLS FOR THE RECONSTRUCTION OF SOCIAL HISTORY IN A SCHOOL ROLE-PLAYING GAME

Д.В. Гордиенко

D.V. Gordienko

Научный руководитель М.В. Эберхардт
Scientific adviser M.V. Eberhardt

Социальная история, протоколы допросов, методика работы с источником, инквизиция, Инсбрукский процесс, судебные процессы Средневековья, демонология, устная коммуникация.

В статье предлагается методика анализа аутентичных судебных протоколов XV–XVI вв. (на примере Инсбрукского процесса 1485 г.) для извлечения материала, реконструирующего социальную историю. Алгоритм позволяет учителю самостоятельно разрабатывать игровые сценарии и учебные задания на материале любого документированного судебного дела.

Social history, interrogation protocols, source criticism methodology, inquisition, Innsbruck trial, medieval court proceedings, demonology, oral communication.

The article proposes a methodology for analyzing authentic court records from the 15th–16th centuries (exemplified by the Innsbruck trial of 1485) in order to extract material for reconstructing social history. The algorithm enables teachers to independently develop role-playing scenarios and instructional tasks based on any documented judicial case.

Судебные протоколы XV–XVI вв. донесли до нас голоса простых людей (крестьян, ремесленников, женщин, маргиналов). Как отмечает А.Я. Гуревич, «жизненная информация на всех социальных уровнях распространялась почти исключительно путем прямого общения» [1, с. 34] и именно в судебных документах эти устные свидетельства получали письменную фиксацию. В отличие от нарративных источников (хроник, житий, анналов) протоколы допросов содержат прямую речь, описания бытовых ссор, имущественных споров и личных обид. Но работа с ними требует специального подхода, позволяющего извлечь социально-историческую информацию, отделить фактические обстоятельства от навязанных судьей культурных схем и реконструировать механизмы устной коммуникации в бесписьменной или полуписьменной среде.

Инсбрукский процесс 1485 г. как «пограничный» случай выделяется тем, что содержит десятки свидетельских показаний и представляет собой уникальный источник для отработки методики [2]. В отличие от позднейших «охот на ведьм»

здесь нет развернутой демонологии и не упоминаются ни союз с дьяволом, ни шабаши [2, S. 26]. Обвинения строятся на бытовых конфликтах, что дает «чистый» материал, где культурные схемы еще не заслонили реальную социальную драму. Инсбрукский процесс прошел в Тироле, где светская власть эрцгерцога Сигизмунда закрыла дело и выслала инквизитора, что показывает пределы обвинительного механизма, так как светская власть могла блокировать инквизицию, если та угрожала социальному миру. Б. Левак объясняет это социальным стрессом, когда поиск «козла отпущения» становился инструментом восстановления порядка в локальной общине [3, р. 23]. В случае Инсбрука мы видим конкретные механизмы переноса личной обиды в плоскость религиозного обвинения. Методика работы подразумевает этапы работы с источником. Первый этап – выявление конфликтных узлов. Учитель должен последовательно проработать текст источника, фиксируя все случаи, где упоминаются имущественные споры, личные обиды, любовные и семейные конфликты, зависть и конкуренция. Показательными являются свидетельства Маргареты Грюнепахин о том, что она была уволена за воровство и после этого обвинила бывшую хозяйку в проклятии [2, S. 43], или гончара, что он состоял в любовной связи с обвиняемой Барбарой Селахин и помогал находить подброшенные улики против нее [2, S. 53–54]. При анализе любого протокола учитель должен выписать все эпизоды, где за обвинением стоит личный конфликт. Именно эти эпизоды дают материал для будущих игровых ситуаций и позволяют перейти от абстрактной истории к конкретным судьбам людей. Критерием отбора служит наличие прямой или косвенной связи между обвинителем и обвиняемым вне суда.

Второй этап – реконструкция социальных ролей. Из протоколов выделяются типичные роли: обвинитель, обвиняемый, свидетель, судья, покровитель. Г.В. Бакус пишет, что инквизитор «превращается в сказочника, повторяющего полюбившийся текст», накладывая культурные схемы на реальные конфликты [4, с. 327]. Так личная обида превращалась в религиозное обвинение: инквизитор переводил бытовые ссоры на язык демонологии, подсказывая свидетелям «нужные» формулировки. Из протоколов извлекается система социальных отношений, и учитель должен зафиксировать это.

Третий этап – классификация типов свидетельств. Он предполагает классификацию того, как строится обвинение и из каких источников черпается информация. По Гуревичу, «Устной коммуникации [...] присущи не критичность [...] вера на слово, подверженность искажениям» [1, с. 34]. В Инсбрукском процессе 47,5% обвинений базировались на слухах, 26,2% – на рассказах от третьих лиц. Большинство свидетелей имело ту или иную связь с обвиняемыми [2, S. 26]. Дж. Джаконелли отмечает внутреннее противоречие инквизиционной процедуры, когда суд требует рациональных доказательств, но допускает слухи как основание для начала процесса [5, р. 26–27]. Для учебных целей полезно разделить свидетельства на три категории: 1) прямое свидетельство; 2) слух; 3) интерпретация. Такой анализ позволяет обучающимся оценить степень надежности каждого показания и понять, насколько шаткой могла быть доказательственная база.

Четвертый этап (дополнительный) – анализ гендерных и социальных стереотипов. Протоколы позволяют реконструировать систему социальных страхов. Так, в 1300–1484 гг. женщины составляют 71,1% обвиняемых [4, с. 145]. В Инсбруке из 50 подозреваемых 48 были женщинами [2, S. 5]. В Тироле лишь 29% дел относились к развернутой демонологической топике, остальные были на уровне бытовых конфликтов [6, р. 28]. Наиболее уязвимыми оказывались женщины, занимающиеся лечением, родовспоможением или иными видами «женского знания», а также одинокие, пожилые или конфликтные женщины. Культурные схемы, использовавшиеся для конструирования «врага», включали представления о женской склонности к обману, мстительности и сговору. Для учебной работы на этом этапе предлагается выписать из протоколов все случаи, где обвинение или свидетельство содержат гендерно маркированные характеристики, и обсудить влияние социальных стереотипов.

Пятый этап (завершающий) – дидактическая трансформация, переход от анализа к педагогике. Конфликты, роли и стереотипы превращаются в учебные форматы по трем направлениям: 1) ролевые игры и судебные реконструкции; 2) анализ типов свидетельств; 3) историко-антропологические портреты. Практическим результатом становится комплект учебных материалов, который превращает судебный протокол из документа в источник по социальной истории, развивая у школьников навыки критического анализа.

Список источников и литературы

1. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.
2. Ammann H. Der Innsbrucker Hexenprocess von 1485. Innsbruck: Selbstverlag des Ferdinandeums, 1890. 87 S.
3. Levack B.P. The Witch-Hunt in Early Modern Europe. 3rd ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2006. 360 p. URL: <https://genocideproject.org/wp-content/uploads/2025/01/the-witch-hunt-in-early-modern-europe.pdf> (access date: 09.03. 2026).
4. Бакус Г.В. Инквизиция, ересь и колдовство. М.: АСТ, 2023. 368 с.
5. Jacconelli J. What is a trial? // Judicial tribunals in England and Europe, 1200–1700 / ed. by M. Mulholland, B. Pullan. Manchester: Manchester University Press, 2003. P. 18–36.
6. Rabanser H. Die Hexen und Zaubereiverfolgungen in Tirol: neue Ergebnisse // Storicamente. 2008. № 4. P. 1–35. URL: <https://storicamente.org/sites/default/images/articles/media/1001/rabanser.pdf> (modalità di accesso: 09.03.2026).

ПИСЬМА ЖАНА БОДЕНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕНТАЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА XVI ВЕКА

JEAN BODIN'S LETTERS

AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE MENTALITY
OF XVI CENTURY FRENCH SOCIETY

В.В. Горина

V.V. Gorina

Научный руководитель А.Г. Канаев
Scientific adviser A.G. Kanaev

Жан Боден, ментальность, религия, письма, французское общество, религиозные войны, Новое время.

Статья посвящена изучению писем Жана Бодена как самостоятельного источника по истории ментальности Франции XVI в. Автор приходит к выводу, что переписка ученого демонстрирует характерный для Нового времени ментальный дуализм.

Jean Bodin, mentality, religion, letters, French society, religious wars, Modern Age.

The article is devoted to the study of Jean Bodin's letters as an independent source on the history of the 16th-century French mentality. The author concludes that the scholar's correspondence demonstrates the mental dualism characteristic of the Modern Age.

В рамках направления истории ментальностей частная переписка перестает восприниматься как дополнительный биографический материал и все чаще изучается как самостоятельный источник. В связи с этим письма Жана Бодена представляют значительный интерес для изучения ментальности французского общества XVI в., чье исследование и станет целью данной статьи.

В отечественной историографии перевод и комментирование писем Жана Бодена выполнено И.В. Кривушиным и Е.С. Кривушиной. В статье использован их перевод следующих источников: письма Бодена Жану Ботрю де Матра (1560-е гг.) и письма Жана Бодена своему племяннику, посвященного образованию детей (1586 г.). Кроме того, для данного исследования было изучено письмо президенту парламента сеньору Коли, датированное 1580 г., в переводе И.И. Сахарчука.

Ментальность французского общества XVI в. формируется под влиянием нескольких значительных исторических событий: Возрождения, Реформации и Религиозных войн. Развитие общественной мысли этого времени поставило перед французским обществом вопросы о национальной идентичности и национальном самосознании, что неизбежно повлекло за собой конструирование образа врага [1, с. 471]. В условиях ожесточенных Религиозных войн под врагом понимались иноверцы, так как для французов было характерно отождествление себя с католиками [1, с. 477]. Постепенно в изменяющемся обществе формируется принципиально новая установка, предполагающая веротерпимость.

Данный подход находит отражение в письме Жана Бодена своему другу Жану Ботрю де Матра, написанном в начале религиозных войн. Философ пишет о приоритете человеческих отношений и дружбы над религией: «Исходя из этого, можно было бы прийти к выводу, что заблуждаются те, кто считает, что для дружбы обязательно согласие взглядов на божественные дела» [2, с. 198]. Боден критикует католические церковные практики, утверждая, что многие из них являются историческими наслоениями, искажающими первоначальную чистоту веры. В то же время Боден не демонстрирует негативного отношения к самой религии, утверждая, что религия выступает лишь катализатором раскола. Истинными причинами войн, по мнению философа, являются безбожие и политическое беззаконие [2, с. 200–204]. Данный фрагмент фиксирует переход от средневекового догмата об обязательном религиозном единомыслии к более гибкому подходу Нового времени, поиску внеконфессиональных оснований для диалога, а также форм социальной солидарности в условиях религиозного кризиса.

Провозглашая принцип веротерпимости, ученый одновременно создает труд «О демономании колдунов», в котором обосновывает необходимость охоты на ведьм. В качестве предисловия к данному труду ученый прилагает письмо сеньору Коли, первому президенту парламента, в котором утверждает, что в своем произведении развеет скептицизм в отношении реальности ворожбы и колдовства. В этом же письме Жан Боден воспеваает силу юриспруденции, говоря: «Она привносит осмотрительность, направляет и освещает человеческие жизни, представляя на сцене, словно в самом лучшем театре, тайные деяния, ложь и козни всех типов людей, фиксирует их уловки письменно и устно, поскольку всей человеческой жизни не хватит, чтобы самолично раскрыть все загадки в этом мире» [3, с. 81]. В данном источнике прослеживается характерный для эпохи синтез рационального, научного подхода к изучению мира и теологической картины действительности. Говоря о необходимости веротерпимости, Боден ищет врага в демонологических практиках, трансформируя его образ под свою картину мира, которая сохраняет черты менталитета французского общества, но с определенными изменениями.

Следуя за идеями Возрождения, ученый в письме своему племяннику по случаю рождения сына демонстрирует приверженность гуманистическим идеям. Жан Боден подробно описывает процесс обучения собственных детей, предлагая энциклопедическую систему обучения, в которую входит французский язык и латынь, арифметика и геометрия, морально-нравственные ориентиры, чистописание. Ученый предлагает преподавать детям знания в определенном порядке, от общих понятий – свет, тьма, мир, к частным – природные явления, части города, звуки, краски и т.д. [4, с. 179–182]. Таким образом, у учеников должна сложиться структурированная картина мира, они должны увидеть целостность, неразрывную связь между вещами и явлениями. Педагогическая система, предложенная Боденом, отражает характерную для XVI в. установку на энциклопедичность знания, изучение древних языков, античного культурного наследия и естественно-научных дисциплин.

Анализ писем Жана Бодена позволил нам сделать следующие выводы. Письма философа демонстрируют черты ментальности XVI в., характерные для нее парадоксальные ценностные ориентации и дуализм. Формулируя правовые принципы, Боден интегрирует их в систему судебного преследования колдовства. Говоря об образовании детей, ученый сочетает энциклопедичность образования с нравственно-религиозным элементом. Таким образом, в ментальности французского общества XVI в. стремление к рациональному познанию, объяснению мира, к диалогу между конфессиями сочетаются с теологическими представлениями, страхами, которые оправдывают репрессивные судебные практики.

Список источников и литературы

1. Эльфонд И.Я. Национальная идентичность и массовое сознание во Франции периода религиозных войн XVI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. № 4. С. 471–479.
2. Кривушин И.В., Кривушина Е.С. Жан Боден. Письмо Жану Ботрю де Матра // *Cursor Mundi: Человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2018. № 10. С. 194–206.
3. Боден Ж. О демономании колдунов / пер. со ср. – фр. и лат. ст., комм. И. Сахарчука. СПб.: CHAOSSS / PRESS, 2022. 424 с.
4. Письмо Жана Бодена своему племяннику по поводу образования своих детей / пер. на русский язык, предисл., коммент. И.В. Кривушина, Е.С. Кривушиной // *Cursor Mundi: Человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2017. № 9. С. 178–184.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «РОВЕСНИК»)

VALUE ORIENTATIONS OF SOVIET YOUTH DURING PERESTROYKA (ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «ROVESNIK»)

П.О. Гуторова

P.O. Gutorova

Научный руководитель Н.В. Ворошилова
Scientific adviser N.V. Voroshilova

Перестройка, «Ровесник», молодежная периодика, ценностные ориентиры, советская молодежь.

В статье на основе анализа номеров журнала «Ровесник» за 1987–1991 гг. реконструируется динамика ценностных ориентиров советской молодежи в период перестройки. Автор приходит к выводу, что журнал эволюционировал от идеологизированного коллективизма к ценностям индивидуализма, личного успеха и самореализации.

Perestroika, Rovesnik, youth periodicals, value orientations, Soviet youth.

The article based on an analysis of issues of the magazine Rovesnik for 1987–1991 reconstructs the dynamics of value orientations of Soviet youth during the perestroika period. The author concludes that the magazine evolved from ideologized collectivism to the values of individualism, personal success and self-realization.

Перестройка, которая началась во второй половине 1980-х гг., затронула глубинные слои массового сознания. Важным каналом трансляции новых смыслов стала молодежная периодика. Журнал «Ровесник» (с 1962 г. орган ЦК ВЛКСМ) в годы перестройки претерпел радикальные изменения, при этом отразив кризис прежней идеологической системы и попытку адаптироваться к запросам аудитории.

Трансформация советской молодежной печати в период перестройки привлекала внимание исследователей. Одной из ключевых работ является статья А.А. Наумчика «Трансформация молодежного журнала в Перестройку на примере журнала «Ровесник», в которой анализируется изменение его содержания [1, с. 82]. Автор показывает, как журнал постепенно утрачивал идеологическую функцию и становился рупором гласности. Комплексного анализа динамики именно ценностных ориентиров на материале конкретных выпусков до настоящего времени не предпринималось.

Источниковую базу составили номера журнала «Ровесник» за 1987–1991 гг. Хронологические рамки 1987–1991 гг. соответствуют ключевым этапам перестройки: апогей революционной риторики, пик гласности и крах социалистической системы.

Цель статьи – реконструкция динамики ценностного мира советской молодежи, которая транслировалась на страницах «Ровесника» в 1987–1991 гг.

В 1987 г. ключевой характеристикой журнала была бинарная оппозиция «свой – чужой». «Своими» выступали СССР и социалистические страны, «чужими» – капиталистический Запад, прежде всего США. Январский выпуск открывается письмами советских детей президенту Р. Рейгану, где он назван «трусом» и обвинен в гонке вооружений [2, с. 2]. Редакция называет эти письма «летописью борьбы за жизнь» [2, с. 3]. В рубрике к 70-летию Октябрьской революции публикуются мемуары американского лейтенанта об интервенции на Дальний Восток, где подчеркивается историческая враждебность Запада [2, с. 10 – 11]. Образ социалистического лагеря рисуется положительно: материал «Новогодний крендель» прославляет молодежную стройку в Праге с участием добровольцев из соцстран. Ключевые слова – «дружба», «интернациональный», «социалистическое соревнование». Личный успех не выделяется на фоне коллектива.

Декабрьский номер 1989 г. демонстрирует радикальный сдвиг. На обложке, название которой «Окно в разрядку», – советский и американский флаги рядом [3, с. 1]. Антиамериканская риторика исчезает. Статья западногерманской журналистки М. Пригге «Секрет успеха» анализирует факторы карьерного роста в капиталистическом обществе, опровергая миф о решающей роли высокого интеллекта [3, с. 12–13]. Главными названы социальная компетенция, коммуникабельность, оптимизм и уверенность в себе [3, с. 13]. Для советского читателя, который привык к идеологизированным оценкам труда (ударник, соцсоревнование), это было новым. Успех предстает как результат личных качеств, а не выполнение плана. Рубрика «В чем смысл жизни» включает размышления старшеклассницы из ГДР, которая не хочет «жить, чтобы работать», а стремится к самореализации и помощи людям [3, с. 6 – 7; 10]. Отсутствуют отсылки к марксизму-ленинизму или строительству коммунизма.

Августовский номер 1991 г. завершает трансформацию. Журнал формально сохраняет учредительство ЦК ВЛКСМ, но по содержанию он деидеологизирован. Примером этого может служить факт, что обложки стали содержать меньше изображений на политико-идеологическую тематику, в 1990–1991 г. таких обложек была всего две [1, с. 89]. В этом же выпуске пацифизм предстает как общечеловеческая ценность, а не антиамериканская пропаганда. В этом смысле показательна публикация «Открытое письмо ветерану» французского писателя Б. Виана 1954 г., в которой содержатся строки: «Умереть за родину, конечно, славное дело; надо еще не умереть всем...» [4, с. 9]. Эта цитата иллюстрирует отказ от героизации смерти на войне, что является характерным признаком деидеологизации и поворота к ценности человеческой жизни. Репортаж «Куда Макар телят не гонял» о поездке советских студентов на американские фермы описывает рациональный, спокойный подход к труду американских фермеров в отличие от советской «штурмовщины» [4, с. 10–12]. Транслируется ценность квалифицированного планирования.

Сопоставление трех выпусков позволяет выявить динамику. В 1987 г. – бинарная оппозиция «свой – чужой», образ врага, коллективистский труд. В 1989 г. – отказ от образа врага, появление рубрик о карьере и успехе, нейтральный диалог. В 1991 г. – полная деидеологизация, вытеснение коллективистских ценностей индивидуальными (личный успех, самореализация). Пацифизм становится общечеловеческой ценностью. Журнал ориентирован на досуг и личный выбор.

Таким образом, ценностный мир «Ровесника», транслируемый молодежи, эволюционировал от советского идеологизированного коллективизма через плюралистичный диалог к ценностям индивидуализма. Журнал фиксировал и транслировал изменения в сознании советской молодежи на завершающем этапе перестройки.

Список источников и литературы

1. *Наумчик А.А.* Трансформация молодежного журнала в Перестройку на примере журнала «Ровесник» // Ветер Перестройки – 2023: сборник материалов третьей Всероссийской научной конференции. 4–8 октября 2023 года. СПб., 2024. С. 82–92.
2. Ровесник. 1987. № 1.
3. Ровесник. 1989. № 12.
4. Ровесник. 1991. № 8.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ЯПОНИИ ЭПОХИ МЭЙДЗИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

THE SOCIO-CULTURAL IMAGE OF MEIJI JAPAN REPRESENTED BY ENGLISH TRAVELERS

М.Д. Деденева

M.D. Dedeneva

Научный руководитель И.В. Цыганова
Scientific adviser I.V. Tsyganova

Эпоха Мэйдзи, английские путешественники, Япония, социокультурный облик, предметно-пространственная среда, менталитет.

В статье рассматриваются дневники английских художников-путешественников К. Дрессера и А. Парсонса, побывавших в Японии. Анализ источников личного происхождения показывает, что социокультурный облик Японии эпохи Мэйдзи складывается из двух компонентов – предметно-пространственной среды и менталитета. Особое внимание в статье уделяется иллюстрациям, выполненным путешественниками, которые визуаль-но подтверждают их письменные наблюдения.

Meiji era, English travelers, Japan, sociocultural image, material and spatial environment, and mentality.

The article examines the diaries of English travel artists Ch. Dresser and A. Parsons, who visited Japan. By analyzing the material from personal sources, the author shows that the socio-cultural image of Meiji-era Japan is composed of two components: the material and spatial environment, and the mentality. The article pays special attention to illustrations made by travelers, which visually confirm their written observations.

В Новое время путешествия европейцев на Восток активизировались благодаря расширению торговых путей и интересу к чужим культурам. Япония стала доступна для посещения во второй половине XIX в., в эпоху Мэйдзи. Западных путешественников привлекала самобытность и своеобразие страны. Среди тех, кто посетил Японию, были английские художники-исследователи К. Дрессер (прибыл в страну с профессиональной целью изучения местного искусства и ремесел и пробыл здесь с 1876 по 1877 г.) и А. Парсонс (путешествовал по Японии в 1892–1894 гг. и параллельно с выполнением иллюстраций описывал повседневную жизнь ее жителей). Личные тексты и зарисовки этих авторов сформировали первый массовый пласт английских представлений о Японии. Анализ дневников К. Дрессера и А. Парсонса [1; 2] на предмет выявления сконструированного ими социокультурного облика Японии эпохи Мэйдзи будет целью настоящего исследования. Автор опирается на работы в области социологии (Н.В. Романова) [3] и имагологии (К.И. Дагаева, С.Д. Камалова и др.) [4; 5].

Маршруты путешественников пролегали через наиболее крупные открытые города – Нагасаки, Иокогама, Кобе, Осака, политический центр Эдо (Токио)

и такие знаковые природные и культурные объекты, как гора Фудзи, буддийские храмы Киото и Эдо. Визуальные наблюдения составляют основу дневников. Особое место в зарисовках А. Парсонса занимают горы. Он даже храмы неизменно изображает на фоне природы, подчеркивая их органичную слитность с окружающим миром [2, р. 120]. К. Дрессера привлекает архитектурное совершенство, он сосредоточен на описании и характеристике внутреннего устройства храмов [1, р. 115]. Однако восхищение гармонией традиционной Японии соседствовало в путевых заметках с резкой критикой. Путешественники с сожалением констатировали, как под натиском эклектичной западной застройки, новых технологий и гибридных форм досуга рушится эта гармония и исчезает уникальный облик страны. Показательно в этом отношении наблюдение К. Дрессера за обстановкой временного императорского дворца: «Полы в коридорах и комнатах... покрыты европейскими коврами – где-то гобеленами, где-то брюссельскими, но в большинстве случаев узоры такие, что мы сочли бы их безвкусными» [1, р. 52].

Авторы также уделяют внимание описанию внешнего облика японцев. А. Парсонс отмечает, что каждый слой населения имеет свой уникальный стиль одежды, благодаря чему толпа выглядит пестрой и разнородной: «Я видел толпы людей в праздничных нарядах, старых крестьян, нарядно одетых молодых девушек и странствующих монахов в огромных бамбуковых шляпах, похожих на плетеные корзины» [2, р. 207]. К. Дрессер, в свою очередь, замечал, что у представителей придворной знати и торговцев встречались элементы европейской одежды – на церемониальные визиты было принято надевать английский вечерний костюм [1, р. 30].

Стремясь понять менталитет японцев, авторы обращаются к анализу их национальной культуры, которая проявляет себя в самых разных сферах – от профессиональной деятельности и образования до домашнего быта. Они замечают, что в повседневной жизни японцы постоянно заняты полезным трудом: ремеслом, земледелием или службой. Им свойственны сильная коллективная ориентация, эмоциональная сдержанность, сочетающаяся с глубокой привязанностью к детям, а также почти полное отсутствие гнева и завидное самообладание [1, р. 85]. Жители этой страны обладают высокой чувствительностью к визуальной гармонии, что делает их самыми утонченными и добросовестными художниками и ремесленниками. К. Дрессер подчеркивает при этом, что хотя Япония представляет собой локальную цивилизацию, нация проявляет живой интерес к иностранцам. На иллюстрациях им изображены традиционные для японского искусства узоры, предметы декоративно-прикладного искусства, выполненные местными ремесленниками [1, р. 110]. А. Парсонс отмечает, что японцам свойственно глубокое почитание предков, уважение к своей стране и ее героям, а также пылкий ум и живое любопытство. «Религия учит их, что священны не только храмы и святыни, но и...каждый героический поступок, каждое величественное дерево...», – пишет автор [2, р. 169].

Таким образом, в дневниках К. Дрессера и А. Парсонса нашли отражение наиболее значимые черты Японии эпохи Мэйдзи, формирующие ее социокультурный облик. Среди них можно выделить органичную связь архитектуры с природой, глубокое уважение к религиозным традициям, внимание к красоте даже в самых обыденных предметах, а также особый склад характера местных жителей – коллективистский, эмоционально сдержанный, но при этом живой и любознательный. Вместе с тем путешественники стали свидетелями тревожных перемен: вторжение западной культуры разрушало, по их мнению, гармоничный облик традиционной Японии.

Список источников и литературы

1. *Dresser C.* Japan: Its Architecture, Art, and Art Manufactures. London: Longmans, Green, and Co., 1882. 494 p. URL: <https://archive.org/details/japanitsarchitec00dres> (access date: 06.12.2025).
2. *Parsons A.* Notes in Japan. With Illustrations by the Author. New York: Harper & Brothers Publishers, 1896. 252 p. URL: <https://archive.org/details/notesinjapan00parsrich/page/n5/mode/2up> (access date: 06.12.2025).
3. *Романова Н.В.* Сегменты социокультурного облика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2-2 (28). С. 154–156.
4. *Дагаева К.И.* Имагология как новый метод исследования медиаобразов стран в инокультуре // Наука и школа. 2025. № 3. С. 18–26.
5. *Камалова С.Д.* Специфика понятийного аппарата имагологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-1 (88). С. 26–29.

**ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА
МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА Н.А. ЕСИПЕНКО
В ШКОЛЬНОМ МУЗЕЕ «СТРАНА ПРИЧАЛИЯ»
(МБОУ СШ № 13 г. КРАСНОЯРСКА)
КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

THE FRONT-LINE LETTERS
OF JUNIOR LIEUTENANT N.A. ESIPENKO
IN THE SCHOOL MUSEUM "MOORING COUNTRY"
(MBEI SS NO. 13 IN KRASNOYARSK)
AS A TOOL FOR SHAPING THE HISTORICAL MEMORY
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

А.С. Ермалюк, Д.П. Кулаков

A.S. Ermaluk, D.P. Kulakov

Научный руководитель Е.С. Меер
Scientific adviser E.S. Meer

Н.А. Есипенко, фронтовые письма, школьный музей, историческая память, Великая Отечественная война.

В статье показано, как с помощью фронтовых писем младшего лейтенанта Н.А. Есипенко, участника Курской битвы, из школьного музея МБОУ СШ № 13 г. Красноярск осуществляется формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне в образовательном процессе. Авторы считают, что письма Н.А. Есипенко служат наглядным примером доблести, долга и патриотизма. Знакомство с ними способствует развитию у обучающихся высоких духовно-нравственных ценностей и уважению к памяти предков.

N.A. Esipenko, front-line letters, school museum, historical memory, the Great Patriotic War.

The article shows how, with the help of front-line letters of Junior Lieutenant N.A. Esipenko, a participant in the Battle of Kursk, from the school museum of MBEI SS No. 13 in Krasnoyarsk, the formation of historical memory of the Great Patriotic War in the educational process is carried out. The authors believe that N.A. Esipenko's letters serve as a vivid example of valor, duty, and patriotism. Familiarity with them fosters high spiritual and moral values and respect for the memory of their ancestors in students.

Прошло уже более восьми десятилетий с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны, но шрамы, оставленные ею, все еще кровоточат в памяти. Эта война не обошла стороной ни одну семью в нашей стране. Однако неумолимое время неуклонно приближает тот день, когда не останется в живых тех, кто с оружием в руках отстаивал нашу землю, и тех, кто своим трудом в тылу приближал победу.

Память о них помогут сохранить исторические источники, в том числе документы личного происхождения, которыми являются письма с фронта. В условиях ужаса войны они были единственным средством связи с родными людьми. Они насыщены богатыми фактами о боевых действиях, успехах и трудностях фронтовой жизни, о подвигах солдат. Поэтому мы решили на примере хранящихся в фонде школьного музея писем участника Великой Отечественной войны, младшего лейтенанта Николая Александровича Есипенко показать, как ведется работа по формированию исторической памяти в образовательном процессе МБОУ СШ № 13 г. Красноярска.

Школьный музей «Страна Причалаия», существующий уже не один десяток лет, является уникальным общественным пространством, рожденным совместным трудом педагогов и учеников [1]. Значимым и ценным его экспонатом являются подлинные фронтовые письма младшего лейтенанта Н.А. Есипенко, нашего земляка, участника Великой Отечественной войны [2, с. 453]. Его сообщения родителям обладают типичными признаками фронтовой корреспонденции. Их состояние можно оценить как хорошее, поскольку текст различим, что особенно важно для анализа. Письма написаны в основном от руки синими чернилами, иногда карандашом. На письмах присутствуют соответствующие знаки и печати почтовой службы СССР. А также имеется характерная для того периода агитационная надпись. Указаны адреса и имена отправителя и получателя письма [3].

Одно из писем было отправлено семье Н.А. Есипенко в феврале 1942 г. В нем Николай Александрович в первую очередь горячо приветствует своих родителей и сестру Елену, благодарит за полученное от них ранее письмо. Он сообщает, что жив и здоров, того же желает и своим родным. Пишет о пока что неполученной посылке, сообщает, что ему всего хватает и просит больше ничего не отправлять. Ниже отмечает, что ведет переписку, вероятней всего, со своим дядей, который служит лейтенантом. Пишет о Федоре и Николае, которые, возможно, также являются близкими для него людьми, родственниками или друзьями. В конце замечает, что сейчас служит писарем и скоро будет отправлен командовать подразделением, утверждает, что живет хорошо, а что будет дальше, пока неизвестно, и прощается с родными.

В фонде музея хранятся и другие письма, все они датируются 42-м годом. За последующие годы идентичных источников нет, возможно, какие-то остались у родственников Николая Александровича вместе с похоронным листом.

Обучающиеся нашей школы из кружка «Юный экскурсовод» не остались безразличны к дальнейшей судьбе героя и провели свое исследование. Мы обратились к архивным документам Министерства обороны, опубликованным на сайтах «ОБД Мемориал» и «Память народа» [4; 5], и смогли выяснить, что Н.А. Есипенко родился в г. Красноярске в 1922 г., а на фронт был призван в 1941 г. С семьей он проживал в жилом массиве Бумстрой, расположенном на территории современного Ленинского района. В советское время и в 1990-е гг. этот район граничил с целлюлозно-бумажным комбинатом (ЦБК), который закрывал

доступ к реке. Из архивных документов также следует, что службу Н.А. Есипенко проходил в 137 отдельном батальоне противотанковых ружей 6 гвардейской армии в звании младшего лейтенанта. В 1942 г. Николай Александрович был награжден медалью «За боевые заслуги». Из архивных документов следует, что младший лейтенант Н.А. Есипенко погиб 7 июля 1943 г. в Прохоровском районе Курской области. Мы почти с уверенностью можем заявить, что он принимал участие в знаменитых боях на Курской дуге, которые тогда были в самом разгаре. Захоронен был в братской могиле в селе Большое Прохоровского района Курской области.

В результате исследования обучающиеся подготовили для музея специальный информационный стенд о боевом пути земляка, а также полученные материалы легли в основу доклада для научно-практической конференции как на базе школы, так и на муниципальном этапе. Работа вызвала ажиотаж и интерес среди ребят, многие захотели провести подобное исследование и подробнее узнать о боевом пути своих дедов и прадедов, участников Великой Отечественной войны.

Таким образом, сохранение обычаев и традиций, а также памяти о прошлом – это способ поддерживать связь со своими предками и прошлым, а также передавать наследие будущим поколениям. Поэтому посетители музея всегда проявляют огромный интерес при знакомстве с письмами и историей своего земляка, героя Великой Отечественной войны, Н.А. Есипенко. Его письма служат наглядным примером доблести, долга и патриотизма. Знакомство с ними способствует развитию у обучающихся высоких духовно-нравственных ценностей и уважения к памяти предков. Если бы данный экспонат не попал в наш музей, вероятней всего, что мы бы не открыли для себя еще одну страничку трагической истории Великой Отечественной войны.

Список источников и литературы

1. Официальный сайт школы МБОУ СШ № 13 г. Красноярск. URL: <https://sh13-krasnoyarsk-r04.gosweb.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 03.02.2026).
2. Книга памяти Красноярского края. Красноярск: Кн. изд-во, 1994. Т. 1. 512 с.
3. Письмо Есипенко Н.А., адресованное А.И. Есипенко. Февраль 1942 г. URL: https://sun9-37.userapi.com/s/v1/ig2/xJqLbf0MrgRNV5Ib96A6Ye1MqqP_kZGs33cgIlaeR9h8OhhTnzT9cWQU3WfV3CQgYw5cZEGrHmIppOGitOilJ9Sd.jpg?quality=95&as=32x18,48x27,72x40,108x60,160x89,240x133,360x200,480x267,540x300,640x356,720x400,1080x600,1125x625&from=bu&cs=1125x0 (дата обращения: 03.02.2026).
4. Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 03.02.2026).
5. Мемориал. URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения: 03.02.2026).

МИР ДО И ПОСЛЕ: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ЗАПАДНЫХ ЛАКОТОВ В АВТОБИОГРАФИИ МАТО НАЖИНА «МОЕ ИНДЕЙСКОЕ ДЕТСТВО»

THE WORLD BEFORE AND AFTER: CULTURAL MEMORY OF THE WESTERN LAKOTA IN MATO NAJIN'S AUTOBIOGRAPHY "MY INDIAN CHILDHOOD"

К.А. Мотылева

K.A. Motyleva

*Научный руководитель А.В. Буденкова
Scientific adviser A.V. Budenkova*

Культурная память, западные лакоты, ассимиляция, школа-интернат, резервация, Мато Нажин.

В статье анализируется автобиографическое произведение Мато Нажина «Мое индейское детство» как источник исторической и культурной памяти западных лакотов. Автор выявляет два состояния культурной памяти лакотов: мир до и мир после. Мир до – это мир традиционной жизни племени. Мир после – это начало ассимиляции.

Cultural memory, Western Lakota, assimilation, boarding school, reservation, Mato Najin.

This article analyzes the autobiographical work "My Indian Childhood" by Mato Najin as a source of historical and cultural memory for the Western Lakota. The author reveals two states of Lakota cultural memory: the world before and the world after. The world before is the world of the tribe's traditional life. The world after is the beginning of assimilation.

Передача опыта и значимых событий прошлого происходит разными способами, в том числе через источники личного характера. Цель данной работы – выявление способов сохранения традиционного мировоззрения и механизмов ассимиляции, характерных для США 1920–1930-х гг., на основе анализа автобиографического произведения Мато Нажина «Мое индейское детство» [1].

Мато Нажин родился в 1868 г. на западном берегу Миссури, в племени, именующем себя лакотами. Описанное им детство стало «последним» для поколения, видевшего традиции своего народа. Переход от традиционного образа жизни к резервациям и интернатам для индейцев стал прямым следствием политики США. В 1871 г. законодательно США прекратили заключение договоров с племенами, как с равными сторонами, лишив их статуса суверенных образований [2, с. 15].

Нажин фиксирует разрыв межпоколенческой передачи знаний: «Молодые индейцы уже не умеют правильно разделявать бизона» [1, с. 31]. Утрачиваются навыки, бывшие основой экономики и культуры.

Особое место в его автобиографии занимают школы-интернаты. Сам Нажин учился в школе им. Карлайла в Пенсильвании, открытой офицером Праттом, который провозгласил: «Kill the Indian in him, and save the man» (Убей в нем индейца – спаси человека) [3]. Согласно официальному расследованию Министерства внутренних дел США, с 1819 по 1969 г. федеральное правительство управляло 408 школами-интернатами в 37 штатах, через которые прошли десятки тысяч детей [4]. Ассимиляция была намеренной и служила территориальной экспроприации индейцев.

Нажин стал продуктом ассимиляции, но не утратил идентичность. В школе запрещали говорить на родном языке, однако, овладев письменностью, он посвятил все свои работы народу Сиу. Нажин писал: «Язык народа – часть его истории. Сегодня мы должны сохранять историю, а не разрушать ее» [5]. В 1920–30-е гг. Мато Нажин писал книги, работал актером в вестернах, основал ассоциацию индейских актеров.

Культурная память лакотов фиксируется Нажином через символы. Перья служили языком: их число и вид на голове воина рассказывали о его подвигах. Существовало четыре способа ношения орлиного пера, каждый говорил о поведении в сражении [1, с. 54]. Особые имена обозначали поступок человека. Неистовая Лошадь – военачальник, Медведь-Полый-Рог – вождь, получивший трубку мира. Отца Нажина звали Стоящий Медведь за стойкость в бою. Самого автора называли Сразил Многих (Ота Кте). Сестры носили имена Мастерница и Желтая птица. Нажин с тоской отмечает, что, когда он вырос, индейские войны прекратились. Он не смог заслужить имя, подобно отцу [1, с. 94]. Однако Совет старейшин позже дал ему имя Стоящий Медведь за храбрость отправиться в неизвестность.

Связь с природой у лакотов представляла собой систему ориентации в мире. Если черепаха покидает пруд, он пересыхает. Утки имели большое значение: по легенде, эта птица пришла во сне жрецу и показала целительные травы. Утки никогда не летают по ночам; если слышали их взлет, приближался враг [1, с. 43]. Сова была символом мудрости и защиты. У лакотов существовало Общество Совы, члены которого носили головные уборы из совиных перьев. Нажин пишет: «Мужчина верит, что, когда он надевает совиные перья, сова благоволит к нему и делится своей силой» [1, с. 47]. Экологическая память выступает когнитивной системой: знания о мире приобретаются через наблюдение за животными, закрепляются в ритуалах и материализуются в бытовых предметах [6, с. 190]. Ассимиляция разрушает эту интеграцию. Нажин с горечью отмечает, что теперь индейцы покупают одежду у белых торговцев.

Ассимиляция продолжалась в XX в. В 1934 г. Конгресс США принял «Закон о реорганизации индейцев», который на первый взгляд защищал земли племен, но на деле закреплял коллективное владение и запрещал частную собственность [7]. Как отмечает этнолог Н.А. Лопуленко, такая политика ассимилировала коренные народы, оставляя государство собственником земли [8, с. 4].

Таким образом, автобиография Мато Нажина фиксирует два состояния: мир до – мир традиционных навыков, охоты, природных знаков и символов; мир после – начало ассимиляции через интеграцию в культуру белого человека, федеральные законы, утрату экономической самостоятельности и насильственные школы-интернаты. Главный парадокс: сам автор, став продуктом ассимиляции, именно с ее помощью смог передать знания своего народа остальному миру. Вернувшись в резервацию, Нажин писал: «Внешне я жил жизнью белого человека, но никогда не забывал свой народ. Я сохранил язык, обычаи, пел песни и исполнял пляски» [5].

Список источников и литературы

1. *Нажин М.* Мое индейское детство / пер. с англ. *А. Шепелевой*. М.: Центрполиграф, 2010. 189 с.
2. *Стельмах В.Г., Тишков В.А., Чешко С.В.* Тропую слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады). М.: Мысль, 1990. 316 с.
3. *Pratt R.H.* “Kill the Indian in him, and save the man”: R.H. Pratt on the Education of Native Americans. URL: <https://carlisleindian.dickinson.edu/teach/kill-indian-him-and-save-man-r-h-pratt-education-native-americans> (access date: 12.04.2026).
4. United States. Department of the Interior. Federal Indian Boarding School Initiative Investigative Report: Volume 1. URL: [bsi_investigative_report_may_2022_508.pdf](https://www.doi.gov/sites/doi/files/bsi_investigative_report_may_2022_508.pdf) (access date: 15.04.2026).
5. *Noel W.* A Standing Bear from the Vault. URL: <https://specialcollections.princeton.edu/2024/03/a-standing-bear-from-the-vault/> (access date: 16.04.2026).
6. *Окладникова Е.А.* Экологическое сознание современных художников-индейцев Северной Америки и его древние символы // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 1 (10). С. 182–193.
7. Indian Reorganization Act of 1934: [Chapter 576 of the 73rd Congress, Approved June 18, 1934, 48 Stat. 984, 25 U.S.C. 461 et seq.]. – As Amended Through P.L. 109–221, Enacted May 12, 2006. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-5299/pdf/COMPS-5299.pdf> (access date: 22.04.2026).
8. *Лопуленко Н.А.* Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски. М., 1993. 25 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ Д. ТРАМПА В ВЕДУЩИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛАХ 2016 г.

REPRESENTATION OF DONALD TRUMP'S IMAGE IN LEADING LIBERAL AMERICAN MAGAZINES IN 2016

В.С. Рихтер

V.S. Rikhter

Научный руководитель А.В. Вячистая
Scientific adviser A.V. Vyachistaya

Д. Трамп, репрезентация образа, Тайм, Нью-Йорк Таймс Мэгэзин, Нью-Йоркер, предвыборная кампания 2016.

В статье реконструируется образ Д. Трампа в предвыборной кампании на пост президента США в 2016 г. на основании трех ведущих американских еженедельных новостных журналов: «Тайм», «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин», «Нью-Йоркер». Автором был выявлен ряд общих характеристик в образе, транслируемом журналами «Тайм» и «Нью-Йоркер», в то время как «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» отличается стремлением к нейтральному изображению республиканского кандидата ввиду стремления к аналитическому взгляду на причины успешности Д. Трампа.

D. Trump, representation of the image, Time, The New York Times Magazine, The New Yorker, election campaign 2016.

The article reconstructs the image of D. Trump in the election campaign for the US presidency in 2016, based on three leading American weekly news magazines: “Time”, “The New York Times Magazine”, “The New Yorker”. A range of common characteristics were identified in the image broadcast by “Time” and “The New Yorker”, while “The New York Times Magazine” is distinguished by its desire to portray the Republican candidate neutrally, due to its desire to take an analytical look at the reasons for D. Trump’s success.

Начало 2026 г. вновь обратило внимание мирового сообщества на действия американского президента Д. Трампа. Закономерно, что его политика по-разному оценивается представителями различных политических сил. Так, внутри страны около 39 % американцев одобряют его деятельность [1]. Одним из инструментов влияния на образ политика являются действия СМИ. Примером может служить выпуск обложки журнала «Тайм» 3 апреля 2026 г., на которой Д. Трамп изображен с картой Ирана и надписью «Где выход?» [2].

Исследователи отмечают, что с 2015 г. американская пресса развернула антитрамповскую кампанию [3, с. 55–56; 4, с. 28–32; 5, с. 169–170; 6, с. 37]. Предвыборный период рассмотрен преимущественно на текстовых материалах ежедневных газет, поэтому цель работы – охарактеризовать репрезентацию Д. Трампа на обложках еженедельных новостных журналов Америки в 2016 г. Источниковая база исследования – выпуски трех крупных американских еженедельных новостных журналов: «Тайм», воскресные выпуски «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» и «Нью-Йоркер».

«Тайм». Первый раз Д. Трамп появился на обложке выпуска 14 марта 2016 г., где на его фотографии отмечены выполненными квадраты со словами «задира», «шоумен», «неизвестный гость», «демагог» и пустым остался «45-й президент США» [7]. Ранее, 1 марта 2016 г. прошел супервторник, по результатам которого Д. Трамп мог с высокой долей вероятности получить номинацию от партии. Следующий выпуск с изображением бизнесмена появился 25 июля 2016 г., после Национального съезда Республиканской партии, где Д. Трамп официально стал кандидатом на выборы. Надпись «Проверка внутренностей» отсылает к статье выпуска, автор которой рассуждает о возможных негативных последствиях победы кандидата [7]. Необычным для журнала является карикатура на выпусках от 22 августа и 24 октября 2016 г. Мотивы выбранного способа репрезентации разнятся. В первом случае рейтинг кандидата падал в связи с реорганизацией предвыборного штаба [7], что было преподано как «крах» кампании. Во втором же популярность росла в результате неудач оппонента, а журналисты предостерегали читателей от голосования за Д. Трампа. Таким образом, по мере приближения даты выборов репрезентация образа республиканца наполняется все более карикатурными чертами: от «демагога», «шоумана» и т.д. к «краху» Америки.

«Нью-Йорк Таймс Мэгэзин». В выпуске от 16 мая 2016 г. Д. Трамп изображен живым и улыбающимся в атмосфере, напоминающей праздник [8], в статье журнала показана необычность «внутренней кухни», благодаря которой бизнесмен обеспечил себе номинацию от партии. В следующем номере, 26 июня 2016 г., в карикатурном исполнении представлена голова Д. Трампа, поедающая однопартийцев [8]. Первоначально изображение вызывает негативное впечатление, однако журналист в работе размышляет о состоянии Республиканской партии, но не критикует бизнесмена, а стремится выявить возможность поглощения партии идеями Д. Трампа. Таким образом, в журнале республиканец представлен победителем, но без негативной коннотации или позитивного восхваления.

«Нью-Йоркер». Первый выпуск с изображением Д. Трампа появился 1 февраля 2016 г. На обложке бизнесмен вещает по телевизору, а исторически значимые деятели США с ужасом смотрят на него [9]. Номер от 23 мая 2016 г. показывает бизнесмена как фокусника, который удивлен получившемся трюку [9]. 10 октября Д. Трамп представлен как дама с короной на голове и надписью: «Мисс Конгениальность» [9]. По задумке иллюстратора, изображение является отсылкой к конфликту Д. Трампа и победительницы конкурса «Мисс Вселенная» 1996 г. Выпуск от 31 октября показал республиканца с лидерами России [9]. Таким образом, на протяжении всего периода Д. Трамп изображался в негативном свете, включая такие штампы, как «ужас Америки», «агент Кремля», «шоумен», «грубиян».

Рассмотренные журналы по-разному подошли к освещению выборов 2016 г. «Тайм» и «Нью-Йоркер» отличается большим количеством выпусков, связанных с республиканцем, нежели «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин». Также для первых двух журналов характерна репрезентация карикатурного негативного образа Д. Трампа, общие черты которого: «шоумен», «ужас Америки», «агент Кремля».

«Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» же стремится к аналитическому подходу в отношении причин успешности кандидата, ввиду чего демонстрировался близкий к нейтральному образ, вопреки сформировавшемуся мнению среди исследователей о либеральной прессе.

Список источников и литературы

1. *Soler C.* President Trump's Approval Rating: Latest Polls. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/polls/donald-trump-approval-rating-polls.html?ysclid=mnzgw9z31a240674681> (access date: 22.04.2026).
2. *Лежнекова А.* Time выпустил обложку с Трампом и картой Ирана с надписью «Где выход?». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69cebc7c9a79471394782e8e?ysclid=modzmnwypib363970074> (дата обращения: 22.04.2026).
3. *Пирожкова И.С.* Метафорическая репрезентация Д. Трампа в американских СМИ в постинаугурационный период // Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110). С. 54–60.
4. *Самуйлов С.М.* Трампизм: раскол общества и элиты. М.: Весь Мир, 2022. 234 с.
5. *Балдицын П.В.* Технология создания негативного образа Дональда Трампа в журнале «Нью-Йоркер» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 168–183.
6. *Свитич А.Л.* Визуализация образа политического деятеля в графической иллюстрации (российский и зарубежный опыт печатных СМИ) // Меди@льманах. 2019. № 4 (93). С. 30–44.
7. 2016. URL: <https://time.com/vault/year/2016/> (access date: 22.04.2026).
8. Issue Archive. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/02/magazine/past-issues-sunday-magazine.html?searchResultPosition=11> (access date: 22.04.2026).
9. Magazine Archive 2016. URL: <https://www.newyorker.com/archive> (access date: 22.04.2026).

«БЛАГОРОДНЕЙШИЙ УГОЛОК ЗЕМЛИ»: КАК АГИТАЦИЯ Г. ТОМАСА ПРИВЛЕКЛА ВНИМАНИЕ ИММИГРАНТОВ К ПЕНСИЛЬВАНИИ В XVII ВЕКЕ

**«NOBLE SPOT OF EARTH»:
HOW G. THOMAS'S AGITATION DRAWN IMMIGRANTS' ATTENTION
TO PENNSYLVANIA IN THE 17TH CENTURY**

М.В. Суровцева

M.V. Surovtseva

Научный руководитель А.Г. Канаев
Scientific adviser A.G. Kanaev

Габриэль Томас, Пенсильвания, «Исторический и географический отчет о провинции и штате Пенсильвания», иммиграция, агитация.

В статье анализируется агитационный труд Габриэля Томаса «Исторический и географический отчет о провинции и штате Пенсильвания». Автор делает вывод, что книга, являясь ярким примером пропагандистской литературы, оказала влияние на популяризацию идеи переселения в новообразованную колонию среди европейцев и способствовала росту иммиграции в Северную Америку в конце XVII в.

Gabriel Thomas, Pennsylvania, "An Historical and Geographical Account of the province and country of Pennsylvania", immigration, agitation.

The article analyzes Gabriel Thomas's propaganda work "Historical and Geographical Account of the Province and State of Pennsylvania." The author concludes that the book, as a vivid example of propaganda literature, influenced the popularization of the idea of resettlement to the newly formed colony among Europeans and contributed to the growth of immigration to North America in the late 17th century.

ХVII в. в истории Англии ознаменовался религиозными гонениями на протестантов со стороны англиканской церкви. Она жестко преследовала тех, кто выступал с критикой господствующей религии, поэтому данные события стали важным фактором, повлиявшим на рост эмиграционных процессов из страны. В то же время появление первых британских колоний в Северной Америке требовало ускорения процесса их заселения из-за нужды в трудовых ресурсах. Как следствие, появилась пропагандистская литература, агитирующая англичан переезжать в новообразованные североамериканские поселения. Одним из примеров такой литературы является труд Габриэля Томаса «Исторический и географический отчет о провинции и штате Пенсильвания» 1698 г. [1]. Его анализ позволяет выявить основные агитационные рычаги, используемые колониальным автором в его работе для создания наиболее привлекательного для заселения иммигрантами образа Пенсильвании.

Габриэль Томас (1661–1714) был писателем, другом Уильяма Пенна и членом религиозной секты «Общество друзей» [2, р. 4]. В молодости он присоединился к квакерам, членом общества которых с 1667 г. являлся Уильям Пенн [3], основавший Пенсильванию – одну из первых колоний в Северной Америке. Вероятно, благодаря квакерским связям в Уэльсе Томас познакомился с ним. Это позволило ему войти в круг эмигрантов, привлеченных экспериментом Пенна в Америке. Томас приплыл на корабле «Джон и Сара» под командованием Генри Смита в 1681 г. Это было первое судно, прибывшее в Пенсильванию, после того как она получила свое название [1, р. 26].

В 1681–1697 гг. Томас проживал там, наблюдая за жизнью поселенцев колонии и собирая факты об их повседневной жизни, пока не вернулся в Англию с намерением привлечь к территории внимание жителей Британии, Шотландии и Уэльса. Свои наблюдения он изложил в агитационной рукописи «Исторический и географический отчет о провинции и штате Пенсильвания» [1], описав различные стороны жизни поселения и возможности, которые открываются для каждого, кто прибудет туда.

Начиная повествование, Габриэль Томас пишет о перспективности колонии, открытой для новых жителей. Он не сомневается, что этот «благороднейший уголок Земли» будет активно процветать и принесет огромную выгоду нынешним и будущим владельцам, которые готовы оказать поддержку любому переселенцу [1, р. 5]. Затем автор акцентирует внимание читателя на особенностях климата Пенсильвании, где несколько холоднее в разгар зимы, но жарче в разгар лета, чем в Англии, «что делает фрукты такими вкусными, а землю такой плодородной» [1, р. 10]. Большое значение Томас придает именно плодородности земель, ведь, по его словам, на каждый посеянный бушель пшеницы поселенцы собирают от двадцати до тридцати бушелей урожая [1, р. 10]. Скотоводство также значительно превосходит английское, так как у поселенцев имеются более здоровые животные, большие стада свиней и лошадей с более вкусным мясом, чем в Англии, «потому что они питаются и откармливаются богатыми фруктами» [1, р. 16]. Так, в первую очередь, автор нацеливает свой труд на читателя-земледельца, который заинтересован в высоком урожае и продуктивном скотоводстве.

Отдельное внимание Томаса сосредоточено на стоимости земли, которая за годы его пребывания в колонии значительно выросла в связи с увеличением спроса. Он считает, что это связано с развитием морского и сухопутного транспорта, а также торговли [1, р. 17]. При этом Томас указывает, что еще остаются большие неосвоенные участки, которые любой может приобрести подешевле, что с наибольшей вероятностью принесет прибыль [1, р. 18].

Помимо крестьян, целевой аудиторией, по задумке Габриэля Томаса, должны были стать рабочие, ведь зарплаты пенсильванских поселенцев являются одной из ключевых тем труда. Рабочие получают от 14 до 15 фунтов в год, обеспечены едой, питьем, стиркой и жильем [1, р. 21]. Главная причина, по которой заработная плата рабочих в колонии намного выше, чем в Англии, связана с большим плодородием этого места, что позволяет переселенцам обеспечить

себя продовольствием и землей за очень небольшую сумму [1, р. 21]. Нищие в Пенсильвании, по словам Томаса, совершенно отсутствуют, так как у поселенцев «нет ни малейшего повода или искушения начать эту скандальную, ленивую жизнь» [1, р. 25].

Конечно, автор не мог обойти стороной религиозный вопрос, отметив, что Пенсильвания – место, свободное для всех конфессий, потому что англиканская церковь и квакеры имеют равную долю в управлении [1, р. 21]. В колонии существуют разные вероисповедания: лютеранство, англиканство, анабаптизм, пресвитерианство и квакерство [1, р. 28]. Этот момент очень важен для подобной рекламы поселения, которое создавалось как зона поликонфессиональности.

Таким образом, работа имеет излишне позитивный тон, при котором замалчиваются такие проблемы, как сопротивление индейцев и культурное непонимание между европейцами и коренными жителями континента. Произведение ярко демонстрирует агитационные намерения автора и задает тон последующим идеализированным произведениям с экспансионистской риторикой. Отчет Томаса выгодно подчеркивает экономические перспективы колонии, помогая привлечь рабочих и фермеров из Европы. К 1700 г. центральная часть Филадельфии превратилась в город с населением около 2000 человек. Население Пенсильвании в целом выросло с 680 до 18 000 человек европейского происхождения [4]. Так, рост количества поселенцев Пенсильвании в основном происходил за счет добровольной иммиграции, которой во многом способствовала данная агитационная литература.

Список источников и литературы

1. *Thomas G.* An Historical and Geographical Account of the Province and Country of Pennsylvania, in America / ed. by *A. Monroe Aurand, Jr.* Harrisburg: The Aurand Press, 1935. 32 p.
2. The Lure of South Jersey: The Resettlement of Migrants // The Noyes Museum of Art of Stockton University. URL: <https://clck.ru/3SWB87> (access date: 09.03.2026).
3. An Abstract of the Life of George Fox // Gwynedd Friends Meeting (Quaker). URL: https://www.gwyneddmeeting.org/Groups/355257/George_Fox.aspx (access date: 09.03.2026).
4. *McDaniel M.B.* Immigration and Migration (Colonial Era) // The Encyclopedia of Greater Philadelphia. URL: <https://philadelphiaencyclopedia.org/essays/immigration-and-migration-colonial-era/> (access date: 09.03.2026).

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ДНИ ПАМЯТИ У ВЕТЕРАНОВ АФГАНСКОГО КОНФЛИКТА 1979–1989 гг.

SYMBOLIC COMMEMORATION DAYS FOR VETERANS OF THE AFGHAN CONFLICT 1979–1989 gg.

И.В. Фролов

I.V. Frolov

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Scientific adviser E L. Zberovskaya

День памяти, место памяти, ОКСВА, афганский конфликт 1979–1989 гг.

В статье рассматриваются теоретические основы концепции дней памяти, примененные к опыту ветеранов афганского конфликта. Дни памяти раскрываются как «якоря» памяти. Автор приходит к выводу, что их можно разделить на явные и неявные, по-разному раскрывающие опыт воинов-афганцев.

Memorial day, sites of memory, LCSA, Afghan conflict 1979–1989.

The article discusses the theoretical foundations of the concept of days of remembrance applied to the experience of veterans of the Afghan conflict. Days of remembrance are revealed as an “anchor” of memory. The author concludes that they can be divided into explicit and implicit, which reveal the experience of Afghan soldiers in different ways.

Историческая память как социокультурная проекция истории на память коллектива невозможна без инертной точки – дня памяти, представляющего собой синергию материальной и нематериальной детерминант памяти. В научной литературе можно выявить два подхода к формированию в коллективном сознании дней памяти: день памяти, образующий коллективную идентичность (А. Ассман, Я. Ассман) [1, с. 80–102], и коллектив, избирающий день памяти для собственной идентичности (П. Нора, М. Хальбвакс, Д. Аникин) [1, с. 59–80; 2]. В рамках первого подхода день памяти является социокультурной надстройкой исторической памяти и скорее применим к коммуникативной памяти. Второй подход требует институционализации. В таком случае дни памяти это «якори», связывающие коллектив с идентифицирующим его прошлым, они становятся местом памяти коллектива [2].

Законодательно закрепленными «Памятными датами России», относящимися к изучаемой теме, являются: 15 февраля – День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества (до 2010 г. отмечался как День воина-интернационалиста), 3 сентября – День солидарности в борьбе с терроризмом и 21 ноября – День Военной присяги [3].

Изучая воспоминания ветеранов афганского конфликта 1979–1989 гг., следует обратить внимание на факторы, формирующие их память. Во-первых, они представляют собой большую номинальную замкнутую социальную группу.

Во-вторых, данная группа имеет множество внутренних делений на более мелкие подгруппы: по родам войск, по датам службы, по административно-территориальным признакам (локализация памяти и идентичности на основе принадлежности к воинским частям, подразделениям). В-третьих, опыт ветеранов травматичен, а воспоминания и оценки конфликта иногда носят конфликтный характер. С учетом этих обстоятельств мы определяем явные (общепринятые в большой группе и ее частях, почитаемые как традиция, мобилизующие коллективную память) и неявные (частные дни памяти для индивидов и малых групп, символизирующие именно их частную идентификацию и пережитый опыт) рефлекслируемые дни памяти.

В нарративах непосредственных участников мы видим явные дни памяти, выделяемые ветеранами. Мемуарист С. Бояркин выделяет для себя первым трепетным днем памяти 27 декабря 1979 г. – день операции «Шторм-333» и день ввода войск в Афганистан [4, с. 1–5]. Автор относится к вводу войск и убийству Х. Амина скептически, как и наш респондент И.А. [5]. Эти события определили будущее советского народа и солдат 40-й армии на ближайшие 9 лет, а потому эта дата находит мемориальное отражение в памяти многих ветеранов. День вывода войск (15.02.1989) символичен для В.В. (непосредственный участник этих событий) и для Р.Ф. и О.В. (они ярко проводят параллели между парадным выводом 40-й армии и «трусливым бегством» войск США) [5]. В памяти ветеранов дни их рода войск занимают немаловажное значение, особенно в условиях службы в Афганистане. Р.Ф. хорошо помнит празднование Дня ВДВ (2 августа), В.В. гордится Днем пограничника (28 мая) [5]. С 2009 г. институты гражданского общества ветеранов боевых действий борются за законодательное признание Дня ветеранов боевых действий (1 июля). И.А., а также авторы мемуаров, вспоминают скромные, но символические празднования дней рождения, Нового года [5]. Эти праздники помогали вспомнить о Родине, о том, за что они сражаются, что позволяет их отнести к явным дням памяти. К таким явным дням относятся и наиболее масштабные военные операции: Кунарские [4, с. 123–172] и Пандшерские, «Мармольская», операция по выводу войск и т.д. [5].

Изучая неявные дни памяти, мы видим как более высокую травматичность, так и высокий эмоциональный фон, формирующий индивидуальный мемориальный нарратив. Например, С. Бояркин ярко описывает день своего призыва в советскую армию (май 1979 г.), показывая внутреннее сожаление о неудавшейся учебе в университете [4, с. 1–23]. Такая же ситуация с призывом в армию вышла и у Р. Бикбаева (май 1980 г.) [6]. Некоторые из красноярских ветеранов-респондентов тоже говорят о дне отправки в советскую армию: О.В. вспоминает разговоры с ровесниками, а В.В. отмечает внутреннюю важность этого дня для своей микроистории [5]. Также днем памяти для ветеранов является день демобилизации: особо глубокое отношение к нему у Р.Ф. (август–сентябрь 1982 г.), так как она случилась с ним досрочно из-за ранения, и расставание с боевыми товарищами [5]. Не менее травматичный опыт дня

демобилизации и у Р. Бикбаева: последние дни перед отправкой домой были связаны с потерей ближайшего товарища (14–25 апреля 1982 г.) [6]. Для И.А. личным днем памяти стали 3 дня, когда ему для выполнения боевой задачи пришлось не спать [5], для Р. Бикбаева это события из «учебки», для одного из героев его мемуаров – Рифката М. – день его первого боя (25–27 июля 1980 г.) [6].

Таким образом, символические дни памяти для ветеранов афганского конфликта – это совокупность общепринятых явных дат, определенных для всей группы участников конфликта и выделенных из ней групп войск, и неявных дат, оказывающих влияние на формирование идентичности микрогрупп и индивидов в контексте афганского конфликта. Явные дни памяти стали Местами памяти для социальной группы ветеранов конфликта, неявные даты позволяют расширить представление об афганских буднях советских солдат, понять пережитый ими опыт.

Список источников и литературы

1. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 223 с.
2. Аникин Д.А. Праздник как элемент культурной памяти миграционного сообщества // *Studia Humanitatis*. 2018. № 2. URL: <https://st-hum.ru/content/anikin-da-prazdnik-kak-element-kulturnoy-pamyati-migracionnogo-soobshchestva> (дата обращения: 07.04.2026).
3. Закон РФ «О днях воинской славы и памятных датах России»: Федеральный закон № 32-ФЗ от 13 марта 1995 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/7640> (дата обращения: 07.04.2026).
4. Бояркин С. Солдаты афганской войны: документальное свидетельство. Новосибирск: Астрель, 1999. 243 с.
5. Воробьев И.А., Фролов В.В., Файзрахманов Р.Ф., Илатовский О.В. Интервью «Рефлексия опыта участия в афганском конфликте». Личный архив автора. 12.11.2025.
6. Бикбаев Р.Н. 56-я Десантно-штурмовая, Войны афганской, лошадь ломовая. 2009. URL: https://okopka.ru/b/bikbaew_r_n/text_0010.shtml (дата обращения: 07.04.2026).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ В РАМКАХ ЖАНРА ФИКШН

ОБРАЗ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

THE IMAGE OF THE GRACCHI BROTHERS IN ANCIENT LITERATURE

А.А. Аляев

A.A. Aliaev

Научный руководитель Д.В. Григорьев

Scientific adviser D.V. Grigoriev

Братья Гракхи, Аппиан, Плутарх, Цицерон, Древний Рим, реформа, народ.

Статья посвящена выявлению образа братьев Гракхов в античной литературе на основе трудов Аппиана, Плутарха, Цицерона. Автор пришел к выводу о его неоднородности в греческой и римской традициях.

The Gracchi brothers, Appian, Plutarch, Cicero, Ancient Rome, reform, people.

The article is devoted to the identification of the image of the Gracchi brothers in ancient literature based on the works of Appian, Plutarch, Cicero. The author came to the conclusion about its heterogeneity in the Greek and Roman traditions.

Очень часто в истории отдельные персоналии становились олицетворением какого-либо процесса или стороны жизни, например, образ Александра Македонского олицетворяет завоевательные походы, эллинизацию, образ Перикла – культурный и политический расцвет Афин. Однако образ братьев Гракхов не имеет четкого олицетворения. Одни авторы Античности представляют их как защитников простого народа, формируя образ бескорыстных и самоотверженных граждан, другие же видят в их деятельности личные и корыстные мотивы. Изучение этих противоречивых интерпретаций позволяет проследить, как в античном обществе складывались стереотипы о социальных реформаторах.

В данной статье анализируется процесс формирования образа Тиберия и Гая Гракхов в трудах античных авторов. Для достижения цели использовались следующие письменные источники: «История Рима» Аппиана Александрийского [1], «Сравнительные жизнеописания» Плутарха [2], трактат «О Государстве» Цицерона [3]. Привлекались также труды исследователей, посвященные изучению реформ Гракхов, А.Б. Егорова [4] и Р.В. Лапырёнок [5].

Свою деятельность братья Гракхи осуществляли в 130–120 гг. до н. э. Они были одними из авторов популярной земельной реформы, направленной на поддержку малоземельных и безземельных римских граждан.

Аппиан уделяет большое внимание составляющим реформы и противостоянию Гракхов с сенатом. Он подробно анализирует произошедшие события, описывая деятельность Тиберия Гракха в интересах государства и народа. Аппиан пишет: «Цель Гракха заключалась не в том, чтобы создать благополучие бедных, но в том, чтобы в лице их получить для государства боеспособную силу. Воодушевленный главным образом той большой и существенной пользой, которую достижение его цели могло принести Италии, Гракх не думал о трудности своего

предприятия» [1, 1, XIII, 11]. Одновременно, осуждая действия нобилитета и негативно описывая решения сената, препятствовавших проведению реформы, Аппиан старается умолчать о моральной оценке некоторых противозаконных решений Тиберия Гракха по отношению к государству и праву Римской республики. В то же время смело называет выступление Гая Гракха «смутой». Однако Аппиан пишет о том, что выступления Гракхов и проводимая ими земельная реформа углубили кризис Римской республики [5, с.191].

Другой греческий историк Плутарх создает весьма добродетельный образ Гракхов как защитников простого народа, оправдывая противозаконную деятельность братьев, направленную против засилья богатых граждан. Так, Плутарх описывает сцену лишения власти народного трибуна Октавия: «Когда же и сенат, собравшись, ничего не решил по вине богачей, которые имели в нем большую силу, Тиберий обратился к средству и незаконному, и недостойному – не находя никакой иной возможности провести голосование, он лишил Октавия власти» [2, 2, III, 12]. Плутарх описывает всенародную любовь к братьям, говоря, что они имели большую поддержку, таким образом, формируя образ героя народа, их заступника, стремясь подчеркнуть благородность их замыслов. Плутарх описывает трагизм судьбы братьев, указывая на корыстные мотивы их противников: «Тиберий легко поддался бы увещаниям. . . . Но, как видно, злоба и ненависть главным образом сплотили против него богачей» [2, 3, III, 26].

Представитель римской литературной традиции Цицерон оценивал деятельность братьев как разрушительную для республиканских устоев. Так, в трактате «О государстве» Цицерон прямо связывает гибель Гракхов с падением авторитета сената и началом эпохи гражданских смут: «...Ты спрашиваешь здесь, каким образом были видны два солнца, но не спрашиваешь, почему в одном государстве существуют два сената и, можно сказать, два народа? Ибо, как вы видите, смерть Тиберия Гракха и еще раньше все его стремления как трибуна разделили единый народ на две части» [3, 4, I, 19].

Цицерон негативно отзывался о политической деятельности братьев, сетуя на их желание получить единоличную власть в Риме, не считаясь с сенатом, однако Цицерон упускает из внимания то, что реально их волновало. Тиберия приводила в ужас не плохая работа рабов и даже не вытеснение свободного труда рабским, но полная непригодность этой массы для защиты отечества. Аппиан акцентирует внимание на военной перспективе реформы и ее блага для государства, а Плутарх на затрагиваемой ею социальной и политической сферах [4, с. 48]. Он приводит одну из речей Тиберия Гракха: «Дикие звери, населяющие Италию, имеют норы, у каждого есть свое место и свое пристанище, а у тех, кто сражается и умирает за Италию, нет ничего, кроме воздуха и света, бездомными скитальцами бродят они по стране вместе с женами и детьми, а полководцы лгут, когда перед битвой призывают воинов защищать от врага родные могилы и святыни, ибо ни у кого из такого множества римлян не осталось отчего алтаря... и воюют и умирают они за чужую роскошь и богатство, эти «владыки вселенной», как их называют, которые ни единого комка земли не могут назвать своим» [2, 5, III, 9].

Итак, образ братьев Гракхов в античной традиции изначально формировался как многозначный, что отражало реальную противоречивость их деятельности. Греческие авторы больше уделяли внимание социальной и стратегической базе реформы, стараясь придать Гракхам образ борцов за справедливость, образ доблестных и благородных граждан, Цицерон же, как идейный приверженец республиканских взглядов, разглядел в реформах братьев стремление к своей политической реабилитации и потрясению республиканских устоев.

Список источников и литературы

1. *Аппиан Александрийский*. Римская история. М.: Наука, 1998. 740 с.
2. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в 3 томах. М.: Наука, 1964. 559 с.
3. *Марк Туллий Цицерон*. Философские трактаты. «О государстве». URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1414870001#071> (дата обращения: 27.03.2026).
4. *Егоров А.Б.* Строители Римской империи. М., СПб.: Наука, 2026. 410 с.
5. *Лапырёнок Р.В.* Образ реформатора-демократа в античной литературе: Тиберий Гракх // Народ и демократия в древности: доклады российско-германской научной конференции / ред. В.В. Дементьева. Ярославль: ЯрГУ, 2011. С. 189–193.

СОБСТВЕННОСТЬ И ВЛАСТЬ В ОВОЩНОМ КОРОЛЕВСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В СКАЗКЕ ДЖАННИ РОДАРИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО»

PROPERTY AND POWER IN THE VEGETABLE KINGDOM:
SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL ALLUSIONS
IN GIANNI RODARI'S TALE «THE ADVENTURES OF CIPOLLINO»

Д.Е. Арискина, Е.И. Орлов

D.E. Ariskina, E.I. Orlov

Научный руководитель Е.С. Меер
Scientific adviser E.S. Meer

Джанни Родари, исторический параллелизм, классовая борьба, тоталитарный режим, институт собственности.

Статья посвящена историческому параллелизму социально-экономических и политических явлений в сказке «Приключения Чиполлино». Авторы приходят к выводу, что Родари иносказательно изобразил классовое неравенство и неразрывность власти с частной собственностью.

Gianni Rodari, historical parallelism, class struggle, totalitarian regime, institution of property.

The article examines the historical parallelism between socioeconomic and political phenomena in the fairy tale “The Adventures of Cipollino”. The authors conclude that Rodari allegorically depicted class inequality and the inseparability of power and private property.

Авторская сказка является не только жанром детской литературы, но и ценным историческим источником, отражающим особенности своей эпохи. Ярким примером тому служит сказочная повесть Джанни Родари «Приключения Чиполлино» (1951) [1].

Творческий путь Джованни Франческо Родари тесно связан с его политической деятельностью. Разочаровавшись в фашистской идеологии, писатель становится активным участником движения Сопротивления и в 1944 г. вступает в Коммунистическую партию Италии. С 1948 г. являясь литературным сотрудником миланского издания партийной газеты «L'Unità» («Единство»), Дж. Родари начинает публиковать свои стихи и сказки в разделе «Детский уголок». Политический опыт итальянского писателя во многом предопределил идеологическую оптику его произведений [2, с. 222–223]. В СССР популяризатором творчества Дж. Родари стал С.И. Маршак, под редакцией которого З.М. Потапова в 1953 г. выполнила перевод книги «Приключения Чиполлино». Перевод вполне соответствовал оригиналу и по точности понимания авторского замысла, и по своим художественным достоинствам [3, с. 193].

Анализ научной литературы показывает, что Е.П. Брандис и М.Ю. Болдина рассматривали «Приключения Чиполлино» сквозь призму классовой борьбы,

почти не обращаясь к конкретным реалиям фашистской Италии [2, с. 225; 4]. Статья Н.Р. Эфендиевой и И.А. Поплавской представляет собой литературно-критическое исследование, не акцентирующее внимания на исторической составляющей сказки [3]. А.В. Скиперских в своем учебно-методическом пособии предлагает план герменевтического анализа сказки «Приключения Чиполлино», но оно позволяет выявить только политические аллюзии истории [5, с. 22]. Так, комплексное исследование социально-экономических и политических аллюзий, раскрывающих взаимосвязь института собственности и власти именно в контексте фашистского «двадцатилетия» в Италии на материале данной сказки, нами не обнаружено.

Цель данной статьи – выявление и анализ социально-экономических и политических аллюзий в сказке Дж. Родари «Приключения Чиполлино», раскрывающих механизмы взаимосвязи института собственности и властных отношений в контексте Италии эпохи Муссолини (1922–1943). В статье применяется герменевтический метод, позволяющий сопоставить литературные образы с конкретными реалиями фашистского «двадцатилетия» (1922–1943).

Экономическая модель режима принца Лимона и синьора Помидора базируется на тотальном фискальном прессинге, который Родари доводит до гротеска, описывая налоги на воздух, осадки и тень [1, с. 218]. В контексте исторической реальности 1930-х гг. эта аллегория раскрывает стремление режима Муссолини к финансированию масштабных военных авантур, таких как интервенция в Эфиопию и поддержка франкистов в Испании, путем введения множества косвенных налогов, а также проведения кампании «Золото для Родины» 1935 г. [6, с. 81]. В историческом контексте начала 1920-х гг. союз синьора Помидора с графинями Вишнями и бароном Апельсином отражает реальный симбиоз между фашистским движением и крупной аграрной буржуазией долины реки По [6, с. 108]. В 1920-х гг. Муссолини опирался на поддержку крупных землевладельцев, напуганных ростом социалистических настроений среди крестьянства. Этот альянс, известный в историографии как «аграрный фашизм», окончательно оформился на фоне «Красного двухлетия» (1919–1920), когда массовые захваты земель и забастовки сельскохозяйственных рабочих поставили под угрозу монополию крупной собственности [6, с. 62]. Барон Апельсин, поглощающий невероятное количество продовольствия за счет налогов с деревень, становится символом паразитарного характера элит, типичных для юга Италии. Эти элиты извлекали сверхприбыли исключительно за счет экстенсивной эксплуатации крестьян-арендаторов, не вкладывая средства в модернизацию аграрного сектора.

Эксплуатация крестьянства в мире Родари подается через призму искаженного «права собственности», где даже временное убежище, подобное домику кума Тыквы, объявляется незаконным, если оно противоречит интересам правящего класса [1, с. 17–18]. В сказке синьор Помидор использует юридическую казуистику, чтобы объявить собственность Тыквы ничтожной, что прямо отсылает к практике «карательных экспедиций». Особое место в системе управления занимает пропагандистская составляющая, которую Родари виртуозно раскрывает

через символизм ароматов. Эпизод с опрыскиванием бедняков духами перед визитом Принца Лимона является глубокой метафорой попыток власти скрыть реальную социальную-экономическую ситуацию за эстетическим фасадом «нового имперского величия» [1, с. 5]. Данная стратегия находит прямое отражение в деятельности Министерства народной культуры Италии, которое жестко регламентировало образ Италии в СМИ, запрещая упоминания о голоде, преступности или засухе и создавая иллюзию гармонии [6, с. 112].

Проведенный анализ повести «Приключения Чиполлино» позволил выявить, как Родари с помощью художественных образов воспроизводит механизмы взаимодействия политической и социально-экономической сфер в государстве. Сказка демонстрирует на примере режима принца Лимона, как в условиях тоталитаризма в Италии осуществляется симбиоз политической и экономической элиты, а «право собственности» становится инструментом угнетения.

Список источников и литературы

1. *Родари Дж.* Приключения Чиполлино: сказочная повесть. М.: Эксмо, 2019. 248 с.
2. *Брандис Е.П.* От Эзопа до Джанни Родари: Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. М.: Просвещение, 1965. 312 с.
3. *Эфендиева Н.Р., Поплавская И.А.* Особенности переводческой рецепции сказки Дж. Родари «Приключения Чиполлино» // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11-4(113). С. 193–198.
4. *Болдина М.Ю.* Классовая борьба в сказках Джанни Родари // Социально-политические процессы в истории мировых цивилизаций: материалы II Всероссийской конференции кафедры всеобщей истории. Красноярск, 16 ноября 2016 г. / отв. ред. *Д.В. Григорьев*. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2016. С. 178–182. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28893512> (дата обращения: 05.04.2026).
5. *Скиперских А.В.* Политическая власть в сказочных текстах: герменевтическое путешествие. Пермь: Гармония, 2014. 31 с.
6. *Григорьева И.В.* Италия в XX веке. М.: Дрофа, 2006. 256 с.

ФЕТИШ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ И СПОСОБЫ ЕЕ ПОДДЕРЖАНИЯ В СКАЗКАХ МАДАМ Д'ОНУА

THE FETISH OF FEMALE BEAUTY AND METHODS OF ITS PRESERVATION IN THE FAIRY TALES OF MADAME D'AULNOY

А.А. Бакаева

A.A. Bakaeva

Научный руководитель Е.С. Меер
Scientific adviser E.S. Meer

История повседневности, французская литературная сказка, Мари-Катрин д'Онуа, фетиш красоты, магия.

В статье рассматривается культ женской красоты в сказках Мари-Катрин д'Онуа как продукт салонной культуры Франции конца XVII в. Автор приходит к выводу, что в волшебных историях французской писательницы эталон красоты основан на врожденной добродетели и естественности, а единственным допустимым преобразованием выступает магия, отражающая мечту о вечной молодости.

History of everyday life, French literary fairy tale, Marie-Catherine d'Aulnoy, beauty fetish, magic.
The article examines the cult of female beauty in the fairy tales of Marie-Catherine d'Aulnoy as a product of French salon culture of the late 17th century. The author concludes that in the magical stories of the French writer, the standard of beauty is based on innate virtue and a taboo on cosmetics, with magic serving as the only permissible form of transformation, reflecting the dream of eternal youth.

Актуальность темы обусловлена интересом истории повседневности к новым типам источников, раскрывающим приватные практики женщин прошлого. Сказки французской дворянки Мари-Катрин д'Онуа (1650/1651–1705) являются одним из таких перспективных для изучения материалов.

В отечественной научной литературе заложены основы изучения сказкотворчества мадам д'Онуа. На рубеже 1990-х гг. А. Строев отмечал, что она находится у истоков рождения французской литературной сказки, а ее волшебные истории наряду с фантазиями других писателей – это продукт салонной культуры, перечислил некоторые возможные источники вдохновения при их создании, отдельные биографические влияния на сюжеты [1, с. 5, 7–13, 24]. Спустя два с половиной десятилетия М.А. Гистер раскроет все эти вопросы более подробно и комплексно, а также представит биографию мадам д'Онуа и поставит проблему влияния ее сказок в других странах [2]. Е.С. Меер показала особенности женского взгляда на женщину в текстах французской писательницы [3], В.С. Трофимова обсудила вопросы воспитания и образования в них, а также проблему

читательской аудитории, полемизируя с М.А. Гистер [4]. Мы же в рамках данной статьи попытаемся внести вклад в изучение представлений о женской красоте и способах ее поддержания на материале сказок мадам д'Онуа. Корпус источников составляют двадцать пять волшебных историй, представленных в переводе М.А. Гистер в издании под названием «Кабинет фей» (2015 г.) [5].

Анализ сказок показывает, что красота героини конструируется вокруг качества кожи и зубов. В сказке «Вострушка-Золянка» канон сформулирован четко: «Кожа у нее белая, как снег, румянец алее роз, зубы словно из жемчужин, а губы из коралла» [5, с. 251]. Вторым элементом красоты выступают волосы. В сказке «Златовласка» они «тоньше золотых нитей... и ниспадали до пят» [5, с. 29], а в «Прелестнице и Персинет» достигают «не менее тридцати локтей и сияют точно золотые» [5, с. 13]. Волосы – этоместилище силы и привлекательности, их утрата расценивается как потеря статуса.

Наряд, головной убор и украшения обрамляют внешний облик сказочной героини. Наряд маркирует статус. В «Златовласке» героиня появляется «усыпанная алмазами до самых туфелек» [5, с. 29], показывая через галантность наряда место в иерархии. Головной убор выражает эстетический идеал небрежности. В «Прелестнице и Персинет» венок из роз, жасмина с изумрудными листьями противопоставляет естественную красоту искусственной роскоши [5, с. 11]. Украшения же ценятся не каратами, а магической силой. Так, рубиновая ветвь в «Золотой Ветви» дарует красоту и молодость [5, с. 153].

Макияж в сказках табуируется. Румяна, белила и мушки – атрибуты отрицательных персон. В «Вострушке-Золянке» напудренные сестры с мушками терпят фиаско, а героиня торжествует естественным румянцем [5, с. 254]. Единственный случай косметики у положительного персонажа – фея в «Лягушке-Благодетельнице» [5, с. 451]. Однако это подается иронически, подтверждая правило естественности, и единственным «средством» для сохранения красоты является Волшебная вода. В «Принцессе Карпийон» вода возвращает коже «райскую» чистоту [5, с. 414], что является антитезой реальным портящим кожу протирациям. Но этого недостаточно. У д'Онуа красота раскрывается через добродетель. В «Зеленом змее» героиня хорошеет, лишь исправив нрав [5, с. 385]. Эта связь внутреннего преображения и красоты естественно приводит к мотиву вечной юности – ответу на страх «социальной смерти» после 25–30 лет. Здесь вновь привлекается образ воды: в «Истории принцессы Ясной Звездочки и принца Милона» «Танцующая вода» позволяет «оставаться прекрасной еще сто лет после смерти» [5, с. 665]. Таким образом, омоложение предстает не повседневной практикой, а исключительным даром, доступным лишь избранным.

Эталон д'Онуа отождествляет красоту с врожденным благородством, уход сведен к омовению и волосам, косметика табуирована, единственный способ преображения – магия.

Список источников и литературы

1. *Строев А.* Судьбы французской сказки // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков: пер. с фр. / вступ. статья, сост. и коммент. *А. Строева*. М.: Худож. лит., 1990. С. 5–32.
2. *Гистер М.А.* Мари-Катрин д’Онуа и литературная сказка: у истоков жанра // *Мадам д’Онуа. Кабинет фей* / изд. подгот. *М.А. Гистер*. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 821–877.
3. *Меер Е.С.* Патриархальные ценности или эмансипация? Женщина глазами женщины в сказках мадам д’Онуа // История мировых цивилизаций: революции и реформы: материалы XI Межрегиональной научной конференции. Красноярск, 25 мая 2017 г. / отв. ред. *Е.С. Меер*. Красноярск, 2018. С.95–113.
4. *Трофимова В.С.* Проблема адресата и вопросы воспитания в сказках госпожи д’Онуа // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 204–212.
5. *Мадам д’Онуа. Кабинет фей* / изд. подгот. *М.А. Гистер*. М.: Ладомир: Наука, 2015. 1000 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРИИ В ПОЭЗИИ СОВЕТСКОГО АНДЕГРАУНДА: ПРАЗДНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

REPRESENTATION OF THE EMPIRE IN THE POETRY OF THE SOVIET UNDERGROUND: HOLIDAYS AND CULTURAL PRACTICES

А.О. Бассак

А.О. Bassak

Научный руководитель С.В. Любичанковский
Scientific adviser S.V. Lyubichankovskiy

Империя, праздники, культурные практики, неофициальная поэзия, И. Бродский, Э. Лимонов. В статье рассматривается проблема взаимодействия неофициальной поэзии с образом империи в разных интерпретациях: от Рима до Советского Союза. В творчестве ключевых деятелей советского поэтического андеграунда прослеживается идея противоположности имперской публичной жизни и частной поэтической. Многие поэты предприняли попытку деконструировать образ Советской и Российской империи, соединяя в образе империи черты Рима, дореволюционной России и Советского Союза, в том числе через анализ праздничных ритуалов.

Empire, holidays, cultural practices, unofficial poetry, I. Brodsky, E. Limonov.

The article examines the problem of the interaction of unofficial poetry with the image of the empire in different interpretations: from Rome to the Soviet Union. In the works of key figures of the Soviet underground poetry, the idea of the opposition between imperial public life and private poetic life can be traced. Many poets have attempted to deconstruct the image of the Soviet and Russian empire by combining the features of Rome, pre-revolutionary Russia, and the Soviet Union, including through the analysis of festive rituals.

В современной гуманитарной науке образ империи все чаще рассматривается как культурная категория. Особую роль в ее символической репрезентации играет праздничный календарь, в котором государственный дискурс становится коллективно переживаемым опытом. В этом контексте поэтическая реакция на империю оказывается связанной с переосмыслением ее торжеств, ритуалов, социальных практик. Исходя из этого, цель статьи – анализ репрезентации империи в поэзии советского андеграунда через призму праздников и культурных практик. Под неофициальной или же андеграундной поэзией в данном исследовании понимается в первую очередь целостный феномен, культурное движение неподцензурной литературы [1, с. 240].

Так, тема империи стала ключевой для уехавшего из СССР И. Бродского, которому было суждено стать самым известным выходцем из ленинградской неофициальной поэзии [2, с. 176]. У И. Бродского тематика империи завязана сразу

на трех пластах, это многосложный образ. Линия «Римская империя – Российская империя – Советская империя» в тех или иных пропорциях встречается в различных стихотворениях поэта. Пространственная категория у И. Бродского тесно связана с календарным переживанием времени. Империя проявляется в повторяемости праздничных циклов, прежде всего рождественского. Его ежегодные рождественские стихотворения формируют альтернативный имперский календарь, противопоставленный советскому праздничному канону, однако сохраняющий сам принцип имперской ритуальности. Так, в стихотворении «24 декабря 1971» праздничный город показан как пространство массового ритуала, где частная жизнь растворяется в коллективном движении: «В Рождество все немного волхвы. В продовольственных слякоть и давка» [3, с. 208].

Обратимся к независимой поэзии 1970–1980-х. А. Цветков деконструировал советский образ через абсурдизм и дословное воспроизводство его бытовых и социальных особенностей. В поэзии А. Цветкова распад империи проявляется прежде всего как исчезновение коллективных ритуалов. Пространство оказывается лишенным праздничного наполнения: страна больше не переживает себя как единое время. Отсутствие праздника становится метафорой утраты имперского единства. В этом случае империя упрощается до покидающих разваливающуюся страну комсомолок [4]: «Когда спадает комсомольский гомон, страна лесопотамия пуста». В стихотворениях поэт представляет праздники, повседневную жизнь империи как события без содержания: традиционный момент коллективного обновления оказывается лишенным эмоционального и социального наполнения. Пространство города пустеет, а праздничное время перестает отличаться от повседневности. Тем самым распад империи проявляется не в политической декларации, а в исчезновении совместно переживаемого времени. Вместе с тем через намеренно стереотипные метафоры А. Цветков актуализирует концепцию «Москва – Третий Рим»: «учение основоположников рима, то есть третьего рима три медведя в роще» [5], что объединяет его с И. Бродским.

Эту тему продолжил один из видных представителей неофициальной поэзии 1960–1970-х. Э.В. Лимонов был необычным диссидентом, не выступал против советской внешней политики. Для него армия выступает не столько политическим институтом, сколько празднично-ритуальным пространством государства. Военный строй, парадность и коллективная дисциплина воспроизводят имперскую эстетику торжественного действия, превращая государство в постоянно воспроизводимый праздник силы.

Обратимся к ранним стихам поэта, которые датируются концом 1960-х – началом 1970-х гг. Рассмотрим строчки стихотворения «Ода армии»: «Право же слово только к армии я испытываю почтение в моей стране» [6, с. 215]. Он пишет языком экспериментальной поэзии буквализма, однако наполняет ее совершенно иным, новым имперским смыслом. Для Лимонова армия выступает празднично-ритуальным пространством государства.

В этом контексте Э. Лимонов – уникальный эмигрант, не ставящий себя в оппозицию государства. Более поздние стихи Лимонова носят политико-социальный характер и, следуя законам жанра, теряют экспериментальность, взамен приобретая декларативность [7, с. 2]. «СССР – наш Древний Рим!.. И мавзолей – неистребим!» [7, с. 2]. В поэзии Э. Лимонова империя приобретает выражено празднично-ритуальный характер. Государство репрезентируется через образы торжественного пространства – мавзолея, коллективных шествий, античного триумфа. Эти символы отсылают к советской культуре парадов и юбилейных церемоний, где власть проявлялась, прежде всего, как зрелище.

Таким образом, империя в поэзии советского андеграунда существует не только как политический или исторический образ, но как система культурных практик, прежде всего праздничных. Даже отрицая государство, поэты смотрят через имперскую оптику – через календарь, коллективные формы переживания времени и язык публичных церемоний. Праздник оказывается тем пространством, где происходит парадоксальное совпадение официального и неофициального дискурсов: именно здесь андеграундная поэзия одновременно дистанцируется от империи и подтверждает ее культурную устойчивость.

Список источников и литературы

1. Чижов Н.С. Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении // Научный диалог. 2021. № 8. С. 221–247.
2. Абдуллаев Е.В. Поэт и империя // Знамя. 2016. № 6. С. 175–179.
3. Бродский И.А. Малое собрание сочинений. М.: Азбука, 2022. 880 с.
4. Цветков А.В. Стихотворения. URL: <http://www.stosvet.net/14/tsvetkov/> (дата обращения: 11.03.2026).
5. Цветков А.В. Стихотворения. URL: <https://polutona.ru/printer.php3?address=0410185653> (дата обращения: 11.03.2026).
6. Лимонов Э.В. Стихотворения. Екатеринбург: Ультра, 2005. 416 с.
7. Лимонов Э.В. СССР – наш Древний Рим [стихи]. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 158 с.

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «САГИ О ФАРЕРЦАХ» В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

DIDACTIC POTENTIAL OF “THE SAGA OF THE FAROE ISLANDERS” IN FORMING CRITICAL ANALYSIS SKILLS

Ю.Р. Варкалист

Yu.R. Varkalist

Научный руководитель А.Г. Канаев
Scientific adviser A.G. Kanaev

Исландские саги, «Сага о Фарерцах», критическое мышление, история Средних веков, методика преподавания истории, анализ исторических источников, метапредметные компетенции.

В статье раскрывается дидактический потенциал исландских саг (на примере «Саги о Фарерцах») для формирования навыков критического анализа у шестиклассников на уроках по истории Средних веков. Описаны методические приемы работы с текстом, позволяющие развивать умения выявлять причинно-следственные связи, оценивать достоверность источника и аргументировать свою позицию. По итогам апробации сделан вывод об эффективности использования фрагментов саг для развития метапредметных компетенций.

Icelandic sagas, “The Saga of the Faroe Islanders”, critical thinking, history of the Middle Ages, methods of teaching history, analysis of historical sources, meta-subject competencies.

The article reveals the didactic potential of Icelandic sagas (using “the Saga of the Faroe Islanders” as an example) for developing critical analysis skills in sixth-grade students during history lessons on the Middle Ages. The article describes methodological techniques for working with text, which allow students to develop the ability to identify cause-and-effect relationships, evaluate the reliability of a source, and argue their position. Based on the results of the trial, it was concluded that the use of fragments from sagas is effective for developing meta-subject competencies.

Современное образование требует перехода от репродуктивного усвоения знаний к самостоятельному анализу информации и аргументированной защите своей позиции. В этом контексте ключевое значение приобретает критическое мышление как метапредметная компетенция, включающая гибкость мыслительных стратегий, способность корректировать свои действия и находить компромиссные решения [1, с. 307–308]. Эффективным средством развития критического мышления на уроках истории выступают аутентичные исторические источники, в частности скандинавские саги, сочетающие признаки исторического документа и литературного памятника.

Основу источниковой базы исследования составили фрагменты «Саги о Фарерцах» в переводе А.В. Циммерлинга [2], а также учебник по истории Средних веков В.Р. Мединского и А.О. Чубарьяна [3] и Федеральная рабочая программа [4].

Главная ценность саг на уроке заключается в том, что они наглядно демонстрируют: исторический источник – это не истина в последней инстанции. Сага предлагает живые конфликты, сложных героев и ситуации, в которых нет однозначно правых. Для шестиклассников, только начинающих погружаться в Средневековье, через историю о ссоре на хуторе или тяжбу о клочке земли гораздо проще объяснить, как на самом деле работали законы, что такое честь для средневекового человека и почему за обидой всегда следовала кровная месть [5, с. 156–158].

В качестве основного дидактического материала была выбрана «Сага о Фарерцах», фрагменты которой были отобраны в соответствии с принципами тематической релевантности, возрастной доступности и наличия «точек удивления», необходимых для запуска критического анализа. Для параграфа «От древности к Средневековью: Рим, варвары и христианская Церковь» были отобраны два фрагмента. Первый отрывок «Кредда Транда» демонстрирует процесс христианизации Скандинавии, столкновение языческих и христианских представлений: *«За порог – не одинок, / Четверо вспять, / Ангелов божиих пять. / Лелею мольбу, / Мольбу пред Христом, / Псалмов пою семь, / Помни о мне, господь!»* [2, с. 146]. Второй фрагмент, посвященный обучению Сигмунда ведению тяжбы, показывает ценность права и красноречия в «варварском» обществе: *«Мать спрашивает, чему научил его Транд, а он отвечает, что уже выучил наизусть, как надо возбуждать иск и вести тяжбу»* [2, с. 146].

Для параграфа «Европа в IX–XI вв.» (норманны, викинги) был отобран фрагмент, иллюстрирующий подготовку к бою и систему ценностей скандинавов: *«Он видит, что на другом берегу острова стоят пять кораблей, и один из них – дракон. Он возвращается к своим и говорит, что на другой стороне острова стоят викинги на пяти кораблях, – и должен вам сообщить, что мне претит мысль о бегстве, пока мы не померялись силами. Не видать нам славы, коли мы будем бежать от опасности»* [2, с. 172].

Работа с сагой строилась как серия аналитических уроков. Прием «Следствие ведут знатоки» учит различать в тексте исторический факт, фольклор и литературный прием [6]. «Цепочка событий» помогает выявлять причинно-следственные связи: ученики схематично прослеживали, как личная обида или мелкое правонарушение вели к масштабному конфликту. «Сравнение версий» развивает навык сравнительного анализа и понимание субъективности исторических свидетельств [7].

Апробация проводилась в 6 классе на 23 учениках. Педагогическое наблюдение, анализ продуктов учебной деятельности (концептуальных таблиц, синквейнов, эссе) и анкетирование обучающихся применялись для оценки эффективности проделанной работы. Результаты показали положительную динамику. С 3,7 до 4,3 балла вырос показатель умения выявлять позицию автора источника, с 4,0 до 4,4 – способности видеть исторические противоречия, с 3,9 до 4,6 – интереса к работе с историческими источниками. Качественный анализ работ обучающихся показал, что они выявляли противоречия, устанавливали причинно-следственные связи, формулировали доказательные суждения с опорой на информацию из учебника и саги.

Таким образом, интеграция фрагментов «Саги о Фарерцах» в структуру уроков истории по Средним векам в 6 классе является эффективным педагогическим инструментом. Она позволяет не только повысить мотивацию обучающихся за счет обращения к увлекательному нарративу, но и качественно изменить характер обучения. Фокус смещается с запоминания готовой информации на развитие навыков критического анализа, выявление причинно-следственных связей, оценку достоверности источников и аргументированную защиту собственной позиции. Системное применение данного подхода способствует формированию устойчивых метапредметных компетенций, необходимых для успешного обучения в школе.

Список источников и литературы

1. Дудонова Э.Р. Содержание, цели и задачи технологии развития критического мышления // Молодой ученый. 2025. № 43 (594). С. 307–309.
2. Сага о Фарерцах // Исландские саги. Т. 1 / пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 142–211.
3. Мединский В.Р., Чубарьян А.О. История. Всеобщая история. История Средних веков: 6-й класс: учебник. М.: Просвещение, 2025. 255 с.
4. Федеральная рабочая программа основного общего образования. История (для 5–9 классов образовательных организаций). М., 2025. 223 с. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/istoriya_5-9_ooo_2025.pdf (дата обращения: 28.03.2026).
5. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
6. Пыстина Л.М. Методический час. Уроки типа «Следствие ведут знатоки». URL: <https://infourok.ru/metodicheskiy-chas-uroki-tipa-sledstvie-vedut-znatoki-795983.html> (дата обращения: 27.03.2026).
7. Ковтонюк Н.Н. Эвристическое обучение на уроках истории. URL: <https://multiurok.ru/files/evristichieskoie-obuchieniie-na-urokakh-istorii.html> (дата обращения: 27.03.2026).

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ В «ПРИНЦЕССЕ ШИПОВНИЧЕК» ДЖЕЙН ЙОЛЕН

CULTURAL MEMORY OF HOLOCAUST IN JANE YOLEN'S "BRIAR ROSE"

В.А. Гилькова, И.Г. Метлюкова

V.A. Gilkova, I.G. Metlyukova

Научный руководитель Е.С. Меер
Scientific adviser E.S. Meer

«Принцесса Шиповничек», Джейн Йолен, Холокост, Спящая красавица, историческая травма, культурная память.

В статье рассматривается роман Джейн Йолен «Принцесса Шиповничек» как форма репрезентации культурной памяти о Холокосте. Авторы приходят к выводу, что элементами ее конструирования являются трансформированные образы из сказки о Спящей красавице, «обет молчания» и фигура вторичного свидетеля.

“Briar Rose”, Jane Yolen, The Holocaust, Sleeping Beauty, historical trauma, cultural memory.

The article examines Jane Yolen's novel “Briar Rose” as a form of representation of cultural memory of the Holocaust. The authors conclude that the elements of its construction are transformed images from the fairy tale about Sleeping Beauty, the “vow of silence” and the figure of a secondary witness.

Иногда культурная память прячется там, где меньше всего ожидаешь – в знакомой с детства сказке или в простых, на первый взгляд, словах. Особенно это касается Холокоста – трагедии, которую трудно передать исключительно через факты, потому что она связана с предельным опытом страдания и насилия, болью и ужасом. Память о ней требует особых форм повествования, способных сохранить не только историческую правду, но и человеческое измерение катастрофы. Именно такой формой становится повесть Джейн Йолен «Принцесса Шиповничек». Особенно значим подобный подход в контексте разговора о Холокосте с юным читателем. Символический язык сказки позволяет деликатно осветить столь травматичную тему.

Говоря о степени изученности нашей темы, стоит сказать, что книга Дж. Йолен «Принцесса Шиповничек» остается практически неизученной в нашей стране. На данный момент удалось найти лишь одну научную публикацию – статью Е. Асоновой и О. Бухиной, в которой произведение упоминается в контексте репрезентации Холокоста и обращения современной детской литературы к травматическому историческому опыту [1, с. 378]. Конкретно о сложности объяснения детям темы Холокоста рассуждает Л.И. Тулбаева [2]. Она анализирует методические проблемы, возникающие у педагогов при изучении этой темы в школе, и предлагает пути их решения с помощью детской литературы [2].

Цель нашего исследования – выявление элементов конструирования культурной памяти о Холокосте в «Принцессе Шиповничек». Главным источником в работе является произведение американской писательницы Джейн Йолен 1992 г. «Briar Rose», переведенное на русский язык в 2022 г. Галиной Гимон и Ольгой Бухиной [3]. Мы также опираемся на документальный фильм 1985 г. француза Клода Ланцмана «Шоа» [4], который вдохновил Дж. Йолен на написание своего произведения.

Методологическую основу исследования составляет концепция культурной памяти А. Ассман, согласно которой зафиксированное в художественном тексте свидетельство сохраняет способность обращаться к последующим поколениям, превращая индивидуальный и ограниченный во времени опыт в устойчивую форму коллективной памяти [5, с. 224–225]. В этом смысле «Принцесса Шиповничек» не только воспроизводит отдельные элементы трагедии, но и формирует устойчивый образ пережитого через символику и метафору. Также с точки зрения Ю.А. Сафроновой, память о травматических событиях продолжает существовать даже тогда, когда непосредственные свидетели уходят, а ее носителями становятся последующие поколения, воспринимающие прошлое через рассказы, культурные тексты и медиа [6, с. 131–132]. Главная героиня произведения Бекка выступает именно таким вторичным свидетелем: она не переживает Холокост лично, однако постепенно реконструирует историю своей бабушки, включаясь в процесс сохранения памяти о катастрофе.

Книга «Принцесса Шиповничек» – современная адаптация классических вариантов сказки о Спящей красавице. Но в отличие от сказок, это история о Холокосте. Внучка Бекка разгадывает тайну бабушки Геммы, выжившей в лагере смерти Хелмно, попавшей в партизанский отряд, а затем перебравшейся в Америку. Всю жизнь Гемма рассказывала одну и ту же сказку, а перед смертью косвенно признается: принцесса Шиповничек – это она сама [3, с. 37].

В данной книге белый почти разрушенный замок – бывший концлагерь, а сон принцессы – тот самый кошмар в Хелмно, а также метафора ужаснейшей правды. А символом пробуждения не становится классический поцелуй, как в сказке братьев Гримм или у Диснея, а восстановление исторической справедливости и обретение правды. Колючий кустарник – это колючая проволока, символизирующая ограничение свободы. Она окружала форт Освего, где американские дети угощали сладостями беженцев концлагеря, которых поначалу считали нахлебниками, вагоны с пленниками Лодзи в Хелмно и лагерь Заксенхаузен [3, с. 103]. В фильме «Шоа» [4] показана Треблинка, где газ убивал до 3 тыс. человек за 5 минут. В повести описано Хелмно: там раздевали и мыли, а убивали в «душегубках» – небронированных машинах с решеткой и дощатыми окнами, где 80 человек гибли от давки за воздух [3, с. 228–229]. Гемма выжила, оказавшись у двери последней, но получила пятна от отравления, хотя Дж. Йолен в послесловии признается, что выживших женщин из Хелмно не было [3, с. 266].

Важная деталь повести – «обет молчания». Свидетели тех событий не хотели о них говорить. Когда Бекка брала интервью у американцев Харви Гольдмана, Рэндольфа Фейста и Мардж Пирс – тех, кто в детстве встречал беженцев в форте Освего, те опускали рукава, застегивали пуговицы, сучили ногами по полу, словно «отгоняли злых духов», запинаясь в рассказах и приговаривали, что «старые кошмары возвращаются...это все нацисты. Они до сих пор наше проклятие» [3, с. 107]. Никто даже не знал, что саму Гемму на самом деле звали Гитл Роза Мандельштейн. Граф Потоцкий молчал об этом до встречи с Беккой [3, с. 256]. Марта Бронская (гид Бекки в Польше) и ее тетушка считали, что только улыбка смягчает страшные воспоминания и мысли о земле, пропитанной кровью [3, с. 150]. А сами жители Хелмно отказывались говорить с Беккой о лагере и жертвах, только священник дал номер графа Потоцкого [3, с. 165].

Таким образом, Дж. Йолен использует сказочный код для деликатного, но этически глубокого разговора о Холокосте, доказывая, что сказка способна не уводить от реальности, а сохранять память о самых трагических страницах истории.

Список источников и литературы

1. *Асонова Е., Бухина О.* Современная литературная сказка: история и политика в детском чтении // Детские чтения. 2021. № 1. С. 373–386.
2. *Тулбаева Л.И.* «Детская литература» о Холокосте и особенности ее преподавания // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: сб. ст.: науч. элект. изд. / гл. ред. *И.М. Нохрин*. Вып. 3. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. С. 230–236. URL: [https:// www.elibrary.ru/item.asp?id=43972966&selid=43973004](https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43972966&selid=43973004) (дата обращения: 04.04.2026).
3. *Йолен Д.* Принцесса Шиповничек / пер. с английского *Г. Гимон, О. Бухиной*. М.: Книжкини, 2022. 272 с.
4. «Шоа» («Shoah», реж. Клод Ланцман, 1985).
5. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
6. *Сафронова Ю.А.* Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ТРУДА В ДРЕВНЕЯПОНСКОЙ МИФОЛОГИИ

REFLECTION OF LABOR CULTURE IN ANCIENT JAPANESE MYTHOLOGY

Е.В. Мосина

E.V. Mosina

Научный руководитель А.В. Буденкова
Scientific adviser A.V. Budenkova

Японская мифология, Кодзики, культура труда, земледелие, ремесло, трудовая этика, фольклор, сакрализация труда, народные сказки Японии.

В статье представлен анализ отражения трудовой деятельности и связанных с ней культурных норм в древнеяпонской мифологии. Автор приходит к выводу, что данные источники не только превозносят основные виды труда, связывая их происхождение с деятельностью богов, но и формируют этическую модель трудового поведения.

Japanese Mythology, Kojiki, Labor Culture, Agriculture, Craftsmanship, Work Ethics, Folklore, Sacralization of Labor, Japanese Folk Tales.

The article is devoted to the analysis of the reflection of labor activity and related to cultural norms in ancient Japanese mythology. The study concludes that these sources does not only praise the main types of labor, linking their origin to the activities of the Gods, but also form an ethical model of labor behavior.

Проблема реконструкции ценностных оснований трудовой деятельности в традиционных обществах остается одной из актуальных задач исторической культурологии и антропологии. Древнеяпонская мифологическая и фольклорная традиция предоставляет уникальный материал для такого анализа, поскольку в ней труд не является второстепенной темой. В данной статье выявляются и систематизируются представления о сущности, происхождении и этическом измерении труда, зафиксированные в ключевых источниках. Это «Кодзики» (свод древнейших мифов, 712 г.) [1], «Мифы и легенды Японии» Х. Дэвиса [2], а также другие сборники японских народных сказок.

Миф – это то, что одушевляет и движет, это жизненный мотив, направляющий наше существование в мире и раскрывающий драматизм раскола и разрыва, равно как и применение человека в бытие [3, с. 26]. Связь между мифом и сказкой определяется по-разному. Они в первую очередь являются интерпретацией устных сказаний.

В «Кодзики» акт творения и обустройства мира предстает как последовательная череда трудовых операций, совершаемых божествами. Изначальный хаос преодолевается через целенаправленное действие: боги Идзанаги и Идзанами «драгоценное копьё погрузили, и, вращая его, хлоп-хлоп – месили [морскую] воду», в результате чего возникает первый остров [1, с. 38]. Характерно,

что сам процесс описывается через звукоподражание, имитирующее физическое усилие, – это архаический прием, придающий действию характер реальности происходящего. Как итог, креативный акт моделируется по аналогии с ремесленным или сельскохозяйственным трудом.

Дальнейшее оформление культуры труда происходит через рождение божеств (ками), каждое из которых персонифицирует определенный элемент хозяйственного ландшафта. Рождение Оо-яма-цуми-но ками (Бог-Дух Больших Гор), Кая-но-химэ-но ками (Богиня Травянистых Равнин) и Кукуноти-но ками (Бог-Дух Ствола) [1, с. 2] есть не что иное, как мифологическая фиксация освоения и окультуривания природного пространства. Даже смерть богини Идзанами при рождении бога огня Кагуцути несет в себе глубокий смысл: овладение огнем, одной из основ ремесла, требует жертвы, что подчеркивает сакральную природу технологического знания.

Культурный герой Сусано-о, согласно реконструкции Х. Дэвиса, выступает не только как победитель хтонического чудовища (восьмиглавого змея), но и как человек, передающий людям навыки земледелия [2, с. 50]. Тем самым сельскохозяйственный труд показан через божество, приобретая статус священнодействия. Тексты закрепляют эту сакральную связь: в «Бог грозы Сомбуцу» успех земледелия напрямую зависит от коммуникации с божеством; ритуал выступает инструментом «пробуждения» божественной силы, необходимой для урожая [4].

Если мифология обосновывает божественное происхождение труда, то фольклор формирует его этическое измерение. В «Кодзики» легитимность правящего рода обосновывается, в том числе, и эффективностью управленческого труда: императоры «утвердили границы и просветили страну», «установили законы» [1, с. 1]. Таким образом, труд управления и поддержания порядка приравнивается к труду физическому и также включается в систему высших ценностей.

В японских народных сказках труд предстает как универсальный механизм социальной гармонии. В «Мышиное сумо» именно добросовестный и бескорыстный труд стариков создает предпосылку для чудесного обретения богатства [5]. Напротив, жадность и стремление получить результат без должных усилий, как в «Гомбэй-птицелов», приводят к краху и осмеянию [6].

Особую ценность представляет ремесленный труд как творчество. В «Тростинка и кузнец» истинным героем оказывается не знатный правитель, а кузнец, чье мастерство граничит с чудом (создание золотой птицы с десятью тысячами перышек) [7]. Это возводит ремесло в ранг искусства и подчеркивает, что подлинная ценность человека определяется не его происхождением, а его трудовой способностью к созиданию.

Важнейшим элементом трудовой этики является коллективизм и дисциплина. «Волшебный котелок» демонстрирует, как кооперация (старьевщика и барсука) ведет к общему процветанию [8]. Этот принцип находит поразительное сходство с идеями А.К. Гастева о «социальных установках» и «искусстве коллективной работы», где основное правило совместного труда – скрывать,

а не выставлять свою индивидуальность, уметь на первое место ставить не собственное «я», а общие интересы [9, с. 49].

Культура труда в древней Японии, отраженная в мифах, стала одним из фундаментальных элементов японской культурной идентичности и социально-экономического развития.

Список источников и литературы

1. Мифы Древней Японии»: Кодзики / пер. со ст.-яп., предисл. и коммент. *Е.М. Пинус*. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 256 с.
2. *Дэвис Х.* Мифы и легенды Японии / пер. с англ. *О.Д. Сидоровой*. М.: Центрполиграф, 2008. 379 с.
3. *Гонсалес М.Р.* Что такое миф? // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2006. № 1 (6). С. 26–29.
4. Бог грозы Сомбуцу: японская народная сказка. URL: <http://skazkoved.ru/index.php?fid=1&sid=15&tid=962> (дата обращения: 16.04.2026).
5. Мышиное сумо: японская народная сказка. URL: http://actravel.ru/japan_tale_mice_sumo.html (дата обращения: 16.04.2026).
6. Гомбэй-птицелов. «Японские сказки»: [глава 4]. URL: <https://beta.livelib.ru/book/103800/readpart-yaonskie-skazki-bez-avtora/~4> (дата обращения: 16.04.2026).
7. Тростинка и кузнец: японская народная сказка. URL: <http://www.planetaskazok.ru/yaonskieskz/trostinkaikuznecjpnkskz> (дата обращения: 16.04.2026).
8. Волшебный котелок: сказка. URL: <https://skazki.rustih.ru/volshebnyj-kotelok/> (дата обращения: 16.04.2026).
9. *Чистякова М.Г., Старикова Е.В., Преображенский Г.М.* От труда – к искусству и обратно: К. Маркс, М. Дюшан, Б. Арватов, А. Гастев // Технологос. 2022. № 3. С. 39–52.

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕСНЯХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

PRESERVING NATIONAL IDENTITY IN THE SONGS OF THE RUSSIAN GERMANS

М.Д. Наприенко

M.D. Naprienko

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Scientific adviser E.L. Zberovskaya

Российские немцы, национальная идентичность, календарные обряды, народная песня, образ Волги.

В статье анализируется роль песенной традиции в сохранении этнической идентичности российских немцев. Рассматриваются ключевые образы национальной культуры в календарных, духовных и обрядовых песнях. Сравниваются образ Волги в русском и немецком фольклоре. Делается вывод, что песня была одним из главных механизмов трансляции культурных смыслов и поддержания чувства принадлежности к своему народу.

Russian Germans, national identity, calendar rites, folk song, image of the Volga.

The article analyzes the role of the song tradition in preserving the ethnic identity of the Russian Germans. The article examines the key images of national culture in calendar, spiritual, and ritual songs. The image of the Volga in Russian and German folklore is compared. It is concluded that the song was the main mechanism for transmitting cultural meanings and maintaining a sense of belonging to one's people.

Российские немцы – этническая группа, сложившаяся в России в XVIII–XIX вв. В условиях иноязычного окружения и трагических событий XX в. для российских немцев поддержание культурной идентичности стало жизненно важным. Одним из главных инструментов ее сохранения стали национальные песни. Песня закрепляла представления о «своем» пространстве (дом, община), о времени (праздники, сезонные работы), о системе ценностей (вера, труд, семья). Исследователем немецкой песенной традиции Е.М. Шишкиной-Фишер собран значительный материал, позволяющий проследить, как немецкие песенные формы адаптировались в России [1, с. 40–42].

Под национальной идентичностью в современной научной литературе понимается комплекс представлений человека о своей принадлежности к нации, включающий язык, веру, обычаи, историческую память [2, с. 199]. Для российских немцев, оказавшихся в полиэтнической среде, поддержание идентичности стало ключевой задачей. Они сохраняли ее через три основных компонента: язык, веру и обрядность. Песня соединяла их воедино, выступая своеобразным «культурным кодом».

Особое место в сохранении идентичности занимали духовные песнопения. В условиях спецпоселения и дисперсного размещения немцы не могли

проводить богослужения. Духовные песнопения восстанавливались по памяти или переписывались из сохранившихся песенников [3, с. 180]. Письменная фиксация духовных текстов становилась формой сопротивления ассимиляции [4, с. 74].

Календарные праздники были для российских немцев этническими маркерами. Рождественские песни пелись в семейном кругу, превращая дом в «крепость», где можно было говорить на родном языке. Пасхальные песни закрепляли образ веры как основы общинной жизни.

Помимо веры и обрядности, песня выполняла еще одну ключевую функцию – сохранение немецкого языка у представителей разных поколений. В условиях, когда русский язык постепенно вытеснял немецкий из повседневного общения, песенная традиция оставалась «живым» пространством, где язык предков звучал естественно и непринужденно. Даже те, кто уже не говорил по-немецки в быту, запоминали и пели календарные и духовные песни на родном языке.

Одним из маркеров определения идентичности поволжских немцев стал образ малой родины – Волги. В русском фольклоре Волга – мифологизированный символ. У российских немцев восприятие Волги иное. Для них она стала конкретной малой родиной – «Heimat» [5, с. 218]. В песне «Dort in dem Wolgaland» Волга предстает как место, где стояла колыбель, где прошло детство [6].

Сравнительный анализ позволяет определить, что русские песни о Волге используют эпитеты «матушка», «широкая», создавая образ стихии и воли [7]. В песнях российских немцев более конкретные образы, а сами песни автобиографичны. В них изображается личная связь с местом: «мой дом», «моя колыбель». Отличие объясняется разным восприятием образа Волги как малой родины. Для русских она всегда была «своей». Для немцев она стала «своей» через труд, а потом была трагически утрачена.

В наше время, когда многие российские немцы уехали в Германию, а те, кто остался, все больше ассимилируются, песня остается действенным средством сохранения национальной идентичности. Она напоминает о корнях, и, что немаловажно, служит языковым мостом для молодежи. Молодые люди часто уже почти не говорят по-немецки в быту, но тексты песен запоминают. Получается, что песня из элемента обрядовой культуры превращается в осознанный акт сохранения памяти. Своеобразный «культурный архив», открытый каждому.

Таким образом, песня была одним из механизмов сохранения национальной идентичности российских немцев. Календарные и духовные песни фиксировали образы дома, веры, общины. Волга в их песнях превратилась в символ малой родины – утраченной, но не забытой. Сейчас, когда многие российские немцы уже уехали в Германию, песня остается тем самым «мостиком» между прошлым и настоящим. Напоминанием, что дом там, где помнят и поют на родном языке.

Список источников и литературы

1. Шишкина-Фишер Е.М. Немецкие народные календарные обряды, танцы и песни в Германии и России. 3-е изд. М.: Готика, 2002. 325 с.

2. *Кокумбаева Л.А.* Национальная идентичность как междисциплинарное понятие современной гуманитаристики // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2 (56). С. 198–202.
3. *Егле Л.Ю., Библиева О.В.* Источниковедческие проблемы изучения духовных песнопений российских немцев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 178–185.
4. *Егле Л.Ю.* Музыкальные традиции российских немцев в религиозных общинах Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 32. С. 71–76.
5. *Шишкина Е.М.* Содержание и роль духовных песнопений / Geistliche Lieder в современной музыкальной культуре волжских немцев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 214–221.
6. Dort in dem Wolgaland: немецкая песня поволжских немцев. URL: <https://yolka56.livejournal.com/30224.html> (дата обращения: 06.04.2026).
7. Вниз по матушке, по Волге: русская народная песня. URL: [https:// pesni.retroportal.ru/np1/12.shtml](https://pesni.retroportal.ru/np1/12.shtml) (дата обращения: 06.04.2026).

АМЕРИКАНСКИЕ «РЕВУЩИЕ ДВАДЦАТЫЕ» В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЕЙ США И СССР

AMERICAN «ROARING TWENTIES»

IN THE PERCEPTION OF WRITERS OF THE USA AND THE USSR

С.С. Самсонов, Д.А. Патрушев

S.S. Samsonov, D.A. Patrushev

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Scientific adviser E.L. Zberovskaya

«Ревущие двадцатые», «потерянное поколение», советский травелог, имагология, Ф.С. Фицджеральд, Э. Хемингуэй, С.А. Есенин, В.В. Маяковский, образ Америки.

Статья посвящена сравнительному анализу образа США 1920-х гг. в творчестве американских прозаиков «потерянного поколения» и советских поэтов, посетивших страну в тот же период. На материале произведений Ф.С. Фицджеральда, Э. Хемингуэя, С.А. Есенина и В.В. Маяковского выявляются три различные художественные проекции «ревущих двадцатых». Авторы приходят к выводу, что при всех различиях эмоциональных регистров и идеологических оценок все писатели и поэты фиксируют кризис человека в мире, где внешний блеск и техническое могущество не компенсируют духовного оскудения.

«Roaring Twenties», «lost generation», Soviet travelogue, imagology, F.S. Fitzgerald, E. Hemingway, S.A. Yesenin, V.V. Mayakovsky, image of America.

The article is devoted to a comparative analysis of the image of the USA in the 1920s in the works of American prose writers of the «lost generation» and Soviet poets who visited the country in the same period. Based on the works of F.S. Fitzgerald, E. Hemingway, S.A. Yesenin and V.V. Mayakovsky, three different artistic projections of the «Roaring Twenties» are revealed. The author comes to the conclusion that despite all the differences in emotional registers and ideological assessments, all four writers record the profound loss of a person in a world where external brilliance and technical power do not compensate for spiritual impoverishment.

Третье десятилетие XX в. известно как «ревущие двадцатые», когда США переживали экономический подъем, за которым скрывался глубокий духовный кризис, порожденный Первой мировой войной. Цель статьи – сопоставление художественных ракурсов Америки той эпохи: взгляд изнутри (Ф.С. Фицджеральд, Э. Хемингуэй) и оценки советских поэтов С.А. Есенина и В.В. Маяковского, посетивших США.

Писатели «потерянного поколения» рисовали трагический портрет времени. В романе «Великий Гэтсби» (1925) Ф.С. Фицджеральд разоблачает иллюзорность «американской мечты»: герой наживает состояние, устраивает приемы, но все это попытка вернуть прошлое. Атмосфера вечеринок передана через образ «всплесков пустого, беспечного смеха» [1, с. 52], а финал утверждает, что вера в «зеленый огонек» отодвигает счастье в бесконечность [1, с. 218]. Э. Хемингуэй

в «Фиесте» (1926) фиксирует другую грань надлома: искалеченные войной персонажи пытаются заглушить боль алкоголем, но праздник не приносит облегчения – все становится «нереальным» [2, с. 224].

В те же годы Америку посетили советские литераторы. Л.Г. Фёдорова подчеркивает, что после революции путевой нарратив об Америке стал ведущей формой «американского текста» [3, с. 308]. С.А. Есенин, прибыв осенью 1922 г., создал очерк «Железный Миргород» (1923), где изобразил страну, подчиненную доллару и лишенную веры: «Америка внутри себя не верит в Бога. Там некогда заниматься этой чепухой» [4, с. 168]. Н.И. Шубникова-Гусева отмечает, что поэт предостерегал от американского пути развития [5, с. 182].

В.В. Маяковский, посетивший США в 1925 г., в книге «Мое открытие Америки» стремился «заставить <...> изучать слабые и сильные стороны Америки» [6, с. 5], совмещая восхищение техникой с критикой капитализма. В стихотворении «Бруклинский мост» конструкция моста вызывает гордость «расчетом суровых гаек и стали» [7, с. 85], но финал рисует апокалипсис, после которого уцелеет лишь «над пылью гибели вздыбленный мост» [7, с. 87]. Поэт принимает индустриальную мощь, отвергая ее капиталистическую основу.

Сопоставление трех проекций выявляет глубинное единство. Ф.С. Фицджеральд показал крах «американской мечты», Э. Хемингуэй – потерю ориентиров, С.А. Есенин – страх перед бездушной цивилизацией, В.В. Маяковский – амбивалентное восхищение техникой. Все авторы зафиксировали утрату человеком себя в мире внешнего блеска. Как отмечает О.О. Несмелова, советская рецепция сочетала «революционный нигилизм» и «подсознательный интерес и восхищение» [8, р. 141]. Та же противоречивость видна и в травелогах. Таким образом, «революционные двадцатые» предстают как эпоха, где технологический размах оборачивался потерей иллюзий, души, самого себя.

Список источников и литературы

1. *Фицджеральд Ф.С.* Великий Гэтсби. М.: АСТ, 2013. 478 с.
2. *Хемингуэй Э.* Фиеста (И восходит солнце). М.: АСТ, 2009. 608 с.
3. *Фёдорова Л.Г.* «Эта улица тоже ведь наша»: «свое» и «чужое» в американских травелогах советских писателей // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 307–324.
4. *Есенин С.А.* Железный Миргород // *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Проза. М.: Наука; Голос, 1997. С. 161–172.
5. *Шубникова-Гусева Н.И.* «Зрение мое переломилось...»: Есенин об Америке // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 180–195.
6. *Маяковский В.В.* Мое открытие Америки. М.: ГИЗ, 1926. 142 с.
7. *Маяковский В.В.* Бруклинский мост // *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 83–87.
8. *Nesmelova O.O.* Russian Reception of the US 20th-Century Literary Process: The Ideological Battles of the 1920–30s // *Interlitteraria*. 2006. № 11. P. 139–150.

ОБРАЗ ГОРОДА МЮНСТЕРА XVII в. В ПОЭЗИИ ФАБИО КИДЖИ

THE IMAGE OF THE 17TH CENTURY MUNSTER IN THE POETRY OF FABIO CHIGI

О.В. Чавкина

O.V. Chavkina

Мюнстер, раннее Новое время, Фабио Киджи, поэмы, образ города.

В статье на основе анализа поэм Фабио Киджи рассматривается образ Мюнстера XVII в.: его историческое прошлое, внешний облик, повседневный уклад. Автор приходит к выводу, что город оставил в личной памяти современника противоречивые чувства. С одной стороны, он поражал величием столицы Вестфалии, имеющей многовековую историю, с другой, разочаровывал суровыми и неблагоприятными условиями жизни жителей.

Munster, early Modern period, Fabio Chigi, poems, image of the city.

This article, based on an analysis of Fabio Chigi's poems examines the image of Munster of the XVII century: its historical past, appearance, and everyday life. The author comes to the conclusion that the city left conflicting feelings in the personal memory of its contemporary. On the one hand, it amazed with the grandeur of the capital of Westphalia, which has a centuries-old history, but on the other hand, it disappointed with the harsh and unfavorable living conditions of its inhabitants.

Одной из интересных страниц европейской литературы барокко являлась немецкая поэзия XVII в. Рожденная в огне Тридцатилетней войны, эта поэзия откликнулась на самые насущные темы того времени: бренности бытия и ужасов войны [1, с. 6]. В немецкой поэзии тема города рассматривалась преимущественно в контексте военных событий. Город изображался как поле битвы, скорби и хаоса, а не как место обыденной жизни общества с его внутренним укладом. В данной статье хотелось бы остановиться на рассмотрении образа земского города Мюнстера в восприятии поэта Фабио Киджи.

Основу исследования составили литературные источники – поэмы Фабио Киджи, ставшего в будущем папой римским Александром VII. Впервые поэмы были переведены с латинского на немецкий язык в работе Г. Бюкера в 1958 г. [2]. Несмотря на то, что источники носят субъективный характер, обращение к ним позволит расширить представление о городском облике и повседневной жизни жителей Мюнстера.

Следует сказать, что в трудах отечественного ученого А.В. Петрова [3] и зарубежных авторов Дж. Баргрейва [4], А. фон Реймонта [5] в большей степени описывалась деятельность Киджи во время Вестфальского конгресса и в период папства. В целом работ, посвященных поэтическому творчеству Киджи, за исключением труда Г. Бюкера [2], в историографии нет.

Прежде чем мы перейдем к описанию образа города, рассмотрим биографию Фабио Киджи (1599–1667). Он родился в Сиене в банкирской семье. С 1639 г.

выполнял функции папского нунция в Кельне [5, S. 2–3], а уже с 1644 по 1649 г. представлял интересы папы в Мюнстере на переговорах по заключению Вестфальского мира. Во время поездки им были написаны поэмы «Город Мюнстер, его здания, жители и обычаи» [2, S. 44–49] и «О дождях в городе Мюнстере» (1649 г.) [2, S. 52–55].

В начале поэмы «Город Мюнстер...» Киджи описывает историю возникновения города, а именно то, что он был построен на берегу Аа вблизи поселения Мимигарда. Окруженный двойной стеной и рвами монастырь впоследствии и дал этому месту новое название «Мюнстер» [2, S. 45].

Особенно привлекала внимание поэта архитектура города, например, ратуша с высокими колоннами, ставшая местом заключения Вестфальского мира, и церковь, на шпилях которой висели три клетки анабаптистов, символизировавшие «ужасные события прошлого». Описывая городской пейзаж, автор писал, что «улицы были покрыты толстым слоем грязи и кучей навоза» [2, S. 45]. Можно предположить, что этот аспект свидетельствовал об их узости и высокой плотности домов, что было характерно для Европы того времени.

В поэме «О дождях...» в глазах Киджи город представал как пространство, в котором были суровые климатические условия. Автор испытывал разочарование от своего приезда в Мюнстер из-за непрекращающихся дождей, вспоминая о теплом климате в Италии. Но он увидел в этом и положительную сторону – возможность получения жителями города прибыли от урожая: «Ибо без дождя семена никогда бы не проросли, и земля стала бы негостеприимной» [2, S. 53].

Внешне Мюнстер в глазах поэта выглядел преимущественно как сельское поселение. В качестве подтверждения приведем следующие строки: «Ранним утром раздается звук пастушьего рога, созывающий свиней, гусей, лошадей... на пастбище. Осенью, когда поля подлежат засеву, повозки вывозят то, что хранилось вдоль улиц» [2, S. 45, 47].

Сложно представить образ города без характеристики обличия дома, которое может многое сказать о его жителях. Автор отмечал, что жилища представителей патрициата были просторными и богато декорированными: «Окна были обрамлены резьбой и украшены гербами, а на полу лежали шкуры зверей». Фахверковые же дома плебса были тесными: «Под одной крышей ютились горожане и откормленные коровы...» [2, S. 47]. Но, несмотря на тесноту, просторная кухня всегда служила центром притяжения семьи и гостей. Можно предположить, что, описывая этот факт, автор испытывал одиночество, мечтая поскорее вернуться в родной дом в Италии.

Важной стороной быта горожанина являлось питание. Как отмечает автор, каждый житель был озабочен тем, как защитить то, что вырастало в огородах и садах. В целях борьбы с воровством городские власти применяли к преступнику позорящее наказание – «качели» [2, S. 53].

В поэме «О дождях...» автор прямо подчеркивал, что сельские жители были довольно скромны и умеренны в потреблении пищи и напитков: «Он вполне доволен своей тарелкой овощей, ест их с ржаным хлебом, намазанным

золотистым маслом. Обычное домашнее пиво варят только из ячменя». Наступление праздничных дней и осени являлось долгожданным временем, когда можно было полакомиться мясными деликатесами – ветчиной, копченой говядиной и выпить вино [2, S. 55]. Что касается рациона питания высших слоев общества, то этот аспект остался вне поля зрения автора.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в поэмах Фабио Киджи город Мюнстер XVII в. выглядел неоднозначно. С одной стороны, он являлся «сердцем» Вестфалии с сельскими чертами, поражал своей красотой и великолепием архитектурных построек, с другой, казался мрачным и холодным и уступал по условиям жизни городу Сиене. В целом можно отметить, что именно удобное месторасположение, ощущение безопасности и умиротворяющей атмосферы придавало Мюнстеру его особенность, что в итоге и предопределило его судьбу как места заключения Вестфальского мира.

Список источников и литературы

1. Немецкая поэзия XVII века в пер. Льва Гинзбурга. М.: Худож. лит., 1976. 208 с.
2. *Bücker H. v. Der Nuntius Fabio Chigi (Papst Alexander VII) in Münster 1644 –1649. Nach seinen Briefen, Tagebüchern und Gedichten // Westfälische Zeitschrift. 1958. Bd. 108. S. 1–90.*
3. *Петров А.В. Альвизе Контарини и Фабио Киджи – два посредника на Вестфальском конгрессе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 3-4 (55). С. 26–31.*
4. *Bargrave J. Pope Alexander VII and the College of Cardinals. London: Camden Society, 1867. 144 p.*
5. *Reumont A. v. Fabio Chigi – Papst Alexander VII. – in Deutschland 1639 – 1651 // Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins. 1885. Bd. 7. S. 1–48.*

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИКИ Н. ЧЕМБЕРЛЕНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.
В БРИТАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
«ХРОНИКИ СЕМЬИ КАЗАЛЕТ» Э.ДЖ. ГОВАРД)**

REPRESENTATION OF N. CHAMBERLAIN'S POLICY
IN BRITISH FICTION IN THE SECOND HALF OF THE 1930S
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE WORK
"THE CAZALET CHRONICLES" BY E.J. HOWARD)

Л.И. Шефер

L.I. Shefer

Научный руководитель А.В. Вячистая
Scientific adviser A.V. Vyachistaya

Политика умиротворения, «Мюнхенский сговор», Н. Чемберлен, «Хроники семьи Казалет», Консервативная партия Великобритании.

В статье на основе анализа произведения «Хроники семьи Казалет» Э.Дж. Говард рассматривается отношение граждан Великобритании к политике умиротворения агрессора в конце 1930-х гг. Автор приходит к выводу, что население не было едино при оценке политики Н. Чемберлена, надвигающаяся война была очевидна.

Appeasement policy, "Munich Agreement", N. Chamberlain, "The Cazalet Chronicles", Conservative Party of Great Britain.

The article, based on an analysis of E.J. Howard's "The Cazalet Chronicles", examines the attitude of British citizens towards the policy of appeasement of the aggressor in the late 1930s. The author concludes that the population was not united in its assessment of N. Chamberlain's policies; the impending war was obvious.

Личность Н. Чемберлена и его политика привлекают внимание общественности на протяжении XX и XXI вв. Активные дискуссии в СМИ и среди исследователей акцентируют внимание на оценке политики умиротворения агрессора, причинах ее формирования и итогах. Политика Н. Чемберлена получила осмысление и в художественной литературе, в рамках которой современники и последующие поколения пытались сформулировать собственное видение и понимание действий британского премьер-министра. Например, произведение «Хроники семьи Казалет» Э.Дж. Говард. Детальное изучение данного произведения позволит представить, как население объясняло политику британского консерватора Н. Чемберлена. Цель работы – выявление репрезентации политики Н. Чемберлена на примере романа Э.Дж. Говард «Хроники семьи Казалет», изданной в 1990 г.

Действие первой книги «Беззаботные годы» происходит в Англии в 1937–1938 гг., и значительная доля внимания автора уделена надвигающейся катастрофе – агрессивной политики нацистской Германии. В центре сюжета семья Казалетов, почти в полном составе придерживающаяся взглядов тори. Тема войны является болезненной для героев, поскольку в их памяти еще жива Первая мировая. В книге есть целая плеяда героев, которых она затронула. Перечисляя многочисленные жертвы, автор показывает – англичане еще помнят о последствиях боевых действий.

В числе таких персонажей и один из центральных героев – Хью, который вернулся с войны инвалидом: «без руки, с более чем сотней осколков шrapнели, засевших в теле, которые невозможно было извлечь, с кошмарными головными болями» [1, с. 43]. Именно он впервые заговаривает о приближении новой. Так, в 1938 г. он предрекает: «Похоже, нас ждет очередная война... Немцы оккупировали Австрию. Этот тип Гитлер повсюду выступает с речами о мощи и власти Третьего рейха» [1, с. 260].

По мере развития сюжета всем вскоре становится очевидно, что приближается еще одна война. И мнения героев относительно участия в ней Англии разделяются. Большая часть персонажей выступает против: «С какой стати нам ввязываться в войну из-за Чехословакии?» [1, с. 436]. Однако были и отличные от них мнения, которые считали вступление в войну делом чести.

Неудивительно, что при такой ситуации на первый план повествования выходит фигура премьер-министра Н. Чемберлена. Изначально о нем персонажи высказываются неодобрительно: «этот малый Чемберлен, похоже, не слишком преуспел по сравнению с тем, другим малым, Болдуином» [1, с. 110], «А Чемберлена, несмотря на безусловно хорошее происхождение из семьи политиков, Хью не считал лидером, способным отучить людей прятать голову в песок» [1, с. 327].

Однако после 30 сентября 1938 г., когда было заключено Мюнхенское соглашение между Великобританией, Францией, Италией и Германией, по поводу передачи Судетской области Чехословакии нацистской Германии, позиция героев меняется [2, с. 34]. Мир принес облегчение населению, но, не всем. Так, Хью замечает в разговоре с братом Эдвардом: «И все-таки это политика умиротворения, верно? Не понимаю, при чем тут честь – и, полагаю, чехи тоже» [1, с. 559]. Эдвард в ответ говорит: «Ну, что ж, по крайней мере, мы выиграли время на перевооружение» [Там же]. Хью считает заключение Мюнхенского соглашения бесчестным, ведь оно нарушило границы Чехословакии – суверенного государства. Их отец Уильям тоже не разделяет общей эйфории: «Премьер-министр действовал из лучших побуждений и сам был искренним и порядочным человеком. Но само по себе это имело бы значение, если бы сделка заключалась с таким же человеком» [1, с. 565].

Таким образом, в книге подчеркивается, что население Великобритании неоднозначно относилось к внешней политике Н. Чемберлена. Одни полагали, что нет необходимости вступать в нее, другие видели в Гитлере угрозу и считали

правильным вмешаться и остановить действия Третьего рейха. Как отмечается в книге, мир, заключенный в Мюнхене, нельзя назвать прочным – многие герои понимали, что это лишь временно, возможность выиграть время и подготовиться.

О самом Чемберлене персонажи высказываются неоднозначно. С одной стороны, героям импонирует премьер-министр своим желанием предотвратить новую войну, с другой же, есть и те, кто считают, что в своем стремлении избежать войны он заходит слишком далеко в удовлетворении захватнических амбиций А. Гитлера. В книге Чемберлен ни разу не появляется в качестве самостоятельного персонажа. Тем не менее он присутствует в разговорах, и чем ближе к сентябрю 1938 г., тем чаще он упоминается. Его критикуют и признают обычным человеком, который имеет свои слабости.

Среди героев бытует мнение, что политика умиротворения ошибочна, поскольку А. Гитлер уже несколько лет наращивал военную мощь, что свидетельствует о его желании начать боевые действия. Поэтому долгом Великобритании является защита территории суверенной страны – Чехословакии. Однако автор дает понять, что в обществе преобладало и другое мнение – население не хотело новой войны, и многие даже не видели причин для вмешательства в дела Чехословакии и Германии. Герои романа осознавали причины действий премьер-министра – боевые действия повлекут за собой новые людские жертвы, экономический кризис, бомбежки города, что в условиях сложившейся экономической ситуации и постепенного выхода из мирового экономического кризиса негативно скажется и на экономике, и на социальной политике страны. Они интерпретируют его политику как защиту мира от новой военной катастрофы. И только небольшая часть героев видят в этом наивность, нежелание признавать приближение войны и оттягивание времени, а также нарушение подписанного Британией Версальского договора.

Список источников и литературы

1. *Говард Э.Дж.* Хроники семьи Казалет: роман. М.: Эксмо, 2022. 576 с.
2. *Бочарников И.В.* Политика «умиротворения» нацизма как фактор развязывания Второй мировой войны (к 80-летию начала Второй мировой войны) // Человеческий капитал. 2019. № 9 (129). С. 29–37.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ «ИЛИАДА» ГОМЕРА

REPRESENTATION OF THE TROJAN WAR IN ANCIENT LITERATURE BASED ON HOMER'S POEM «THE ILIAD»

Я.В. Шрайнер

Ya.V. Shrainer

Научный руководитель И.В. Дрыгина
Scientific adviser I.V. Drygina

Троянская война, «Илиада», Гомер, репрезентация, античная литература, культурная память.

Статья посвящена анализу репрезентации Троянской войны в поэме «Илиада» как художественно организованной модели исторического события. В работе рассматриваются композиционные особенности поэмы, система персонажей и речевая структура текста, на основе которых формируется целостный образ войны. В результате анализа установлено, что поэма создает представление о войне через ограниченный круг эпизодов, внутреннюю мотивацию героев и сопоставление военного и повседневного планов, что определяет ее значение в формировании культурной памяти.

Trojan War, «The Iliad», Homer, representation, ancient literature, cultural memory.

The article examines the representation of the Trojan War in the epic poem «The Iliad» as an artistically structured model of a historical event. The study analyzes the composition of the poem, the system of characters, and the structure of speech through which a coherent image of the war is formed. The analysis demonstrates that the poem constructs the image of war through a limited set of episodes, the inner motivation of the characters, and the interplay between the heroic and everyday dimensions, which determines its role in shaping cultural memory.

Образ Троянской войны занимает в античной культуре особое положение, поскольку он существует на пересечении исторического предания и художественного осмысления. Уже в архаическую эпоху складывается традиция восприятия этого конфликта как события, определяющего представления о героизме, чести и границах человеческого действия. В центре этой традиции находится поэма «Илиада», в которой война предстает как система тщательно отобранных сцен, организованных вокруг внутреннего напряжения человеческих отношений. Интерес к данному тексту сохраняется благодаря его способности формировать устойчивые модели восприятия войны, в которых соединяются память о прошлом и способы ее интерпретации [1, с. 34–36]. Актуальность обращения к данному материалу определяется необходимостью анализа механизмов художественного формирования образа войны в античной литературе.

Научная разработка гомеровского эпоса связана с исследованием его поэтики, структуры и происхождения. В работах М. Парри и А. Лорда показано, что повторяемость формул и устойчивых эпитетов связана с устной природой текста и механизмами его воспроизводства [2, с. 45–47; 3, с. 52–54]. В исследовании Э. Ауэрбаха внимание сосредоточено на особенностях изображения действительности, где каждая деталь получает ясное и завершенное выражение [1, с. 12–15]. Эти подходы создают основу для анализа репрезентации Троянской войны как особого способа организации материала, при котором историческое событие приобретает форму художественно завершенной модели.

Композиция поэмы определяется строгим отбором материала. Из всего цикла преданий о Троянской войне выделяется эпизод, связанный с конфликтом Ахилла и Агамемнона. Первая строка задает направление повествования: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» (I, 1) [4, с. 23]. Указание на гнев вводит в текст категорию внутреннего состояния, которое получает определяющее значение для дальнейшего развития событий. В последующих строках подчеркивается масштаб последствий: «Многих душ храбрых героев низринул он в мрак» (I, 3–4) [4, с. 23]. Связь между личным переживанием и судьбой войска задает принцип организации повествования, при котором историческое движение раскрывается через действия отдельных персонажей.

В этом контексте особую значимость приобретает образ Ахилла, чье поведение определяется напряжением между личной честью и коллективными интересами. Его отказ участвовать в бою лишает ахейцев ключевой силы, что делает внутренний конфликт центральным элементом всей структуры. В песне IX формулируется мотив выбора: «Две судьбы меня ведут к пределу смерти...» [4, с. 198]. Эта реплика фиксирует представление о пределе человеческого существования, в пределах которого выбор между различными жизненными стратегиями приобретает принципиальное значение.

Противопоставление Ахилла и Гектора организует смысловое пространство поэмы. Гектор связан с городом и воспринимает свое участие в войне как обязанность перед общиной. В его словах «Стыжусь я троянцев и троянок длинноодежных...» (VI, 441) [4, с. 156] проявляется зависимость от общественного взгляда, который определяет границы допустимого поведения. В сцене встречи с Андромахой раскрывается иной аспект его образа: «Он протянул руки к сыну... но тот отпрянул» (VI, 466–467) [4, с. 158]. Военная атрибутика становится источником отчуждения внутри семейного пространства, благодаря чему изображение войны приобретает дополнительную глубину и выходит за пределы исключительно героического измерения.

Речевая структура поэмы формирует особое пространство, в котором действие сопровождается постоянным проговариванием. Герои объясняют свои поступки, формулируют мотивы, обращаются друг к другу с речами, задающими смысл происходящего. Высказывание «Сердце мое не велит уклоняться от боя...» (XII, 243) [4, с. 298] фиксирует момент внутреннего решения, благодаря

чему действие получает ясную направленность. Повторяющиеся эпитеты, такие как «быстроногий Ахилл» и «шлемоблещущий Гектор», закрепляют за персонажами устойчивые характеристики и функционируют как элементы формульной организации текста [2, с. 52; 3, с. 60].

Важным элементом структуры является включение сцен, выходящих за пределы военного действия. Описание щита Ахилла (XVIII песнь) представляет развернутую картину мира: «Изобразил он землю, и небо, и море...» [4, с. 412]. На щите изображены города, земледельческие работы, судебные разбирательства и праздничные процессии. Эта совокупность образов формирует представление о мире, в котором война занимает определенное место среди других форм человеческой деятельности. Контраст между изображенным на щите и происходящим в поэме усиливает восприятие войны как одного из элементов более широкой картины.

Рассмотренные элементы позволяют увидеть, каким образом в поэме Илиада формируется образ Троянской войны. Отбор материала, сосредоточенность на ключевых фигурах, речевая организация и включение сцен повседневной жизни создают целостную модель, в которой война предстает как пространство проявления человеческих решений и их последствий. Такое построение обеспечивает поэме устойчивость в культурной традиции и делает ее одним из основополагающих текстов европейской литературы.

Список источников и литературы

1. Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.: Прогресс, 1976. 528 с.
2. Парри М. Исследования по устной эпической традиции. М.: Наука, 1990. 320 с.
3. Лорд А. Сказитель. К проблеме устной эпической традиции. М.: Восточная литература, 1994. 384 с.
4. Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича. М.: Художественная литература, 1986. 432 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДЕЕВА Эльвира Сергеевна – магистрант (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

АДАМЕНКО Александра Валерьевна – обучающаяся (4 курс), факультет истории, философии и права, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

АЛЯЕВ Андрей Александрович – обучающийся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

АНЦИФЕРОВА Анна Павловна – обучающаяся (4 курс), институт филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

АРИСКИНА Дарья Евгеньевна – обучающаяся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

БАКАЕВА Александра Алексеевна – обучающаяся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

БАССАК Артём Олегович – аспирант (1 курс), исторический факультет, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург.

БЕЗУХОВ Дмитрий Владимирович – обучающийся (10 класс), МБОУ СОШ № 3, г. Канск.

БУДЕНКОВА Анна Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ВАРКАЛИСТ Юлия Рашидовна – обучающаяся заочного отделения (5 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск; учитель истории и обществознания, МАОУ СШ № 8, г. Красноярск.

ВАСИЛЕНКО Вероника Антоновна – магистрант (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ВИХОРЕВ Артём Алексеевич – лаборант-исследователь, НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» на базе СГУ имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

ВОРОШИЛОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ВЯЧИСТАЯ Анастасия Васильевна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск.

ГИЛЬКОВА Виолетта Александровна – обучающаяся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ГОРДИЕНКО Дарья Вадимовна – обучающаяся заочного отделения (5 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ГОРИНА Вера Валерьевна – магистрант (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск; учитель истории и обществознания, МАОУ «СОШ с углубленным изучением английского языка № 27», г. Ангарск.

ГРИГОРЬЕВ Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ГРОНСКАЯ Анастасия Сергеевна – магистрант (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева; учитель, МАОУ СШ № 157, г. Красноярск.

ГУРОВА Николь Константиновна – обучающаяся (4 курс), институт филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

ГУТОВА Полина Олеговна – магистрант (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск; учитель истории и обществознания, МБОУ «Иланская СОШ № 41», г. Иланский, Красноярский край.

ДАНИЛИН Андрей Анатольевич – учитель истории, МАОУ СШ № 161, г. Красноярск.

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

ДЕДЕНЕВА Мария Дмитриевна – обучающаяся (3 курс), факультет истории, философии и права, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

ДМИТРИЕНКО Анна Владимировна – магистрант (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ДРЫГИНА Инна Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики, теории и практики перевода, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва, г. Красноярск.

ЕРМАЛЮК Анна Сергеевна – обучающаяся (7 класс), МБОУ СШ № 13, г. Красноярск.

ЗАЙЦЕВА Ирина Владимировна – обучающаяся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЗБЕРОВСКАЯ Елена Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

КАНАЕВ Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

КАРПЕНКО Роза Ивановна – обучающаяся (1 курс), факультет иностранных языков, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

КЛИМЁНОВА Валерия Викторовна – обучающаяся (5 курс), факультет истории, философии и права, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

КОБОВА Ксения Васильевна – обучающаяся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

КРЫЛОВЕЦКАЯ Таисия Евгеньевна – обучающаяся (1 курс), Красноярский медицинский техникум, г. Красноярск.

КУКУШКИНА Софья Владимировна – обучающаяся (1 курс), Красноярский медицинский техникум, г. Красноярск.

КУЛАКОВ Денис Петрович – магистрант (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева; учитель истории, МБОУ СШ № 13, г. Красноярск.

ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург.

ЛЮ Дилинь – аспирант (3 курс), гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

МЕЕР Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МЕЗИТ Людмила Эдгаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МЕЛЬНИКОВ Данил Андреевич – обучающийся (5 курс), факультет истории, философии и права, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

МЕТЛЮКОВА Ирина Геннадьевна – обучающаяся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МОРОЗОВА Евгения Денисовна – обучающаяся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МОСИНА Ева Витальевна – обучающаяся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

МОТЫЛЕВА Ксения Артёмовна – обучающаяся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

НАПРИЕНКО Максим Дмитриевич – обучающийся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ОРЛОВ Егор Игоревич – обучающийся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ОТТЕВА Варвара Павловна – обучающаяся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ПАТРУШЕВ Денис Александрович – обучающийся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ПЛАТ Александр Евгеньевич – обучающийся (1 курс), факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск.

ПОВАРОВ Игорь Игоревич – учитель истории и обществознания, МБОУ СШ № 44, г. Красноярск.

ПОЗДНЯКОВ Юрий Олегович – магистрант (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева; учитель истории и обществознания, педагог дополнительного образования, МБОУ «Лицей № 10», г. Красноярск.

ПРИЩЕНКО Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

РИХТЕР Виктория Станиславовна – обучающаяся (2 курс), факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск.

РЯБЦЕВ Кирилл Владимирович – обучающийся (2 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

САЛАХОДИНОВА Алиса Ивановна – обучающаяся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

САМСОНОВ Семён Сергеевич – обучающийся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

СВЕТУС Степан Сергеевич – обучающийся (1 курс), факультет истории, философии и права, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

СИНЕЛЬНИКОВА Галина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

СОКОЛОВА Виктория Генриховна – обучающаяся (4 курс), институт филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

СТЕБЛИНСКИЙ Александр Максимович – старший научный сотрудник, Музей-усадьба В.И. Сурикова, г. Красноярск.

СУРОВЦЕВА Мария Викторовна – обучающаяся (5 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ТАРАНОВА Анна Викторовна – заместитель директора, МБОУ СОШ № 3, г. Канск.

ФРАНК Арина Сергеевна – обучающаяся (5 курс), факультет истории, философии и права, Омский государственный педагогический университет, г. Омск; преподаватель истории, Омский авиационный колледж.

ФРОЛОВ Иван Викторович – обучающийся (4 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ФЭН Исинь – аспирант (2 курс), гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

ХОМЕНКО Денис Юрьевич – кандидат исторических наук, КГПУ им. В.П. Астафьева; руководитель центра историко-патриотического воспитания, Красноярский медицинский техникум, г. Красноярск.

ЦЫГАНОВА Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории, социологии и политологии, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

ЧАВКИНА Олеся Викторовна – специалист по документационному обеспечению отдела нового приема и содействия трудоустройству обучающихся и выпускников, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ШЕФЕР Людмила Ивановна – обучающаяся (1 курс), факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск.

ШПЕЙТЕР Андрей Васильевич – магистрант (1 курс), исторический факультет, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ШРАЙНЕР Яна Валерьевна – обучающаяся (3 курс), институт социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва, г. Красноярск.

ШТУМПФ Светлана Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и права, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

ЭБЕРХАРДТ Марина Валериевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.....	192
------------------	-----

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Безухов Д.В.

НЕФТЬ И КРОВЬ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ МОЛОДКИНА: КАК ХУДОЖНИК ГОВОРIT О ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ.....	194
--	-----

Карпенко Р.И.

«ИКОНЫ ЯРОСТИ»: ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ БОРЬБЫ ЗА ПРАВА.....	197
--	-----

Климёнова В.В.

ФОРМЫ МЕДИЕВАЛИЗМА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЯВЛЕНИЯ: ОТ ЭЛИТАРНОСТИ К ИНТЕРАКТИВНОСТИ	200
--	-----

Крыловецкая Т.Е., Кукушкина С.В.

ВЛ.М. КРУТОВСКИЙ И В.И. СУРИКОВ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВРАЧА И ХУДОЖНИКА.....	203
---	-----

Лю Дилинь

КУЛЬТУРНАЯ СТОЙКОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН: ИРКУТСК И СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБМЕН (1960–1962)	206
--	-----

Мельников Д.А.

ДИПЛОМАТИЯ КАК СПЕКТАКЛЬ: ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ТИЛЬЗИТА В ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТИНАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ XIX в.	209
--	-----

Морозова Е.Д.

ИСКУССТВО И ТИРАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	212
--	-----

Поваров И.И.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АТОМНОЙ БОМБАРДИРОВКИ ХИРОСИМЫ И НАГАСАКИ В ЯПОНСКОЙ МАНГЕ.....	215
--	-----

Рябцев К.В.

ОБРАЗ КЕЛЬНСКОГО АРХИЕПИСКОПА КОНРАДА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ	218
--	-----

Светус С.С.

ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ПОЛИСЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНИНА И КУЛЬТУРНОГО ИДЕАЛА.....	221
---	-----

Стеблинский А.М., Данилин А.А., Поваров И.И., Гурова Н.К., Анциферова А.П., Соколова В.Г.

СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ВИДЕОИГР (НА ПРИМЕРЕ ВИЗУАЛЬНОЙ НОВЕЛЛЫ «БАЛЛАДА ОБ АТАМАНЕ»).....	224
---	-----

Франк А.С.

ПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЕЛИЗАВЕТЫ I В ПРИДВОРНОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.	226
--	-----

Фэн Исинь

ВСТРЕЧА С ИСКУССТВОМ: ВЫСТАВКА КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 80-е гг.	229
--	-----

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КИНЕМАТОГРАФЕ. МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Авдеева Э.С.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЯПОНСКИМ КИНЕМАТОГРАФОМ ОПЫТА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ..... 233

Василенко В.А.

КАК КУЛЬТУРА СТАНОВИТСЯ ПОЛИТИКОЙ:
МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ
ПО КУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ СТРАН В 1930-е гг.
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ 236

Гронская А.С.

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА УРОКАХ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ..... 239

Дмитриенко А.В.

БЛЭКВОШИНГ В КИНОИНДУСТРИИ КАК СИМПТОМ ОТРИЦАНИЯ РАСИЗМА 242

Зайцева И.В.

ТРИЛОГИЯ ЭРНСТА МАРИШКИ ОБ ИМПЕРАТРИЦЕ СИССИ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ 245

Кобова К.В.

ОБРАЗЫ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В КИНО 248

Оттева В.П.

МУЛЬТСЕРИАЛ «ВОКРУГ СВЕТА С ВИЛЛИ ФОГОМ»
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ..... 251

Плат А.Е.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 254

Поздняков Ю.О.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ
В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ 257

Салаходина А.И.

ОБРАЗ ВОИНА-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ
В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ..... 260

Самсонов С.С.

ВАРГЕЙМЫ КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ:
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ 263

Шпейтер А.В.

ИГРОВЫЕ ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ:
КАК КАРТОЧНЫЕ МЕХАНИКИ СПОСОБСТВУЮТ ФОРМИРОВАНИЮ
ПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ..... 266

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ В РАМКАХ ЖАНРА НОН-ФИКШН

Адаменко А.В.

«БУДТО БЫ ВО ВСЕ И НЕ ЦАРЬ...»:

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ВАСИЛИЯ II В «ХРОНОГРАФИИ» МИХАИЛА ПСЕЛЛА..... 270

Вихорев А.А.

КАТОЛИЧЕСКИЙ ВОПРОС В ВОЗЗРЕНИЯХ БРИТАНСКОГО ПОЭТА УИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА273

Гордиенко Д.В.

МЕТОДИКА АДАПТАЦИИ СИСТЕМЫ D&D

ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛЕВОЙ ИГРЫ «СУД В ИНСБРУКЕ, 1485 ГОД»

(ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, 6–9 КЛАССЫ)..... 276

Гордиенко Д.В.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСОВ XV в.

ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ШКОЛЬНОЙ РОЛЕВОЙ ИГРЕ..... 279

Горина В.В.

ПИСЬМА ЖАНА БОДЕНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕНТАЛЬНОСТИ

ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА XVI в. 282

Гуторова П.О.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

(НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «РОВЕСНИК») 285

Деденева М.Д.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ЯПОНИИ ЭПОХИ МЭЙДЗИ

В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ..... 288

Ермалюк А.С., Кулаков Д.П.

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА Н.А. ЕСИПЕНКО

В ШКОЛЬНОМ МУЗЕЕ «СТРАНА ПРИЧАЛИЯ» (МБОУ СШ № 13 г. КРАСНОЯРСКА)

КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ..... 291

Мотылева К.А.

МИР ДО И ПОСЛЕ: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ЗАПАДНЫХ ЛАКОТОВ

В АВТОБИОГРАФИИ МАТО НАЖИНА «МОЕ ИНДЕЙСКОЕ ДЕТСТВО» 294

Рихтер В.С.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ Д. ТРАМПА

В ВЕДУЩИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛАХ 2016 г..... 297

Суровцева М.В.

«БЛАГОРОДНЕЙШИЙ УГОЛОК ЗЕМЛИ»:

КАК АГИТАЦИЯ Г. ТОМАСА ПРИВЛЕКЛА ВНИМАНИЕ ИММИГРАНТОВ

К ПЕНСИЛЬВАНИИ В XVII в. 300

Фролов И.В.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ДНИ ПАМЯТИ У ВЕТЕРАНОВ АФГАНСКОГО КОНФЛИКТА 1979–1989 гг.....303

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ В РАМКАХ ЖАНРА ФИКШ

Аляев А.А.

ОБРАЗ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 307

Арискина Д.Е., Орлов Е.И.

СОБСТВЕННОСТЬ И ВЛАСТЬ В ОВОЩНОМ КОРОЛЕВСТВЕ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ
В СКАЗКЕ ДЖАННИ РОДАРИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО» 310

Бакаева А.А.

ФЕТИШ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ И СПОСОБЫ ЕЕ ПОДДЕРЖАНИЯ
В СКАЗКАХ МАДАМ Д'ОНУА 313

Бассак А.О.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРИИ В ПОЭЗИИ СОВЕТСКОГО АНДЕГРАУНДА:
ПРАЗДНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ 316

Варкалист Ю.Р.

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «САГИ О ФАРЕРЦАХ»
В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА..... 319

Гилькова В.А., Метлюкова И.Г.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ В «ПРИНЦЕССЕ ШИПОВНИЧЕК» ДЖЕЙН ЙОЛЕН..... 322

Мосина Е.В.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ТРУДА В ДРЕВНЕЯПОНСКОЙ МИФОЛОГИИ 325

Наприенко М.Д.

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕСНЯХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ 328

Самсонов С.С., Патрушев Д.А.

АМЕРИКАНСКИЕ «РЕВУЩИЕ ДВАДЦАТЫЕ» В ВОСПРИЯТИИ ПИСАТЕЛЕЙ США И СССР 331

Чавкина О.В.

ОБРАЗ ГОРОДА МЮНСТЕРА XVII в. В ПОЭЗИИ ФАБИО КИДЖИ 333

Шефер Л.И.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИКИ Н. ЧЕМБЕРЛЕНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.
В БРИТАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ХРОНИКИ СЕМЬИ КАЗАЛЕТ» Э.ДЖ. ГОВАРД) 336

Шрайнер Я.В.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ «ИЛИАДА» ГОМЕРА..... 339

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 342

Молодежь и наука XXI века

XXVII Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции:
в 2 частях

Красноярск, 16–17 апреля 2026 г.

Части 1, 2

Электронное издание

Редактор *А.П. Малахова*
Корректор *Ж.В. Козупица*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 12.08.26.
Формат 60х84 1/8.
Усл. печ. л. 43,9